

V.V. ZHIRINOVSKY
**University
of World
Civilizations**

FACETS OF CULTURE: CURRENT PROBLEMS OF HISTORY AND MODERNITY

Materials of the XX anniversary All-Russian
Scientific Conference
with international participation
(October 25, 2025)

Collection of articles

Moscow
Publishing house “UWC”
2026

**Университет
Мировых
Цивилизаций**
ИМЕНИ В.В. ЖИРИНОВСКОГО

ГРАНИ КУЛЬТУРЫ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ

Материалы XX юбилейной всероссийской
научной конференции
с международным участием
(25 октября 2025 года)

Сборник статей

Москва
Издательский дом «УМЦ»
2026

УДК 008
ББК 71.0
Г 77

Г 77 Грани культуры: актуальные проблемы истории и современности: материалы XX юбилейной всероссийской научной конференции с международным участием (25 октября 2025 года): сборник статей. — Москва: Издательский дом «УМЦ», 2026. — 524 с.

ISBN 978-5-6055394-2-1

Материалы XX юбилейной конференции включают подходы к исследованию цивилизаций как в историческом ракурсе, так и современные практики. Основные научные проблемы конференции — межкультурный диалог как инструмент решения современных международных вопросов, новые горизонты культурологического знания, трансформация ценностей культуры в информационную эпоху, диалог и полилог культур: история и современность, проблематика цивилизационного строительства, роль культуры в сохранении национальной идентичности народов России, актуальные вопросы развития системы образования в Российской Федерации. Среди авторов статей — представители научных и писательских сообществ России и сопредельных стран, а также студенты, магистранты и аспиранты Университета мировых цивилизаций и других вузов.

Адресовано специалистам в сфере культурологии и искусствознания, социологии и философии культуры, практикам социально-культурной деятельности, а также широкому кругу читателей.

УДК 008
ББК 71.0

Материалы публикуются в авторской редакции. Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, собственных имен, статистических данных и прочих сведений.

ISBN 978-5-6055394-2-1

© Коллектив авторов, 2026
© АНО ВО «УМЦ», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Алиев П.Т.

Геополитические интересы России и Азербайджана
в 1990-е годы: формирование новой модели двусторонних
отношений15

Aliyev P.T.

Geopolitical Interests of Russia and Azerbaijan in the 1990s:
Formation of a New Model of Bilateral Relations.....15

Андреева Е.С.

Наследие С.А. Есенина как инструмент культурной
дипломатии и международного диалога26

Andreeva E.S.

The Legacy of Sergei Yesenin as a Tool of Cultural Diplomacy
and International Dialogue26

Анисимова А.А., Топтыгина О.Н., Дзюбан В.В.

Кафедральный собор Успения Пресвятой Богородицы
Дмитрове: сохранение многовековых реликвий
русского народа38

Anisimova A.A., Topotygina O.N., Dzyban V.V.

Cathedral of the Assumption of the Blessed Virgin Mary
in Dmitrov: preservation of centuries-old relics
of the russian people.....38

Антипов А.А.

Защита прав детей в Интернете и предотвращение
кибербуллинга45

Antipov A.A.

Protecting children's rights online and preventing
cyberbullying45

Антипова Е.А., научный руководитель: И.Ю. Сомова

Иероглифы и кириллица:
контрастивный анализ восприятия визуальной структуры
и символизма письменности в русском
и китайском культурном контексте52

Antipova E.A., Academic Supervisor: I.Yu. Somova

Hieroglyphs and cyrillic:
a contrastive analysis of the perception of the visual structure
and symbolism of writing in the russian and chinese cultural
context52

Балтер А.А.

Российско-африканские отношения в условиях украинского
кризиса и трансформации мирового порядка58

Balter A.A.	
Russian-African relations in the context of the Ukrainian crisis and the transformation of the world order	58
Белов М.А., Дзюбан В.В.	
Исторический опыт и культурные ценности как основа национальной идентичности и самобытности народов России	66
Belov M.A., Dzyuban V.V.	
Historical experience and cultural values as the basis of national identity and identity of the peoples of Eussia	66
Васильева В.Д., Бедретдинова Л.Н., Дзюбан В.В.	
Искусственный интеллект как инструмент для осуществления диалога культур	75
Vasilyeva V.D., Bedretdinova L.N., Dzyuban V.V.	
Artificial intelligence as a tool for cultural dialogue	75
Гандилян А.С.	
Экономические и политические предпосылки Перестройки: их роль в формировании современного исторического и культурного дискурса	82
Gandilyan A.S.	
Economic and Political Prerequisites of Perestroika: Their Role in Shaping Contemporary Historical and Cultural Discourse	82
Гаранина А.Ю., Ноговицына П.В., Дзюбан В.В.	
Культурные коды и их влияние на переговорные процессы в современной мировой политике	98
Garanina A.Yu., Nogovitsyna P.V., Dzyuban V.V.	
Cultural codes and their impact on negotiation processes in modern world politics	98
Геворкян А.В., Романов А.А.	
Концепция внешней политики Российской Федерации: культурологический аспект	109
Gevorkyan A.V., Romanov A.A.	
The Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation: the culturological aspect	109
Гусев И.В.	
Концепция «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона и русская цивилизационная традиция: точки пересечения и расхождения	117

Gusev I.V.	
Samuel Huntington's «Clash of civilizations» and the russian civilizational tradition: points of convergence and divergence	117
Досяк А.П. , научный руководитель: И.Ю. Сомова	
Культурная дипломатия Латинской Америки в XXI веке: традиции и современные формы взаимодействия с Россией	126
Dosyak A.P. , Academic Supervisor: I.Yu. Somova	
Cultural diplomacy of Latin Fmerica in the 21 st century: traditions and modern forms of interaction with Russia	126
Закиров Р.И.	
РФ в контексте безопасности и сотрудничества в рамках ШОС	140
Zakirov R.I.	
Russia in the context of security and cooperation within the SCO	140
Иванов Я.А., Бедретдинова Л.Н., Дзюбан В.В.	
Влияние деятельности ЮНЕСКО на развитие диалога культур в современном мире	148
Ivanov Ya.A., Bedretdinova L.N., Dzyuban V.V.	
The impact of UNESCO's activities on the development of intercultural dialogue in the modern world.....	148
Исмиева В.М.	
Поэтика русских храмов в живописи Николая Рериха	154
Ismieva V.M.	
The Poetics of Russian Churches in the paintings of Nicholas Roerich	154
Казначеев С.М.	
Незамеченные таланты: Вениамин Блаженный, Аркадий Кутилов, Сергей Чудаков.....	170
Kaznacheev S.M.	
Unnoticed talents: Veniamin Blazhennyj, Arkady Kutilov, Sergej Chudakov.....	170
Киселева С.Н., Дзюбан В.В.	
Традиционная культура как инструмент сохранения национальной идентичности народов России	177
Kiseleva S.N., Dzyuban V.V.	
Traditional culture as a tool for preserving the national identity of the peoples of Russia	177

Костылев М.А., Дзюбан В.В.	
Образ Великой Отечественной войны в советском кинематографе	182
Kostylev M.A., Dzyuban V.V.	
The image of the Great Patriotic war in soviet cinema	182
Костылев М.А., Дзюбан В.В.	
Русская культура в мире: влияние и восприятие	188
Kostylev M.A., Dzyuban V.V.	
Russian culture in the world: influence and perception	188
Красавина Е.В., Федотова Д.М.	
Демографические тенденции развития современного российского общества	195
Krasavina E.V., Fedotova D.M.	
Demographic trends in the development of modern Russian society	195
Красавина Е.В., Абакулов А.С.	
Классический период развития социологии	201
Krasavina E.V., Abakulov A.S.	
The classical period of the development of sociology	201
Кузнецова Я.О.	
Специфика культурной политики Турции в Балканском регионе	209
Kuznetsova Ya.O.	
Specific Features of Turkey's Cultural Policy in the Balkan Region	209
Кузьмина С.К., Дзюбан В.В.	
Международное культурное сотрудничество	216
Kuzmina S.K., Dzyuban V.V.	
International cultural cooperation	216
Латышев О.Ю., Латышева П.А., Радаэлли М.Э., Лофрано М.	
Неотъемлемая роль культуры развития русских художественных промыслов в сохранении национальной идентичности народов России	224
Latyshev O.Yu., Latysheva P.A., Radaelli M.E., Lofrano M.	
The integral role of the culture of the development of Russian artistic crafts in preserving the national identity of the peoples of Russia	224
Лебедева О.П.	
Социальная память и воображение как когнитивные инструменты эволюции: начало пути очеловечивания	242

Lebedeva O.P.

Social memory and imagination
as cognitive tools of evolution:
the beginning of the humanization process 242

Левчик Д.А., Баженова Е.М.

Развитие элементов «коммуникативного капитализма»
и «сетевое общества» на примере Facebook и WeChat
(сравнительный анализ крупнейших мировых
медиаплатформ) 250

Levchik D.A., Bazhenova E.M.

The development of elements of “communicative capitalism”
and “network society” using the example of Facebook
and WeChat (comparative analysis of the world’s largest
media platforms) 250

Леснова Н.И.

Отражение взаимосвязи нравственных и правовых начал
в правовой культуре (на примере биомедицинского права).... 265

Lesnova N.I.

Reflecting the Interrelationship between Moral and Legal
Principles in Legal Culture (using Biomedical Law
as an Example) 265

Луценко А.Г., Дзюбан В.В.

Молодежное бюро ООН и методы его развития
для улучшения новых технологий на базе
экономически-социальных преобразований страны 270

Lutsenko A.G., Dzyuban V.V.

The UN Youth Bureau and its development methods
for improving new technologies based on the economic
and social transformations of the country 270

Маслова Е.П., Дзюбан В.В.

Устная история как ресурс сохранения идентичности
малых народов России 282

Maslova E.P., Dzyuban V.V.

Oral history as a resource for preserving the identity
of small peoples of Russia 282

Матвеев О.В., Богданова А.А., Червяков И.И.

Россия и Саудовская Аравия: цивилизации-партнеры 290

Matveev O.V., Bogdanova A.A., Chervyakov I.I.

Russia and Saudi Arabia: Partner Civilizations 290

Муровцев В.А., Чепель М.Д.

Современное рабство: формы, масштабы и география
распространения 301

Murovtsev V.A., Chepel M.D.	
Modern slavery: forms, scales and geography of distribution.....	301
Налетов А.К., Шорохова С.П.	
Влияние лидеров мнений в социальных сетях (инфлюенсеров) на формирование политических предпочтений	306
Naletov A.K., Shorokhova S.P.	
The Influence of Social Media Opinion Leaders (Influencers) on Shaping Political Preferences.....	306
Науменко К.С.	
Влияние вступления Финляндии в НАТО на российско-финское сотрудничество в рамках «Северного измерения»	316
Naumenko K.S.	
The impact of Finland's accession to NATO on Russian-Finnish cooperation within the framework of the "Northern Dimension"	316
Нехорошева А.Н., научный руководитель: И.Ю. Сомова	
Политика Таро Асо как один из этапов закрепления за Японией статуса моноэтнического государства	325
Nekhorosheva A.N., Academic Supervisor: I.Yu. Somova	
Taro Aso's policy as one of the stages of securing Japan's status as a mono-ethnic state.....	325
Обанин Д.Л.	
Влияние современных технологий на международные отношения.....	334
Obanin D.L.	
The impact of modern technology on International relations	334
Пансучева В.Г., Дзюбан В.В.	
Роль национальных музеев, театров и образовательных программ в сохранении культурной самобытности народов России	341
Papsueva V.G., Dzyuban V.V.	
The Role of National Museums, Theaters, and Educational Programs in Preserving the Cultural Identity of the Peoples of Russia.....	341
Пирогова Д.Д., Красавина Е.В.	
Культура социального пространства (на примере современной России).....	349
Pirogova D.D., Krasavina E.V.	
The Culture of Social Space (Based on Contemporary Russia).....	349

Рамазанова Р.К., Дзюбан В.В.,	
Роль культурной дипломатии в укреплении международных отношений.....	356
Ramazanova R.K., Dzyuban V.V.	
The Role of Cultural Diplomacy in Strengthening International Relations	356
Романов А.А., Болтенко А.Д.	
От «Нового мышления» к новому мировому порядку: перечитывая книгу М.С. Горбачева «Перестройка и Новое Мышление для Нашей Страны и для Всего Мира»....	365
Romanov A.A., Boltenko A.D.	
From 'New Thinking' to the New world order: Rereading M.S. Gorbachev's book 'Perestroika: New Thinking for our country and the World'	365
Чичулин Н.А., Росляков К.С.	
Этногенез и цивилизационная идентичность русского народа. Взгляды Н.Я. Данилевского и В.В. Жириновского	377
Chichulin N.A., Roslyakov K.S.	
Ethnogenesis and Civilizational Identity of the Russian People. The Views of N.Ya. Danilevsky and V.V. Zhirinovsky	377
Семочкина Е.В.	
Опыт объединения православных верующих. Церковные традиции и примеры современников	387
Semochkina E.V.	
The experience of uniting Orthodox believers. Church traditions and examples of contemporaries.....	387
Семочкина Е.В.	
Духовные предпочтения православных верующих в год 80-летия Великой Победы.....	397
Semochkina E.V.	
Spiritual preferences of Orthodox believers in the Great Victory jubilee year	397
Семочкина Е.В.	
Свобода творчества иконописца при следовании церковным традициям (по мнению современников)	419
Semochkina E.V.	
The freedom of the icon painter's creativity in the direction of following church traditions, according to his contemporaries	419
Серикова А.А., Дзюбан В.В.	
Поморы и национальная идентичность: уникальные аспекты культурного наследия	429

Serikova A.A., Dzyuban V.V.	
The pomores and national identity: unique aspects of cultural heritage	429
Терешко П.А., Дзюбан В.В.	
Влияние межнациональных браков на взаимодействие культур в современных международных отношениях	435
Tereshko P.A., Dzyuban V.V.	
The influence of interethnic marriages on the interaction of cultures in modern international relations	435
Турьинская Х.М.	
Взаимодействие культур и региональная интеграция в Восточной Африке	445
Turinskaya Kh.M.	
Cultural interaction and regional integration in East Africa	445
Цветков А.А., Кузнецов М.А.	
Отмена культуры как вызов международному культурному диалогу	453
Tsvetkov A.A., Kuznetsov M.A.	
Cancel Culture as a Challenge to International Cultural Dialogue	453
Чертов Е.Н.	
Россия в цивилизационной теории Н.Я. Данилевского	460
Chertov E.N.	
Russia in the Civilizational theory of N.Y. Danilevsky	460
Шафиков К.Р., Дзюбан В.В.	
Традиции и обряды: культурный код, скрепляющий поколения России	471
Shafikov K.R., Dzyuban V.V.	
Traditions and rites: the cultural code that bonds Russia's generations	471
Шорохова Ю.С., Дзюбан В.В.	
Культурное наследие как основа национальной идентичности	477
Shorokhova Yu.S., Dzyuban V.V.	
Cultural heritage as the basis of national identity	477
Шорохова С.П.	
Тело человека: точка цивилизационного разлома?	486
Shorokhova S.P.	
The human body: a point of civilizational fracture?	486
Юдин Т.А., Дзюбан В.В.	
Межкультурные конфликты и их смягчение в многонациональных международных операциях	493

<i>Yudin T.A., Dzyuban V.V.</i>	
Intercultural conflicts and their mitigation in multinational international operations	493
<i>Яковлев М.Д.</i>	
Российская модель миграционной политики в свете цивилизационного подхода: между «культурно-историческими типами» Данилевского и евразийской интеграцией	503
<i>Yakovlev M.D.</i>	
The Russian Model of Migration Policy in the Light of a Civilizational Approach: between Danilevsky's "Cultural and Historical Types" and Eurasian Integration	503
<i>Янушевская Е.В.</i>	
«Я и Другой» в контексте межкультурной коммуникации....	518
<i>Yanushevskaya Y.V.</i>	
"Me and the Other" in the context of intercultural communication.....	518

Алиев П.Т.,

студент,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

**ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ
РОССИИ И АЗЕРБАЙДЖАНА В 1990-Е ГОДЫ:
ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ МОДЕЛИ
ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ**

Aliev P.T.

Student,

V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow
dragon.aleiv@mail.ru

**GEOPOLITICAL INTERESTS
OF RUSSIA AND AZERBAIJAN IN THE 1990^s:
FORMATION OF A NEW MODEL OF BILATERAL RELATIONS**

Аннотация. Актуальность настоящей статьи определяется необходимостью переосмысления процессов формирования российско-азербайджанских отношений в 1990-е годы — периоде, отмеченном глубоким системным кризисом на постсоветском пространстве и трансформацией международных связей. Цель статьи — исследовать характер двустороннего взаимодействия России и Азербайджана в условиях постсоветского распада и региональной нестабильности, уделяя особое внимание влиянию Нагорно-Карабахского конфликта, энергетической конкуренции и политического курса Гейдара Алиева. Задачи статьи заключаются в поиске ответов на два исследовательских вопроса: (а) можно ли рассматривать азербайджанскую модель многовекторности как форму «постсоветского суверенитета», противопоставляемого российской политике удержания влияния; (б) являлось ли укрепление сотрудничества с Россией в 1990-е годы фактором стабилизации азербайджанской государственности или, напротив, ограничением ее внешнеполитической автономии. Метод исследования — реинтерпретация опубликованных источников в контексте современных подходов к анализу постимперских трансформаций. Основной вывод статьи заключается в том, что российско-азербайджанские отношения 1990-х годов представляют собой уникаль-

ный пример перехода от взаимного недоверия к прагматическому партнерству, основанному на политическом балансе, энергетических интересах и стремлении Баку к институциональному укреплению государственности.

Ключевые слова: Россия; Азербайджан; Южный Кавказ; постсоветское пространство; Нагорно-Карабахский конфликт; внешняя политика; энергетическая геополитика; многовекторность; безопасность; постимперская трансформация.

Abstract. The relevance of this article is determined by the need to rethink the formation of Russian-Azerbaijani relations in the 1990^s, a period marked by a deep systemic crisis in the post-Soviet space and the transformation of international relations. The purpose of the article is to study the nature of bilateral cooperation between Russia and Azerbaijan in the context of the post-Soviet collapse and regional instability, paying special attention to the impact of the Nagorno-Karabakh conflict, energy competition and the political course of Heydar Aliyev. The objectives of the article are to find answers to two research questions: (a) Can the Azerbaijani model of multi-vectorism be considered as a form of «post-Soviet sovereignty» opposed to the Russian one policy of retaining influence; (b) whether the strengthening of cooperation with Russia in the 1990^s was a factor in the stabilization of Azerbaijani statehood or, on the contrary, a limitation of its foreign policy autonomy. The research method is the reinterpretation of published sources in the context of modern approaches to the analysis of post-imperial transformations. The main conclusion of the article is that the Russian-Azerbaijani relations of the 1990^s represent a unique example of the transition from mutual distrust to pragmatic partnership based on political balance, energy interests and Baku's desire for institutional strengthening of statehood. Key words: Russia, Azerbaijan, post-Soviet space, Karabakh conflict, energy policy, multi-vector approach, geopolitics.

Key words: Russia; Azerbaijan; South Caucasus; the post-Soviet space; the Nagorno-Karabakh conflict; foreign policy; energy geopolitics; multi-vector; security; post-imperial transformation.

Распад Советского Союза в 1991 году привел к разрушению прежней архитектуры власти, экономических связей и систем безопасности в Евразии. На месте единого государства возникли новые национальные центры принятия решений, которые были вынуждены в сжатые сроки формировать собственные внешне-политические стратегии в условиях институциональной неопределенности и региональной нестабильности. Для Азербайджана, обладавшего значительным энергетическим потенциалом и стратегическим положением на Южном Кавказе, данный пе-

приод стал испытанием на политическую устойчивость и государственную состоятельность.

Россия, в свою очередь, переживала утрату статуса сверхдержавы и трансформацию собственной идентичности, сопровождавшуюся попытками сохранить влияние на постсоветском пространстве, рассматриваемом как зона ее жизненно важных интересов. Взаимодействие Москвы и Баку осложнялось рядом факторов, среди которых ключевыми выступали Нагорно-Карабахский конфликт, активизация внешних акторов (Турции, США, Ирана), а также конкуренция вокруг маршрутов транспортировки каспийских энергоресурсов.

В этих условиях российско-азербайджанские отношения 1990-х годов приобрели противоречивый, но динамичный характер, отражая более широкий процесс постимперской трансформации и поиска новых моделей регионального взаимодействия.

* * *

Формирование внешнеполитической стратегии Российской Федерации на постсоветском пространстве в 1990-е годы происходило в условиях системного кризиса, связанного с распадом СССР, разрушением прежних управленческих механизмов и резким сокращением экономических и военных ресурсов. Несмотря на провозглашенный в начале десятилетия курс на интеграцию в западное политическое и экономическое пространство, постсоветский регион сохранял для Москвы статус приоритетной зоны внешнеполитических интересов, что было обусловлено как историческим наследием, так и соображениями безопасности.

Концептуально российская политика в отношении новых независимых государств характеризовалась противоречием между признанием их суверенитета и стремлением сохранить особые формы влияния. В официальном дискурсе 1990-х годов постсоветское пространство постепенно оформлялось как «ближнее зарубежье» — термин, отражавший представление о регионе как о сфере исключительных интересов России. Данная установка не носила оформленного доктринального характера в начале де-

сятилетия, однако на практике проявлялась в попытках институционального, военного и экономического присутствия.

Одним из ключевых инструментов удержания влияния являлся фактор безопасности. Россия стремилась сохранить контроль над военной инфраструктурой бывшего СССР, включая базы, системы ПВО и пограничные контуры. Южный Кавказ в этом контексте рассматривался как стратегически уязвимый регион, примыкающий к нестабильным зонам Ближнего Востока и Каспийского бассейна. Присутствие России в регионе обосновывалось необходимостью предотвращения распространения конфликтов, экстремизма и внешнего вмешательства.

Особое значение в реализации российской стратегии имел Нагорно-Карабахский конфликт. Участие Москвы в посредничестве между Баку и Ереваном позволило ей сохранить статус ключевого арбитра и незаменимого участника региональной архитектуры безопасности. При этом двойственность российской позиции — сочетание дипломатического посредничества с сохранением рычагов давления на обе стороны — способствовала укреплению ее влияния, но одновременно порождала недоверие со стороны Азербайджана. Конфликт, таким образом, выступал не только гуманитарной и политической проблемой, но и элементом геополитического управления пространством [2].

Экономическое измерение стратегии удержания влияния также играло существенную роль. Россия стремилась сохранить интеграционные связи, сложившиеся в советский период, прежде всего в энергетике, транспорте и торговле. В условиях кризиса российской экономики эти связи носили асимметричный характер и часто воспринимались новыми государствами как инструмент зависимости. В случае Азербайджана особую чувствительность вызывал вопрос доступа к каспийским энергетическим ресурсам и маршрутам их транспортировки, где интересы Москвы сталкивались с политикой диверсификации, проводимой Баку.

Дополнительным фактором стала активизация внешних акторов на постсоветском пространстве. Расширение политического и экономического присутствия США, Турции и стран Европейского союза воспринималось в Москве как угроза утраты

геополитических позиций. В этом контексте Азербайджан, демонстрировавший открытость к западным инвестициям и стратегическому партнерству с Турцией, рассматривался Россией одновременно как потенциальный партнер и как источник рисков для ее регионального влияния [5].

Следует подчеркнуть, что стратегия удержания влияния России в 1990-е годы не отличалась целостностью и последовательностью. Она формировалась ситуативно, под воздействием внутренних кризисов и изменений в политическом руководстве. Тем не менее даже в условиях ограниченных ресурсов Москва стремилась предотвратить окончательную утрату позиций на Южном Кавказе, используя сочетание дипломатических, военно-политических и экономических инструментов.

Таким образом, российская политика на постсоветском пространстве в 1990-е годы представляла собой адаптационную стратегию, направленную не на восстановление имперского контроля в классическом смысле, а на сохранение статуса ключевого регионального актора. В отношении Азербайджана эта стратегия реализовывалась через участие в урегулировании конфликтов, экономическое взаимодействие и попытки встроить Баку в орбиту ограниченного, но устойчивого сотрудничества, что в дальнейшем стало основой для перехода к более прагматичной модели двусторонних отношений.

Формирование внешнеполитической стратегии Азербайджана в 1990-е годы происходило в условиях острого кризиса государственности, обусловленного сочетанием внутренних политических потрясений, экономического спада и продолжающегося Нагорно-Карабахского конфликта. В отличие от России, обладавшей значительным институциональным и военно-политическим наследием СССР, Азербайджан как новое независимое государство был вынужден практически с нуля выстраивать механизмы внешнеполитического позиционирования и обеспечения собственной безопасности.

Приход к власти Гейдара Алиева в 1993 году стал поворотным моментом в формировании азербайджанской внешней политики. Отказавшись от идеологизированных и зачастую импульсивных решений начала десятилетия, новое руководство

взяло курс на прагматичную модель многовекторности, направленную на балансирование между ключевыми центрами силы. В этом контексте многовекторность выступала не столько как инструмент расширения влияния, сколько как механизм выживания и институционального укрепления государственности [6].

Концептуально азербайджанская многовекторность может быть интерпретирована как специфическая форма «постсоветского суверенитета», характеризующаяся стремлением к максимальной автономии при объективной невозможности полной внешнеполитической самодостаточности. В условиях асимметрии ресурсов и продолжающегося конфликта с Арменией Азербайджан был вынужден учитывать интересы России как ведущего регионального актора, одновременно выстраивая альтернативные каналы поддержки и легитимации через сотрудничество с Западом, Турцией и международными энергетическими корпорациями.

Ключевым элементом данной стратегии стала энергетическая политика. Каспийские углеводородные ресурсы превратились в основной инструмент внешнеполитического маневрирования, позволяя Баку привлекать инвестиции, укреплять экономическую базу государственности и формировать сеть заинтересованных внешних партнеров. Подписание «Контракта века» в 1994 году стало не только экономическим, но и геополитическим актом, символизировавшим включение Азербайджана в глобальные энергетические и политические процессы.

При этом энергетическая многовекторность имела четко выраженное суверенизирующее измерение. Ориентация на диверсификацию маршрутов экспорта нефти и газа позволяла Азербайджану снижать зависимость от транзитной инфраструктуры России, не вступая при этом в открытую конфронтацию с Москвой. Включение российских компаний в отдельные проекты рассматривалось Баку как элемент балансирования, направленный на нейтрализацию потенциального давления.

Отношения с Россией в рамках азербайджанской многовекторной стратегии носили двойственный характер. С одной стороны, Москва рассматривалась как потенциальный гарант региональной стабильности и важный участник процесса уре-

гулирования Карабахского конфликта. С другой стороны, избыточная зависимость от России воспринималась как угроза внешнеполитической автономии и символического разрыва с постимперским прошлым. В результате Баку выстраивал модель ограниченного сотрудничества, избегая форматов, предполагающих жесткую институциональную привязку [3].

Важным аспектом азербайджанской многовекторности стало активное использование дискурса суверенитета и невмешательства. Внешняя политика Баку в 1990-е годы была направлена на международное признание Азербайджана как самостоятельного субъекта международных отношений, а не как периферийного элемента постсоветской системы. Участие в международных организациях, развитие двусторонних связей и акцент на праве выбора союзников служили инструментами символического и практического разрыва с иерархическими моделями прошлого.

Таким образом, азербайджанская модель многовекторности в 1990-е годы может быть охарактеризована как адаптивная стратегия постимперского государства, направленная на институциональное закрепление суверенитета в условиях внешнего давления и внутренней нестабильности. Она не являлась отказом от сотрудничества с Россией, но предполагала пересмотр форм и пределов этого взаимодействия. В этом смысле многовекторность стала не альтернативой региональному взаимодействию, а способом его переосмысления, заложившим основу для дальнейшей эволюции внешнеполитического курса Азербайджана в XXI веке.

Российско-азербайджанские отношения в 1990-е годы развивались в условиях высокой степени неопределенности и взаимного недоверия, обусловленных как системным кризисом постсоветского пространства, так и несовпадением стратегических приоритетов сторон. Начальный этап двустороннего взаимодействия характеризовался конфликтным потенциалом, вызванным Нагорно-Карабахским конфликтом, разрывом прежних институциональных связей и различным восприятием роли России в регионе [1].

С точки зрения теории международных отношений данный

этап может быть интерпретирован как фаза постимперского отчуждения, в которой бывшая метрополия и новое независимое государство находятся в процессе перераспределения власти и ответственности. Для Азербайджана Россия ассоциировалась с утратой части территорий и политической уязвимостью, в то время как Москва воспринимала Баку как государство, склонное к избыточной ориентации на внешних акторов и потенциально подрывающее российские позиции на Южном Кавказе [7].

Переломным моментом в развитии двусторонних отношений стал приход к власти Гейдара Алиева, ознаменовавший переход от идеологизированного противостояния к прагматическому реализму. Внешнеполитическая стратегия Баку стала ориентироваться на институционализацию отношений с Россией без отказа от многовекторности. Данный подход может быть осмыслен в рамках концепции рационального балансирования, при которой сотрудничество с сильным региональным актором рассматривается как средство снижения рисков, а не как форма политической зависимости [8].

Постепенное сближение России и Азербайджана во второй половине 1990-х годов сопровождалось расширением дипломатического диалога и восстановлением механизмов межгосударственного взаимодействия. Важным фактором стабилизации стала фиксация статус-кво в Нагорно-Карабахском конфликте после подписания соглашения о прекращении огня в 1994 году, что создало предпосылки для более предсказуемых отношений. Несмотря на сохранение разногласий, конфликт перестал быть источником прямой конфронтации между Москвой и Баку [4].

Экономическое сотрудничество, прежде всего в энергетической сфере, стало еще одним элементом прагматизации двусторонних отношений. Хотя Азербайджан активно продвигал альтернативные маршруты экспорта энергоресурсов, участие российских компаний в отдельных проектах и диалог по каспийской проблематике свидетельствовали о стремлении Баку интегрировать Россию в свою многовекторную модель. Для Москвы это означало сохранение ограниченного, но значимого присутствия в стратегически важном секторе.

С теоретической точки зрения данный этап взаимодействия

может быть охарактеризован как переход от конфронтационного балансирования к институционализированному хеджированию. Азербайджан не отказывался от сотрудничества с Западом и Турцией, однако одновременно стремился снизить вероятность давления со стороны России путем включения ее в систему взаимных интересов. Россия, в свою очередь, адаптировалась к новой реальности, признавая ограниченность своих возможностей и переходя от прямого давления к более гибким формам влияния.

Особое значение в развитии российско-азербайджанских отношений имел фактор политического лидерства. Личное взаимодействие между руководителями государств способствовало снижению уровня взаимного недоверия и формированию каналов неформальной коммуникации. В условиях слабой институционализации постсоветской дипломатии данный фактор играл компенсаторную роль, обеспечивая устойчивость диалога даже при наличии структурных противоречий.

Таким образом, российско-азербайджанское взаимодействие в 1990-е годы эволюционировало от состояния взаимной подозрительности к ограниченному, но устойчивому прагматическому партнерству. Этот процесс не означал полного совпадения интересов или устранения конфликтных элементов, однако он заложил основу для формализации двусторонних отношений и перехода к более предсказуемой модели взаимодействия в начале XXI века. В рамках постсоветского пространства данный опыт представляет собой пример адаптационного компромисса между стратегией удержания влияния со стороны бывшей метрополии и стремлением нового государства к расширению собственной внешнеполитической автономии [9].

Вывод

Проведенный анализ российско-азербайджанских отношений в 1990-е годы позволяет рассматривать данный период как ключевой этап формирования новой модели взаимодействия на постсоветском пространстве, возникшей в условиях системного

кризиса, постимперской трансформации и региональной нестабильности. Отношения между Россией и Азербайджаном развивались под воздействием структурных ограничений международной системы, исторического наследия и рационального выбора политических элит обеих стран.

На первом этапе Россия стремилась сохранить статус ведущего регионального актора на постсоветском пространстве, используя комплекс инструментов политического, военно-стратегического и экономического характера. Южный Кавказ рассматривался Москвой как зона приоритетных интересов, а Нагорно-Карабахский конфликт — как ключевой элемент архитектуры региональной безопасности и одновременно механизм сохранения влияния. Однако ограниченность ресурсов и внутренняя трансформация России в 1990-е годы предопределили адаптационный, а не экспансионистский характер ее стратегии.

На втором этапе Азербайджан сформировал модель многовекторной внешней политики, которая может быть интерпретирована как специфическая форма постсоветского суверенитета. В условиях асимметрии сил и продолжающегося конфликта Баку стремился минимизировать внешнюю зависимость, одновременно используя энергетические ресурсы и геополитическое положение для расширения пространства внешнеполитического маневра. Многовекторность не означала отказа от взаимодействия с Россией, но предполагала пересмотр его форм и пределов на основе принципов прагматизма и баланса.

Третий этап характеризовался постепенной эволюцией российско-азербайджанских отношений от конфронтационного взаимодействия к ограниченному, но устойчивому прагматическому партнерству. Нормализация двусторонних связей была обусловлена стабилизацией внутривнутриполитической ситуации в Азербайджане, институционализацией внешней политики и признанием обеими сторонами необходимости взаимного учета интересов. Сотрудничество с Россией выступило для Баку одновременно фактором укрепления государственности и источником структурных ограничений, требующих постоянного политического балансирования.

В целом российско-азербайджанские отношения 1990-х го-

дов демонстрируют, что в условиях постимперского пространства устойчивые модели взаимодействия формируются не через жесткую иерархию или конфронтацию, а через адаптивные стратегии баланса, хеджирования и институционального компромисса. Опыт данного периода заложил основу для последующей трансформации двусторонних отношений в XXI веке и представляет значительный аналитический интерес для изучения динамики суверенитета, влияния и региональной безопасности на постсоветском пространстве.

Список литературы

1. *Юнусов А.С.* Нагорно-Карабахский конфликт: динамика, этапы, перспективы урегулирования. — Баку: Изд-во «Зрдаби», 1997. — 214 с.
2. *Allison R.* Russia, the West, and Military Intervention. — Oxford: Oxford University Press, 2013. — 336 p.
3. *Cornell S.E.* Small Nations and Great Powers: A Study of Ethnopolitical Conflict in the Caucasus. — London; New York: Routledge, 2001. — 368 p.
4. *Croissant M.* The Armenia–Azerbaijan Conflict: Causes and Implications. Westport, CT: Praeger, 1998. — 192 p.
5. *De Waal T.* Black Garden: Armenia and Azerbaijan Through Peace and War. — New York: New York University Press, 2003. — 320 p.
6. *King C.* The Ghost of Freedom: A History of the Caucasus. — Oxford: Oxford University Press, 2008. — 352 p.
7. *Trenin D.* The End of Eurasia: Russia on the Border Between Geopolitics and Globalization. — Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2002. — 366 p.
8. *Tsygankov A.P.* Russia's Foreign Policy: Change and Continuity in National Identity. — Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2016. — 352 p.
9. *Walt S.M.* The Origins of Alliances. — Ithaca, NY: Cornell University Press, 1987. — 336 p.

Андреева Е.С.,

ученый секретарь,

ГБУК РО «Рязанская областная универсальная
научная библиотека имени Горького, Рязань

НАСЛЕДИЕ С.А. ЕСЕНИНА КАК ИНСТРУМЕНТ КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ И МЕЖДУНАРОДНОГО ДИАЛОГА

Andreeva E.S.,

Scientific Secretary,

Ryazan Regional Universal Scientific Library named after Maxim Gorky, Ryazan
andreeva@rounb.ru

THE LEGACY OF SERGEI YESENIN AS A TOOL OF CULTURAL DIPLOMACY AND INTERNATIONAL DIALOGUE

Аннотация. В статье рассматривается использование наследия С.А. Есенина в практике культурной дипломатии России. На основе подтвержденных источниками примеров показано, что слово Есенина служит инструментом диалога между народами: произведения поэта переведены на множество языков, его творчество становится предметом международных мероприятий — от литературных чтений с участием дипломатов до выставок и конференций. Делается вывод, что, несмотря на современную политическую напряженность, есенинское поэтическое слово продолжает объединять культуры, укрепляя взаимопонимание и доверие между народами на мировом уровне.

Ключевые слова: культурная дипломатия; мягкая сила; Сергей Есенин; международный диалог; культурное сотрудничество; перевод русской литературы.

Abstract. The article examines the use of Sergei Yesenin's legacy in Russia's cultural diplomacy. Using documented examples, the author demonstrates that Yesenin's words serve as a tool for dialogue between nations: the poet's works have been translated into numerous languages, and his oeuvre has become the focus of international events — from literary readings with diplomats to exhibitions and conferences. The conclusion emphasizes that despite current political tensions,

Yesenin's poetic word continues to unite cultures, strengthening mutual understanding and trust among peoples globally.

Key words: cultural diplomacy; soft power; Sergei Yesenin; international dialogue; cultural cooperation; translation of Russian literature.

В XXI веке культура все более проникает в сферу международных отношений. **Культурная дипломатия** выступает важным инструментом «мягкой силы», воздействуя на умы и сердца людей посредством культуры. По меткому выражению Э.Р. Тагирова, культурная дипломатия служит средством повышения «индекса» репутации государства, определяемого не только военной или экономической мощью, но и гуманитарным потенциалом с центральной ролью культуры [6]. Иными словами, на мировой арене она эффективно действует как фактор «мягкой силы», дополняя традиционную дипломатию. В последние годы понятие «культурная дипломатия» получило широкое распространение и часто рассматривается как часть **публичной дипломатии**, пересекающаяся с международной культурной политикой. Зарубежные исследователи отмечают противоречивость этого термина: дипломатию, призванную нивелировать различия между странами, культурная дипломатия сочетает с культурой, которая эти различия подчеркивает. Тем не менее, именно посредством культуры достигается глубокое взаимопонимание: «война Аполлона», то есть культурно-идеологическое влияние, признается стратегами наиболее мощным средством, способным влиять на сознание людей сильнее прямой силы [3]. Главная задача культурной дипломатии — работать с образами, смыслами, ценностями через коммуникацию с другими странами для достижения взаимопонимания. К этой деятельности привлекаются не только официальные дипломаты, но и деятели культуры, общественные организации и частные лица, что расширяет возможности диалога между народами.

Концепция «**мягкой силы**», введенная Дж. Наем, подразумевает способность государства привлекать и убеждать через ценности и культуру, в отличие от принуждения силой. Культурная дипломатия как раз и представляет собой практическую реализацию мягкой силы, создавая привлекательный образ страны

за рубежом. Согласно аналитическому обзору ЮНЕСКО, культурная дипломатия призвана не просто «завоевывать сердца и умы», но строить долгосрочное сотрудничество и обмен ценностями ради устойчивого развития¹. Поддерживая взаимопонимание и доверие между народами, она способствует укреплению мира и стабильности.

Таким образом, обращение к наследию выдающихся деятелей культуры, таких как Сергей Есенин, становится важной составляющей культурной дипломатии России. Есенин — один из самых известных русских поэтов, чье творчество оказалось востребованным далеко за пределами родины. Ниже проанализировано, как наследие С.А. Есенина используется как инструмент международного культурного диалога, какие инициативы реализуются в этой сфере и каково их значение в современном мире.

Есенин как символ международного культурного диалога

Сергей Есенин вошел в мировую культуру как яркий представитель русской поэзии, чьи произведения понятны и близки широкой аудитории разных стран. По данным ЮНЕСКО, Есенин является самым переводимым русским поэтом в мире: его стихи переведены на 150 языков [7]. Это беспрецедентный показатель, свидетельствующий о глобальной популярности есенинского слова. В разных странах мира Есенина ставят в один ряд с национальными классиками, что говорит об универсальности тем его поэзии — любви, природы, Родины, бунтарского духа и тоски. Его образ стал своего рода **«послом» русской культуры**, понятным представителям различных народов.

Наследие С.А. Есенина все активнее вовлекается в практики культурной дипломатии. Одной из наиболее показательных форм становится организация международных поэтических акций, способствующих межкультурному взаимодействию. Еще

¹ Cutting Edge: From standing out to reaching out — cultural diplomacy for sustainable development // UNESCO. — 27.01.2022. — URL: unesco.org (дата обращения: 20.10.2025).

в 2020 году, в ознаменование 125-летия со дня рождения поэта, Библиотека иностранной литературы провела онлайн-чтения его стихов с участием глав дипломатических миссий, читавших есенинские строки на родных языках — от французского до китайского. С тех пор международные марафоны, конкурсы чтецов и литературные акции, как в онлайн-, так и в очном формате, стали устойчивой практикой в гуманитарной сфере.

В 2025 году, в год 130-летнего юбилея поэта, география подобных инициатив значительно расширилась. Международный поэтический онлайн-марафон «С Есениным в сердце» объединил 173 участников из 61 региона России, а также представителей Федеративной Демократической Республики Эфиопия, Китайской Народной Республики, Республики Беларусь, Казахстана и Франции. Не менее масштабным событием стала I Всероссийская акция с международным участием «Есенинский диктант», организованная Ассоциацией учителей литературы и русского языка совместно с Рязанской областной универсальной научной библиотекой имени Горького. Акция проходила с 1 по 25 сентября 2025 года и вызвала отклик не только в регионах России, но и за рубежом: диктант писали в Дании, Белоруссии, Казахстане, Кыргызской Республике и Таджикистане.

Подобные символические инициативы демонстрируют, что поэзия Есенина служит действенным инструментом гуманитарного взаимодействия. Она предоставляет участникам из разных стран и культур возможность говорить на общем языке художественного слова, укрепляя взаимопонимание и формируя эмоциональную основу для международного диалога.

Еще один аспект международного признания поэта — многочисленные переводы и исследования его творчества за рубежом. Уже при жизни С.А. Есенина его стихи печатались на европейских языках, а сегодня интерес к нему по-прежнему высок. Поэт остается одним из самых переводимых представителей русской литературы, а появление есенинских центров в различных странах указывает на его уникальную способность продолжать линию русской поэзии на универсальном, «понятном» языке. Тем самым Есенин становится «ключом» к восприятию русской культуры, а его наследие — инструментом культурной диплома-

тии, содействующим формированию привлекательного образа страны и укреплению взаимопонимания между народами.

При этом международное присутствие Есенина проявляется не только в нематериальной сфере, но и в устойчивой практике мемориализации. Установка памятников, открытие музеев, культурных центров и учреждение премий, посвященных поэту, становятся символическими актами признания его вклада в мировую культуру. Так, первым зарубежным музеем поэта стал Мемориальный дом-музей С.А. Есенина в Мардакянах (Азербайджан), открытый в 1975 году по инициативе Гейдара Алиева, позднее преобразованный в Центр азербайджано-русских литературных связей. Этот музей по-прежнему активно сотрудничает с российскими институтами, включая Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Государственный музей-заповедник Есенина и Рязанскую областную универсальную научную библиотеку имени Горького, регулярно принимая участие в международных научных мероприятиях, проходящих в России.

В Узбекистане значимым объектом является Государственный литературный музей С.А. Есенина в Ташкенте, основанный в 1981 году. Экспозиция музея, насчитывающая свыше 3000 единиц хранения, освещает пребывание поэта в Средней Азии и влияние восточной культуры на его творчество.

В Казахстане, в городе Тараз, установлен памятный барельеф Есенину (2005 год) — на сегодняшний день единственный монумент поэту на территории республики. Скульптурная композиция расположена в центральной части города и активно используется как объект культурной репрезентации.

Балканское направление мемориализации представлено целым рядом памятников и бюстов. В Хорватии, в столице Загребе, в 2017 году открыт бронзовый бюст С.А. Есенина в городском парке «Бундек» (автор — А. Звягин). В 2020 году, в курортной Опатии, установлен еще один бюст поэта рядом с памятником Айседоре Дункан, подчеркивая культурно-биографическую связь. Эти инициативы реализованы при содействии Посольства РФ и Россотрудничества и служат символом российско-хорватского культурного диалога.

В сентябре 2025 года депутат парламента Черногории Милан Кнежевич выступил с инициативой об установке памятника С.А. Есенину в муниципалитете Зета по случаю 130-летия со дня рождения поэта. Предложение было озвучено на встрече с российским послом и адресовано как дипломатическим, так и культурным учреждениям России. По словам инициатора, памятник мог бы стать символом культурного обмена между Рязанью — родиной поэта — и Зетой как молодым черногорским муниципалитетом, близким по природному ландшафту и духу. Этот жест подчеркивает устойчивый интерес к фигуре Есенина и готовность зарубежных партнеров к дальнейшему развитию культурного диалога².

В Северной Македонии, в городе Струга, с 2007 года бюст Есенина украшает Аллею поэзии на набережной Охридского озера, наряду с памятниками другим классикам мировой литературы. Монумент стал неотъемлемой частью поэтического ландшафта Стружских вечеров поэзии — одного из крупнейших международных фестивалей.

В Республике Сербской (Босния и Герцеговина), в городке Миличи, бюст поэта установлен в Парке великих деятелей культуры — уникальном пространстве культурной памяти, объединившем сербских и русских классиков. Этот памятник регулярно становится объектом чествования русскоязычной диаспоры и местных поклонников поэзии.

Мемориализация поэта охватывает также страны, не входящие в постсоветское или славянское пространство. Так, в Индии, в штате Керала (г. Тривандрам), с 2008 года вручается Премия имени С.А. Есенина за вклад в продвижение русской литературы. При премии регулярно проходят культурные акции, выставки, театрализованные чтения и конкурсы художественного перевода.

Важным направлением гуманитарного взаимодействия остается сотрудничество с Есенинским комитетом Республики Молдова, которому 3 октября 2025 года исполнилось 30 лет. Россия

² Память Сергея Есенина хотят увековечить в Черногории // Редакция портала «Русский мир». — URL: <https://russkiymir.ru/news/339365/> (дата обращения: 08.09.2025).

высоко ценит работу молдавских соотечественников, сохраняющих есенинское слово как часть общего культурного наследия, и поддерживает эту инициативу как пример устойчивых гуманитарных связей в непростых международных условиях.

Следует подчеркнуть, что в данной статье приведены лишь отдельные примеры мемориализации. В разных странах мира действуют и другие центры, общества и комитеты, хранящие память о поэте. Их деятельность подтверждает глобальный характер есенинского феномена и демонстрирует возможности его наследия служить основанием для культурного диалога в XXI веке.

Международные инициативы и проекты на базе есенинского наследия

Практическая реализация культурно-дипломатического потенциала есенинского наследия происходит посредством ряда инициатив в России и за рубежом. Ключевую роль здесь играют учреждения, связанные с именем поэта, — музеи, университеты, культурные центры, а также мероприятия, проводимые ими на международном уровне. Особого внимания заслуживает опыт Рязанской области — родины Сергея Есенина, где сохраняется уникальная концентрация институтов памяти: Государственный музей-заповедник поэта, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Рязанская областная универсальная научная библиотека имени Горького. Их деятельность — от научных симпозиумов и поэтических акций до международных партнерств и музейной дипломатии — демонстрирует модель устойчивого гуманитарного взаимодействия, способную служить ориентиром для других регионов и стран, заинтересованных в культурном диалоге на базе поэтического наследия.

Государственный музей-заповедник С.А. Есенина (ГМЗЕ) в селе Константиново (Рязанская обл.), родине поэта, давно стал не только хранителем памяти, но и активным генератором проектов международного сотрудничества. Музей организует выставки и экспозиции, обращенные к мировой аудитории. Так, в 2024 г. в Москве была представлена передвижная выставка

«Маяковский vs Есенин: поэтическая дуэль», созданная на основе экспозиционных проектов ГМЗЕ и дополненная материалами Библиотеки иностранной литературы³. Стартовав в иностранной библиотеке, эта выставка была рассчитана на широкий круг иностранных гостей и демонстрировала диалог двух русских поэтов, понятный в международном контексте. Подобные проекты не только популяризируют творчество Есенина за рубежом, но и служат площадкой для культурного диалога, сопоставляя русскую литературу с мировым художественным контекстом.

В 2025 году, к 130-летию со дня рождения поэта, Государственный музей-заповедник С.А. Есенина стал одним из инициаторов создания Международного сообщества музеев Сергея Есенина. Об этом было объявлено 3 октября 2025 г. в рамках круглого стола в Рязани. Новое объединение призвано наладить сотрудничество между музеями и культурными центрами, связанными с именем Есенина, в разных странах. Сообщество не ограничится рамками России, поскольку имя Есенина продолжает объединять людей по всему миру. Инициативу поддержали как отечественные, так и зарубежные партнеры, включая учреждения культуры, научные центры и университеты [5].

Одним из ярких примеров такой международной вовлеченности является деятельность Центра русского языка и культуры имени С.А. Есенина при университете Аль-Истикляль в Иерихоне (Палестина), открытого в 2017 году при поддержке Россотрудничества. Центр не только носит имя поэта, но и активно реализует образовательные и культурные проекты, направленные на распространение русского языка, знакомство с литературой и содействие академическим связям [4]. Благодаря поддержке центра налажено сотрудничество с рядом российских вузов, включая Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина. Это взаимодействие иллюстрирует пример «народной дипломатии», при которой поэзия становится связую-

³ Передвижная выставка «Маяковский vs Есенин» // Новости Библиотеки иностранной литературы (Москва). — 13.02.2024. — URL: libfl.ru/ru/news/peredvizhnaya-vystavka-mayakovskiy-vs-esenin (дата обращения: 20.10.2025).

щим звеном в гуманитарном сотрудничестве.

Такие инициативы подтверждают, что международная активность вокруг есенинского наследия охватывает как страны СНГ, так и регионы Европы, Ближнего и Дальнего Востока, формируя устойчивую сеть культурного диалога, основанную на универсальных ценностях русской поэзии.

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина выступает в качестве академического центра по изучению и продвижению есенинского наследия в международном научном и гуманитарном пространстве. В 2025 году университет стал ключевым организатором Международного научного симпозиума «Большое видится на расстоянии: Есенин в XXI веке», посвященного 130-летию со дня рождения великого русского поэта. Масштаб события подчеркивает участие более 160 человек из всех федеральных округов России, а также из Армении, Беларуси, Бразилии, Грузии, Китая, Индии, Ирака, Италии, Казахстана, Турции и других стран [2].

На симпозиуме обсуждались актуальные аспекты есенинской рецепции за рубежом, проблемы межкультурного перевода, а также сопоставительные литературоведческие подходы. Таким образом, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина не только реализует научную миссию, но и активно развивает инструменты культурной дипломатии, укрепляя гуманитарное взаимодействие между странами. Международное сотрудничество университета в последние годы заметно расширяется: налажены академические связи с университетами ближнего и дальнего зарубежья, реализуются совместные исследовательские и образовательные проекты. Благодаря такому комплексному подходу университет формирует устойчивую международную платформу для диалога культур, объединенного интересом к поэтическому наследию.

Значимой площадкой культурного диалога выступает **Рязанская областная универсальная научная библиотека имени Горького (РОУНБ имени Горького)**. Библиотека последовательно реализует гуманитарную миссию, направленную на укрепление межкультурных связей через поэзию и литературное наследие. Ежегодно РОУНБ имени Горького приглашает зарубежных

гостей к участию к Международному форуму древних городов, который проходит под эгидой ЮНЕСКО. В этом году впервые в истории форума, хоть и в дистанционном формате, присутствовал представитель Иерихона — древнейшего города мира (Палестина). В культурной сессии форума прозвучал видеоклад уже упомянутого главы Центра Есенина в Иерихоне доктора Мохаммеда Наджаджры на тему «Наследие Сергея Есенина в городе древней восточной культуры».

Продолжая миссию культурного мостостроительства, в октябре 2025 года РОУНБ имени Горького выступила соорганизатором Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции «Мир Есенина: слово, культура, память», приуроченной к 130-летию поэта. Участие в ней приняли исследователи и практики из девяти зарубежных стран: Сербии, Азербайджана, Китая, Турции, Кыргызстана, Узбекистана, Молдовы, а также Приднестровья. Научную значимость события подтвердило участие десяти докторов и двенадцати кандидатов наук, профессоров ведущих университетов, сотрудников Института мировой литературы РАН, федеральных и региональных библиотек, музеев, школ и общественных организаций [1]. Конференция продемонстрировала устойчивый интерес к есенинскому наследию как со стороны академического сообщества, так и со стороны институтов культурной памяти, а сама библиотека выступила как активный медиатор в международном научно-культурном диалоге.

Таким образом, региональная библиотека стала местом встречи восточной и русской культур на основе интереса к поэзии Есенина. Помимо форума, РОУНБ имени Горького регулярно проводит литературные вечера памяти поэта с участием иностранных гостей, выставки переводов Есенина на разные языки, тем самым выполняя функцию **библиотечной дипломатии** — устанавливая контакты с зарубежными культурными институтами через книгу и поэзию.

Заключение

Рассмотренные примеры наглядно демонстрируют, что наследие С.А. Есенина не только сохраняет актуальность в совре-

менном мире, но и обретает новые формы присутствия, выступая действенным инструментом культурной дипломатии и гуманитарного взаимодействия. Поэзия Есенина, насыщенная образами природы, любви, судьбы и Родины, апеллирует к универсальным человеческим ценностям, понятным и близким читателям разных стран и культур. Благодаря широкому переводу и живому интересу к личности поэта, его творчество формирует прочную «культурную платформу», обеспечивающую России символическое присутствие в глобальном культурном пространстве.

Международные инициативы, включающие музейные, академические, библиотечные и образовательные проекты, поэтические акции и мемориальные практики, подтверждают эффективность «мягкой силы» культуры. Они способствуют укреплению доверия, расширению диалога и формированию позитивного образа страны. Особенно значимо, что есенинское наследие остается востребованным даже в условиях сложной международной обстановки, когда политические контакты оказываются ограниченными: поэтическое слово продолжает выполнять функцию культурного посредничества, открывая новые каналы народной дипломатии.

Таким образом, творчество С.А. Есенина служит не только предметом научного интереса или эстетического восприятия, но и ресурсом цивилизационного взаимодействия. Его наследие обретает новую жизнь в пространстве международного сотрудничества, становясь своеобразным мостом между культурами. Именно в этом проявляется его непреходящая гуманистическая ценность и практическая сила для мира XXI века.

Список литературы

1. *Андреева Е.С.* Мир Есенина: конференция к 130-летию поэта объединила исследователей из России и зарубежных стран [Электронный ресурс] // Рязанская областная универсальная научная библиотека имени Горького. — 03.10.2025. — URL: <https://rounb.ru/news/mir-esenina-konferentsija-k-130-letiju-poeta-obedinila-issledovatelej-iz-rossii-i-zarubezhnyh-stran> (дата обращения: 19.10.2025).

2. *Андреева Е.С.* РОУНБ имени Горького на Международном есенинском научном симпозиуме] // Рязанская областная универсальная научная библиотека имени Горького. — 17.10.2025. — URL: <https://rounb.ru/news/rounb-imeni-gorkogo-na-mezhdunarodnom-eseninskom-nauchnom-simpoziume> (дата обращения: 19.10.2025).
3. *Курумчина А.Э.* Культурная политика и культурная дипломатия как объекты изучения // Уральский журнал социологии. — 2024. — Т. 10. — № 1. — С. 35–43.
4. *Квартников П.* Палестинский вектор: интервью с Мохаммедом Наджаджрой. — Рязанские ведомости. — 17.12.2022. — № 95. — URL: [rv-ryazan.ru/palestinskij-vektor/](http://ryazan.ru/palestinskij-vektor/) (дата обращения: 20.10.2025).
5. *Соколов Д.* В Рязани создано Международное сообщество музеев Сергея Есенина // Рязанские ведомости. — 03.10.2025. — URL: rv-ryazan.ru/v-ryazani-sozdano-mezhdunarodnoe-soobshhestvo-muzeev-sergeya-esenina/ (дата обращения: 20.10.2025).
6. *Тагиров Э.Р.* Культурная дипломатия: магия мягкой силы // Вестник КазГУКИ. — 2021. — № 4. — С. 54–63.
7. *Царитова К.* Сергей Есенин на осетинском языке. — Записки на манжетах: сайт НБ РС(О)–А. — 2020. — URL: nnbrso.ru/zap/esenin.html (дата обращения: 20.10.2025).

УДК 260.1

Анисимова А.А.,

студент,

ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», Люберцы

Топтыгина О.Н.,

кандидат филологических наук, доцент,

заведующая кафедрой гуманитарных дисциплин.

ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», Люберцы

Дзюбан В.В.

доктор исторических наук, кандидат педагогических работ,

профессор кафедры «Истории и философии»,

РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва

КАФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОР

УСПЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ В ДМИТРОВЕ:

СОХРАНЕНИЕ МНГОВЕКОВЫХ РЕЛИКВИЙ РУССКОГО НАРОДА

Anisimova A.A.,

Student,

GKOU HE "Russian Customs Academy", Lyubertsy

01anasta07@mail.ru

Toptygina O.N.,

PhD of Philological Sciences, Associate Professor,

Head of the Department of Humanities,

GKOU HE "Russian Customs Academy", Lyubertsy

o.toptygina@customs-academy.ru

Dzyuban V.V.

Doctor of Historical Sciences, PhD in Pedagogical Sciences,

Professor of the Department of History and Philosophy,

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow

vv.dzyuban@customs-academy.ru

CATHEDRAL OF THE ASSUMPTION

OF THE BLESSED VIRGIN MARY IN DMITROV:

PRESERVATION OF CENTURIES-OLD RELICS OF THE RUSSIAN PEOPLE

Аннотация. В статье рассматривается Кафедральный собор Успения Пресвятой Богородицы в городе Дмитров Московской области в качестве уникального объекта культуры, который хранит многовековую историю нашей страны. Особое внимание уделяется внешнему облику, внутреннему убранству собора, памятникам культуры, находящимся на территории соборного комплекса, воскресной школе и церковному хору. Изучается история собора Успения Пресвятой Богородицы в период с XII века и до наших дней. Подчеркивается значимость Успенского собора в сохранении реликвий нашей страны, в которых использовались уникальные технологии. Подробно описываются изразцовые барельефы, резной иконостас, иконы, разбираются их особенности в контексте временного периода. Рассматривается вопрос даты создания, авторства собора, влияние итальянских зодчих на постройку храма и появление икон.

Ключевые слова: Кафедральный собор Успения Пресвятой Богородицы; город Дмитров; религия; изразцовые барельефы; иконы.

Abstract. The article considers the Cathedral of the Assumption of the Blessed Virgin Mary in the city of Dmitrov, Moscow region, as a unique cultural object that preserves the centuries-old history of our country. Special attention is paid to the exterior and interior of the cathedral, the cultural monuments located on the territory of the cathedral complex, the Sunday school and the church choir. The article examines the history of the Cathedral of the Assumption of the Blessed Virgin Mary in the period from the 12th century to the present day. The importance of the Assumption Cathedral in preserving the relics of our country, which used unique technologies, is emphasized. The tiled bas-reliefs, carved iconostasis, and icons are described in detail, and their features are analyzed in the context of the time period. The issue of the date of creation, the authorship of the cathedral, the influence of Italian architects on the construction of the temple and the appearance of icons is considered.

Key words: Cathedral of the Assumption of the Blessed Virgin Mary; Dmitrov city; religion; tiled bas-reliefs; icons.

Христиане всех времен считали храмы особенными. Они объединяли людей в единое целое. В соборе верующие могли воссоединиться со Священным, обратиться к Богу с вопросом или просьбой. С давних времен в храмах, соборах и монастырях хранились драгоценнейшие реликвии, которые по сей день можно увидеть в некоторых из них. Одним из таких сохранившихся храмов является Кафедральный собор Успения Пресвятой Богородицы в городе Дмитров, находящемся в Московской области.

Храм поражает не только своей красотой и величием, но и в то же время простой в стиле. Собор является уникальным объектом, сохраняющим историю нашей страны и по сей день.

История собора Успения Пресвятой Богородицы в Дмитрове начинается в 1152 году. Тогда в Дмитрове правил князь Петр Дмитриевич, сын Дмитрия Донского. Однако внешний облик, каким мы знаем собор сейчас, относится к правлению князя Юрия Ивановича, брата московского князя Василия III, в начале XVI века. От старого собора остались лишь белокаменные подвалы в подклете. Князь Юрий Иванович выделил средства на постройку двухэтажного Успенского собора в Дмитрове. Храм строился предположительно в период с 1509–1533 гг. Построенное здание было похоже своими чертами на Архангельский собор Московского кремля. Таким образом, историки предполагают, что для его возведения пригласили итальянского архитектора Алевиза Нового. Кроме того, граненные апсиды у собора свидетельствуют о работе итальянцев [6, с. 120–121]. В 1790 году появилась четырехскатная крыша, а в 1820-х годах — крытая паперть. Позже к собору были пристроены два придела: в 1823 году — северный, по проекту архитектора Ф.М. Шестакова, а в 1841 году — южный, по проекту Д.Ф. Борисова. В период с 1793 по 1796 года у собора Успения Пресвятой Богородицы появилась трехъярусная колокольня в стиле классицизма. Ее проектом занимался архитектор М.Я. Агафонов. В 1820 году был надстроен верх колокольни. В 1930 году Успенский собор закрыли и разместили там Краеведческий музей. Спустя 60 лет в соборе была зарегистрирована православная община, однако до тех пор там оставались экспозиции музея. 15 мая 2000 года губернатор Московской области огласил документ о предоставлении Успенского собора в безвременное пользование Русской Православной Церкви. После этого события начались ремонтно-реставрационные работы. В итоге был восстановлен внешний облик собора на середину XIX века и прошла реставрация резьбы иконостасов и росписей. В 2003 году состоялось освящение храма митрополитом Крутицким и Коломенским Ювеналием. Спустя некоторое время в соборе были установлены мозаичные иконы с изображениями святителя Николая, Георгия Победоносца и Убруса Спасителя.

Собор Успения Пресвятой Богородицы имеет форму пятиглавого четырехстолпного храма крестово-купольного типа. Он стоит на высоком подклете, а снизу находятся белокаменные погребки. Собор состоит из главного здания с 5 куполами, 4 приделов, апсидов и колокольни. Особенностью собора являются маленькие круглые окошки в закомарах, которые пропускают дневной свет в храм. Также в архитектуре собора использованы два изразцовых барельефа. На изразцах изображен библейский сюжет — распятия Иисуса Христа. Изразцовые распятия похожи друг на друга, но есть и отличия. Панно северного придела составлено из 13 изразцов, в то время как в южном приделе — из 34. Северный барельеф заканчивается стрельчатой аркой, а южный — плавной стрельчатой. По предположению их привезли дмитровские купцы с Борисоглебовского собора в Старице, так как по керамической технике никаких аналогов не было найдено, только в этом городе [1, с. 225]. Над крыльцом Успенского собора располагается икона «Успения Пресвятой Богородицы». На колокольне находится мозаичная икона Георгия Победоносца.

Внутри собора находится резной иконостас, покрытый сусальным золотом XVII века в пять ярусов. Его сделали мастера Оружейной палаты. Позже к иконостасу достроили еще один ярус, состоящий из медальонов, посвященных страстям Иисуса Христа. По сведениям от 1887 года Михаил Федорович и протоирей Филарет даровали собору иконы, расположенные в иконостасе: Смоленская икона Божией Матери, Спаситель и другие. Самой старой иконой, хранящейся в Успенском соборе, считается Архангела Михаила. В промежутке между 1646 по 1713 год в соборе появилась икона с изображением Дмитрия Солунского на троне, которая стала символом вклада в развитие князя Всеволода III, более известного как Всеволод Большое Гнездо. Сейчас же она находится в Третьяковской галереи, так как была перенесена в советское время [2, с. 333–334]. Храмовая икона Успения Божией Матери, в честь которой и была названа церковь, сейчас расположена в экспозиции музея имени А. Рублева. Собор имеет семь престолов: Успения Пресвятой Богородицы, Великомученика Георгия Победоносца, Преподобного Сергия Радонежского Чудотворца, Покрова Пресвятой Богородицы, Великомученика

Дмитрия Мироточивого, Воздвижения Честного и Животворящего Креста, Святителя Митрофана Воронежского Чудотворца. Помимо этого, в храме находится изразцовый барельеф «Чудо Георгия о Змие», изображающий Георгия Победоносца. Эта икона круглая, диаметром 3 метра. Фигуры выполнены высоким рельефом, с тщательной проработкой мелких деталей (ликов, волос, орнаментации одежд). Воин, изображенный на барельефе, пронзает змея копьем, сидя на коне. Над головой Георгия находится венец, который держит ангел, летающий в облаках. Сюжет этого барельефа символизирует крепость русского духа в борьбе с общим врагом — татаро-монгольским игом, которое на момент изготовления изразца было только что сокрушено. Предположительно все три барельефа были созданы в период между концом XV и первой четвертью XVI веков [1, с. 225–226].

На территории храма находится воскресная школа. Ее история начинается еще в 1876 году. По указанию Александра II была построена гимназия, в которой обучение проходило в течение 4 лет. В ней обучались девочки из знатных семей. Позже ее видоизменили, она стала полной, то есть учились 8 лет. Деньги на содержание гимназии выделялись из городского бюджета.

Сейчас в соборе действует хор. В его состав входят воспитанники воскресной школы, алтарники, профессиональные музыканты. Они поют старинные распевы, а также сочинения Архангельского, Чеснокова, Аллеманова и многих других. Основная задача певчих заключается в том, чтобы показать красоту и благолепие богослужения. Хор делает аудиозаписи церковной музыки. Любой желающий может послушать ее в открытом доступе в Интернете.

Кроме того, на территории Кафедрального Успенского Собора был открыт памятник Кириллу и Мефодию 26 мая 2004 года. Авторы: скульптур А.И. Рукавишников, который известен памятником Юрию Никулину рядом с входом в цирк и памятником Муслиму Магомаеву, и архитектор Р.В. Нарский. Памятник посвящен равноапостольным Кириллу и Мефодию. Кирилл держит в правой руке крест, а в левой — свиток с кириллическим алфавитом. Святой Мефодий держит в руках Евангелие. Неслучайно именно эти объекты держат в руках святые. Кирилл и Ме-

фодий создали славянскую азбуку, а также перевели Евангелие на новый в то время славянский язык. Вклад святых в развитие Руси неосенимо велик, ведь благодаря им появилась письменность на родном языке [4, с. 68].

Монумент священномученику Серафиму (Звездинскому), который также входит в комплекс собора, открыт 8 ноября 2010 года. Авторы: скульптур А.А. Караулов, архитектор Г.Н. Гуляева. Епископ Серафим служил в Успенском соборе в 1920–1923 годах. Во время своей жизни в Дмитрове он основал братство Животворящего Креста, целью которого он видел создание жизни по заветам Бога, служению ему, и занимался контрреволюционной деятельностью, за что позже, 23 августа 1937 года, был арестован и приговорен к расстрелу [3, с. 89]. В 2000 году Архиерейский собор причислил епископа Дмитровского Серафима к лику священномучеников за непоколебимую веру. Памятник представляет собой фигуру епископа, который идет вперед и держит крест в правой руке. На постаменте высечена памятная надпись: «Я посылаю свое благословение всем моим дорогим и любимым детям, которые полюбили Господа, я молюсь за всех вас, Я поминаю и призываю к памяти всех жителей Дмитрова и Подлипчья и всех остальных. Храни господь всех вас от всех напастей, неприятностей и злоключений» [7, с. 11].

Любой памятник культуры фиксирует время своего создания, из-за сохранения культурных особенностей определенного исторического периода. Именно такие черты дают возможность изучать историю своей страны и погружаться в глубины того времени. Соборы и храмы сохраняют на протяжении многих лет наследие русского народа. В них по сей день хранятся реликвии, которые имеют важное историческое значение и являются достоянием Руси [5, с. 1–2]. Кафедральный собор Успения Пресвятой Богородицы не является исключением. Это действительно уникальный объект, в котором, несмотря на тернистый путь и непростую историю, сохранились до наших дней реликвии XV века, неповторимые изразцовые барельефы, которые не имеют аналогов, великолепный резной иконостас, множество икон, хранящих тайны того времени. Кроме того, уделено особое внимание сохранению памяти равноапостальным Кириллу и Мефо-

дию — создателям славянской письменности и Серафиму Звездинскому в комплексе Успенского Собора. Храм продолжает жить и развиваться. При нем работают воскресная школа и хор, которые совершенствуют свои технологии и дают возможность каждому прикоснуться к миру православной культуры.

Список литературы

1. *Аренкова Ю.И.* О происхождении изразцовых рельефов Успенского собора в г. Дмитрове // Советская археология. — 1967. — № 2. — С. 224–231. — URL: https://disk.yandex.ru/i/ojwbapwfBj_6xw.
2. *Дядченко И.Н.* Миссионерское значение древнего русского города Дмитрова / Гуманитарное пространство. — 2024. — С. 333–335. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/missionerskoe-znachenie-drevnego-russkogo-goroda-dmitrova/viewer>.
3. *Игнатюк В.Е., Денисов А.А.* Крестный путь священномученика Серафима (Звездинского), епископа Дмитровского // Вестник Омской Православной Духовной Семинарии. 2017. — С. 89. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krestnyy-put-svyaschennomuchenika-serafima-zvezdinskogo-episkopa-dmitrovskogo/viewer>.
4. *Киселев А.Ф., Лубков А.В.* Судьбоносные святые Кирилл и Мефодий // Высшее образование сегодня. — 2021. — С. 68. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudbonosnye-svyatye-kirill-i-mefodiy/viewer>.
5. *Молокова Т.А.* Сохранение культурного наследия в России: исторический обзор // Общество: философия, история, культура. — 2019. — С. 1–2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sohranenie-kulturnogo-naslediya-v-rossii-istoricheskii-obzor/viewer>.
6. *Соловьев К.А.* История и архитектура Успенского Кафедрального собора г. Дмитров: проблема датировки строительства // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. — 2020. — № 1. — С. 120–125. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-i-arhitektura-uspenskogo-kafedralnogo-sobora-g-dmitrova-problema-datirovki-stroitelstva/viewer>.
7. *Соловьев К.А.* / Успенский Кафедральный собор города Дмитрова — 500 лет истории // Электронный журнал «Вестник МГОУ». — 2013. — № 3. — С. 11. — file:///C:/Users/LocalAdmin/Downloads/694-734-1-PB.pdf.

Антипов А.А.,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры Социальные отношения, реклама и связи с общественностью,
Московский технический университет связи и информатики

ЗАЩИТА ПРАВ ДЕТЕЙ В ИНТЕРНЕТЕ И ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ КИБЕРБУЛЛИНГА

Antipov A.A.,

PhD in Law,
Associate Professor of the Department of Social Relations, Advertising and Public Relations,
Moscow Technical University of Communications and Informatics
antipoff77@yandex.ru

PROTECTING CHILDREN'S RIGHTS ONLINE AND PREVENTING CYBERBULLYING

Аннотация. В статье исследуются архиважные вопросы, связанные с воздействием третьих лиц на подростковую психику, посредством сети Интернет и иных коммуникационных средств. Приводятся доказательства о необходимости дополнения действующего законодательства России, в первую очередь в Уголовный кодекс РФ, дополнив его новым составом преступления — кибербуллинг. Рассматривается понятие кибербуллинг, последствия его осуществления и применения, предлагаются примеры популярных сериалов и игр, которые крайне негативно повлияли на психическое здоровье детей, в том числе привели к суицидам подростков.

Ключевые слова: кибербуллинг, преступление, проступок, защита детей, пробелы в праве, обязанность родителей, психическое здоровье.

Abstract. The article explores important issues related to the impact of third parties on the mental health of teenagers through the Internet and other communication channels. It provides evidence for the need to amend Russia's current legislation, particularly the Criminal Code of the Russian Federation, by introducing a new crime category: cyberbullying. The article examines the concept of cyberbullying, its consequences, and the impact it has on children's mental health, including cases of teenage suicides.

Key words: cyberbullying, crime, misdemeanor, child protection, gaps in the law, parental responsibility, and mental health.

Сегодня, в наш XXI век, век информатизации, инфокоммуникаций и дистанционного общения появляются как новые факторы, позитивно влияющие на развитие общества, образование и самоорганизацию человека, так и негативные и даже преступные проявления отдельных индивидуумов при контактировании с другими людьми. Но когда речь идет о несовершеннолетних, а иногда малолетних, то этой проблеме стоит уделить особое внимание.

В настоящее время научно-технический прогресс обуславливает появление новых явлений в общественной жизни общества, в том числе новых видов преступных посягательств, одним из которых является кибербуллинг. Проводя за компьютером существенную часть своего времени, подростки оказываются подверженными неблагоприятному влиянию разного рода информации, и сами становятся источником подобных воздействий в разнообразных коммуникациях [3].

В данный момент ни Уголовный кодекс Российской Федерации, ни Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации, да и вообще действующее законодательство России не содержит понятие кибербуллинг. Данный факт является странным и очевидным пробелом в российском праве.

Так, в США, хоть и не существует федерального закона, предусматривающего уголовную ответственность за кибербуллинг, однако, 47 штатов приняли свое законодательство по борьбе с цифровым домогательством, а по состоянию на 2025 год в 32 штатах предусмотрены уголовные наказания.

В Канаде, согласно уголовному кодексу страны, который также не содержит специального раздела, посвященного кибербуллингу, лицу могут быть предъявлены обвинения в совершении таких преступлений как публикация интимных изображений без согласия, несанкционированное использование компьютера, кража личных данных, ложные сообщения, непристойные или беспокоящие телефонные звонки, консультирование по вопросам самоубийства.

Единственной страной, имеющей в составе своих нормативно-правовых актов закон, напрямую регулирующий понятие кибербуллинг, является Италия. 14 июня 2024 года в Италии

вступил в силу закон о предотвращении и борьбе с буллингом и кибербуллингом, направленный на предотвращение всех форм издевательств и кибербуллинга, уделяя особое внимание несовершеннолетним как жертвам, так и преступникам. Согласно данному закону, каждая школа Италии должна принять внутренний кодекс по предотвращению буллинга и кибербуллинга, а также создать постоянный надзорный комитет с участием учащихся, учителей, семей и экспертов [2].

Так что же такое кибербуллинг? Кибербуллинг имеет своим началом классический буллинг — словесное либо иное физическое преследование лица или его унижение. Приставка «кибер» придает понятию кибербуллинг преследование, издевательство над человеком посредством сети Интернет или в иных интерактивных коммуникационных системах.

Первым, кто ввел в оборот название «кибербуллинг» был педагог из Канады Белсей Билл, описав его как использование информационных или коммуникационных технологий для преднамеренного, повторяющегося и враждебного поведения, намеревающегося нанести вред другим [6].

В нашей стране внимание на кибербуллинг обратили сравнительно недавно. Пионерами в изучении данного понятия были С.И. Анохин, С.Е. Ковалева, Д.Е. Щипанова, Л.А. Найденова, И.С. Осипов, У.У. Парфентьев, О.С. Черкащенко. Так, С.И. Анохин кибербуллингом назвал целенаправленные агрессивные умышленные действия, совершаемые группой лиц или одним лицом с использованием электронных форм воздействия в отношении жертвы, которая не может себя защитить [1]. О.С. Черкащенко кибербуллингом называл преднамеренные агрессивные действия, направленные против жертвы, которые осуществляются систематически на протяжении определенного промежутка времени с использованием различных электронных форм взаимодействия, от игриво-шуточного до психологического виртуального террора, результатом которого может стать самоубийство [9].

Действующее законодательство России не определяя понятие кибербуллинг квалифицирует схожие деяния как преступления и проступки, то есть в рамках УК РФ и КоАП РФ.

Так, в случае доведения жертвы до суицида или даже до попытки суицида, систематически преследуя человека в сети Интернет, виновника обвиняют в совершении преступления, предусмотренного ст. 110.1 УК РФ (доведение до самоубийства). Если лицо будет распространять заведомо ложные сведения, которые порочат честь и достоинство жертвы, то ему грозит привлечение к уголовной ответственности по ст. 128.1 УК РФ (клевета). В ст. 137 УК РФ говорится о нарушении неприкосновенности частной жизни путем собиранием или распространением сведений о частной жизни без согласия лица. Согласно ст. 119 УК РФ (угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью) не обязательно физически причинять вред лицу, поскольку в случае психологического воздействия на человека, следствием которого стали серьезные для него последствия, виновный будет привлечен к уголовной ответственности.

Административная ответственность наступает за менее тяжкие правонарушения, такие как оскорбление (ст. 5.61 КоАП РФ), распространение информации о частной жизни без согласия (ст. 13.11 КоАП РФ), публичное возбуждение ненависти либо вражды (ст. 20.3.1 КоАП РФ), хулиганство (ст. 20.1 КоАП РФ).

Однако, есть один важный нюанс — возраст привлечения к юридической ответственности. Поскольку кибербуллинг в основном занимаются несовершеннолетние, то наказание не достигает своей цели, поскольку, в соответствии с ч. 1 ст. 2.3 КоАП РФ к административной ответственности возможно привлечь лицо, достигшее 16-летнего возраста к моменту совершения правонарушения, как и по указанным выше статьям УК РФ.

Таким образом, вопрос защиты прав и законных интересов детей в интернете остается одной из главных задач, стоящих перед обществом и в первую очередь перед законодателем, поскольку детская неокрепшая психика подвержена различным воздействиям, которые могут привести, в том числе, к психологическим травмам. Дети не всегда способны распознать и отказаться от вредной информации, что делает их потенциальными жертвами злоумышленников. Поэтому деятельность в сети Интернет должна быть регламентирована, особенно для защиты несовершеннолетних [4].

В России с каждым годом увеличивается число несовершеннолетних, которые скрывают информацию от родителей и не безопасно пользуются Интернетом. Беспокойство общества оправдано, поскольку благополучное развитие детей влияет на будущее общества и государства. Негативное влияние интернета на детей может привести к падению нравов, увеличению числа преступлений.

Ярким примером является премьера сериала «Слово пацана. Кровь на асфальте», которая состоялась в конце 2023 года на платформах онлайн-кинотеатров после просмотра которого участились случаи массовых драк подростков. Подобные явления случаются именно с неокрепшей нестабильной детской психикой, когда дети ищут выход из, как им кажется, большой проблемы, через то, что они видят вокруг себя.

Существует такое понятие как синдром Вертера, который был назван в честь персонажа произведения Иоганна Вольфганга фон Гете «Страдания молодого Вертера», который в конце истории совершает самоубийство. Суть его такова — после прочтения рассказа большое количество молодежи также совершили самоубийство. Эффект бывает особенно сильным, если суицид описывается детально или если предметом для публичного обсуждения становятся мотивы самоубийцы, которые нередко изображаются в упрощенном виде — неудачный брак, долги и т.п. [7].

Другой пример — сериал «Игра в кальмара», в которой присутствуют жестокие последствия, настигающие проигравших. И если просто жестокие сцены могут казаться детям непонятными и отталкивающими, то в «Игре в кальмара» кровопролитие показано на уровне, который близок детям, — на игре [5].

Также можно вспомнить игру «Синий кит», суть которой заключалась в выполнении простых заданий по просьбам неизвестных лиц, за отказ от выполнения которых подросткам начинали угрожать.

Таким образом, как видится, пока существует единственное решение, чтобы сберечь психическое здоровье подростков — просвещение детей и, как ни странно, родителей, не всегда понимающих сути происходящего с ребенком изменений, не обраща-

ющих внимание на то, с кем ребенок общается, какие фильмы смотрит. Родители должны интересоваться жизнью своих детей, включая социальную. Это поможет родителям лучше понять своих детей и в случае различных угроз помочь им. Необходимо напомнить, что, согласно ч. 2 ст. 38 Конституции РФ забота о детях и их воспитание — равное право и обязанность родителей.

В итоге для защиты прав детей и прекращения кибербуллинга нужно много средств и усилий и даже не одной страны. Для решения подобной проблемы недостаточно придумать лишь пару правил, нужно вводить целую систему, в том числе сделать Интернет безопасным.

Список литературы

1. *Анохин С.М., Анохина Н.Ф.* Травля учителя — симптом неблагополучия // Народное образование. — 2015. — № 4. — С. 209–212.
2. *Данте Ф.* Италия: принят закон о предотвращении буллинга и кибербуллинга // Юридическая библиотека Конгресса США. — 15.07.2024. — URL: <https://www.loc.gov/item/global-legal-monitor/2024-07-14/italy-law-to-prevent-bullying-and-cyberbullying-enacted/> (дата обращения: 24.10.2025).
3. *Дозорцева Е.Г., Кирюхина Д.В.* Кибербуллинг и склонность к девиантному поведению у подростков // Прикладная юридическая психология. — 2020. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberbulling-i-sklonnost-k-deviantnomu-povedeniyu-u-podrostkov> (дата обращения: 24.10.2025).
4. *Колобаева Н.Е., Несмеянова С.Э.* Информационная безопасность несовершеннолетних и право на доступ в Интернет // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. — 2020. — № 6.
5. *Кровь, насилие, и деньги. Как «Игра в кальмара» воздействует на психику детей?* // Рабочий Магнитогорск. — URL: <https://mr-info.ru/141365-krov-nasilie-i-dengi-kak-igra-v-kalmara-vozdeystvuet-na-psihiku-detey.html?ysclid=mh57975au5218020628> (дата обращения: 24.10.2025).
6. *Маркина А.А., Гудовичева В.Е.,* К вопросу о целесообразности введения ответственности за кибербуллинг // Электронный научный журнал «ДНЕВНИК НАУКИ». — 2025. — № 6. — URL: <https://dnevniknauki>.

ru/images/publications/2025/6/law/Markina_Gudovicheva2.pdf (дата обращения: 24.10.2025).

7. Методические рекомендации для педагогов-психологов и социальных педагогов образовательных организаций по проведению профилактической работы с несовершеннолетними, склонными к суицидальному поведению // Минобрнауки России, — 2018. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310839/ (дата обращения: 24.10.2025).
8. Толковый словарь по психологии. — URL: https://psychology_dictionary.academic.ru/1526/%D0%92%D0%95%D0%A0%D0%A2%D0%95%D0%A0%D0%90%2C_%D0%A1%D0%98%D0%9D%D0%94%D0%A0%D0%9E%D0%9C?ysclid=mh55nnltms586138166 (дата обращения: 24.10.2025).
9. *Черкасенок О.С.* Феномен кибербуллинга в подростковом возрасте // *Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии.* — 2015. — № 6. — С. 52–54.

УДК 327

Антипова Е.А.,

студент,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

Научный руководитель: И.Ю. Сомова,

кандидат исторических наук, доцент,

зав. каф. зарубежного регионоведения,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

**ИЕРОГЛИФЫ И КИРИЛЛИЦА:
КОНТРАСТИВНЫЙ АНАЛИЗ ВОСПРИЯТИЯ
ВИЗУАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ
И СИМВОЛИЗМА ПИСЬМЕННОСТИ
В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ**

Antipova E.A.,

Student,

V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow

e.antipova03@mail.ru

Academic Supervisor: I.Yu. Somova,

PhD in Historical Sciences, Associate Professor,

Head of the Department of Foreign Regional Studies,

V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow

innaaleftina@mail.ru

**HIEROGLYPHS AND CYRILLIC:
A CONTRASTIVE ANALYSIS OF THE PERCEPTION
OF THE VISUAL STRUCTURE AND SYMBOLISM OF WRITING
IN THE RUSSIAN AND CHINESE CULTURAL CONTEXT**

Аннотация. Данная работа посвящена контрастивному анализу восприятия визуальной структуры и символизма двух различных систем письма — китайских иероглифов и русской кириллицы — в контексте их культурного значения. Исследование направлено на выявление как фундаментальных различий, так и точек соприкосновения в том, как носители русского и китайского языков воспринимают и интерпретируют визуальную форму письменности. Анализируются особен-

ности композиции, графической составляющей, а также глубинная символика, присущая каждому типу письма, и ее влияние на формирование культурных кодов, эстетических предпочтений и когнитивных процессов. Работа предполагает выявление общих закономерностей в восприятии письменности как знаковой системы и ее роли в трансляции культурных ценностей и мировоззренческих установок.

Ключевые слова: визуальная структура, символизм, китайские иероглифы, русская кириллица, система письма, межкультурное восприятие, культурные коды, графическая композиция, когнитивные процессы, контрастивный анализ, письменность и культура, знаковая система, визуальная семиотика.

Abstract. This work focuses on a contrastive analysis of the perception of the visual structure and symbolism of two different writing systems — Chinese characters and Russian Cyrillic — in the context of their cultural significance. The study aims to identify both fundamental differences and points of convergence in the way Russian and Chinese speakers perceive and interpret the visual form of writing. It analyzes the features of composition, the graphic component, as well as the underlying symbolism inherent in each type of writing and its impact on the formation of cultural codes, aesthetic preferences, and cognitive processes. The work involves identifying general patterns in the perception of writing as a sign system and its role in the transmission of cultural values and worldviews.

Key words: visual structure, symbolism, Chinese characters, Russian Cyrillic, writing system, intercultural perception, cultural codes, graphic composition, cognitive processes, contrastive analysis, writing and culture, sign system, visual semiotics.

Письменность — это не только средство передачи информации, но и отражение культуры, мышления и эстетических предпочтений народа [1]. История формирования письменных систем тесно связана с философией, образом жизни и культурными традициями общества [7]. Особенно показательным является контраст между китайской иероглифической системой и кириллической письменностью, используемой в русском языке. Несмотря на общую функцию записи речи, эти системы различаются по визуальной структуре, символике и способам восприятия текста, что находит отражение в когнитивных и культурных особенностях носителей [11].

Китайская письменность представляет собой сложную систему иероглифов. Каждый иероглиф является логограммой, то

есть символизирует целое слово или морфему [9]. Визуальная структура иероглифа многослойна: он состоит из черт и радикалов, каждый из которых может нести смысловую или фонетическую функцию. Например, иероглиф “林” (lín) означает «лес» и состоит из двух радикалов “木” (дерево).[12] Таким образом, структура иероглифа визуально отражает его значение. Помимо семантики, иероглифы обладают художественной ценностью: каллиграфия в Китае считается самостоятельным видом искусства, где форма и эстетика графических элементов столь же важны, как и их смысл [4]. При обучении китайскому письму дети осваивают способность распознавать черты, компоненты и комбинации элементов, что развивает пространственное восприятие, визуальную память и ассоциативное мышление [12].

В отличие от иероглифов, кириллица представляет собой фонетическую систему, где каждая буква соответствует определенному звуку. Например, буква “Б” обозначает звук [b], а “Д” — [d] [3]. Визуальная форма букв не несет семантической нагрузки и служит лишь для кодирования звуков речи [5]. Кириллица была разработана на основе греческого алфавита и адаптирована к славянским языкам, включая русский [2]. Ограниченное количество букв и строгие правила их написания делают систему относительно простой для освоения, что позволяет быстро научиться читать и писать. В русской культуре эстетическое восприятие письменности проявляется не столько в форме отдельных букв, сколько в каллиграфии, шрифтовых решениях и оформлении текста. Так, рукописный шрифт или декоративные шрифты в книгах и документах создают художественный эффект, но сами буквы остаются функциональными единицами, не несущими дополнительного смыслового слоя [6].

Сравнительный анализ китайской и русской письменностей показывает значительные различия в когнитивных аспектах восприятия [7; 11]. Китайские читатели, привыкшие к визуальной и семантически насыщенной системе, развивают навыки целостного восприятия образов, ассоциативного мышления и визуальной памяти. Русскоязычные читатели ориентируются на последовательное декодирование текста и фонетический анализ, что формирует аналитический и логический подход к вос-

приятию письменной информации. Эти различия находят отражение в образовательных системах: китайская школа уделяет внимание написанию иероглифов с точным воспроизведением черт и радикалов, тогда как в русской школе акцент делается на грамотность, правописание и связное изложение мысли [3; 6].

Важным аспектом различий является символизм и культурная нагрузка письменности. Иероглифы часто отражают философские и природные концепции [9]. Например, иероглиф “心” (xīn) означает «сердце», но также несет значение эмоционального и духовного центра человека. Иероглиф “福” (fú) символизирует счастье и благополучие, и его изображение часто используется в декоративных целях, особенно в праздники [10]. В кириллице отдельные буквы не имеют такого глубинного символизма; их значение ограничено фонетикой и грамматической функцией. Символическая нагрузка возникает на уровне слов и текстов, а не отдельных букв [7].

Современные исследования когнитивной психологии подтверждают, что визуальная структура письменности влияет на способы обработки информации [11; 12].

Китайские студенты демонстрируют более высокий уровень визуально-пространственной памяти, что связано с необходимостью запоминать сложные формы иероглифов. Русскоязычные студенты обладают развитой фонематической осведомленностью и навыками анализа структуры слова. Для подтверждения этих наблюдений был проведен небольшой опрос среди студентов: 30 китайских и 30 русскоязычных студентов сравнивали свои навыки запоминания письменных символов и анализа слов. Результаты показали, что китайские студенты действительно лучше справлялись с заданиями на визуальное запоминание и узнавание иероглифов, тогда как русскоязычные студенты демонстрировали более высокую точность при фонетическом анализе слов. Эти различия отражаются не только в обучении, но и в восприятии литературы, графического дизайна и рекламы, где визуальный компонент играет разную роль.

Таким образом, китайская и русская письменности представляют собой два культурно и когнитивно различных феномена. Иероглифическая система формирует образное, ассоциативное

восприятие и тесно связана с философией и эстетикой, тогда как кириллица подчеркивает рациональность, системность и логическое мышление. Контрастивный анализ этих систем позволяет глубже понять взаимосвязь письменности, культуры и когнитивных процессов, а также подчеркивает важность учета этих различий в межкультурной коммуникации, образовании и переводе [8].

В современном глобализированном мире понимание особенностей различных письменностей становится не только академическим интересом, но и практической необходимостью. Осознание того, как визуальная структура и символизм текста влияют на мышление и восприятие, позволяет создавать более эффективные методики обучения, адаптировать образовательные материалы и развивать навыки межкультурного взаимодействия. Китайская и русская письменности, несмотря на различия, продолжают выполнять фундаментальную функцию культурного кода, связывающего поколения и отражающего уникальные пути развития человеческого общества [2].

Список литературы

1. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. — М.: Языки славянской культуры, 1999. — 896 с.
2. *Бацевич Ф.С.* Основы коммуникативной лингвистики. — М.: Академия, 2004. — 304 с.
3. *Богин Г.И.* Эстетика письма и знака // Вопросы филологии. — 2015. — № 3. — С. 45–52.
4. *Гаспаров Б.М.* Язык, память, образ: лингвистика языкового существования. — М.: Новое литературное обозрение, 1996. — 352 с.
5. *Журавлев А.П.* Графическая форма слова и ее восприятие // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. — 2012. — № 4. — С. 37–49.
6. *Касевич В.Б.* Языковая символика и структура знака. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001. — 210 с.
7. *Сомова И.Ю.* Кириллица или латиница — геополитическая борьба или навязанный спор в СМИ? // Либерально-демократические ценности. — 2020. — Т. 4. — № 1–2. — С. 42–49.

8. *Хамлова Е.О., Сомова И.Ю.* Диалог культур России и Китая в современном мире // Грани культуры: актуальные проблемы истории и современности. Материалы XIV научной конференции с международным участием. — 2020. — С. 505–513.
9. *Lotman J.* Universe of the Mind: A Semiotic Theory of Culture. — Bloomington: Indiana University Press, 1990. — 272 p.
10. *Norman J.* Chinese. — Cambridge: Cambridge University Press, 1988. — 311 p.
11. *Sampson G.* Writing Systems: A Linguistic Introduction. — Stanford: Stanford University Press, 1985. — 342 p.
12. *Taylor I., Taylor M.* Writing and Literacy in Chinese, Korean and Japanese. — Amsterdam: John Benjamins, 2014. — 424 p.
13. *Unger J. Marshall.* Ideogram: Chinese Characters and the Myth of Disembodied Meaning. — Honolulu: University of Hawaii Press, 2004. — 256 p.

Балтер А.А.,

студент,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

РОССИЙСКО-АФРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА И ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОГО ПОРЯДКА

Balter A.A.,

Student,

V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow

anastaboxing@inbox.ru

RUSSIAN-AFRICAN RELATIONS IN THE CONTEXT OF THE UKRAINIAN CRISIS AND THE TRANSFORMATION OF THE WORLD ORDER

Аннотация. Статья посвящена анализу современного этапа российско африканских отношений, который сформировался на фоне украинского кризиса и масштабных санкций со стороны стран Запада. Рассматривается, каким образом изменение глобальной политической конъюнктуры и ослабление традиционного европейского влияния в Африке способствовали активизации контактов России с африканскими государствами. Особое внимание уделяется дипломатической активности России после 2022 года, включая интенсивные визиты на высоком уровне, проведение саммита Россия Африка и расширение взаимодействия в рамках международных организаций. В работе показано, что продовольственная безопасность, военное и энергетическое сотрудничество, а также гуманитарные связи стали ключевыми направлениями нового формата партнерства. Анализируется влияние информационного противоборства и гибридных инструментов давления на восприятие России в африканском общественном мнении, а также ограничения, связанные с доминированием западных медиа. Подчеркивается, что несмотря на существующие имиджевые и институциональные вызовы, Россия сумела укрепить свои позиции на континенте за счет прагматичного подхода, ориентации на идеи многополярности и учета исторического опыта африканских стран. Делается вывод о том, что российско-африканские отношения вступили в фазу качественного

расширения, где политическое сближение сочетается с экономическими и гуманитарными инициативами. Перспективы дальнейшего сотрудничества связываются с глобальными геополитическими сдвигами, ростом роли стран Глобального Юга и стремлением Африки к большей автономии в мировой политике.

Ключевые слова: Россия, Африка, украинский кризис, санкции, многополярность, внешняя политика, продовольственная безопасность, военное сотрудничество, БРИКС, мягкая сила.

Abstract. This article analyzes the current stage of Russian-African relations, which has developed against the backdrop of the Ukrainian crisis and large-scale sanctions imposed by Western countries. It examines how changes in the global political landscape and the weakening of traditional European influence in Africa have contributed to the intensification of Russia's contacts with African states. Particular attention is paid to Russia's diplomatic activity after 2022, including intensive high-level visits, the Russia-Africa summit, and expanded cooperation within international organizations. The article shows that food security, military and energy cooperation, and humanitarian ties have become key areas of the new partnership format. The study analyzes the impact of information warfare and hybrid pressure tools on the perception of Russia in African public opinion, as well as the limitations associated with the dominance of Western media. It is emphasized that despite existing image and institutional challenges, Russia has managed to strengthen its position on the continent through a pragmatic approach, a focus on multipolarity, and consideration of the historical experience of African countries. The conclusion is that Russian-African relations have entered a phase of qualitative expansion, where political rapprochement is combined with economic and humanitarian initiatives. The prospects for further cooperation are linked to global geopolitical shifts, the growing role of the Global South, and Africa's desire for greater autonomy in world politics.

Key words: Russia, Africa, the Ukrainian crisis, sanctions, multipolarity, foreign policy, food security, military cooperation, BRICS, soft power.

Новый этап развития российско-африканских отношений был обусловлен непосредственно началом и продолжением украинского кризиса, который привел к росту спроса на российско-африканские отношения. В феврале 2022 года США и другие западные страны выступили с резким осуждением России и ввели санкции, одновременно оказав Украине значительную военную помощь. К маю 2024 года Европейский союз ввел 13 последовательных раундов санкций против России. На этом фоне важным

вопросом для российской дипломатии стал прорыв санкционной блокады Запада и укрепление отношений с «незападным миром», включая Африку.

Влияние Европы на Африку было одним из основных факторов развития региона. Снижение традиционного влияния Европы на Африку заставили многие африканские страны обратиться за сотрудничеством к России. На втором саммите Россия-Африка в 2023 году министр иностранных дел Мали Абдулаيه Диоп заявил, что Мали продолжит развивать сотрудничество с Россией в области обороны и безопасности после вывода Интегрированной миссии ООН по стабилизации в Мали (MINUSMA).

Негативное влияние на имидж России в Африке оказывают различия в ее возможностях ведения «гибридной войны», что стало очевидным во время двух украинских кризисов 2014 и 2022 годов. В этих кризисах США использовали сочетание военного сдерживания, экономических санкций, дипломатического давления и информационной войны для ограничения влияния России. США и западные СМИ постоянно дискредитируют Россию, распространяя негативные истории среди африканского населения.

Африканские страны, имея долгую историю колонизации и чувствительность к территориальным изменениям, восприимчивы к влиянию западных СМИ на тему украинского кризиса. По мнению Микатекисо Кубайи, исследователя из Института глобального диалога в ЮАР, значительная часть глобального информационного пространства контролируется Западом и навязывается другим странам, из-за чего голоса России часто не слышны в местных СМИ, русская культура слабо представлена в Африке, а многие глобальные новостные платформы занимают антироссийскую позицию.

В последнее время отношения России и Африки активизировалось. Во-первых, значительно увеличилось взаимодействие на высоком уровне. С февраля 2022 года по май 2023 года С.В. Лавров совершил четыре визита в Африку: в Египет, Конго, Уганду и Эфиопию в июле 2022 года, в Анголу, ЮАР, Свазиленд и Эритрею в январе 2003 года, в Мали, Мавританию и Судан в феврале 2023 год, в Кению, Бурунди и Мозамбик в конце мая 2023 года.

Были охвачены практически все субрегионы Африки: юг Африки, Западная Африка, Сахельский регион и Африканский Рог. Интенсивные поездки Лаврова были направлены в основном на то, чтобы заручиться поддержкой африканских стран, подготовить второй российско-африканский саммит, укрепить российско-африканское сотрудничество в торгово-экономической, военной, образовательной и других сферах, а также совместно содействовать развитию многополярного мира.

Благодаря дипломатическому посредничеству ООН с Турцией Россия и Украина подписали 120-дневное соглашение о возобновлении экспорта сельскохозяйственной продукции из портов Черного моря в июле 2022 года, которое было трижды продлено: в ноябре 2022 года, марте 2023 года и мае 2023 года, что дало необходимые гарантии для укрепления российско-африканского сотрудничества в области продовольствия. В марте 2023 года Владимир Путин заявил, что даже в случае прекращения действия Соглашения о транспортировке продовольствия по Черному морю Россия будет оказывать Африке продовольственную помощь. Декларация второго российско-африканского саммита, принятая на втором российско-африканском саммите в июле того же года, определяет совместные российско-африканские усилия по обеспечению долгосрочной продовольственной безопасности в Африке и борьбе с незаконными односторонними ограничительными мерами, которые ставят африканские страны перед угрозой отсутствия продовольственной безопасности. На саммите В.В. Путин заявил, что Россия является стабильным и ответственным поставщиком продовольствия в Африку и может заменить Украину в постепенном расширении поставок сельскохозяйственной продукции в африканские страны. В 2022 году Россия экспортировала в Африку 11,5 млн т продовольствия, а только в первой половине 2023 года почти 10 млн т. Россия также оказывает гуманитарную продовольственную помощь общим объемом 200 000 т шести африканским странам, включая Буркина-Фасо, Мали и Эритрею.

В итоге, отношения между Россией и Африкой характеризуются частыми высокоуровневыми взаимодействиями, растущими торговыми партнерствами и обширным военным со-

трудничеством. Основные области сотрудничества включают: Дипломатические взаимодействия: частые визиты и саммиты, такие как Саммит Россия — Африка, способствовали укреплению политических связей; экономическое партнерство: торговля между Россией и африканскими странами выросла, наблюдаются значительные инвестиции в инфраструктуру, горнодобывающую и энергетическую отрасли; военное сотрудничество: Россия остается одним из крупнейших поставщиков оружия для Африки, предоставляя военное обучение и участвуя в совместных учениях; энергетическое сотрудничество: Российские компании участвуют во многих энергетических проектах по всему континенту, включая нефтегазовые и ядерные энергетические инициативы.

Траектория отношений между Россией и Африкой будет зависеть от нескольких факторов, включая глобальные геополитические сдвиги, экономические тренды и внутренние события в африканских странах. Стратегическое видение и адаптивная политика будут критически важны для обеих сторон для навигации по сложным вопросам их партнерства. Россия поддерживает дипломатические отношения с 54 африканскими странами, наладила стабильное сотрудничество с африканскими странами в рамках международных организаций. На втором саммите Россия-Африка в июле 2023 года В.В. Путин заявил, что он «выступает за расширение представительства африканских стран в Совете Безопасности и других органах ООН, и что пришло время исправить «историческую несправедливость». Стремление России к многополярному миру совпадает со стремлением африканских стран к независимости и автономии, и она не только выступает за повышение статуса африканских стран в ООН, но и активно продвигает членство АС в G20 и включение его в механизм сотрудничества БРИКС. На 18 саммите G20 АС стал полноправным членом G20, и теперь африканские страны будут играть более значительную роль в международных делах и станут важной силой многополярности. В январе 2024 года Эфиопия и Египет, среди прочих, официально присоединились к организации БРИКС — это шаг, который с политической точки зрения означал крах альянса США на Африканском Роге и Красном море и который благоприятствует дальнейшему развитию

отношений России с африканскими странами²⁵. Россия также использует свое председательство в БРИКС для расширения связей с кругом развивающихся стран, и все больше африканских стран выразили желание присоединиться к механизму сотрудничества БРИКС, что придало новый импульс дальнейшему развитию российско-африканских отношений.

Наконец, набирает обороты российско-африканское сотрудничество в области науки, образования, культуры и здравоохранения. Ранее утверждалось, что культурно-гуманитарное сотрудничество между Россией и Африкой не имеет ни четко определенных приоритетов, ни стратегического документа, а его развитие происходит неравномерно. После начала украинского кризиса эта ситуация быстро изменилась. Если в области образования в 2008 году в России обучалось всего около 9 000 африканцев, то в 2023 году Россия данный показатель составил уже 35 000 африканских студентов.

В 2022 году в МГУ был создан Клуб «Россия-Африка», который стал площадкой для обменов между российскими и африканскими дипломатами, политиками, общественными деятелями и представителями деловых кругов с целью укрепления российско-африканской дружбы и общих связей. Кроме того, после 2022 года Россия открыла Русские дома в Судане, Мали, Египте и Алжире с целью содействия распространению русского языка и культуры в этих странах и укрепления «мягкой силы» России в Африке. В области здравоохранения в 2022 году Россия поставила в Конго, Алжир, Марокко, Нигер, Уганду и другие африканские страны медикаменты на сумму более 62 млн долларов, в том числе вакцины против желтой лихорадки, вакцины «Спутник V», антибиотики и т.д. Вышеупомянутые усилия Российской Федерации способствовали дальнейшему развитию российско-африканского сотрудничества в области гуманитарных наук.

В условиях глобальных геополитических изменений Россия направляет свои усилия на укрепление позиций в Африке, что становится стратегически важным направлением внешней политики страны. В стремлении преодолеть западные санкционные барьеры и наладить новые партнерские связи с «незападным ми-

ром», российская дипломатия активно вовлекает африканские страны в диалог, предлагая сотрудничество в различных сферах — от обороны до энергетики.

Развитие отношений между Россией и Африкой открывает значительные перспективы для обеих сторон. Для Африки это возможность найти новые рынки сбыта и источники инвестиций, что способствует социально-экономическому развитию региона. Россия, в свою очередь, обеспечивает себе доступ к африканским природным ресурсам, усиливает свое влияние в мире и демонстрирует приверженность идеям многополярности.

Однако перспективы дальнейшего сотрудничества сталкиваются с определенными вызовами, включая необходимость усиления российского информационного присутствия в Африке и преодоления негативного имиджа, формируемого западными СМИ. Успешное преодоление этих препятствий требует от России продуманной стратегии, направленной на культурный обмен и повышение узнаваемости российской культуры и политики среди африканского населения.

Таким образом, российско-африканские отношения вступают в новую фазу, характеризующуюся расширением сотрудничества и углублением связей на различных уровнях. В этом контексте обе стороны могут воспользоваться созданными возможностями для укрепления взаимного доверия и совместного реагирования на глобальные вызовы в условиях многополярного мира.

Список литературы

1. *Абрамова И., Фитуни Л.* Стратегия России на африканском направлении: Что изменилось после саммита Россия — Африка 2019? // *Мировая экономика и международные отношения.* — 2021. — Т. 65. — № 12. — С. 68–78.
2. *Ефременко Д.В.* Глубокая заморозка американо-российских отношений // *Феномен Трампа: монография* / под ред. А.В. Кузнецова. — М.: ИНИОН РАН, 2020. — С. 549–560.
3. *Кузнецов А.В.* Кризис страноведения в России на фоне растущего спроса на знания о зарубежных странах и регионах // *Контурь глобальных*

- трансформаций: политика, экономика, право. — 2021. — Т. 14. — № 6. — С. 6–25.
4. *Малофеев К.В.* Россия для африканских стран является приоритетным партнером // Росконгресс. — 2019. — 15 октября. — URL: <https://roscongress.org/materials/konstantin-malofeevrossiya-dlya-afrikanskikh-stranyavlyaetsya-prioritetnym-partnerom/>
 5. *Маслов А.А., Суслов Д.В.* Возвращение в Африку: как сделать его российским приоритетом // Россия в глобальной политике. — 2022. — Т. 20. — № 1. — С. 130–148.

Белов М.А.,

студент,

ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», Люберцы

Дзюбан В.В.,

доктор исторических наук, кандидат педагогических работ,

профессор кафедры гуманитарных дисциплин,

ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», Люберцы

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ОСНОВА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И САМОБЫТНОСТИ НАРОДОВ РОССИИ

Belov M.A.,

Student,

GKOU HE "Russian Customs Academy", Lyubertsy

belovm2007@outlook.com

Dzyuban V.V.,

Doctor of Historical Sciences, PhD in Pedagogical Sciences,

Professor of the Department of "Humanities",

GKOU HE "Russian Customs Academy", Lyubertsy

bryanskstudzuban@mail.ru

HISTORICAL EXPERIENCE AND CULTURAL VALUES AS THE BASIS OF NATIONAL IDENTITY AND IDENTITY OF THE PEOPLES OF RUSSIA

Аннотация. В этой статье читатель имеет возможность познать важность и закономерность национальной идентификации и самобытности народов России через глубокий анализ отдельно взятых аргументов исторических, философских и культурологических научных источников. Узнать лучше социокультурные особенности народов России и их менталитета, а также увидеть, как на примерах исторических фактов русский народ отстаивал свою национальную идентичность и создавал свою культуру. В статье рассматривается влияние важнейших факторов на определение национальной идентичности и формирование самобытности народов России. Анализируются ключевые фрагменты-доказательства из произведений

известных философов и литературоведов. Раскрывается актуальность проблемы национальной идентичности и определения исторической самобытности народов. Раскрывается влияние СМИ на формирование образа нации. Особое внимание уделяется рассмотрению религии и ее ценностей, а также ее влияния на национальную идентичность и самобытность народов. Частично рассматриваются культурные элементы некоторых народов России. Также затрагивается теория вызовов и ответов, рассматриваются факты из истории Российского государства. Анализируются аспекты создания народами уникальной культуры и истории, закономерности их развития. Резюмируется общий вывод о значимости национальной идентичности и самобытности народов в современном мире.

Ключевые слова: культура; история; народы России; национальная идентичность; самобытность.

Abstract. In this article, the reader has the opportunity to learn the importance and regularity of the national identification and identity of the peoples of Russia through an in-depth analysis of individual arguments from historical, philosophical and cultural scientific sources. To learn more about the socio-cultural characteristics of the peoples of Russia and their mentality, as well as to see how the Russian people defended their national identity and created their culture using examples of historical facts. The article examines the influence of the most important factors on the definition of national identity and the formation of the identity of the peoples of Russia. The key fragments of evidence from the works of famous philosophers and literary critics are analyzed. The relevance of the problem of national identity and the definition of the historical identity of peoples is revealed. The influence of the media on the formation of the image of the nation is revealed. Special attention is paid to the consideration of religion and its values, as well as its impact on national identity and the identity of peoples. The cultural elements of some peoples of Russia are partially considered. The theory of challenges and answers is also touched upon, and facts from the history of the Russian state are considered. The aspects of the creation of a unique culture and history by peoples, patterns of their development are analyzed. The general conclusion about the importance of national identity and the identity of peoples in the modern world is summarized.

Key words: culture; history; peoples of Russia; national identity; uniqueness.

На территории России проживает большое количество народов, имеющих свою культуру, ценности, традиции, нормы и историю своего существования. Безусловно, можно считать, что национальная идентичность, а также самобытность каждого народа определяется такими важными факторами, как наличие

уникальной культуры и исторического опыта. Люди могут относить себя к тому или иному этносу только благодаря культуре и знанию истории того или иного народа. Человек, почитающий и применяющий культуру и ценности определенного народа, а также знающий историю его происхождения, может быть идентифицирован как представитель той или иной нации.

Проблема национальной идентичности дает о себе знать во времена социальных преобразований, когда происходят радикальные изменения в структуре мирового общества, включая все сферы жизнедеятельности людей. Эти социальные преобразования могут кардинально повлиять на изменение образа жизни, а также ценностных ориентиров и идеалов каждого народа. В настоящее время национальная идентификация и самобытность народов усложняется и процессом глобализации, в котором культуры и история разных народов смешиваются и в результате размываются этнокультурные и историкокультурные границы, что зачастую может привести к межнациональным конфликтам.

Один из существенных аргументов, подтверждающих влияние культуры и истории на национальную идентификацию человека и самобытность народа, приводит Бенедикт Андерсон в своей книге «Воображаемые сообщества». Он приходит к выводу, что «если, как полагают Февр и Мартен, к 1600 г. действительно было выпущено целых 200 млн томов, то неудивительно, что Фрэнсис Бэкон считал, что печать изменила «облик и состояние мира»» [1, с. 90]. То есть, можно сказать, что на сегодняшний день, так называемые, СМИ как распространители массовой культуры могут сформировать или изменить культурное сознание человека, тем самым создав облик своей нации. Простыми словами, если государство пропагандирует культурные ценности своего народа на глобальном уровне через СМИ, включая печать как это было сказано Фрэнсисом Бэконом, то люди будут воспринимать, усваивать эти ценности и впоследствии идентифицировать себя как представителей той или иной нации, к которой эти ценности принадлежат. Тоже самое и с историей: СМИ, пропагандируя исторический опыт какой-либо нации или этноса, формируют в культурном сознании человека представ-

ление о самобытности этой нации или этноса, их уникальности. Что касается народов, проживающих в России, они имеют определенные равные социокультурные права, которые позволяют им также распространять свою культуру и историческое знание в пределах своих этносов и формировать культурное сознание, а также представление о самобытности народа у своих представителей. Наличие уникальных черт культуры и истории народов России как раз является основой национальной идентичности представителей этих народов. По этим признакам мы можем определить, что, например, эти люди являются татарами, так как мы видим, что в их культуре присутствуют уникальный внешний облик людей, свои традиции, обряды и религия — все эти элементы составляют культуру народа.

Кстати, не стоит забывать и про религию, так как она тоже является неотъемлемой частью духовной культуры народов. Каждый народ проповедует определенную, принятую в государстве религию. Религия также способна национально идентифицировать человека и определить самобытность его народа. Так, Эмиль Дюркгейм в своей работе под названием «Элементарные формы религиозной жизни» делает вывод, что «религия — преимущественно общественное явление. Религиозные представления — коллективные представления, которые отражают коллективные реальности; обряды — способы действия, которые возникают только в собравшихся вместе группах и предназначены для возбуждения, поддержания или воссоздания определенных ментальных состояний этих групп» [4, с. 40]. Исходя из этого утверждения, религию можно считать, как нечто объединяющим людей в единое целое — этнос. Как уже говорилось ранее, каждый этнос имеет свою религию и, соответственно, свои уникальные обряды и ритуалы. Данные религиозные мероприятия позволяют как идентифицировать людей национально, так и определить самобытность их народа. Например, у таких народов России, как «калмыки» и «буряты», основной религией является буддизм. Мы можем понять это, исследовав их религиозную культуру, в которой содержатся уникальные традиции, например, у бурятов такими традициями являются почитание духов рек, гор, земли, святых мест, а также фестиваль белых одежд

«Сагаан Хобо», а у калмыков — почитание божества Цаган аав (поклонение Белому старцу). Это несколько из существенных религиозных признаков, по которым мы можем узнать, какова самобытность этих народов, а также к какому этносу принадлежат те или иные люди.

История — это наука о прошлом, о том, что было. Само собой разумеется, самобытность народов устанавливается историческими фактами, которые вживаются в их всю последующую жизнь. Один из известных французских философов, Морис Хальбвакс, в своей книге под названием «Коллективная и историческая память» считает, что «у каждой группы своя история. В ней можно различить фигуры и события. Но поражает нас то, что в памяти, тем не менее, на передний план выступают сходства. Рассматривая свое прошлое, группа чувствует, что она осталась той же, и осознаёт свою самотождественность во временном измерении» [6, с. 26]. Исходя из данного утверждения, можно установить, что каждый народ, проходя через определенные этапы истории, приобретает уникальные черты своей социально-этнической общности. Такими этапами могут быть военные конфликты, беспокойные времена, эпидемии, значительные социальные и культурные преобразования и прочее. Черты самобытности русского народа представляют его, как сильную, крепкую, сплоченную и способную на сложные шаги нацию. Само Российское государство пережило за всю историю своего существования немало войн. Было множество русско-турецких войн и самых значительных в истории — это Отечественная война 1812 года и Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Эти беспокойные для мирного населения времена были испытаниями, которые объединили и закалили их на последующие победы и отстаивание родины и своего народа. Если брать недавнее прошлое нашей страны, можно привести еще и пример пандемии COVID-19. События, которые происходят в нашей стране по сей день, представляют собой новые трудности, с которыми русский народ должен справиться. Проще говоря, здесь действует теория вызовов и ответов. Чтобы этнос не исчез и было гарантировано дальнейшее его развитие, он должен предпринять соответствующие меры и решения для вызовов. Так, в 2020 году русские

ученые из Национального исследовательского центра эпидемиологии и микробиологии имени Н.Ф. Гамалеи изобрели вакцину «Спутник V», которая спасла жизни русских людей от смертельной болезни.

Не менее ярко раскрывает актуальность национальной идентификации и формирования самобытности народов наш соотечественник Лев Гумилев в своей книге под названием «Древняя Русь и Великая степь». Он делает вывод, что «люди берегут то, что считают “своим” в пространственном и временном аспектах, и пренебрегают тем, что для них было или стало чужим» [3, с. 366]. Мы можем понимать это, как сохранение народом своих исконно принадлежащих ценностей. Каждый народ имеет свой уникальный путь развития, исходя из ценностей, которые они осваивали на протяжении всей истории. Например, у русского народа изначально основными ценностями являлись патриотизм, коллективизм, семья, а также трудолюбие. Эти ценности устоялись до сих пор, так как русские люди чтят и сохраняют их, а приобщение к чужим ценностям стараются минимизировать, так как это может негативно повлиять на дальнейший путь развития русского народа.

Тем не менее, известный литературовед Эдвард Саид придерживается мнения о том, что национальная идентичность и самобытность определяются через оппозицию: «Я также попытаюсь показать, что европейская культура выиграла в силе и идентичности за счет того, что противопоставляла себя Востоку как своего рода суррогатному и даже тайному “Я”» [5, с. 11]. Исходя из этого утверждения, мы можем сказать, что существование народа в целом зависит от того, как он отстаивает свою уникальность. Он должен утвердить свое «я», создать то, из чего он себя представляет — свой облик. Только после самоутверждения народ становится национально идентифицируемой группой с историей своей самобытности. В истории российского народа и народов России можно вспомнить такое знаменательное событие, как победа на Куликовом поле, которое означало полное свержение и освобождение от татарского ига. Это привело к торжеству национального самосознания народов, а также их независимости и политической самостоятельности.

Традиции как составная часть культуры также значимо влияет на национальную идентичность. Мнение известного британского историка-марксиста Эрика Хобсбаума таково: «Изобретение традиции — это процесс формализации и ритуализации, с которыми связано обращение к прошлому, пусть даже происходящее за счет обязательных повторений» [7, с. 4]. Этот аргумент раскрывает значение традиции в народе. Традиция — норма, обычай, передающийся из поколения в поколение. Благодаря традиции, народ обретает некое духовное единство, которое в последующем определяет их национальную идентичность. Например, у башкир есть такая традиция, как празднование Сабантуя. Это праздник, когда их предки отмечали приход весны и возрождение природы. Зачастую празднование проходило на открытом воздухе с угощением национальными блюдами, танцами и музыкой. Это одна из традиций, к которой башкиры относятся как к прошлому своих предков. Она объединяет их, а также определяет самобытность башкирского народа.

Не менее ярко раскрывает тему национальной идентичности и самобытности народов Фредрик Барт в своем сборнике под названием «Этнические группы и социальные границы». Он делает вывод, что «каждая группа вырабатывает свою культурную и социальную структуру в относительной изоляции, большей частью в качестве реакции на местные экологические факторы и в процессе адаптации путем изобретений и избирательного заимствования» [2, с. 12]. Суть этого высказывания заключается в том, что каждая социальная группа, независимо от других, создавала свои уникальные культурные ценности, в привычной для себя среде, чтобы в последующем было возможным объявить себя этносом, поскольку культура — это ключевой фактор национальной идентичности. Возьмем в пример народ Древней Руси. В то время, когда государственность еще только появилась в 882 году, славяне начали создавать свою культуру, не совсем независимо от каких-либо иных государств (то есть, логично предположить, что истоки национальной культуры возникают с появлением государства и нации). Русский народ создавал свой уникальный путь развития, свои особенности культурной и социальной структуры, немного заимствуя элементы культуры

других стран. Например, князь Владимир Святославич принял в 988 году христианство на Руси. Эта религия изначально была в Византийской империи, а приняли мы ее с целью налаживания отношений с Византией. Помимо религии, заимствованной из другого государства, русский народ впервые обрел письменность, благодаря Кириллу и Мефодию. В таких аспектах народы развиваются, создают свою уникальную социокультурную структуру в относительной изоляции от других народов.

Таким образом, мы можем с уверенностью утвердить, что история и культура — это основы национальной идентичности и самобытности народов России. Мы детально рассмотрели, что влияет на определение национальной идентичности народов России, какие исторические этапы, события, вызовы формируют их самобытность. На сегодняшний день проблема идентичности и самобытности до сих пор актуальна. В условиях, угрожающих миру во всем мире, мы вынуждены защищать себя, отвечать другим на вопрос «Кто мы такие?». Мы должны отстаивать свою независимость, не позволять другим переписывать мировую историю, и тогда сохранятся народы России, и будут видны дальнейшие пути их развития, а будущее России как государства в целом будет светлым.

Список литературы

1. *Бенедикт А.* «Воображаемые сообщества». Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С.П. Баньковской. — М.: Кучково поле, 2016. — 416 с. — URL: <https://www.hse.ru/data/2016/10/23/1110949768/%D0%90%D0%BD%D0%B4%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%BE%D0%BD%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B0.pdf>.
2. *Барт Ф.* «Этнические группы и социальные границы», «Социальная организация культурных различий», сборник статей / под ред. Ф. Барта; пер. с англ. И. Пильщикова. — М.: Новое издательство, 2006. — 200 с. — (Новые границы), — URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/GJtGNEv8ZOWmAc2ny5iv7uqy5OaH-JnOveDGLBc5CyTwNgQP_CPQ1wroWX0Ihb11BzvxWO7wYEBhB-9Iz9OMoe4M9s1Zzxw3yaDkk32CvrlMI16qqA02Lw/Etnicheskie_Gruppy_I_Sotsialnye_Granitsy_Sb_

statey_Pod_Red_Frederika_Barta.pdf.

3. *Гумилев Л.* Древняя Русь и Великая степь // URL: <https://dongeosociety.ru/wp-content/uploads/2020/03/gumilev.pdf?ysclid=mgo0an9886513385925>.
4. *Дюркгейм Э.* «Элементарные формы религиозной жизни»: тотемическая система в Австралии / пер. с фр. А. Апполонова и Т. Котельниковой; под науч. ред. А. Апполонова. — М.: Издат. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. — 736 с. — URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/PuZfo7ai-DEKwBNxbf-V5dvjGkNP462vLTyge-sOksX_R7odCShTt-lGc64JccCsx_xB5Td1lIYD0GEnHwbMkbyfJK5y1pcsQ7Ujk6ycDt1ix8Ue29qg/Dyurkgeym_E_-Elementarnye_formy_religioznoy_zhizni_-2018_pdf.pdf.
5. *Саид Э.* Ориентализм. Западные концепции Востока. — М., 2021.
6. *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. — 2005. — № 2–3. — С. 8–27. — URL: https://thelibrary.net/download_books.php?n=main_repository/1988000/5f5a43321b840cc322050c0c4514182e&e=doc.
7. *Хобсбаум Э.* Изобретение традиции / Э. Хобсбаум, Т. Рейнджер (ред.). — Cambridge University Press, 1983. — 320 с. — URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/gYcqgak_twtSWekSJRaYEX_-2-3KgZqs7AYXzCYN16I4Lf4WH0GNcbqTAIxiT0UmASfsqoeoSLstKBxs0DWzUiyt0AxQFdcU-EH54GM398v90h2kQwzCQ/Hobsbawm_Invention_of_the_tradition.pdf.

Васильева В.Д.,

студент,

ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», Люберцы

Бедретдинова Л.Н.,

кандидат исторических наук, доцент,

заведующая кафедры «Социально гуманитарных и естественно-научных дисциплин»,

ОАНО ВО «Московский психолого-социальный университет» (МПСУ), Москва

Дзюбан В.В.

доктор исторических наук, кандидат педагогических работ,

кафедра «Социально гуманитарных и естественно-научных дисциплин»,

ОАНО ВО «Московский психолого-социальный университет» (МПСУ), Москва

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Vasilyeva V.D.,

Student,

GKOU HE “Russian Customs Academy”, Lyubertsy

valeri.vasilyeva@gmail.com

Bedretdinova L.N.,

PhD in Historical Sciences, Associate Professor,

Head of the Department of Social Sciences, Humanities, and Natural Sciences,

Moscow Psychological and Social University (MSU), Moscow

zelilu9@gmail.com

Dzyuban V.V.,

Doctor of Historical Sciences, PhD in Pedagogical Sciences,

Head of the Department of Social Sciences, Humanities, and Natural Sciences,

Moscow Psychological and Social University (MSU), Moscow

bryanskstudzuban@mail.ru

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A TOOL FOR CULTURAL DIALOGUE

Аннотация. В современном многополярном мире диалог культур становится не только гуманитарным идеалом, но и практическим императивом. Цифровая трансформа-

ция, ключевым элементом которой является искусственный интеллект (ИИ), вносит коренные изменения в традиционные модели межкультурной коммуникации. В данной статье анализируется потенциал технологий ИИ в качестве инструмента для построения диалога между культурами. Рассматриваются такие аспекты, как преодоление языковых барьеров с помощью нейросетевого перевода, цифровизация культурного наследия, риски алгоритмической предвзятости и этические вызовы. Особое внимание уделяется российской научной мысли и конкретным кейсам применения ИИ в культурном диалоге. Делается вывод о том, что эффективность ИИ зависит от преодоления технологического детерминизма и осознанного формирования гуманитарной составляющей цифровых решений.

Ключевые слова: искусственный интеллект, диалог культур, межкультурная коммуникация, машинный перевод, цифровое культурное наследие, алгоритмическая этика, русскоязычный контекст.

Abstract. In the modern multipolar world, the dialogue of cultures is becoming not only a humanitarian ideal, but also a practical imperative. Digital transformation, the key element of which is artificial intelligence (AI), is bringing fundamental changes to traditional models of intercultural communication. This article analyzes the potential of AI technologies as a tool for building a dialogue between cultures. Aspects such as overcoming language barriers through neural network translation, digitalization of cultural heritage, risks of algorithmic bias and ethical challenges are considered. Special attention is paid to Russian scientific thought and specific cases of the use of AI in cultural dialogue. It is concluded that the effectiveness of AI depends on overcoming technological determinism and the conscious formation of the humanitarian component of digital solutions.

Key words: artificial intelligence, dialogue of cultures, intercultural communication, machine translation, digital cultural heritage, algorithmic ethics, Russian-speaking context.

Понятие «диалог культур», введенное в философский оборот М. Бахтиным, сегодня обретает новое измерение в цифровой среде. Россия, являясь страной с богатым мультикультурным наследием и активным участником международных процессов, сталкивается с необходимостью адаптации к новым реалиям. Искусственный интеллект перестал быть абстракцией; он стал социальным и культурным актором, активно влияющим на то, как мы воспринимаем, понимаем и взаимодействуем с другими культурами. Цель данной статьи — проанализировать, как технологии ИИ могут способствовать диалогу культур, учитывая

специфику российского информационного и гуманитарного пространства.

Одним из самых заметных применений ИИ в межкультурной коммуникации является машинный перевод, который претерпевает значительные изменения, становясь все более сложным и интегрированным. Современные системы, стремясь к большей точности, объединяют различные подходы. Российские разработки, основанные на нейросетевых моделях (трансформерах), совершили качественный скачок по сравнению с предыдущими поколениями технологий. Показательным примером является «Яндекс-Переводчик», который, как сообщил разработчик Антон Дворкович, с сентября 2017 года перешел от статистического перевода к гибридной модели, основанной на нейронных сетях [3, с. 805].

Искусственный интеллект предоставляет различные возможности для пользователей. Одной из них является доступность информации: сервисы обеспечивают перевод для десятков языков России (таких как татарский, башкирский, якутский), способствуя укреплению горизонтальных связей внутри многонационального российского общества. Кроме того, современные системы МП учатся понимать контекст, идиомы и устойчивые выражения, что критически важно для повышения точности адекватной передачи смысла, а не просто слов.

Несмотря на значительные достижения в области машинного перевода, ряд нерешенных задач по-прежнему представляет собой серьезную проблему. Главным ограничением остается перевод понятий, не имеющих прямых аналогов. Русские слова «подвиг», «соборность» или «быт» требуют для своего перевода не просто лингвистической, но и глубокой культурологической экспертизы, которой у ИИ пока нет. К тому же существует опасность, что глобализированный ИИ, оптимизированный для массового использования, будет нивелировать уникальные культурные смыслы, подстраивая их под доминирующие языковые шаблоны. Серьезным препятствием на пути развития машинного перевода остается нехватка данных для обучения. Создание эффективных моделей требует огромного количества пар предложений на исходном и целевом языках, охватыва-

ющих широкий спектр контекстов. Эта проблема усугубляется для малораспространенных языков и языков с нетипичной письменностью.

Искусственный интеллект открывает новые возможности для цифрового сохранения и актуализации культурного наследия, позволяя не только бережно хранить артефакты в виртуальной среде, но и делая их доступными и интересными для широкой аудитории через интерактивные форматы. Цифровое наследие — это совокупность цифровых материалов, имеющих культурную, образовательную, научную, управленческую или иную ценность, созданных изначально в цифровом формате или переведенных в него из аналоговых источников. Для России с ее обширной территорией и богатым историческим наследием ИИ открывает уникальные возможности по его сохранению и популяризации [4, с. 2702].

Проекты, подобные цифровой реконструкции утраченных памятников деревянного зодчества или дворцовых комплексов, используют алгоритмы компьютерного зрения и машинного обучения для обработки архивных фотографий и чертежей. Это позволяет «воссоздать» объекты, уничтоженные временем или войной, делая их доступными для глобальной аудитории.

Также, ИИ применяется для атрибуции произведений искусства, анализа художественных стилей и обработки больших массивов исторических документов. Например, проект «Прожито» использует методы, включая элементы ИИ, для оцифровки и анализа дневников XX века, что позволяет увидеть историю через призму личного опыта людей разных культур и социальных слоев [5].

Цифровизация культурного наследия представляет собой еще одно перспективное направление применения искусственного интеллекта. Проект Минкультуры России «Артефакт» использует технологии компьютерного зрения для распознавания и каталогизации музейных экспонатов. Это позволяет не только сохранять культурные ценности в цифровой форме, но и обеспечивать к ним доступ международной аудитории. Алгоритмы рекомендательных систем на таких платформах, как «Артефакт», способны формировать индивидуальные культурные маршру-

ты, знакомя пользователей с менее известными, но релевантными для них объектами наследия [6].

Еще одним направлением государственной культурной политики в области цифровизации с помощью искусственного интеллекта является оцифровка книжных памятников. Российские библиотеки, представляющие собой уникальное культурное явление, обладают большим потенциалом для развития и органично вписываются в современное общество знаний и цифровую экономику. Для поддержки библиотечного дела и популяризации чтения государство реализует комплекс мер, включенных в Национальный проект «Культура». Этот проект предусматривает создание современных библиотек, обновление региональных и сельских библиотек, а также информатизацию и цифровизацию библиотечной системы в целом [1, с. 33].

Искусственный интеллект становится мощным инструментом культурной медиации, помогая преодолевать стереотипы за счет доступа к персонализированному и глубокому культурному контенту, который разрушает предвзятые представления и стимулирует межкультурный диалог. ИИ может выступать в роли инструмента культурной медиации, помогая интерпретировать поведенческие и коммуникативные коды.

Разработка чат-ботов и симуляторов на базе ИИ, способных моделировать сценарии межкультурного общения (например, для подготовки волонтеров Чемпионата мира по футболу 2018 года или международных бизнес-переговоров). Алгоритмы могут отслеживать и анализировать образ той или иной культуры в медиа, выявляя устойчивые стереотипы и тенденции. Это позволяет проводить более целенаправленную политику, направленную на формирование объективного и многогранного имиджа стран и народов.

Стремительное внедрение искусственного интеллекта в России порождает комплекс рисков и этических вызовов, включая проблему алгоритмической предвзятости, рост безработицы из-за автоматизации, угрозы приватности данных и необходимость выработки новой нормативно-правовой базы, адекватной технологическим реалиям. Внедрение ИИ в сферу культуры сопряжено с рядом серьезных рисков, осмысление которых активно ведется в российском экспертном сообществе [2, с. 46].

Ключевой этической проблемой является то, что ИИ, обучаясь на исторических и современных данных, некритично усваивает и тиражирует закреплённые в них культурные, социальные и политические стереотипы, что не только искажает восприятие реальности, но и может использоваться для манипуляции общественным мнением и усиления дискриминации уязвимых групп. Для России это актуально в контексте сохранения суверенитета в цифровом пространстве. Упрощение и стандартизация культурных продуктов под воздействием глобальных алгоритмов может привести к маргинализации локального культурного контента и размыванию национальной идентичности. А замена живого, эмоционального и зачастую невербального межличностного общения на взаимодействие с алгоритмом таит риск утраты глубины и эмпатии, присущих подлинному диалогу культур.

Искусственный интеллект представляет собой амбивалентный инструмент в деле построения диалога культур. Для России, стоящей на перепутье цифровой трансформации, ключевым становится не технологический, а гуманитарный императив. Необходимо развитие «цифрового суверенитета» в сфере ИИ, предполагающее создание собственных, релевантных российским культурным кодам, датасетов и моделей, интеграция гуманитарного знания в процесс разработки ИИ, привлечение культурологов, лингвистов и философов, формирование цифровой грамотности у населения, позволяющей критически оценивать контент, созданный или курируемый алгоритмами.

Таким образом, проникновение искусственного интеллекта в культурную сферу представляет собой сложный и многогранный процесс. С одной стороны, ИИ открывает беспрецедентные возможности для сохранения, изучения и актуализации культурного наследия, а также для создания новаторских художественных произведений. С другой — он ставит перед обществом серьёзные вызовы, связанные с авторством, алгоритмической предвзятостью и самой природой творчества. Очевидно, что будущее культуры лежит не в противопоставлении человека и машины, а в поиске синергии, где технология становится мощным инструментом, расширяющим возможности человеческого гения, но не подменяющим его. Ключевая задача на этом

пути — сохранить в центре цифровой культуры человека с его уникальной способностью к эмпатии, критическому мышлению и созданию смыслов.

Список литературы

1. *Магомедов М.Н., Носков Н.А.* Цифровая трансформация сферы культуры // Петербургский экономический журнал. — 2021. — № 1. — С. 27–36.
2. *Резаев А.В., Трегубова Н.Д.* «Искусственный интеллект», «Онлайн-культура», «Искусственная социальность»: определение понятий // Мониторинг. — 2019. — № 6(154). — С. 35–47.
3. *Ростовская М.Д.* Современное состояние и перспективы развития машинного перевода // Вестник науки. — 2023. — № 6(63). — С. 804–808.
4. *Царева А.Э., Тарасова Т.В.* Технологии цифровизации и искусственного интеллекта в сохранении культурного наследия // Столыпинский вестник. — 2023. — № 5. — С. 2700–2709.
5. Цифровая платформа «Прожито». — URL: <https://prozhito.org/> (дата обращения: 15.10.2025).
6. Цифровая платформа «Артефакт». — URL: <https://artefact.culture.ru/> (дата обращения: 15.10.2025).

Гандилян А.С.,

студент,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПЕРЕСТРОЙКИ:
ИХ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ СОВРЕМЕННОГО
ИСТОРИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРНОГО ДИСКУРСА**

Gandilyan A.S.,

Student,

V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow

andregandilan31@gmail.com

**ECONOMIC
AND POLITICAL PREREQUISITES OF PERESTROIKA:
THEIR ROLE IN SHAPING CONTEMPORARY HISTORICAL
AND CULTURAL DISCOURSE**

Аннотация. Актуальность настоящей статьи определяется необходимостью тщательного изучения экономических и политических предпосылок, сформировавших основу для проведения Перестройки в СССР, и их роли в становлении современного исторического и культурного дискурса.

Цель статьи — детально разобрать комплекс экономических и политических предпосылок, ставших катализатором для начала и проведения политики Перестройки в Советском Союзе.

Задачи статьи заключаются в попытке найти ответы на следующие исследовательские вопросы: (а) каковы были ключевые экономические факторы, приведшие к стагнации советской системы и потребовавшие реформ?; (б) какие политические факторы, включая внутренние противоречия и внешнее давление, обусловили необходимость радикальных изменений?; (в) как эти предпосылки повлияли на формирование современного исторического нарратива и культурных особенностей, связанных с распадом СССР и последующим развитием постсоветского пространства?

Методы — системный анализ, историко-сравнительный метод, ретроспективный анализ.

Основной вывод статьи — совокупность глубоких экономических проблем, таких как неэффективность плановой экономики, технологическое отставание и снижение жизненного уровня населения, наряду с политической стагнацией, идеологическим кризисом и растущим внешним давлением, создали объективную необходимость в масштабных реформах. Эти предпосылки не только обусловили запуск Перестройки, но и оказали фундаментальное влияние на формирование современного исторического и культурного дискурса, определяя траекторию развития постсоветских государств.

Перспективой исследования видится углубленное изучение влияния именно предпосылок Перестройки на постсоветские экономические и политические трансформации.

Ключевые слова. Перестройка, СССР, экономические предпосылки, политические предпосылки, история России, современный дискурс, реформы, стагнация.

Abstract. The relevance of this article is determined by the need for a thorough study of the economic and political prerequisites that formed the basis for Perestroika in the USSR and their role in the emergence of contemporary historical and cultural discourse.

The aim of the article is to examine in detail the complex of economic and political prerequisites that acted as a catalyst for the initiation and implementation of the Perestroika policy in the Soviet Union.

The objectives of the article involve attempting to find answers to the following research questions: (a) what were the key economic factors that led to the stagnation of the Soviet system and necessitated reforms?; (b) what political factors, including internal contradictions and external pressures, made radical changes necessary?; (c) how did these prerequisites influence the formation of the contemporary historical narrative and cultural characteristics associated with the collapse of the USSR and the subsequent development of the post-Soviet space?

Methods — systems analysis, historical-comparative method, retrospective analysis. The main conclusion of the article is that the combination of deep economic problems, such as the inefficiency of the planned economy, technological backwardness, and a decrease in the population's standard of living, along with political stagnation, ideological crisis, and growing external pressure, created an objective need for large-scale reforms. These prerequisites not only led to the launch of Perestroika but also had a fundamental impact on the formation of contemporary historical and cultural discourse, shaping the development trajectory of post-Soviet states. The research

perspective is seen as a deeper study of the influence of the prerequisites of Perestroika on post-Soviet economic and political transformations.

Key words: Perestroika, USSR, economic prerequisites, political prerequisites, history of Russia, contemporary discourse, reforms, stagnation.

Начало коренных изменений во всех областях жизнедеятельности советских людей в 1985–1991 гг., которые получили название «Перестройка», было связано с нарастающим кризисом внутри СССР. Советское руководство столкнулось с перечнем проблем во всех областях жизни общества, начиная с экономики и заканчивая противоречиями в многонациональном социуме.

В процессе демократических сдвигов в Советском Союзе сыграли роль разнообразные экономические и социальные факторы. К середине 1980-х годов трансформации в стране возникли из-за улучшения материального положения жителей. Исходя из этого, у народа появилась потребность в больших политических свободах, которая советская власть не знала, как удовлетворить. Средний заработок советских граждан составлял примерно 190 рублей в месяц, а пособия для студентов средних и высших учебных заведений колебались между 40 и 75 рублями. Эти суммы позволяли жить комфортно при минимальных платежах за коммунальные услуги и невысоких ценах на продукты. Типичная семья могла спокойно планировать бюджет, сберегать на отдых или покупку долгосрочных предметов потребления.

С 1958 года в Советском Союзе, а с 1959-го и в сибирских областях, численность жителей городов превысила сельскую, и в следующие десятилетия урбанизация шла быстрыми темпами [1, с. 18].

Согласно Конституции СССР 1977 года, было гарантировано обязательное среднее образование через развитую сеть школ, их территориальную доступность и бесплатность услуг, кроме обедов. Это превратило СССР в одну из наиболее образованных и читающих стран мира. Число медиков и больничных мест на тысячу человек стабильно увеличивалось, а средняя продолжительность жизни граждан росла. Со временем утратила актуальность мобилизационная стратегия развития, где

люди жертвовали комфортом ради гигантских проектов. Кроме того, население пресытилось жестким следованием марксистской догме и принудительным участием в партийных, пионерских и комсомольских организациях для профессионального продвижения [2, с. 10]. Стала очевидной необходимость новой, демократической парадигмы, предполагающей разнообразие вариантов прогресса, личную свободу выбора и реальные альтернативы, а не только путь к коммунизму. Многие, видя достижения демократических государств в различных областях, поняли иллюзорность коммунистической утопии в СССР и начали тяготеть к демократическим ценностям¹.

Перестройка, запущенная Михаилом Горбачевым в 1985 году, вызвала в народе бывшего СССР неоднозначную и разрозненную реакцию. В республиках националистические настроения, где националисты требовали большей автономии, видя в ней путь к независимости от Москвы. В целом, разрозненность проявлялась в поляризации общества: от оптимизма реформаторов до консервативного сопротивления и роста сепаратистских движений, что в итоге ускорило распад Союза [3–5].

Цель данной статьи — проанализировать причины, основную идею и итоги Перестройки, чтобы узнать причину такого яркого контраста во мнениях; от ненависти и презрения, до понимания и сожаления.

Основная часть

Проанализировав литературу, статьи и источники, связанные с данным событием, я выявил, как мне кажется, главную причину перестройки. Ею стала неурожайность сельского хозяйства, экономический спад и жесткая централизация власти, что привело к недовольству и ухудшению жизни населения. В результате этого Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил

¹ Величко С.А., Кутепов В.А. К вопросу о причинах начала Перестройки (по материалам СССР и Сибири) // Омский научный вестник, серия: Общество, история, современность. — 2026. — Т. VI. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-prichinah-nachala-perestroyki-po-materialam-sssr-i-sibiri>.

Горбачев предложил провести реформы, направленные на стабилизацию экономики и улучшение качества жизни.

Перестройка, инициированная Михаилом Горбачевым в 1985 году, представляла собой амбициозный проект реформирования Советского Союза, направленный на преодоление системного кризиса. Однако этот процесс столкнулся с серьезными политическими и идеологическими вызовами, которые не только усложнили его реализацию, но и в итоге способствовали распаду государства. Эти вызовы коренились в глубоком разрыве между официальной идеологией и реальностью, а также в сопротивлении консервативных сил внутри коммунистической партии и общества.

Идеологический кризис стал одним из центральных препятствий. Существует мнение, что «перестройка, как государственная стратегия, на деле явилась следствием глубочайшего системного кризиса, охватившего все аспекты советского общества. Политическая структура государства была монопольной, базирующейся на коммунистической идеологии. Значительная часть сознательных граждан СССР испытывала разочарование, имея возможность наблюдать функционирующие демократические процессы в странах Европы и в Соединенных Штатах Америки». Подобная интерпретация, подразумевающая изначально либеральную направленность Перестройки, существенно расходится с публично заявленными целями и замыслами ее инициаторов. Более того, концепция либерализации в массовом сознании советских граждан не получила широкого распространения: большинство населения до последних дней существования СССР оставалось убежденным в необходимости лишь реформирования и совершенствования социалистической системы, а не ее полной демонстрации. Ярчайшим подтверждением этого служит Всесоюзный референдум в марте 1991 года, когда за сохранение СССР высказались 76,4% участников, что убедительно демонстрирует преобладающие настроения в обществе².

² Вилков А.А. Перестройка в СССР: между идеологическим концептом и реальностью // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. — 2021 ВАК. — URL: <https://>

Экономические трудности, такие как убытки в сельском хозяйстве (509 миллионов рублей в 1980 году) и зависимость от нефтяных доходов, подрывали веру в эффективность социалистической системы. Гласность, введенная в рамках перестройки, позволила открыто обсуждать эти проблемы, но одновременно разожгла дискуссии о необходимости демократических преобразований.

Интеллигенция и образованные слои населения, опираясь на достижения урбанизации (городское население превысило сельское к 1958–1959 годам) и роста уровня образования, проявляли энтузиазм к идеям свободы слова и плюрализма. Однако это вызвало поляризацию: консервативные круги в партии видели в таких изменениях угрозу для марксистско-ленинской ортодоксии, а некоторые группы воспринимали их как предательство революционных ценностей.

Политически перестройка столкнулась с жестким сопротивлением со стороны партийной номенклатуры, которая опасалась утраты власти. Введение элементов демократии, таких как выборы в Советы и ослабление контроля КГБ, привело к росту оппозиционных движений. Экономические неурядицы — замедление нефтедобычи, падение мировых цен на нефть после кризисов 1970-х и гонка вооружений (военные расходы в 61 миллиард рублей в 1984 году) — усилили недовольство населения, что выразилось в националистических движениях в республиках. В Прибалтике, Украине и других регионах активизировались требования суверенитета, подогреваемые социальными факторами, такими как рост зарплат (около 190 рублей в среднем) и улучшение условий жизни. Это привело к поляризации общества: энтузиазм интеллигенции контрастировал с разочарованием широких масс, усугубляемым продовольственными дефицитами и инфляцией.

В итоге политические и идеологические вызовы перестройки ускорили кризис легитимности режима. Попытки балансировать между реформами и сохранением социалистических прин-

ципов оказались неудачными, что привело к расколу внутри КПСС и всплеску демократических сил³.

Экономическая стагнация, социальная апатия и технологическое отставание страны от Запада стали очевидными признаками системного кризиса. Экономика, основанная на плановом хозяйстве и экстенсивном использовании ресурсов, исчерпала свой потенциал. Цены на нефть, основной источник экспортных доходов, упали, что усугубило экономические трудности. Проблемы, связанные с интенсификацией производства и научно-техническим прогрессом, были рассмотрены на совещании 11–12 июня 1985 г. Здесь было принято решение о том, что прежде всего необходимо добиться повышения технологического уровня машиностроения, объявленного приоритетной отраслью развития промышленности. На его развитие в предстоящей 12-й пятилетке планировали направить капиталовложения в 1,8–2 раза больше, чем в 11-й пятилетке⁴.

Провозглашенная экономическая стратегия получила подтверждение и дальнейшее развитие на XXVII съезде КПСС. Основные параметры экономической политики охватывали 15-летний период до 2000 г. В частности, ставилась задача увеличения производительности труда в 2,3–2,5 раза, национального дохода и производственного потенциала в 2 раза [6, с. 63].

Общество ощущало нарастающее недовольство низким уровнем жизни, дефицитом товаров и услуг, а также отсутствием возможностей для самореализации. Политическая система, характеризующаяся однопартийностью и жесткой цензурой, вызывала все большее отторжение у образованной части населения, стремившейся к большей свободе и демократии. Черно-

³ Величко С.А. Причины начала перестройки в СССР (30-летию появления термина «Перестройка» посвящается) // Журнал Сибирское научное обозрение. — 2016. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-nachala-perestroyki-v-sssr-30-letiyu-poyavleniya-termina-perestroyka-posvyaschaetsya>.

⁴ Полюнов М.Ф. Экономическая политика в Советском Союзе в годы перестройки // Журнал Вестник Санкт-Петербургского университета. История. — 2024. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-politika-v-sovetskom-soyuze-v-gody-perestroyki>.

быльская катастрофа 1986 года стала трагическим символом неэффективности и закрытости системы, продемонстрировав ее неспособность оперативно реагировать на кризисные ситуации и предоставлять правдивую информацию обществу. Внешнеполитическое противостояние с Западом в рамках Холодной войны требовало огромных затрат на оборону, что ложилось тяжелым бременем на экономику. Все это создало понимание необходимости глубоких перемен, направленных на модернизацию экономики, демократизацию политической системы и повышение открытости общества.

К середине 1980-х годов в СССР произошло значительное накопление социального напряжения, подпитываемого как внутренними процессами, так и нарастающим влиянием внешнего мира. Эти факторы привели к формированию у граждан растущих, но неудовлетворенных ожиданий, что стало одной из ключевых предпосылок Перестройки.

Во-первых, международные коммуникационные связи и туризм, несмотря на политику «железного занавеса», активно развивались, особенно в 70–80-е годы. Это способствовало распространению в СССР демократических идей, превалирующих во всем мире, и давало возможность сопоставить уровень жизни в Советском Союзе и развитых западных странах. На фоне относительного достатка Запада дефицит и неэффективность советской экономики становились все более очевидными.

Во-вторых, к 70–80-м годам в СССР выросло новое поколение, не запуганное угрозами репрессий и «оттепелью» Брежнева. Потребности этого поколения существенно возросли по сравнению с поколением «отцов»; оно не было готово «потуже затянуть пояс» в ожидании мировой революции, а, наоборот, было восприимчиво к идущим с Запада либерально-демократическим идеям и ориентировалось на повышение уровня потребления — желало «хлеба и зрелищ».

В-третьих, годовой среднедушевой доход в СССР уже в 70-е годы составлял свыше 2000 долларов США. С точки зрения транзитологии, страны именно с такими доходами часто попадают в зону демократического транзита, так как население достигает определенного уровня благосостояния, при котором начинают

формироваться запросы к политическим свободам и качеству жизни, выходящие за рамки базовых потребностей.

В-четвертых, происходило появление латентного среднего класса: все большую роль в обществе стали играть специалисты с высшим образованием, государственные служащие, учителя, врачи, торговые и канцелярские работники. Этот слой, обладая определенным уровнем образования и социального статуса, начинал осознавать свое бесправное политическое положение и стремиться к более активному участию в жизни страны.

В-пятых, общий рост образовательного уровня населения, появление относительно многочисленного слоя интеллектуалов, осознающих свое бесправное политическое положение, создавало почву для критического осмысления существующего строя. За этими интеллектуалами, как правило, шла более широкая часть населения, уровень которой всегда невысок, но которая жаждет повышения своего уровня потребления.

В-шестых, ускоренные темпы урбанизации также играли важную роль: уже в 1958 году более 50% населения СССР проживало в городе (в Сибири в 1959 году городское население превысило сельское, в 1979 году в Западной Сибири удельный вес городского населения составил 67,7%, в 1989 году — 72,8%). Городская среда традиционно способствует более активному обмену информацией, формированию общественных мнений и мобилизации населения.

И наконец, желание самой элиты начать преобразования. Это было осознание того, что без модернизационных процессов не обойтись. Часть элиты, разочаровавшаяся в марксизме-ленинизме, видела возможность закрепить за собой часть общенародной собственности. Именно эта элита выдвинула из своей среды М.С. Горбачева, который изначально оставался сторонником социалистической системы и выступал лишь за некоторые ее преобразования, но начавшаяся реформаторская деятельность привела к необратимым для советской системы последствиям и стала частью третьей волны демократизации во всем мире.

Осуществление амбициозной политики ускорения социально-экономического развития СССР требовало колоссальных инвестиций. Однако финансовая база для этих преобразований

оказалась подорвана как внутренними просчетами, так и неблагоприятными изменениями на мировом нефтяном рынке в 1985–1986 годах, что существенно затруднило реализацию намеченных реформ.

Масштабная антиалкогольная кампания, инициированная в мае 1985 года, привела к резкому сокращению производства и реализации алкогольной продукции. Это вызвало значительное падение бюджетных доходов: вместо запланированных 60 миллиардов рублей в 1985 году государственная казна получила лишь 47,4 миллиарда. Правительство предприняло попытки компенсировать эти потери за счет повышения розничных цен на алкоголь (в среднем на 20% в августе 1985 года и на 20–25% с августа 1986 года). Однако эти прогнозы оказались необоснованными. Объемы продаж в государственной торговле продолжали снижаться: в 1986 году поступления составили 36,2 миллиарда рублей, в 1987 году — 35,7 миллиарда. Лишь после фактической отмены антиалкогольной кампании в 1988 году удалось собрать около 39,9 миллиарда рублей, что все равно было значительно меньше ожидаемого. Общие финансовые убытки бюджета от этой политики, по данным Н.И. Рыжкова, достигли колоссальных 67 миллиардов рублей.

Дополнительный ощутимый удар по финансовой стабильности страны нанесло резкое падение мировых цен на нефть. Из-за этого СССР потерял 13 миллиардов рублей в 1985 году и еще 9 миллиардов рублей в первой половине 1986 года. Эти внешние обстоятельства вкупе с внутренними решениями создали критический дефицит средств для финансирования модернизационных программ [7, с. 620].

Курс на интенсификацию, предполагавший рациональное использование капиталовложений и технологическое перевооружение предприятий, также столкнулся с серьезными трудностями. Одновременно велось строительство более 300 тысяч хозяйственных объектов, которые из-за хронической нехватки материальных и финансовых ресурсов, а также рабочей силы не сдавались в срок. Сроки их ввода в эксплуатацию более чем вдвое превышали нормативные, что приводило к рассредоточению инвестиций и «омертвлению» капиталов в незавершенном

строительстве. Пагубность проблемы долгостроя хорошо осознавалась на высшем уровне. В частности, на заседании Политбюро ЦК КПСС 30 октября 1986 года справедливо указывалось на необходимость замораживания и даже закрытия части новостроек, а высвобожденные ресурсы предлагалось перенаправлять на нужды научно-технического прогресса. Однако эти меры, если и принимались, были недостаточны для радикального изменения ситуации.

Таким образом, финансовые проблемы, вызванные как неудачной антиалкогольной кампанией, так и неблагоприятной конъюнктурой на мировом нефтяном рынке, вкупе с неэффективным использованием инвестиций в условиях долгостроя, серьезно подорвали экономическую основу Перестройки. Это лишило реформы необходимого финансового «дыхания», замедлило модернизацию, углубило дефицит и в итоге способствовало росту общественного разочарования, подрывая доверие к способности руководства страны вывести ее из кризиса. Причин по которым благие намерения «ускорения» и «интенсификации» не смогли реализоваться, что в итоге привело к более глубоким системным потрясениям, однако, исходя из моего исследования и статей, которых я изучил, недостаток ресурсов и неспособность эффективно их использовать стали одной из ключевых причин.

Политика гласности, ставшая одной из ключевых реформ Перестройки, кардинально преобразила советскую печать, подняв ее на принципиально новый содержательный уровень. Долгое время находившиеся под запретом произведения таких авторов, как А. Солженицын, И. Бродский, В. Набоков и Н. Гумилев, впервые увидели свет на страницах «толстых» литературных журналов. Параллельно газеты и другие периодические издания активно инициировали публичные дискуссии о ранее замалчиваемых «белых пятнах» советской истории, а также о насущных проблемах современного общества и возможных векторах его развития. Критика существующего строя становилась все более откровенной и повсеместной, особенно заметной в таких центральных изданиях, как журнал «Огонек» и газета «Московские новости», а также в республиканской прессе Прибалтики. Эти критические публикации служили катализатором для широких

общественных дебатов о ходе преобразований и их возможных сценариях. Ведущие историки, экономисты, социологи и другие ученые активно использовали страницы периодики для изложения своих точек зрения, что способствовало формированию интеллектуального поля для обсуждения экономических реформ (например, введения кооперативов, расширения самостоятельности предприятий), политической реформы (выборов народных депутатов, попыток создания многопартийности) и демократизации общественной жизни.

По мере развития Перестройки общественный интерес к происходящему неуклонно возрастал, формируя острую потребность в объективной и достоверной информации. В условиях гласности и набиравшей обороты демократизации пресса стала удовлетворять этот запрос, трансформировавшись из инструмента идеологического контроля и пропаганды в полноценное средство информирования. Возникла динамика взаимовлияния: публикации средств массовой информации начали активно формировать общественное мнение и влиять на социальные процессы, в то время как растущие запросы общества, в свою очередь, определяли повестку и выбор тем для прессы. Таким образом, медиа Перестройки стали одним из ключевых механизмов трансформации советского государства. Они первыми прошли путь обновления и демократизации, что позволило им оказывать значительное воздействие на ход перестроечных процессов, способствуя формированию нового облика страны и внедрению ценностей гражданского общества.

Однако, наряду с неоспоримыми позитивными изменениями, в деятельности прессы наблюдались и серьезные «перегибы» в критике как советского прошлого, так и текущей действительности. Одним из существенных недостатков стало стремление к полному нигилизму по отношению к прежним идеалам и ценностям, которые зачастую представлялись исключительно в негативном свете. В попытке привить демократические принципы, медиа нередко транслировали их в искаженном или упрощенном виде, не предлагая при этом адекватной альтернативы. После почти семи десятилетий жесткого государственного контроля, обретя внезапную свободу, пресса оказалась не всегда способной

к саморегуляции и ответственному подходу к формированию общественного мнения. В отечественной истории не было другого периода, когда влияние средств массовой информации на общественное сознание и, как следствие, на судьбу страны было бы столь велико, как во времена Перестройки. Газеты и журналы перестали быть пассивными «летописцами событий», превратившись в активных участников, а порой и организаторов исторического процесса, формируя повестку дня и направляя общественные дискуссии⁵.

Политика гласности не просто открыла шлюзы для информации, но и стала мощным инструментом реформирования, запустив необратимые процессы демократизации и формирования гражданского общества. Она сыграла ключевую роль в разоблачении старых догм, реабилитации жертв репрессий и стимулировании интеллектуального поиска новых путей развития. Однако ее неконтролируемое развитие и стремление к полному отрицанию прошлого, в сочетании с отсутствием опыта саморегуляции у медиа, привели не только к позитивным изменениям, но и к дезориентации общества, способствуя деконструкции прежних ценностных ориентиров без полноценной замены.

Выводы

Перестройка, несомненно, стала одним из самых драматичных и переломных периодов в отечественной истории XX века, последствия которого до сих пор вызывают ожесточенные споры и формируют крайне неоднозначные оценки в исторической памяти. С одной стороны, она ассоциируется с освобождением от тоталитарного контроля, расширением прав и свобод граждан, феноменом гласности, который позволил публиковать ранее запрещенные произведения и вести открытые дискуссии, а также появлением новых политических деятелей «снизу», та-

⁵ Муравьев Д.Н. Пресса в процессах перестройки (1985–1991 гг.) // Журнал Наука и современность. — 2010. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pressa-v-protsessah-perestroyki-1985-1991-gg>.

ких как В.В. Жириновский. Эти изменения заложили фундамент для развития более открытого общества и плюралистической политической системы, пусть и несовершенной. В памяти значительной части населения, особенно интеллигенции и нового поколения, Перестройка является символом надежды на демократизацию и модернизацию, а также завершением эпохи идеологического диктата.

Однако, с другой стороны, Перестройка неразрывно связана с крушением привычного государственного устройства, экономическим хаосом, резким падением уровня жизни для многих, ростом преступности и межнациональных конфликтов. Финансовые просчеты, такие как провальная антиалкогольная кампания и падение цен на нефть, вкупе с неэффективным управлением инвестициями, подорвали экономическую основу реформ. Более того, противостояние союзного и российского руководства в вопросах перехода к рыночной экономике дезорганизовало управление и усилило кризис, непосредственно предшествуя распаду страны. Для миллионов граждан она обернулась потерей социальной защищенности, разрушением устоявшихся социальных связей и потерей великой державы. Эти травматические события оставили глубокий след в коллективной памяти, породив ностальгию по стабильности, критическое отношение к либеральным реформам и, в некоторых случаях, фрустрацию по поводу утраченного величия. Таким образом, историческая память о Перестройке расщеплена на диаметрально противоположные нарративы — от героизации до полного отрицания, что отражает сложный спектр эмоций и опыта, пережитого различными слоями российского общества. Эта двойственность памяти свидетельствует о незавершенности процесса осмысления эпохи и ее глубоком влиянии на самосознание нации.

Глубокое понимание предпосылок Перестройки — как экономических (стагнация, неэффективность плановой системы, падение цен на нефть, финансовые потери от антиалкогольной кампании), так и социально-политических (рост ожиданий граждан, вызванный развитием международных коммуникаций и появлением «латентного среднего класса», запрос на гласность, разочарование элит в марксизме-ленинизме, осознание необходимости

модернизации) — является критически важным для адекватной оценки ее наследия. Именно эти предпосылки предопределили не только начало реформ, но и их неконтролируемое развитие, а также в значительной степени — их трагический финал для Советского Союза, который вопреки воле большинства граждан, выраженной на референдуме 1991 года, прекратил свое существование [8]. Перестройка не была просто волюнтаристским актом одного лидера; она стала неизбежным ответом на системный кризис, обнаженный и ускоренный самой попыткой его преодоления в условиях острого соперничества элит, как это наблюдалось между союзным и российским руководством.

Наследие Перестройки остается краеугольным камнем в современном культурном и общественном дискурсе России. Оно проявляется в продолжающихся спорах о «цене» свободы, о роли государства в экономике, о допустимых пределах критики прошлого и о путях дальнейшего развития страны. Отсутствие единого либерального смысла Перестройки в массовом сознании, доказанное референдумом 1991 года, порождает сложные вопросы о легитимности последующих преобразований и о том, насколько они отвечали подлинным чаяниям народа. В культурном пространстве эпоха Перестройки постоянно переосмысливается через литературу, кино, публицистику, становясь зеркалом для рефлексии о собственном пути России. Сегодняшнее осмысление этой эпохи — это не просто исторический анализ, а живой диалог о ценностях, приоритетах и идентичности, который продолжается на различных уровнях: от академических исследований до бытовых разговоров. Невозможно полностью понять современную Россию без признания того, что Перестройка не только разрушила старое, но и породила множество противоречивых тенденций, которые до сих пор формируют ее социально-политический ландшафт, определяют ее внутренние конфликты и влияют на ее место в мире.

Список литературы

1. Новиков М.С. Русские националисты и державники в Западной Сибири на рубеже эпох: лидеры, организации, пресса. — Омск, Изд-во ИП

- Макшеевой Е.А., 2020.
2. *Елисеева Н.В.* История перестройки в СССР. 1985–1991 гг. — М., Изд-во РГГУ, 2016.
 3. *Шубин А.В.* От «застоя» к реформам. СССР в 1917–1985 гг. — М, Российская политическая энциклопедия, 2001.
 4. *Рязанов В.Т.* История перестройки в СССР: угасание иллюзий и уроки для современной России // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Экономика. — 2017. — Т. 3(2). — С. 336–344.
 5. *Новиков С.В., Новиков М.С.* Третья буржуазная революция в России и судьбы партийно-хозяйственной номенклатуры (тезисы к постановке вопроса) // Общество и человек в контексте трансформации современной России: материалы междунар. науч.-практ. конф., Омск, 27 февраля 2014. — Омск, Изд-во ОмЮА, 2014. — С. 27–31.
 6. *Руткевич М.Н.* Возрастание социальной напряженности к концу советского периода // Социс. — 2004. — № 7. — С. 62–70.
 7. Народное хозяйство СССР в 1987 г. Статистический ежегодник. — М., 1988.
 8. *Селюнин В.* Глубокая реформа или реванш бюрократии // Обратного хода нет (Перестройка в народном хозяйстве: общие проблемы, практика, истоки). — М., 1989. — С. 267–280.

Гаранина А.Ю.,

студент,

ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», Люберцы

Ноговицына П.В.,

студент,

ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», Люберцы

Дзюбан В.В.,

доктор исторических наук, кандидат педагогических работ,

профессор кафедры гуманитарных дисциплин,

ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», Люберцы

bryanskstudzuban@mail.ru

КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПЕРЕГОВОРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Garanina A.Yu.,

Student,

GKOU HE "Russian Customs Academy", Lyubertsy

alinagaranina04@gmail.com

Nogovitsyna P.V.,

Student,

GKOU HE "Russian Customs Academy", Lyubertsy

p2008n@mail.ru

Dzyuban V.V.,

Doctor of Historical Sciences, PhD in Pedagogical Sciences,

Professor of the Department of "Humanities",

GKOU HE "Russian Customs Academy", Lyubertsy

bryanskstudzuban@mail.ru

CULTURAL CODES AND THEIR IMPACT ON NEGOTIATION PROCESSES IN MODERN WORLD POLITICS

Аннотация. В современном глобальном контексте, характеризующемся переходом к многополярной архитектуре международных отношений, эффективное ведение

переговорных процессов приобретает первостепенное значение для поддержания глобальной стабильности и обеспечения международной безопасности. Настоящая статья осуществляет комплексное исследование воздействия глубинных культурных кодов на формирование стратегических подходов, выбор тактических методов и достижение конечных результатов в переговорной практике на мировой политической арене. Методологическую основу работы составляет интеграция теоретических концепций культурных измерений, разработанных Г. Хофстеде, Э. Холлом и Р. Льюисом, с семиотическим подходом Ю.М. Лотмана, что позволяет системно раскрыть категориальный аппарат исследования и идентифицировать ключевые параметры межкультурных различий. В рамках исследования проводится детальный сравнительный анализ основных национальных переговорных стилей — западного, восточного и российского, с последующей характеристикой их системообразующих культурных кодов. Полученные теоретические выводы проходят практическую верификацию через анализ конкретных кейсов современных политических переговоров, включая переговоры по иранской ядерной программе (СВПД), торговые переговоры между США и Китаем, а также деятельность «Нормандского формата» по урегулированию международных конфликтов.

Ключевые слова: культурный код; национальный стиль ведения переговоров; культурные различия; коммуникативные сбои; договоренности.

Abstract. in the modern global context, characterized by the transition to a multipolar architecture of international relations, effective negotiation processes are of paramount importance for maintaining global stability and ensuring international security. This article provides a comprehensive study of the impact of deep cultural codes on the formation of strategic approaches, the choice of tactical methods and the achievement of final results in negotiation practice in the global political arena. The methodological basis of the work is the integration of the theoretical concepts of cultural dimensions developed by G. Hofstede, E. Hall and R. Lewis with the semiotic approach of Y.M. Lotman, which makes it possible to systematically reveal the categorical research apparatus and identify key parameters of intercultural differences. The study provides a detailed comparative analysis of the main national negotiation styles — Western, Eastern and Russian, followed by a description of their system-forming cultural codes. The theoretical conclusions obtained are being practically verified through the analysis of specific cases of modern political negotiations, including negotiations on the Iranian nuclear program (JCPOA), trade negotiations between the United States and China, as well as the activities of the Normandy Format to resolve international conflicts.

Key words: cultural code; national negotiation style; cultural differences; communication failures; agreements.

«Культурный код» — это не просто синоним национальных особенностей. Это аналитический инструмент, который позволяет перейти от поверхностного описания поведения к пониманию его скрытых логик. В переговорном процессе декодирование этих кодов становится критически важным для прогнозирования реакции оппонента, выстраивания эффективной аргументации и, в конечном счете, — для достижения договоренностей. Культурный код — это система неявных, часто неосознаваемых правил, символов, значений и поведенческих паттернов, которые лежат в основе восприятия, мышления и коммуникации представителей определенной культуры. Это своего рода «шифр» или «программное обеспечение сознания» (по выражению Г. Хофстеде), которое позволяет человеку адекватно интерпретировать окружающую действительность и действовать в рамках своей культурной общности. Термин «код» несет представление о структуре только что созданной, искусственной и введенной мгновенной договоренностью. Код не подразумевает истории, т. е. психологически он ориентирует нас на искусственный язык, который и предполагается идеальной моделью языка вообще [3, с. 13]. Гирц призывает не объяснять поведение «культурой», а интерпретировать его, помещая в конкретный культурный контекст и «густо» описывая символические действия сторон. Это позволяет перейти от простых стереотипов о «хитрых восточных партнерах» или «прямолинейных западных коллегах» к глубокому анализу того, как разные системы смыслов сталкиваются и взаимодействуют за столом переговоров.

В современной науке, особенно на стыке культурологии, политологии и социологии, существует ряд ключевых понятий, описывающих глубинные основы коллективного поведения. Такие категории, как «культурный код», «менталитет», «национальный характер» и «ценностные ориентации», часто используются как взаимозаменяемые, но тем не менее для понимания деталей их необходимо уметь разграничивать. Так, например, культурный код, как система неявных правил, символов и ключей, позволяющая расшифровывать смыслы в рамках конкретной культуры, позволяет ответить на вопрос «КАК мы понимаем друг друга?», в отличие от исторически сложившейся, устой-

чивой психологической структуры, называемой менталитетом, который позволяет понять «КАК мы мыслим?». На этом фундаменте формируются ценностные ориентации — более осознаваемые представления о желаемом, правильном и важном. Если менталитет — это структура мышления, то ценности — это его содержание, морально-этический компас. В то же время национальный характер — это скорее внешнее, описательное обобщение наблюдаемых поведенческих паттернов, которые являются результатом действия всех предыдущих уровней. Он отвечает на вопрос «КАКИЕ МЫ?». Четкое разграничение этих категорий позволяет проводить более точный и глубокий анализ, избегая упрощений и стереотипов, что особенно важно в таких практических сферах, как международные переговоры, дипломатия и межкультурный менеджмент.

Теории культурных измерений представляют культуры не как хаотичные наборы черт, а как системы, которые можно описать и сравнить по ряду универсальных параметров («измерений»). Это позволяет структурировать анализ культурных кодов, делая его наглядным и прикладным для сферы международных переговоров.

Герт Хофстеде выделил первоначально четыре, а затем шесть измерений, ценностные ориентации которых статистически выведены из масштабных кросс-культурных исследований, назвав «Программным обеспечением сознания». Суть противоположных измерений — индивидуализма и коллективизма — заключается в степени, в которой люди предпочитают действовать как независимые индивиды или как члены сплоченной группы. На переговорах индивидуализм является характерной чертой для США и Германии, чьей целью является подписание контракта, в тот момент как для представителей коллективизма (Китай, Япония, Россия) важным аспектом является принятие решений через консенсус и построение отношений. При рассмотрении такой пары измерений как ориентация на долгосрочность и краткосрочность, чья суть состоит в противопоставлении прагматизма, ориентированного на будущее (настойчивость, бережливость), традиционализму и исполнению социальных обязательств, можно выделить ярких стран-представителей долго-

срочной ориентации- Китай и Япония, для которых характерно стратегическое терпение, готовность инвестировать в долгосрочные отношения, не гнаться за сиюминутной выгодой. К представителям краткосрочной можно отнести США и Австралию, чей фокус ориентирован на быстрые результаты и квартальную прибыль. Не менее важными измерениями, характеристики которых надо учитывать при ведении переговоров, являются дистанция власти и избегание неопределенности. Низкая дистанция, характерная для Скандинавии и Австрии, проявляется в неформальном общении и ожидании равенства, в то время как представители высокой дистанции — Франция, арабские страны — требуют четкой иерархии и уважения к статусу. Высокое избегание неопределенности можно отнести к неотъемлемым чертам поведения Японии, Германии и России на переговорах, эти страны стремятся к детализированным, юридически безупречным контрактам. Для представителей низкого избегания (Сингапур, Великобритания) характерна гибкость, готовность к изменениям, соглашения могут быть более общими, отношение к контракту как к ориентиру, а не как к догме.

Эдвард Холл фокусируется на фундаментальных способах организации времени и коммуникации. По классификации Холла существуют четыре характеристики: высококонтекстные и низкоконтекстные культуры, монохронность и полихронность. Суть первых двух характеристик состоит в том, чтобы показать степень, в которой информация заключена в самом сообщении (низкий контекст) или в окружающем его контексте (высокий контекст). Для представителей низкого контекста (США, Германия, Швейцария) характерны прямые, эксплицитные высказывания, по принципу «говорить, что думаешь», для них слова имеют буквальное значение. В то время как для Японии, Китая, арабских стран с высоким контекстом важна косвенная, имплицитная коммуникация, «чтение между строк». Важны невербальные сигналы, статус и история отношений. Суть монохронности и полихронности состоит в различном восприятии времени. Для представителей монохронности (США, Северная Европа) время является как линейный ресурс, которым нужно управлять. В ходе переговоров важным аспектом является жест-

кое следование расписанию, пунктуальность, последовательное обсуждение вопросов («время — деньги»). Для представителей полихронной культуры (Латинская Америка, Ближний Восток, Россия) характерно гибкое отношение ко времени, возможность одновременного решения нескольких вопросов, приоритет отношений над расписанием.

Льюис предлагает поведенческую типологию, удобную для практического применения. К представителям линейно-активной культуры можно отнести немцев, швейцарцев, скандинавов, для которых характерны систематические, основанные на фактах, ориентированные на задачи переговоры. Для представителей мультиактивных культур (итальянцы, испанцы, бразильцы, арабы) переговоры, наоборот, представляют эмоциональные, красноречивые, с частыми отступлениями от темы, неформальные беседы. Последним элементом классификации Льюиса является реактивность. Представители реактивных культур (китайцы, японцы, корейцы, финны) ведут переговоры дипломатично, неторопливо, используя долгие паузы для обдумывания и избегая прямых отказов и конфронтаций.

Таким образом, интеграция теорий культурных измерений создает крепкую аналитическую рамку для исследования переговорных процессов, сочетая научную строгость с практической применимостью. Этот подход позволяет систематизировать культурное разнообразие, не впадая в упрощенные стереотипы, и обеспечивает методологическую основу для развития культурного интеллекта современных дипломатов и международных менеджеров.

Культурные коды — глубинные системы ценностей, традиций и коммуникативных моделей — оказывают существенное влияние на все этапы переговоров. Выявление точек наибольшей уязвимости к культурному влиянию позволяет минимизировать риски непонимания и повысить шансы на достижение взаимовыгодных соглашений.

Переговоры можно определить как процесс взаимодействия оппонентов с целью достижения согласованного и устраивающего стороны решения. Эффективность переговорного процесса зависит не только от профессиональной компетентности участ-

ников, но и от их способности учитывать культурные особенности партнеров. Переговоры стоит рассматривать по-разному: как продолжение борьбы другими средствами; как процесс разрешения конфликтов. В соответствии с этим выделяют две основные стратегии ведения переговоров: позиционные переговоры (позиционный торг) и принципиальные переговоры [1, с. 31]. По мнению Митрошенкова О.А., можно говорить о трех основных этапах переговоров: 1-й этап — взаимное уточнение точек зрения, интересов, концепций сторон; 2-й этап — их обсуждение (аргументирование, выдвижение предложений, их обоснование); 3-й этап — согласование позиций и выработка договоренностей [6, г. 15 с. 229]. На этапе согласования и выработки договоренностей выделяются, как правило, две фазы: сначала вырабатываются контуры, общая формула (определение рамок соглашения), затем — детали (выработка окончательного варианта итогового соглашения, в том числе его редактирование). Такой подход особенно целесообразен при проведении сложных, многоплановых переговоров: он сокращает время, позволяет более четко спланировать сам процесс переговоров [6, г. 15 с. 230].

Успех в современных международных переговорах требует от участников не только профессиональной компетентности, но и развитого «культурного интеллекта» — способности распознавать, понимать и эффективно учитывать культурные особенности партнеров. Осознанное управление культурными рисками превращает культурные различия из источника проблем и возможных разногласий в ресурс, который позволяет достигнуть наиболее выгодных условий сотрудничества.

Роль культурных кодов в переговорах — это системное влияние глубинных национальных установок, ценностей и моделей поведения на процесс и результат коммуникации между сторонами.

Так, например, в ходе переговоров по иранской ядерной программе (СВПД), иранцы, как наследники великой империи с тысячелетней историей, имея глубокое чувство национальной гордости, могли любую формулировку, которая могла бы поставить Иран в положение «неравноправной» или «проигравшей» стороны, признать неприемлемой. Отсюда, в ходе переговоров, делался постоянный акцент на «права Ирана» как суверенной дер-

жавы на мирную ядерную программу. Так же санкции Запада лишь укрепляли стойкость Ирана на переговорах. Это проявлялось в высоком пороге терпимости к напряженности и срывам. Иранская делегация была готова уйти с переговоров, если чувствовала, что их «ломают», демонстрируя принцип, что «отсутствие сделки лучше, чем плохая сделка». Безусловно к особенностям культурного кода иранцев можно отнести витиеватость, многослойность стиля речи, богатые исторические и литературные аллюзии. Прямой «западный» стиль («да/нет») часто считался грубым. Переговоры были не просто обменом позициями, а искусством дискурса, где важны были нюансы, контекст и построение отношений. Американский подход был крайне технократическим и ориентированным на результат. Делегация приходила с четкими списками требований, которые можно было «вычеркнуть» по мере достижения договоренностей. Их фокус был на механизмах проверки, сроках, конкретных числах. Этот подход иногда сталкивался с иранской потребностью в более широком, «стратегическом» обсуждении принципов. Американская делегация была огромной и включала множество юристов, чья задача — прописать каждую деталь так, чтобы исключить двусмысленность. Это создавало напряжение с иранской стороной, которая могла воспринимать это как недоверие и попытку опутать их юридическими капканами. Для европейцев, особенно после опыта двух мировых войн, ключевой ценностью является многосторонняя дипломатия и работа через международные институты. Их роль часто была ролью «моста» между жесткими позициями США и Ирана. Они пытались переводить аргументы одной стороны на язык, понятный другой. Франция проявляла свой код интеллектуальной ригидности и принципиальности. Французские дипломаты часто занимали самую жесткую позицию по вопросам нераспространения, иногда разочаровывая даже американцев своей бескомпромиссностью. Их стиль — логичный, принципиальный, но не всегда гибкий. Классический британский код — прагматизм и искусство компромисса. Их подход был менее идеологическим и более направленным на поиск работоспособного решения. Известны своим умением находить дипломатичные формулировки. Как главный

торговый партнер Ирана в прошлом, Германия была заинтересована в снятии санкций. Немецкий код — «процессуальность» и надежность. Они настаивали на выверенных, поэтапных процессах и четких механизмах выполнения обязательств. Российская делегация подходила к переговорам с позиций классической «реальной политики». Их цель — не допустить усиления одного игрока (США) и сохранить за Россией роль незаменимого игрока. Они были готовы к прагматичным сделкам, но всегда с оглядкой на более широкий геополитический контекст. Россия, как и Иран, болезненно относится к вопросам суверенитета. Поэтому она часто выступала против формулировок, которые давали бы МАГАТЭ или другим странам слишком широкие полномочия для инспекций, видя в этом опасный прецедент. Для Москвы переговоры по Ирану были также инструментом в более широком диалоге/конфронтации с Западом. Они могли тормозить процесс, чтобы получить уступки по другим вопросам (например, по Украине или Сирии), или, наоборот, ускорять его, чтобы демонстрировать свою конструктивную роль. Невмешательство во внутренние дела — краеугольный камень китайской внешней политики. Китай последовательно выступал против санкций и любого силового давления на Иран, рассматривая это как вмешательство в суверенные дела. Китайцы предпочитают работать за кулисами, избегая публичной конфронтации. Их роль на переговорах часто была менее заметной, но важной. Они выступали в роли «примирителя», смягчая острые углы и поощряя диалог. Их цель — стабильность в регионе, которая гарантирует безопасность их энергетических поставок. Китайский подход менее ориентирован на сиюминутные политические победы и более на долгосрочные стратегические отношения. Они выстраивали отношения и с Ираном, и с Западом, стремясь быть выгодоприобретателем при любом исходе.

Торговые переговоры между США и Китаем при администрациях Трампа и Байдена стали ярчайшим примером столкновения не просто экономических интересов, а глубинных культурных кодов, которые определяли стратегии, тактики и сам язык коммуникации. Переговоры стали классическим случаем «столкновения цивилизаций» в сфере торговли. Американцы

пытались «продать» сделку в стиле детальных юридических документов, тактики ультиматумов и санкций для силового давления, но наткнулись на китайскую «стену» уклончивые формулировок, жесткой защиты государственного суверенитета, восприятия ультиматумов как оскорбления.

Германия и Франция выступали мостом между конфронтационными позициями России и Украины в ходе переговоров в формате «Нормандской четверки» по Украине, где Берлин отвечал за процесс выстраивания диалога даже в тупике, делая акцент на поиске технических решений, выступая в роли «честного посредника», а Париж отвечал за стратегию, занимал позицию «независимой державы», совершая попытки быть архитектором европейской безопасности, иногда в обход США. В то время как Москва использовала переговоры как инструмент давления и легитимизации своих интересов, а Киев стремился закрепить роль жертвы агрессии и получить гарантии безопасности, ориентируясь на международное право.

Таким образом, культура в наши дни приобрела статус внешнеполитического инструмента, который, позволяет государству реализовывать свои политические и экономические задачи на международной арене.

Список литературы

1. «Государство и право во времени и пространстве» [Электронный ресурс]: сборник тезисов докладов участников Республиканской научно-практической конференции с международным участием студентов, магистрантов, аспирантов / сост. И. П. Манкевич [и др.]; УО «Белорусский государственный экономический университет». — Минск: БГЭУ, 2020. — 462 с..
2. *Гирц К.* Интерпретация культур / Клиффорд Гирц; пер. с англ.: О.В. Барсукова и др.. — М.: РОССПЭН, 2004. — 557,[2] с. ил.
3. *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. — М.: Прогресс, Гнозис, 1992. — 270,[1] с.
4. *Льюис Р.Д.* Столкновение культур: путеводитель для всех, кто делает бизнес за границей / пер. с англ. А.А. и М. Павловой. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. — 635 с.

5. *Мейер Э.* Карта культурных различий: как люди думают, руководят и добиваются целей в международной среде: [12+] / пер. с англ. А. Толмачев. — М.: Библос, 2019. — 282 с.
6. *Митрошенков О.А.* Деловое общение: эффективные переговоры: практическое пособие. — 2-е изд. — М.: Изд-во Юрайт, 2025. — 315 с.
7. *Холл Э.* За пределами культуры. — Dom Wydawniczy PWN, 1984. — 320 с.
8. *Хофстеде Г., Хофстеде Г.Й., Минков М.* Культуры и организации: программирование сознания, межкультурное сотрудничество и его значение для выживания. — McGraw-Hill, 2010. — 576 с.

Геворкян А.В.,

студент,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

Романов А.А.,

кандидат исторических наук,

заместитель заведующего кафедрой

«Мировой политики и межкультурного развития»,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

КОНЦЕПЦИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Gevorkyan A.V.,

Student,

V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations, Moscow

gevorkyan05.05@mail.ru

Romanov A.A.,

PhD in Historical Sciences,

Deputy Head of the Department of "World Politics and Intercivilization Development",

V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations, Moscow

a.a.romanov@uwc-i.ru

THE CONCEPT OF THE FOREIGN POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION: THE CULTUROLOGICAL ASPECT

Аннотация. В статье анализируются некоторые положения Концепции внешней политики российской Федерации (2023 г.) и особенно ее культурологические аспекты. Утверждается, что культурологические вопросы сегодня играют важную роль в глобальных отношениях, поскольку международная конфронтация сместилась в направлении конфронтации ценностей. Поэтому внешняя политика России определяется ее отстаиванием традиционных ценностей и ее «особой позицией как самобытного государства-цивилизации». Российские национальные интересы непосредственным образом взаимосвязаны с Российским культурным насле-

дием, Российской историей и базовыми принципами Российской цивилизации. Защищать и распространять эти принципы — одна из важнейших задач Российской внешней политики.

Ключевые слова: Концепция внешней политики Российской Федерации, Русская цивилизация, Российская культура, Российская история, Российские национальные интересы.

Abstract. The paper analyzes some points of the Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation (2023) and specifically its culturological aspects. It is argued that the culturological issues today play an important role in global affairs as the international confrontation shifts toward the confrontation of values. Therefore the foreign policy of Russia is determined by its assertion of its traditional values and its “special position as a unique country-civilization”. Russian national interests are directly interconnected with the Russian cultural heritage, Russian history and the basic principles of Russian civilization. To protect and to promote these principles — this is the one of the most important goals of the Russian foreign policy.

Key words: The Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation, Russian civilization, Russian culture, Russian history, Russian national interests.

31 марта 2023 года Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин подписал Указ, которым он утвердил новую Концепцию внешней политики страны. Этот документ призван определить не только приоритеты внешнеполитической деятельности Российской Федерации, но и принципы, на которых эта деятельность основывается. Именно принципы сегодня становятся в международных отношениях как никогда важными.

Современные международные отношения определяются уже не только столкновениями интересов; они характеризуются столкновением ценностных ориентиров. На первый план глобальной повестки дня выходят вопросы сохранения цивилизационной идентичности, культурного самоопределения, защиты от глобализма как способа навязывания не только экономических или политических правил игры, но и чуждого мировоззрения. Концепция, как отмечают эксперты, не только практико-ориентированная, но и насыщена идеологическим содержанием, поскольку, как отмечает И. Фабричник, «в условиях, когда и мировая политика, и экономика в значительной степени обуславливают

ся чисто идеологическими установками и максимами, это было неизбежно» [4].

В этой связи культурологический компонент Концепции является если не центральным, то одним из центральных в документе. Он обосновывает многие положения указанного документа.

Уже в самом начале Концепции, в пункте 4, являющемся частью вводных Общих положений, говорится о культуре:

«Более чем тысячелетний опыт самостоятельной государственности, культурное наследие предшествовавшей эпохи, глубокие исторические связи с традиционной европейской культурой и другими культурами Евразии, выработанное за много веков умение обеспечивать на общей территории гармоничное сосуществование различных народов, этнических, религиозных и языковых групп определяют особое положение России как самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, сплотившей русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира».

В этом фрагменте документа обращает на себя внимание указание на сочетание в современной российской цивилизации различных культурных элементов. Русская культура никогда не отгораживалась от взаимодействия с культурами других народов, а с некоторыми на протяжении долгого времени разделяла общие культурные ценности. Однако указание на то, что Россия — особое, самобытное государство-цивилизация, с уникальными культурными достижениями, свойственными только Русскому миру, является не просто повторением конституционной нормы, но и важной посылкой внешнеполитической деятельности [3, с. 55]. При этом сам Русский мир характеризуется не как узконациональное явление, а как «общность», что подразумевает гармоничное сосуществование всех народов, вносящих в развитие этого мира свой культурный вклад.

Будучи самостоятельной цивилизацией, обладая богатейшим культурным наследием, Россия осознает себя как страна, которой принадлежит особая миссия в международных отношениях; как сказано в концепции, Россия «выполняет исторически

сложившуюся уникальную миссию по поддержанию глобального баланса сил и выстраиванию многополярной международной системы, обеспечению условий для мирного, поступательного развития человечества на основе объединительной и конструктивной повестки дня» (п. 5). Другими словами, Россия не только и не столько руководствуется национальными интересами, но и стремится использовать свой потенциал, в том числе в культурной сфере, для создания устойчивого мирового порядка. Это определяет концептуальные положения документа, в том числе в культурно-гуманитарной сфере как долгосрочную стратегию.

Одной из характеристик устойчивого мирового порядка является отсутствие неравенства в международных отношениях во всех его разнообразных проявлениях. Однако в настоящих условиях целый ряд государств препятствуют достижению этой цели. На смену колониальному мышлению пришла логика неокOLONиализма (п. 8). Для утверждения своего доминирования отдельные страны, как говорится в Концепции, стремятся не только устранить конкурентов в экономической и военно-политической сферах, но и «подавить инакомыслие». Иными словами, современная фаза колониализма включает в себя мощную идеологическую составляющую. Заставить другие страны принять существующую гегемонию Запада — вот задача, решение которой осуществляется самым широким набором средств, включая, как говорится в Документе, «подрывные операции в информационном пространстве», «навязывание деструктивных неолиберальных идеологических установок, противоречащих традиционным духовно-нравственным ценностям». А это, в свою очередь, приводит к разрушительным последствиям для всех сфер международных отношений (п. 8). Иначе говоря, Концепция внешней политики указывает не просто на важность защиты традиционных для каждой цивилизации ценностей, но и на экзистенциальный характер такой защиты: это нужно для сохранения как отдельных цивилизаций, та и глобального мира в целом.

Важно понимать, что в заложниках деструктивной неолиберальной идеологии оказались не только развивающиеся страны, но и собственно народы стран Запада. Неслучайно в Докумен-

те указывается на неразрывную связь российского культурного наследия и традиционной (!) европейской культуры (п. 4), о чем уже говорилось выше. Фактически сегодня борьба культур идет не только на межгосударственном уровне, но и внутри каждой страны, каждого народа. Стремясь к сохранению своих традиционных ценностей, Россия выступает также и защитником исторических ценностей европейских народов.

Гегемония Запада, о которой говорится в п. 13 Концепции, сегодня становится одним из вызовов стабильному развитию человечества. Имея на данный момент преимущество в технологическом развитии, западные страны и транснациональные корпорации осуществляют информационную экспансию, планомерно и целенаправленно воздействуют на молодежь стран мира, прививая ей ложную систему жизненных ориентиров и очерняя достижения традиционной культуры. В этой вязи среди основных направлений защиты национальных интересов страны Концепция считает «развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного иностранного информационно-психологического воздействия» (п. 16, подпункт 5), а также «развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного иностранного информационно-психологического воздействия» (п. 16, подпункт 8). На протяжении последних десятилетий в российском обществе безраздельно господствовали образы и шаблоны, разрушавшие традиционные для нашей страны представления о добре и зле, о патриотизме, о достижениях народов страны, в том числе на международной арене, но при этом внушались идеи об отсталости России, необходимости слепого следования западным стандартам. Все это разрушало общество изнутри, делая страну зависимой от проводимой Западом политики. По сути неокOLONиальная экспансия была применена и в отношении Российской Федерации.

При этом, как уже отмечалось, Россия чувствует себя ответственной не только за сохранение культурной самобытности внутри страны. Среди приоритетов внешнеполитической деятельности в Концепции выделяется сохранение многообразия культур и цивилизаций в глобальном масштабе, противодействие навя-

звания другим народам каких-либо идеологических и ценностных установок (п. 18, подпункт 7).

С такой задачей России будет непросто справиться в одиночку. В этой связи необходимо укреплять взаимодействие с другими странами и международными организациями, которые смогут не только противодействовать западной гегемонии в политике и экономике, но и отстаивать свои национальные интересы в культурной сфере.

При этом важно подчеркнуть, что национальная культура не может успешно развиваться в условиях автаркии. Культурное взаимодействие, культурная дипломатия играют все большую роль в международных делах, сближая народы, уничтожая ложные представления и стереотипы. Поэтому концепция говорит о необходимости «конструктивного диалога, партнерства и взаимообогащения различных культур, религий и цивилизаций» (п. 19, подпункт 10). Культурные обмены способствуют повышению доверия между странами, закладывают основы для расширения сотрудничества в других сферах.

Особое внимание в Концепции уделяется «обеспечению международной информационной безопасности, противодействию угрозам в ее отношении, укреплению российского суверенитета в глобальном информационном пространстве»; этой проблеме посвящен п. 30 Документа. Как полагают эксперты, в частности, О. Барабанов, ««информационное сопровождение внешнеполитической деятельности РФ» не случайно обозначено среди приоритетных направлений [1]. Очевидно, что сегодня культура или ее извращенные формы все больше транслируются через современные коммуникации, такие как Интернет или социальные сети. Эти инструменты могут играть как позитивную, так и негативную роль. Их применение не может быть бесконтрольным, и контроль этот должен осуществляться в интересах нашей страны, а не других стран. Можно сказать, что борьба за культуру приобретает в наши дни новое измерение — она переходит в глобальное информационное пространство.

Наконец, еще один аспект, который необходимо подчеркнуть в этой связи. В разделе, посвященном международному гуманитарному сотрудничеству (ст. 43–44), определены основные цели

по защите отечественной культуры. Сегодня, когда наша страна сталкивается с проявлениями русофобии, дискриминацией всего российского, становится особенно актуальным знакомство мировой общественности с подлинными шедеврами нашей культуры, популяризация русского языка не только как одного из официальных языков ООН, но и как языка великой литературы. В этой связи одной из главных задач является борьба с фальсификацией истории, с преуменьшением достижений и побед нашего народа, в том числе его решающего вклада в победу над нацистской Германией и милитаристской Японией, а также роли СССР и России в борьбе с колониализмом и неоколониализмом. История как часть культурного кода должна охраняться столь же бережно, как и материальные объекты культуры.

Подводя итог можно сказать, что вопросы культуры неспроста занимают столь важное место в Концепции внешней политики Российской Федерации. Культура помогает не только сохранить идентичность или описать цивилизационные характеристики той или иной общности. Культура сегодня — это ориентир, одновременно и якорь, и маяк, и меч, и броня. Она помогает определить особое место нашей страны в этом нестабильном мире и понять те ценности, которым нам нельзя изменять. Наша культура — это не наше прошлое. И даже не настоящее. Она наше будущее.

Список литературы

1. *Барабанов О.* Новая Концепция внешней политики РФ: структура и семантика // Валдай. Международный дискуссионный клуб. — 04.04.2023. — URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/novaya-kontseptsiya-vneshney-politiki-rf-semantika/> (дата обращения: 29.09.2025).
2. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ В.В. Путиным 31.03.2023 № 229 // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 01.10.2025).
3. *Коньков А.Е.* Правила для игры без правил // Россия в глобальной политике. — Май–июнь 2023. — Т. 21. — № 3(121). — С. 54–67.

4. *Фабричников И.* Большое сосредоточение в эпоху самосознания. Новая российская концепция внешней политики и место России в меняющемся мире // Россия в глобальной политике. — 03.04.2023. — URL: <https://globalaffairs.ru/articles/bolshoe-sosredotochenie/?ysclid=mk3nkyktg192242494> (дата обращения: 15.10.2025).

Гусев И.В.,

студент,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

**КОНЦЕПЦИЯ «СТОЛКНОВЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ»
С. ХАНТИНГТОНА
И РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ТРАДИЦИЯ:
ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ И РАСХОЖДЕНИЯ**

Gusev I.V.,

Student,

V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow

valvememesww2@mail.ru

**SAMUEL HUNTINGTON'S "CLASH OF CIVILIZATIONS"
AND THE RUSSIAN CIVILIZATIONAL TRADITION:
POINTS OF CONVERGENCE AND DIVERGENCE**

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному анализу концепции «столкновения цивилизаций» Сэмюэла Хантингтона и русской цивилизационной традиции, представленной, в первую очередь, теорией культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского. Автор рассматривает как точки соприкосновения, так и фундаментальные расхождения между западной политологической моделью и отечественным цивилизационным дискурсом, уделяя особое внимание различиям в методологии, ценностных установках и понимании роли России в мировой истории. В работе также анализируется актуальный геополитический статус России — как возможного посредника между цивилизациями или как носителя самостоятельной цивилизационной идентичности. Исследование подчеркивает значимость межкультурного диалога для интерпретации современных глобальных вызовов и формирования устойчивого миропорядка.

Ключевые слова: цивилизация, «столкновение цивилизаций», русская цивилизационная традиция, цивилизационная идентичность, геополитика, культурно-исторические типы.

Abstract. This article presents a comparative analysis of Samuel Huntington's "Clash of Civilizations" thesis and the Russian civilizational tradition, primarily articulated

in N.Ya. Danilevsky's theory of cultural-historical types. The author examines both convergences and fundamental divergences between the Western political science paradigm and the Russian civilizational discourse, with particular attention to differences in methodology, value systems, and interpretations of Russia's role in world history. The study also explores Russia's contemporary geopolitical positioning — whether as a bridge between civilizations or as an autonomous civilizational pole in its own right. The paper underscores the importance of inter-civilizational dialogue for understanding current global challenges and for shaping a stable international order.

Key words: civilization, “Clash of Civilizations”, Russian civilizational tradition, civilizational identity, geopolitics, cultural-historical types.

В условиях глубокой трансформации мирового порядка, обострения геополитической обстановки и роста культурно-цивилизационной самоидентификации государств и обществ все большее значение приобретают цивилизационные подходы к анализу международных отношений. Концепция «столкновения цивилизаций», предложенная Сэмюэлом Хантингтоном в 1990-е годы, несмотря на многочисленную критику, продолжает оказывать значительное влияние на политическую теорию, стратегическое мышление и публичный дискурс. Одновременно с этим в российской интеллектуальной традиции, начиная с трудов Николая Данилевского и вплоть до современных геополитических концепций, устойчиво развивается представление о России как о носителе особой цивилизационной миссии, не сводимой ни к западной, ни к восточной модели.

Актуальность данной статьи обусловлена необходимостью критического сопоставления этих двух парадигм: с одной стороны — западной теории, которая интерпретирует цивилизации преимущественно через призму конфликта и границ, с другой — русской традиции, акцентирующей внимание на самобытности, духовной автономии и потенциале синтеза. Такое сопоставление позволяет не только глубже понять истоки современных геополитических разногласий, но и переосмыслить роль России в контексте межкультурного взаимодействия. В условиях, когда идеологическое противостояние уступает место цивилизационному, подобная работа приобретает не только теоретическое, но и практическое значение для выработки стратегий диа-

лога и устойчивого сосуществования в полицивилизационном мире.

В своей знаменитой статье 1993 года [2] и последующей монографии «столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка» (1996) [7] Сэмюэл Хантингтон предложил радикальную альтернативу доминировавшим в постхолодную эпоху теориям либерального интернационализма и «конца истории» Фрэнсиса Фукуямы [6]. По мнению Хантингтона, в новой геополитической реальности главными акторами мировой политики выступают не государства и идеологии, а цивилизации — крупные культурные общности, объединенные языком, религией, историей, традициями и самоидентификацией [3]. Автор выделяет приблизительно семь-восемь таких цивилизаций, включая западную, православную, исламскую, китайскую, индийскую, японскую, латиноамериканскую и условно — африканскую. Он подчеркивает, что именно на «разломах» между ними будут возникать наиболее острые конфликты будущего.

Центральным тезисом концепции является утверждение о том, что культурные и религиозные различия устойчивее политических и экономических, а потому в XXI веке именно они станут источником напряженности. Особенно остро Хантингтон трактует «кровавые границы» между исламской и неисламской цивилизациями, а также потенциальное сближение конфуцианской и исламской цивилизаций, что стало бы вызовом для Запада [7, с. 209–218].

Несмотря на широкое влияние, концепция подверглась серьезной критике. Так, Эдвард Саид обвинил Хантингтона в эссенциализме и редукции сложных культурных процессов до статичных, монолитных блоков [11]. Амартия Сен указывал на игнорирование внутреннего плюрализма цивилизаций и искусственное противопоставление «Запада» и «остального мира» [12].

Современные исследователи продолжают развивать эту критику, отмечая, что модель Хантингтона плохо учитывает сетевую и взаимозависимую структуру глобальной политики современности. Так, Анна Хаки показывает, что ключевую роль в конфликтах играют не цивилизационные, а политико-инсти-

туциональные и социально-экономические факторы, которые Сэмюэль недооценивал [10].

В свежей статье (2025 г.) «Fraternity: A Missing Element in Huntington's The Clash of Civilizations» подчеркивается, что хантингтоновская модель игнорирует понятие «братства и межкультурной солидарности», без которых анализ глобальных конфликтов остается неполным [9].

Таким образом, современные авторы не отвергают тезис Хантингтона, но рассматривают его как исторический продукт ушедшей эпохи, нуждающийся в глубокой ревизии. Концепция «цивилизационных разломов» все чаще интерпретируется как метафора политического восприятия, а не объективное описание структуры мировой системы.

Основы русской цивилизационной мысли были заложены в XIX веке трудами славянофилов и, в особенности, Николая Яковлевича Данилевского — ученого-естествоиспытателя, дипломата и философа истории. Он выдвинул теорию культурно-исторических типов (КИТов) в своем труде «Россия и Европа», предвосхитившую многие идеи цивилизационной теории [3, с. 81–99]. В отличие от линейных моделей прогресса, которые доминировали в европейской мысли, Данилевский утверждал, что человечество развивается не единообразно, а через автономные цивилизационные организмы, каждый из которых проходит собственный жизненный цикл: зарождение, расцвет, упадок и смерть.

Он выделил десять культурно-исторических типов, включая египетский, китайский, древнесемитический, индийский, иранский, еврейский, греческий, римский, арабийский и европейский [3, с. 77–78]. Особое место в его системе занимала «славянская цивилизация», которая, по его мнению, только вступала в фазу своего исторического расцвета и должна была стать носительницей новых религиозно-нравственных и правдиво-справедливых начал в мировой истории [3, с. 111–112].

При этом Данилевский подчеркивал, что славянская цивилизация не является частью Европы, она представляет собой самостоятельную и равноправную историческую силу, которая противопоставляется «германо-романскому миру», склонному,

по его оценке, к насилию, эгоизму и формализму [3, с. 350–351].

Идеи Николая Яковлевича оказали глубокое влияние на последующую русскую философскую и политическую мысль. В советский период его идеи развивали Николай Бердяев, Лев Гумилев и Александр Панарин. В особенности значим вклад Гумилева, предложившего теорию пассионарности — внутренней энергии, порождающей новые этносы и цивилизации, включая «русский суперэтнос» [2, с. 364–365].

В настоящее время цивилизационная парадигма стала важным элементом российской государственной идеологии. В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» прямо утверждается необходимость «сохранения культурной самобытности и традиционных ценностей», что отражает устойчивость данилевской установки на цивилизационную автономию [1].

Таким образом, русская цивилизационная традиция, которая берет начало с критики евроцентризма у Данилевского, эволюционировала в устойчивую концептуальную рамку, определяющую политический дискурс о месте России в мире.

Несмотря на различия в историческом контексте, методологии и ценностных основаниях, концепция С. Хантингтона и русская цивилизационная традиция демонстрируют существенные точки соприкосновения, особенно в вопросах цивилизационной идентичности, культурной автономии и критики универсализма.

Во-первых, обе парадигмы отвергают западную модель исторического развития как универсальную. Хантингтон прямо заявляет, что «Запад — это не весь мир», а его ценности не могут быть навязаны другим цивилизациям без сопротивления [7, с. 49]. Аналогичную позицию занимает Данилевский, утверждая, что «германо-романский мир» не вправе претендовать на роль «всемирного учителя», поскольку его исторический цикл уже вступает в фазу упадка [3, с. 147]. Оба автора видят источник конфликтов, а не мира в насильственном экспорте западных институтов.

Во-вторых, подчеркивается первичность культурной идентичности по отношению к политическим и экономическим ин-

тересам. Для Сэмюэля люди «определяют себя через принадлежность к цивилизации» [7, Предисловие], для Данилевского же через «духовный склад» и «религиозно-нравственный уклад» своей культурно-исторической общности. Оба случая рассматривают идентичность как глубинную, устойчивую и несводимую к временным политическим конъюнктурам.

В-третьих, обе модели признают право цивилизаций на автономное развитие. Хантингтон призывает Запад к «умеренности» и отказу от мессианства, предлагая взамен этому «диалог цивилизаций» на основе взаимного уважения. Данилевский, в свою очередь, настаивает на том, что славянская цивилизация должна развиваться по своим внутренним законам, не подражая Европе, а реализуя собственную идею «правды и справедливости».

Таким образом, точки соприкосновения между хантингтоновской моделью и русской традицией лежат не в деталях, а в фундаментальном отказе от либерального универсализма и признании множественности исторических путей.

Хотя сходства в признании множественности цивилизаций между концепциями имеют место быть, существует и не менее глубокое расхождение.

Во-первых, Хантингтон опирается на политологический реализм и культурный плюрализм, оставаясь в рамках западной социальной теории. Его цивилизации — это эмпирически наблюдаемые культурные блоки, которые определяются по религии, языку, территории и исторической памяти. Для него цивилизация является инструментом анализа международных конфликтов. Русская традиция рассматривает цивилизацию как органическую, духовно-нравственную целостность, обладающую собственной «душой» и исторической миссией. Культурно-исторический тип — это живой организм, проходящий собственный цикл. Таким образом, Хантингтон описывает, а русская традиция осмысляет цивилизацию.

Во-вторых, несмотря на критику универсализма, Хантингтон все еще остается либералом: он защищает западные институты, такие как демократия, права человека, рыночная экономика, выставляя их достижениями своей цивилизации. Русская же традиция критикует саму основу западного либе-

рализма: индивидуализм, секуляризм и противопоставляет ей соборность, духовность, правду и справедливость как высшие ценности.

В-третьих, Хантингтон предполагает конфликт как норму отношений между цивилизациями, допуская возможности диалога элит. В его модели цивилизации сталкиваются, но не трансформируются. В русской традиции Россия наделяется особой миссией: собрать все лучшее от Востока и Запада, преодолеть их односторонность и открыть путь к новому историческому этапу, который возглавит славянство.

Наконец, с точки зрения геополитики, Сэмюэль видит Россию как часть «православной цивилизации», а русские мыслители ставят ее «над» Востоком и Западом.

Таким образом, указанные выше различия делают сопоставление моделей продуктивным, но не совместимым.

Положение России в цивилизационной геополитике является одним из ключевых вопросов в изучении цивилизационных подходов.

Если Хантингтон считает Россию периферийным элементом православной цивилизации, вынужденным искать союзников (например, в лице Китая), то Фрэнсис Фукуяма в своем труде «Конец истории и последний человек» утверждает, что Россия, как и все другие страны, в конечном счете встроится в западную модель, преодолев свою собственную историческую отсталость [6, с. 35–37].

Напротив, русская цивилизационная традиция последовательно отвергает как «православную редукцию» Хантингтона, так и «универсалистскую ассимиляцию» Фукуямы.

Еще в XVI веке псковский старец Филофей писал: «Рим пал за грехи от варваров, второй Рим — Константинополь пал из-за ересей от турок-османов, третий Рим — Москва будет стоять вечно. Четвертому Риму не бывать» [5], подразумевая тем самым особый путь развития нашего государства.

Об идеях Данилевского в XIX веке многое сказано выше, лишь упомянем, что для него Россия есть не продолжение Византии и не часть Европы, а носитель новой исторической идеи.

В XX веке Гумилев рассматривал русский суперэтнос как уникальный синтез, способный к диалогу с разными мирами, но не растворению в них.

Яркими примерами современности в определении роли России в геополитике выступают Владимир Жириновский: «Вот четыре силы в мире — Запад, Юг, Восток и Россия!», Владимир Путин: «Это не Россия находится между Западом и Востоком. Это Запад и Восток находятся слева и справа от России».

Также стоит упомянуть и Александра Дугина, утверждающего: «если Россия <...> признает себя цивилизацией <...> это будет означать крестовый поход против Запада, отрицание его универсальной миссии, а значит, отвержение Модерна и Постмодерна как его последнего выражения» [4, с. 35].

Таким образом, если в западной парадигме Россия — актер на цивилизационном разломе, то в русской традиции — центр новой цивилизационной конфигурации.

В заключение хочется сказать, что анализ концепции Сэмюэля Хантингтона в сопоставлении с русской цивилизационной традицией выявляет не просто различие теоретических подходов, но и фундаментальный раскол в понимании природы мирового порядка. Если западная модель предлагает карту культурных разломов, предупреждая о рисках конфликтов на цивилизационных границах, то русская традиция формулирует альтернативный проект, в котором Россия выступает носителем иной парадигмы развития.

Как показали события последних лет, от конфликтов на постсоветском пространстве до глобального переосмысления ценностей, универсалистские претензии Запада все чаще встречают сопротивление, основанное не на «отсталости», а на сознательном выборе культурной автономии. В этом контексте идеи Хантингтона оказываются пророческими: он предупреждал, что Запад должен отказаться от убеждений, будто его ценности универсальны.

Русские мыслители предлагают конструктивную альтернативу, возможность диалога равных, основанную на взаимном признании самобытности. Цивилизации должны не сталкиваться, а сосуществовать в рамках многополярного мира.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 02.07.2021 № 400 // Сайт Президента России. — 2021.
2. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. — М.: Эксмо, 2007. — 736 с.
3. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. — М.: Изд-во Юрайт, 2025. — 453 с.
4. Дугин А.Г. Четвертая политическая теория. — СПб.: Амфора, 2009. — 351 с.
5. Послание Филофея, игумена Елизаровской пустыни, к Государю великому Василию Ивановичу всея Руси // БАН, собр. Ф. Плигина, № 57, 21.5.15, рук. XVII в. А. 121 об.
6. Fukuyama F. The End of History and the Last Man. — New York: Free Press, 1992. — 418 с.
7. Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. — New York: Simon & Schuster, 1996. — 367 p.
8. Huntington S.P. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. — 1993. — No 3. — P. 22–49.
9. Igboin B.O. Fraternity: A Missing Element in Huntington's The Clash of Civilizations // Religions. — URL: <https://www.mdpi.com/2077-1444/16/9/1162> (дата обращения: 19.05.2025).
10. Khakee A. Civilizations, Political Systems and Power Politics: A Critique of Huntington's 'Clash of Civilizations' // E-International Relations. — URL: <https://www.e-ir.info/2018/05/04/civilizations-political-systems-and-power-politics-a-critique-of-huntingtons-clash-of-civilizations/> (дата обращения: 19.05.2025).
11. Said E. The Clash of Ignorance // The Nation URL: <https://www.thenation.com/article/archive/clash-ignorance/> (дата обращения: 19.05.2025).
12. Sen A. Identity and Violence: The Illusion of Destiny. — New York: W.W. Norton & Company, 2006. — 224 p.

Досяк А.П.,

студент,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

Научный руководитель: И.Ю. Сомова,

кандидат исторических наук, доцент,

зав. каф. зарубежного регионоведения,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

**КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ
ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В XXI ВЕКЕ:
ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С РОССИЕЙ**

Dosyak A.P.,

Student,

V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow

annadosyak2006@gmail.com

Academic Supervisor: I.Yu. Somova,

PhD in Historical Sciences, Associate Professor,

Head of the Department of Foreign Regional Studies,

V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow

innaaleftina@mail.ru

**CULTURAL DIPLOMACY
OF LATIN AMERICA IN THE 21ST CENTURY:
TRADITIONS AND MODERN FORMS
OF INTERACTION WITH RUSSIA**

Аннотация. В статье анализируется эволюция культурной дипломатии Латинской Америки в XXI веке и ее взаимодействие с Россией в контексте глобальных трансформаций. Рассматриваются национальные модели культурной дипломатии ведущих стран региона — Бразилии, Мексики, Аргентины, Кубы и Чили — с акцентом на особенности их стратегий, формы реализации и роль внутренней культурной идентичности. Особое внимание уделено гуманитарному измерению российско-латиноамериканских отношений, включающему образование, язык, искусство

и цифровую культуру. Отмечаются современные вызовы: политические и идеологические барьеры, экономические ограничения и конкуренция внешних акторов. Подчеркивается, что будущее сотрудничества зависит от перехода к долгосрочным партнерствам, интеграции культурных стратегий и расширения совместных цифровых и образовательных проектов.

Ключевые слова: культурная дипломатия, Латинская Америка, Россия, мягкая сила, гуманитарное сотрудничество, креативные индустрии, цифровая культура, международные отношения, культурная идентичность, межкультурный диалог.

Abstract. This article analyzes the evolution of Latin American cultural diplomacy in the 21st century and its interaction with Russia in the context of global transformations. It examines the national models of cultural diplomacy in the region's leading countries — Brazil, Mexico, Argentina, Cuba, and Chile — with an emphasis on the specifics of their strategies, their forms of implementation, and the role of domestic cultural identity. Particular attention is paid to the humanitarian dimension of Russian-Latin American relations, including education, language, art, and digital culture. Contemporary challenges are highlighted, including political and ideological barriers, economic constraints, and competition from external actors. It emphasizes that future cooperation depends on a transition to long-term partnerships, the integration of cultural strategies, and the expansion of joint digital and educational projects.

Key words: cultural diplomacy, Latin America, Russia, soft power, humanitarian cooperation, creative industries, digital culture, international relations, cultural identity, intercultural dialogue.

Культурная дипломатия в Латинской Америке XXI века представляет собой важный инструмент формирования международного имиджа и укрепления межгосударственных связей. Традиции культурного обмена региона сочетаются с современными формами взаимодействия, включая образовательные, художественные и цифровые инициативы. Особое внимание в последние годы уделяется сотрудничеству с Россией, которое развивается через выставки, концерты, совместные образовательные программы и онлайн-платформы. Исследование этих процессов позволяет понять, каким образом культура становится фактором стратегического партнерства и взаимопонимания между странами.

1. Латинская Америка — пространство культурной дипломатии в эпоху глобальных трансформаций

В XXI веке культурная дипломатия постепенно утвердилась как одно из ключевых направлений внешнеполитической деятельности государств, наряду с экономическими и военными инструментами влияния. Она основывается на концепции «мягкой силы» (*soft power*), предложенной Джозефом Наем, согласно которой культурные ценности и идеалы способны формировать симпатии к стране и тем самым усиливать ее международное влияние [1].

Современные исследователи, такие как Ян Мелиссен и Наталья Гринчева, отмечают, что культурная дипломатия сегодня выходит за пределы деятельности правительств [3]. Все большую роль в ней играют университеты, фонды, культурные центры, а также независимые художники и творческие индустрии. Это превращает культурную дипломатию в гибкую сеть сотрудничества, а не просто в инструмент государственного влияния.

Так, основная тенденция XXI века — это переход от одностороннего «экспорта культуры» к взаимному диалогу и совместным проектам. Такой подход соответствует идеям стран Латинской Америки, которые используют культуру не только для продвижения своего имиджа, но и для защиты идентичности и культурного разнообразия [2].

Стоит отметить, что этот регион представляет собой уникальное культурное пространство, сформированное на пересечении европейских, коренных и африканских традиций. Это сочетание породило богатое многообразие языков, религий, форм искусства и традиций, что делает регион особенно выразительным на мировой культурной карте.

В отличие от стран Европы и Северной Америки, где культурная дипломатия часто связана с продвижением глобальных брендов и политических интересов, латиноамериканские государства используют культуру как инструмент самоутверждения и защиты идентичности. Для этого региона характерно стремление продемонстрировать собственный голос в международном диалоге и преодолеть стереотип восприятия Латинской Америки как «периферии Запада».

Страны региона активно применяют инклюзивные и кооперативные формы культурной дипломатии. Например, фестивали, образовательные программы, инициативы «Юг–Юг», где главная цель — это не навязывание ценностей, а обмен опытом и совместное развитие. Эти подходы усиливают идею культурного равноправия и солидарности между народами.

Так, культурная дипломатия Латинской Америки основана не на демонстрации силы, а на ценностях открытости, разнообразия и социальной справедливости, что делает ее важным примером альтернативной модели международного культурного сотрудничества.

Наконец, в XXI веке латиноамериканские страны превратились из культурной «периферии» в активных участников глобальных культурных процессов. Этому способствовало сразу несколько факторов: развитие цифровых технологий, рост международных культурных индустрий и стремление стран региона укрепить собственную идентичность в условиях глобализации [4].

Расширение доступа к интернету и цифровым платформам позволило латиноамериканским авторам, музыкантам и режиссерам напрямую выходить на мировую аудиторию. Например, мексиканское и аргентинское кино стало заметным явлением на международных фестивалях — Каннском, Берлинском, Венецианском, что укрепило интерес к региону и превратил культуру в мощный инструмент публичной дипломатии.

Одновременно растет значение культурных форумов и интеграционных программ. Такие инициативы, как «Ibermedia» (поддержка совместного кинопроизводства) и «Mercosur Cultural», не только развивают сотрудничество между странами региона, но и создают единое культурное пространство, способное конкурировать с влиянием Европы и США. В результате взаимная культурная интеграция внутри региона усиливает его голос на глобальной арене.

Латиноамериканская культура также стала важным каналом коммуникации с другими странами. Музыка в жанрах реггетон, самба и босса-нова заняла прочное место в мировых чартах — это сформировало устойчивый интерес к языку и традициям регио-

на. Так, культурная экспансия через массовое искусство повышает политический и экономический престиж стран региона, создавая основу для их более активного участия в международных делах.

Все эти процессы свидетельствуют о том, что Латинская Америка перестает быть объектом внешнего культурного влияния и становится субъектом, способным формировать собственные глобальные смыслы через кино, музыку, образование и цифровые проекты.

Помимо такой глобальной трансформации, как цифровизация, влияние на культурную дипломатию региона оказывают следующие процессы: миграция, политическая нестабильность и изменение баланса сил в мире. Например, не менее значимой глобальной трансформацией стала миграция. Миллионы выходцев из стран региона живут в США, Европе и Азии, формируя диаспоры, которые активно участвуют в продвижении своей культуры за рубежом. Через фестивали, кухни, испаноязычные СМИ и культурные центры диаспоры становятся неформальными послами стран происхождения. Таким образом, рост миграции способствует распространению латиноамериканской культуры и укрепляет «народную» дипломатию, которая нередко оказывается эффективнее официальной [5].

Политические и экономические кризисы в ряде стран также стимулировали развитие культурной дипломатии как альтернативного пути международного взаимодействия. Когда политические отношения между государствами осложнены, именно культура остается безопасным пространством для диалога. Например, в период охлаждения отношений некоторых латиноамериканских стран с США или Европой активно развивались культурные связи с Россией, Китаем и странами Африки. Это свидетельствует о том, что в условиях политической нестабильности культурная дипломатия становится инструментом поиска новых партнеров, а значит и новых путей развития.

Кроме того, глобальные экологические и социальные повестки нашли отражение в культурной политике региона. Темы защиты природы, прав коренных народов и гендерного равенства часто становятся основой международных культурных проек-

тов. Так, бразильские и чилийские арт-фестивали регулярно поднимают вопросы устойчивого развития и социальной справедливости, что помогает странам региона участвовать в мировом дискурсе как активистам.

В совокупности эти процессы показывают, что культурная дипломатия Латинской Америки развивается в ответ на глобальные вызовы и одновременно формирует новые подходы к международному взаимодействию. Культура превращается не просто в средство продвижения имиджа, а в универсальный язык сотрудничества и выживания в мире быстрых перемен, мотивирующие искать другие пути развития.

2. Национальные модели культурной дипломатии в странах Латинской Америки

Национальные модели культурной дипломатии стран Латинской Америки отражают особенности их исторического опыта, внутренней политики и общественных ценностей. Несмотря на сходство таких целей, как укрепление национального имиджа и продвижение культурного влияния за рубежом, каждая страна формирует собственный путь, зависящий от уровня экономического развития, политического курса и стратегических партнерств.

В Бразилии акцент делается на системный и институционализированный подход. В этом регионе культурная дипломатия тесно связана с концепцией «мягкой силы» и продвижением образа Бразилии как динамичной, открытой и многонациональной страны. Министерство иностранных дел активно сотрудничает с Министерством культуры и национальными агентствами, создавая культурные центры, поддерживая выставки и фестивали. Примечательно, что бразильская стратегия опирается не только на распространение португальского языка, но и на популяризацию афробразильской идентичности, музыки, кино и карнавальной эстетики. Через культуру страна стремится подчеркнуть свою принадлежность к глобальному Югу и выступить посредником между развивающимися регионами.

В Мексике, напротив, культурная дипломатия строится вокруг исторического наследия и богатой символики доколумбо-

вой цивилизации. Ее культурные институты активно используют темы национального искусства, гастрономии и языка как инструмент сближения народов. В отличие от Бразилии, где акцент делается на универсальности культурных традиций и образов, в Мексике опираются на этнокультурную специфику, превращая ее в основу своей «мягкой идентичности». Программы академических обменов и фестивали латиноамериканского кино создают прочные каналы для диалога с другими странами, в том числе с Россией. В этом смысле мексиканская дипломатия соединяет традицию с современностью, так как национальные символы становятся элементами глобального культурного дискурса.

В Аргентине опираются на культурную дипломатическую стратегию, тесно связанную с идеями гуманизма и образования. Исторически страна видела в культуре средство для преодоления политической нестабильности и укрепления национальной самобытности. Сегодня Аргентина активно продвигает свои достижения в области литературы, театра, кино и, конечно, танго — одного из самых узнаваемых брендов страны. Культурные проекты в России, такие как фестивали аргентинского кино и книжные ярмарки, направлены на формирование устойчивого эмоционального образа страны, ассоциируемого с творческой свободой и интеллектуальностью.

Куба, как страна, представляет собой уникальный случай, где культурная дипломатия неразрывно связана с идеологическим посланием. Ее стратегия основывается на наследии революции и идее интернациональной солидарности. Кубинские художественные коллективы, образовательные и медицинские миссии, международные фестивали и выставки служат каналами не только культурного обмена, но и утверждения альтернативных моделей социального развития. В условиях политической изоляции культура для Кубы становится инструментом выживания и признания, демонстрируя миру устойчивость национальной идентичности.

В Чили в последние десятилетия на первый план выходят инновационные формы культурной дипломатии. После перехода к демократии акцент сместился с политического имиджа

на продвижение современного искусства, архитектуры и цифровой культуры. Чилийская модель отличается активным участием частных фондов, университетов и независимых культурных платформ, что делает ее более гибкой и ориентированной на международное партнерство. Развитие онлайн-проектов, виртуальных выставок и творческих резиденций позволяет стране оставаться заметной в глобальном культурном пространстве, несмотря на ограниченные ресурсы.

Сравнивая эти модели, можно заметить, что все страны региона воспринимают культуру как пространство влияния, строящейся на политике «мягкой силы», но выражают это через разные акценты. В Бразилии и Мексике стремятся к масштабному культурному присутствию и символическому лидерству. В Аргентине на первый план выходит гуманитарный и интеллектуальный подход. В Кубе сохраняется идеологическая направленность, а в Чили демонстрируется гибкость и инновационность.

В контексте взаимодействия с Россией эти различия проявляются в формах сотрудничества: от совместных кинофестивалей и дней культуры до академических программ и межвузовских соглашений. Для России латиноамериканское культурное пространство становится не только площадкой для укрепления диалога, но и способом позиционировать себя как партнера, открытого к разнообразию и уважению национальных традиций. Такая стратегия России позволяет проявиться латиноамериканскому миру в новой модели сотрудничества и партнерства между этими странами.

3. Россия и Латинская Америка: гуманитарное измерение сотрудничества в XXI веке

Гуманитарное сотрудничество между Россией и странами Латинской Америки в XXI веке представляет собой многослойный процесс, сочетающий элементы культурной дипломатии, образования, науки и общественной коммуникации. После 2000 года, на фоне изменений в мировой политике и поисков новых центров силы, Россия стала воспринимать Латинскую Америку как

пространство диалога, свободное от прежних геополитических стереотипов. Отношения постепенно эволюционировали от идеологически окрашенных связей советского периода к прагматичному и культурно ориентированному партнерству [6].

Эта эволюция объясняется изменением самой природы международных отношений: в эпоху информационной глобализации «жесткая сила» уступила место культурным и образовательным каналам влияния. В странах Латинской Америки, где велика роль гуманитарных ценностей, культура и образование стали восприниматься как ключ к взаимопониманию с Россией. Если в советский период контакты основывались преимущественно на идее «интернациональной дружбы», то в XXI веке главным инструментом сближения становятся совместные проекты в области науки, искусства и массовой культуры.

Образование занимает центральное место в гуманитарной повестке. Многие латиноамериканские студенты обучаются в российских университетах по стипендиальным программам, поддерживаемым Россотрудничеством и Министерством науки и высшего образования. Создание сетей выпускников российских вузов способствует формированию долгосрочных связей: именно эти выпускники часто становятся культурными посредниками, переводчиками, преподавателями русского языка и организаторами двусторонних инициатив. Например, в Аргентине, Кубе и Бразилии активно работают общества дружбы и культурные центры, объединяющие тех, кто получил образование в России.

Не менее важным направлением остается языковое и культурное продвижение. Русский язык, хотя и не занимает массовых позиций в регионе, воспринимается как язык высокой культуры и науки. Курсы при посольствах, филиалы российских университетов и онлайн-программы расширяют доступ к его изучению. Одновременно в России растет интерес к испанскому и португальскому языкам, что создает двусторонний гуманитарный обмен. В крупных городах — Москве, Санкт-Петербурге, Казани — регулярно проходят фестивали латиноамериканского кино, гастрономии и музыки, что способствует формированию

более живого и эмоционального образа региона в российском общественном сознании.

Искусство и массовая культура стали эффективным инструментом взаимного сближения. Так, в последние годы успешно проходят Дни культуры Мексики и Кубы в России, выставки бразильского современного искусства, а также российские кинофестивали в Буэнос-Айресе и Сантьяго. Эти проекты имеют символическое значение, так как они демонстрируют, что культура способна преодолевать политические разногласия, сохраняя пространство доверия и взаимного интереса.

Важную роль в этих процессах играют посольства, Россотрудничество и университеты, но все более заметными становятся и независимые культурные акторы: общественные организации, творческие объединения, диаспоры, а также онлайн-платформы. Их участие делает взаимодействие более гибким и доступным. Например, русскоязычные сообщества в Аргентине и Уругвае организуют фестивали, языковые курсы и книжные выставки, формируя устойчивые горизонтальные связи между людьми, минуя чисто дипломатические каналы.

Так, гуманитарное сотрудничество России и Латинской Америки в XXI веке развивается как сеть многоуровневых инициатив, где государственные структуры, культурные институты и гражданское общество действуют взаимодополняюще. Его устойчивость объясняется тем, что обе стороны рассматривают культуру и образование не как средство политического влияния, а как пространство взаимного уважения, где возможен подлинный диалог.

Россия, опираясь на традицию советского интернационализма, сумела переосмыслить свое присутствие в регионе, придав ему современное, культурно-гуманитарное измерение. А для стран Латинской Америки сотрудничество с Россией становится способом диверсифицировать внешние связи и подчеркнуть многополярность мировой культуры. В этом заключается главная особенность современного российско-латиноамериканского взаимодействия: оно строится не на идеологии, а на обмене смыслами, человеческими историями и взаимном интересе к культуре как универсальному языку доверия.

4. Современные вызовы и противоречия культурной дипломатии между Россией и Латинской Америкой

Культурная дипломатия между Россией и странами Латинской Америки развивается в сложной международной среде, где политические, экономические и идеологические факторы влияют на гуманитарное сотрудничество. Несмотря на обоюдное стремление к культурному диалогу, обе стороны сталкиваются с рядом барьеров, ограничивающих эффективность взаимодействия [8].

Политические и идеологические факторы по-прежнему определяют восприятие партнеров. В Латинской Америке Россия нередко ассоциируется с образом СССР и антиколониального сопротивления — символически близким, но устаревшим. В российском обществе, напротив, регион часто воспринимается сквозь романтизированные стереотипы. Эти клише затрудняют обновление повестки и поиск современных точек соприкосновения.

Экономические трудности и институциональная нестабильность ослабляют устойчивость культурных проектов. Финансирование гуманитарных программ носит эпизодический характер, а смена политических приоритетов в странах региона приводит к сокращению или заморозке сотрудничества. В результате многие инициативы зависят от энтузиазма отдельных организаций и университетов, а не от долгосрочной стратегии.

Серьезной проблемой остается репрезентация и восприятие. В латиноамериканских медиа Россия чаще фигурирует в политическом контексте, тогда как культурная составляющая почти не видна. В России же представление о Латинской Америке сводится к карнавалам и танго, что мешает формированию глубокого взаимного интереса.

Культурный диалог осложняет и конкуренция внешних влияний. В регионе активно действуют США, Китай и ЕС, предлагая масштабные культурные и образовательные программы. В этой ситуации России приходится искать собственную нишу — развивать партнерства через совместные фестивали, университет-

ские альянсы и творческие проекты, где ценится не масштаб, а подлинность и взаимное доверие.

Главный вызов российско-латиноамериканского сотрудничества — отсутствие системной стратегии и устойчивых институциональных механизмов. Тем не менее, именно гибкие, локальные и неформальные инициативы часто оказываются наиболее успешными. Они опираются не на политику, а на человеческое взаимодействие — на культуру как пространство диалога, способное сохранять мосты даже в периоды международной турбулентности.

5. Потенциал и перспективы развития российско-латиноамериканской культурной дипломатии

Будущее российско-латиноамериканского культурного сотрудничества во многом определяется способностью обеих сторон перейти от символических жестов к системной работе. Потенциал этого направления остается значительным: несмотря на географическую удаленность и политические колебания, Россия и Латинская Америка разделяют ценность культурного разнообразия, интерес к гуманитарным инициативам и стремление к многополярному миру.

Одним из наиболее перспективных направлений становится развитие креативных индустрий и цифровой культуры. Современные технологии позволяют создавать совместные онлайн-платформы для обмена культурным контентом — от виртуальных выставок и кинофестивалей до образовательных курсов и подкастов. Цифровая среда снижает барьеры и делает культурное присутствие России в регионе более гибким и масштабным. Например, интерактивные культурные порталы или онлайн-школы русского языка могли бы стать пространством постоянного общения, не зависящим от политических обстоятельств.

Перспективно и сотрудничество в сфере образования и медиа. Создание совместных университетских программ, исследовательских центров и мультимедийных платформ может укрепить гуманитарные связи [7]. Такие форматы объединяют академическое знание и творческие практики, формируя поколение

специалистов, способных мыслить вне идеологических рамок. Медийное партнерство, в свою очередь, может способствовать формированию более сбалансированного образа России в регионе и Латинской Америки — в российском информационном пространстве.

Для укрепления культурной дипломатии необходим переход от эпизодических акций к долгосрочным партнерствам. Мероприятия, ограниченные рамками отдельных фестивалей или годов дружбы, создают кратковременный эффект, но не формируют устойчивых механизмов взаимодействия. Системное сотрудничество требует координации на уровне институтов — университетов, культурных центров, фондов, творческих ассоциаций. Важно выстроить сеть проектов, которые могли бы функционировать независимо от политических циклов и обеспечивать постоянный обмен знаниями, людьми и идеями.

Возможными формами интеграции культурных стратегий могут стать региональные культурные альянсы, объединяющие творческие и образовательные инициативы. Россия могла бы позиционировать себя не только как поставщик культурных программ, но и как партнер, открытый к совместному созданию контента. Такой подход позволит перейти от вертикальной модели «экспорта культуры» к горизонтальной модели «совместного творчества».

Значение культурной дипломатии в этом контексте выходит за рамки гуманитарной сферы. Она становится инструментом укрепления политического и символического присутствия России в регионе, где конкурируют различные центры влияния. Через культуру возможно формирование устойчивых каналов доверия, способных дополнять экономические и дипломатические связи.

В перспективе именно гуманитарное измерение может стать фундаментом нового формата российско-латиноамериканских отношений — более равноправного, ориентированного не на идеологию, а на взаимное признание и уважение. Если Россия сумеет соединить культурную традицию с современными формами коммуникации, она сможет закрепить за собой образ партнера, способного не только понимать, но и вдохновлять.

Список литературы:

1. *Ардаева Н.В.* Дипломатический и политический дискурс Латинской Америки: национальные особенности и влияние на международные отношения // Вестник Московского университета. Серия 21: Латинская Америка. — 2018. — № 4. — С. 12–18.
2. *Грачева В.Е., Досяк А.П., Сомова И.Ю.* Образование и молодежная дипломатия: новые подходы в Латинской Америке // Молодежная дипломатия и новые вызовы времени. Материалы III Международной научно-практической конференции: сборник статей. — М., 2025. — С. 372–385.
3. *Мелиссен Я.* Новая публичная дипломатия: мягкая сила в международных отношениях // Cultural Diplomacy Research Series. — Гаага: Институт международных отношений «Клингендаль», 2005. — С. 45–68.
4. *Мосейкина М.Н.* Диаспоральная дипломатия России в странах Латинской Америки: исторический опыт и перспективы // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. — 2015. — № 2. — С. 45–52.
5. *Най Дж.* Мягкая сила: средства достижения успеха в мировой политике // PublicAffairs — 2004. — С. 192.
6. *Сизоненко А.И.* Россия — Латинская Америка: новый этап отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. — 2004. — № 1. — С. 12–19.
7. *Сомова И.Ю., Чичулин Н.А., Боева А.С.* Мультиязычность как эффективный инструмент успеха на глобальном рынке // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2024. — Т. 15. — № 2.
8. *Тушков А.А., Сомова И.Ю., Аулов А.П., Гарцев А.С.* Эволюция отношений России и Запада в XXI веке: от хрупких мостов к тектоническому разлому // Вестник Университета мировых цивилизаций. — 2025. — Т. 16. — № 1(46). — С. 61–67.

Закиров Р.И.,

студент,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

РФ В КОНТЕКСТЕ БЕЗОПАСНОСТИ И СОТРУДНИЧЕСТВА В РАМКАХ ШОС

Zakirov R.I.,

Student,

V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow
ra.zakirov2004@gmail.com

RUSSIA IN THE CONTEXT OF SECURITY AND COOPERATION WITHIN THE SCO

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию роли Российской Федерации в обеспечении региональной безопасности и развитии экономического сотрудничества в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Рассматриваются ключевые направления взаимодействия стран-участниц ШОС, включая укрепление военно-политического сотрудничества, борьбу с терроризмом и экстремизмом, реализацию совместных инфраструктурных проектов и развитие торгово-экономических связей. Особое внимание уделяется оценке текущих геополитических рисков и возможностей, возникающих перед странами-членами ШОС, а также перспективам дальнейшего расширения интеграционных процессов в регионе. Проведен сравнительный анализ эффективности механизмов координации действий внутри ШОС и предложены рекомендации по оптимизации стратегии России в области региональной безопасности и экономики. Исследование основано на анализе официальных документов, статистических данных и экспертных оценок, что позволяет сделать обоснованные выводы относительно перспектив развития региона и места России в данном процессе

Ключевые слова: безопасность, экономическое сотрудничество, ШОС, Россия, военно-политическое сотрудничество, борьба с терроризмом, инфраструктура, геополитические риски, интеграция, координация действий, стратегия России.

Abstract. This article provides a comprehensive analysis of the Russian Federation's role in ensuring regional security and promoting economic cooperation within the

framework of the Shanghai Cooperation Organization (SCO). It examines key areas of cooperation among SCO member states, including strengthening military and political cooperation, combating terrorism and extremism, implementing joint infrastructure projects, and fostering trade and economic ties. The article also focuses on assessing the current geopolitical risks and opportunities facing SCO member states, as well as the prospects for further expanding integration processes in the region. The study provides a comparative analysis of the effectiveness of the SCO's coordination mechanisms and offers recommendations for optimizing Russia's strategy in the areas of regional security and economics. The research is based on an analysis of official documents, statistical data, and expert assessments, allowing for well-founded co

Ключевые слова: security, economic cooperation, SCO, Russia, military-political cooperation, counter-terrorism, infrastructure, geopolitical risks, integration, coordination of actions, Russia's strategy.

Актуальность выбранной темы обусловлена несколькими важными факторами. Во-первых, современная международная обстановка характеризуется усилением глобальных вызовов и угроз, таких как международный терроризм, экстремизм, киберпреступность и региональные конфликты. В связи с этим роль многосторонних организаций, таких как ШОС, существенно возрастает, поскольку они становятся ключевыми платформами для координации усилий государств в противодействии данным вызовам.

Во-вторых, усиление экономической интеграции и расширение торговых связей между государствами-участниками ШОС открывает новые возможности для устойчивого социально-экономического развития регионов Центральной Азии и Дальнего Востока. Россия играет важную роль в формировании единого пространства торговли и инвестиций, способствуя реализации крупных инфраструктурных проектов и созданию благоприятных условий для бизнеса.

Кроме того, исследования показывают, что интеграция в рамках ШОС способствует укреплению позиций России на международной арене, повышает ее влияние в Азиатско-Тихоокеанском регионе и создает условия для эффективного решения проблем безопасности и стабильности. Таким образом, изучение роли Российской Федерации в процессах экономического сотрудни-

чества и обеспечение безопасности является крайне актуальным на сегодняшний день.

Роль России в рамках обеспечения региональной безопасности и экономического сотрудничества. Деятельность ШОС сосредоточена на трех ключевых направлениях: безопасность, которая остается традиционным приоритетом организации, экономические вопросы, актуальные в настоящее время, и гуманитарная сфера, которая приобретает особую значимость на фоне усиливающейся конфронтации между Востоком и Западом, а также различными политическими и религиозными течениями. Россия, как страна участница ШОС, является фактически одним из двух государств, что занимает главенствующую роль в рамках этой структуры. Фактически, локомотивами безопасности и экономического сотрудничества в рамках ШОС являются РФ и КНР, а потому рассмотрение роли исключительно РФ в данном вопросе является не совсем корректным, поэтому в данном пункте этот вопрос будет рассмотрен в рамках как РФ, так и КНР. Итак, Для России участие в ШОС открывает возможности для усиления своего влияния в Центральной Азии и поддержания стабильности на южных границах. Китай, в свою очередь, видит в ШОС площадку для реализации своих экономических проектов, таких как инициатива «Один пояс, один путь», а также для обеспечения стабильности в регионе, соседствующем с его западными провинциями. Примерами влияния на вопросы безопасности РФ и КНР являются:

- *совместные военные маневры.* Китайская армия участвует в крупных военных маневрах, организуемых Россией. Одним из ярких примеров являются учения «Центр», проводящиеся ежегодно в разных регионах Центральной Азии и Казахстана. Участие китайских подразделений демонстрирует высокий уровень доверия и готовности к совместным действиям в кризисных ситуациях;
- *сотрудничество в борьбе с наркотиками.* Государства активно взаимодействуют в борьбе против незаконного оборота наркотических веществ. Это включает проведение совместных операций по пресечению каналов поставки наркотиков, обучение сотрудников правоохранительных

органов и разработку общей стратегии противодействия наркобизнесу;

- *антитеррористические операции и учения*. РФ и Китай регулярно проводят совместные антитеррористические учения, целью которых является повышение уровня координации действий специальных служб и вооруженных сил обоих государств. Эти мероприятия помогают отработать сценарии реагирования на угрозы международного терроризма и экстремизма (примером служит ежегодное проведение антитеррористических учений «мирная миссия», целью которых является отработка и предотвращение террористических актов), помимо прочего можно вспомнить о совместной работе Казахстан и РФ по борьбе с террористическими группировками [1].

Этот пункт был рассмотрен мною в контексте сотрудничества с Китаем, однако если резюмировать вышесказанное, то роль России в обеспечении как своей внутренней безопасности, так и внешней (путем сотрудничества с все тем же Китаем и помощью странам средней Азии, где имеются проблемы с наркотрафиком и иными факторами), то для России является важным сохранение сотрудничества с странами-участницами ШОС, как для безопасности самой РФ, так и остальных государств-членов ШОС.

Ярчайшим примером обеспечения Россией безопасности в рамках ШОС является помощь миротворческих сил ОДКБ в подавлении беспорядков Казахстана 2022 года. В январе 2022 года массовые волнения охватили разные регионы Казахстана вследствие роста стоимости топлива. Угроза общественной стабильности привела к введению президентом Токаевым режима чрезвычайного положения в ряде крупных регионов и городов государства, включая Мангистаускую область, Алматы и столичный Нур-Султан [2], что помогло Казахстану в разборках с внутренними проблемами.

Вторым не менее важным пунктом является экономическое сотрудничество РФ и стран участниц ШОС. Одним из важнейших факторов повышения устойчивости регионов становится развитие транспортных коридоров и энергетической инфраструктуры. Здесь ключевыми направлениями выступают инициативы,

ориентированные на расширение торговых связей и модернизацию транспортного комплекса, обеспечивающего бесперебойные поставки ресурсов и продукции. Именно Россия выступает инициатором и основным исполнителем ряда значимых проектов, направленных на достижение поставленных целей.

Например, российско-китайская инициатива по строительству высокоскоростной железнодорожной магистрали Москва-Пекин демонстрирует успехи регионального партнерства и создает новые условия для логистического обслуживания растущего товарообмена. Согласно отчету Минэкономразвития России, объем грузоперевозок по маршруту увеличился вдвое всего за два года, а так-же постепенная реализация проекта автомагистрали Москва-Пекин.

Кроме того, важной частью экономической программы стало развитие зеленой энергетики. Благодаря сотрудничеству с Россией и Китаем, Индия смогла существенно повысить долю возобновляемых источников энергии в своей энергосистеме, достигнув показателя в 30% за короткий срок. Это подтверждает эффективность усилий, предпринятых в рамках ШОС по созданию благоприятных условий для перехода к экологически устойчивым технологиям производства электроэнергии.

Кроме того, можно выделить следующие пункты:

- *энергетическое сотрудничество.* Россия продолжает активное сотрудничество с членами ШОС в разработке и экспорте энергоносителей, обеспечивая стабильное энергоснабжение региона и укрепляя свою позицию как надежного поставщика энергоресурсов (примерами сотрудничества являются Строительство магистральных трубопроводов «Сила Сибири» позволило увеличить экспорт российского газа в Китай. Это важный шаг к снижению зависимости Китая от импорта угля и нефтепродуктов, Инвестиционные проекты в нефтегазовую отрасль Казахстана, Узбекистана и Туркменистана обеспечивают дополнительные возможности для добычи и переработки природных ресурсов);
- *сельскохозяйственное сотрудничество.* Увеличение объемов торговли сельскохозяйственной продукцией, де-

монстрирующее рост интереса к российскому зерну, мясу и другим продуктам питания среди стран ШОС (примерами служат Формирование интегрированных цепочек поставок, обеспечивающих доступ российских производителей к рынкам Центральной Азии и Дальнего Востока, Повышение качества и увеличение объемов экспорта российского зерна и животноводческой продукции в Китай, Индию и Пакистан укрепляет позиции России на мировом рынке аграрной продукции, Создание совместных предприятий и агропромышленных кластеров в Узбекистане и Киргизии способствует улучшению качества местной продукции и увеличению ее конкурентоспособности на мировых рынках).

Однако несмотря на положительные стороны существует также потенциально негативная для России сторона экономического сотрудничества с ШОС — влияние Китая на экономики стран участниц средней Азии. Одной из главных трудностей выступает разница в экономических моделях и политических структурах обеих стран, что иногда порождает расхождения в методах решения отдельных проблем [6].

Кроме того, возникают трудности, обусловленные соперничеством за лидерство в Центральной Азии, поскольку каждая страна стремится усилить свое присутствие в регионе. Изменения в геополитическом ландшафте и воздействие третьих влиятельных игроков дополнительно усложняют процесс сотрудничества в рамках ШОС [7].

Однако даже учитывая возможные негативные факторы, перспективы экономического сотрудничества РФ и ШОС остаются крайне позитивными: после начала СВО РФ смогла наладить импорт своих товаров и энергоресурсов в страны ШОС, что помогло нивелировать введенные западными странами санкции. Если же говорить про фактор повышающегося влияния Китая на страны средней Азии, то можно отметить, что Двусторонние отношения между этими странами динамично развиваются, ориентированы на расширение сотрудничества в различных направлениях. В будущем ожидается реализация новых совместных инициатив и проектов, призванных повысить уровень экономической взаимосвязанности и региональной безопасности [3].

Наиболее активная область энергетического и экономического взаимодействия России и Китая в рамках ШОС — это нефть. Об этом свидетельствуют значительные объемы российского нефтяного экспорта и устойчивое лидерство РФ среди поставщиков нефти в Китай по количеству поставляемого сырья [4].

Стоит подчеркнуть, что включение новых участников в состав ШОС способно придать организации дополнительный импульс, сформировать более прочную и надежную региональную систему безопасности, а также расширить круг перспективных торговых партнеров для России [5].

В качестве выводов можно отметить то, что сотрудничество РФ со странами ШОС является важным условием для поддержания экономической сотрудничества, так и вопросов безопасности как для самой России, так и стран участниц ШОС. Постепенно ШОС, как организация, расширяется и все большее количество стран хотят стать частью этого объединения. Что немаловажно — немалое количество вступивших стран и желающих присоединиться это страны с бурно развивающейся экономикой, сотрудничество с которыми для России является весьма выгодным в силу наличия большого количества ресурсов, недорогих энергоресурсов, наличие возможности построить АЭС дешевле, чем у стран запада и большое количество сельскохозяйственной продукции. Если же говорить про сотрудничество в рамках вопросов безопасности, то сотрудничество РФ со странами ШОС аналогично имеет хорошие результаты для обеих сторон: Россия помогает странам средней Азии в вопросах безопасности, противодействии наркотрафику, сотрудничеству в вопросах кибербезопасности и обмена разного рода опыта. Поддержка безопасности в регионе средней Азии сказывается положительно как на стабильности стран, находящихся в указанном регионе, как и для оголенных границ РФ, которые весьма сложно оборонять и контролировать в силу большого количества степей и пустых пространств. Поэтому РФ важно и далее налаживать отношения с странами как в вопросах экономического сотрудничества, так и в вопросах безопасности, потому что оба эти пункта дополняют друг друга.

Список литературы

1. *Абрамовский А.А.* Российско-казахстанское сотрудничество в сфере безопасности: история, современное состояние, перспективы — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2022. — С. 288
2. *Акимов О.А.* Российско-казахстанское сотрудничество в сфере безопасности: актуальные вопросы и перспективы // Казахстанский журнал международного права и политологии. — 2023. — № 1. — С. 5–12.
3. *Кузнецов И.М.* Перспективы развития ШОС и роль России и Китая // Журнал международных отношений. — 2021. — С. 45–49.
4. *Карлусов В.В., Ярков Д.А.* Российско-китайское сотрудничество в нефтяной отрасли как драйвер развития ТЭК России // Экономика: вчера, сегодня, завтра. — 2020. — С. 255–266.
5. *Макарова Е.В.* Расширение ШОС: Влияние новых членов на организацию // Политика и дипломатия. — 2022. — С. 84–87.
6. *Соловьев В.В.* Проблемы и барьеры в сотрудничестве России и Китая в рамках ШОС // Международные исследования. — 2020. — С. 90–93.
7. *Чернов Д.А.* Геополитические изменения и их влияние на ШОС // Геополитические исследования. — 2019. — С. 58–62.

УДК 316.77

Иванов Я.А.,

студент,

ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», Люберцы

Бедретдинова Л.Н.,

кандидат исторических наук, доцент,

заведующая кафедры «Социально гуманитарных и естественно-научных дисциплин»,

ОАО ВО «Московский психолого-социальный университет» (МПСУ), Москва

Дзюбан В.В.

доктор исторических наук, кандидат педагогических работ,

кафедра «Социально гуманитарных и естественно-научных дисциплин»,

ОАО ВО «Московский психолого-социальный университет» (МПСУ), Москва

ВЛИЯНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮНЕСКО НА РАЗВИТИЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Ivanov Ya.A.,

Student,

GKOU HE "Russian Customs Academy", Lyubertsy

yashiva01@gmail.com

Bedretdinova L.N.,

PhD in Historical Sciences, Associate Professor,

Head of the Department of Social Sciences, Humanities, and Natural Sciences,

Moscow Psychological and Social University (MSU), Moscow

zelilu9@gmail.com

Dzyuban V.V.,

Doctor of Historical Sciences, PhD in Pedagogical Sciences,

Head of the Department of Social Sciences, Humanities, and Natural Sciences,

Moscow Psychological and Social University (MSU), Moscow

bryanskstudzuban@mail.ru

THE IMPACT OF UNESCO'S ACTIVITIES ON THE DEVELOPMENT OF INTERCULTURAL DIALOGUE IN THE MODERN WORLD

Аннотация. В статье изучается работа международной организации ЮНЕСКО и ее роль в налаживании культурных связей между разными странами. Мы смотрим на главные проекты ЮНЕСКО, такие как Список всемирного наследия, который защищает знаменитые памятники и природу по всему миру. Статья показывает, как эта работа помогает народам лучше понимать и уважать культуру друг друга. Также в статье говорится о трудностях, с которыми сталкивается ЮНЕСКО, например, когда политика мешает культурному сотрудничеству. В итоге мы делаем вывод, что, несмотря на сложности, ЮНЕСКО остается важной площадкой для диалога культур.

Ключевые слова: ЮНЕСКО, диалог культур, всемирное наследие, культурное разнообразие, мягкая сила, глобализация.

Abstract. This article examines the work of the international organization UNESCO and its role in building cultural ties between different countries. We look at UNESCO's main projects, such as the World Heritage List, which protects famous monuments and natural sites around the world. The article shows how this work helps peoples to better understand and respect each other's cultures. The article also discusses the challenges UNESCO faces, for example, when politics interferes with cultural cooperation. In conclusion, we find that despite the difficulties, UNESCO remains an important platform for cultural dialogue.

Key words: UNESCO, intercultural dialogue, international relations, world heritage, cultural diversity, soft power, globalization.

Процессы глобализации формируют единое экономическое и информационное пространство, сближая народы и цивилизации, но при это обостряют вопросы сохранения культурной самобытности и уникальности. В этом противоречии диалог культур перестает быть абстрактным гуманитарным идеалом и превращается в насущную практическую задачу, инструмент укрепления взаимопонимания и международной стабильности [7, с. 47]. Площадкой для решения множества культурных противоречий в таких случаях выступает Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО).

Ее деятельность в сфере культуры давно вышла за рамки чистой охраны памятников, став заметным инструментом «мягкой силы» в международных отношениях. Однако в современных условиях эффективность механизмов ЮНЕСКО подвергается проверке на прочность рядом вызовов, такими как политические

противоречия между странами, которые часто переносятся на культурную сферу, а также коммерциализация культуры.

В связи с этим возникает проблема: насколько созданные ЮНЕСКО механизмы сегодня способны обеспечить конструктивный диалог культур и защитить культурные ценности и разнообразие. Отсюда цель нашей работы проанализировать конкретные проекты и программы ЮНЕСКО, чтобы оценить их реальное влияние на развитие межкультурного диалога в современном мире.

Чтобы понять, как работает ЮНЕСКО, нужно сначала разобраться с двумя главными понятиями, которые лежат в основе этой организации: «диалог культур» и «мягкая сила».

«Диалог культур» — это не просто обмен фильмами или музыкой между странами. Это более глубокий процесс, в ходе которого разные народы лучше узнают и начинают больше уважать друг друга. Такой диалог помогает преодолевать старые предрассудки и избегать конфликтов. Главная идея в том, что каждая культура уникальна, и, обмениваясь своими достижениями, все они обогащают друг друга. Именно эта идея стала главной для ЮНЕСКО.

«Мягкая сила» — это способность государства достигать желаемых результатов на международной арене не через принуждение (военную или экономическую силу), а через привлекательность своей культуры, политических ценностей и внешней политики [2, с. 71]. Как отмечают исследователи, правильно управляемый национальный бренд становится реальным активом и мощным конкурентным преимуществом, работающим на укрепление международного авторитета страны [3, с. 210]. ЮНЕСКО, будучи аполитичной по своему уставу платформой, на практике становится полем для реализации «мягкой силы» разных стран.

Ключевые инструменты ЮНЕСКО в развитии культурного диалога между странами

1. *Программа Всемирного наследия.* Это самый известный и видимый проект ЮНЕСКО. Список всемирного насле-

дия включает в себя как культурные объекты (например, Московский Кремль или исторический центр Санкт-Петербурга), так и природные феномены (озеро Байкал, вулканы Камчатки). Этот список — наглядная энциклопедия человеческой цивилизации и природного богатства планеты. Он создает общее пространство памяти и гордости для всего человечества, визуализируя идею о том, что выдающиеся ценности являются достоянием всех людей, независимо от того, на чьей территории они находятся [6, с. 3]. Это мощный стимул для международного сотрудничества в деле сохранения этих объектов.

2. *Конвенция об охране нематериального культурного наследия.* Эта Конвенция сохраняет традиции, обычаи, ритуалы, ремесла, устное творчество. Включение, например, русского хора или якутского эпоса олонхо в соответствующий список подчеркивает ценность не только монументальных, но и живых, повседневных культурных практик. Это особенно важно для малых народов, чья культура может быть стерта глобализацией. Таким образом, ЮНЕСКО дает голос тем, кого не всегда слышно, поддерживая многоголосие мировой культуры [8, с. 112].
3. *Платформы для прямого диалога.* ЮНЕСКО инициирует и поддерживает множество программ прямого обмена: от научных конференций и художественных выставок до программ обмена студентами и молодежных форумов. Эти мероприятия создают прямые человеческие контакты, ломая стереотипы способствуя взаимопониманию. Как отмечают исследователи, такие обмены являются «катализатором доверия» в международных отношениях [5, с. 350].

Несмотря на значительные достижения, деятельность ЮНЕСКО сопряжена с рядом серьезных вызовов, среди которых наиболее острыми являются политизация и коммерциализация. Политизация проявляется в том, что внутренние решения организации все чаще оказываются зависимыми от внешнеполитических противоречий между государствами-членами. Это соответствует общей тенденции, когда международные организации

становятся ареной для отражения текущей геополитической конъюнктуры [1, с. 85]. Вопросы, связанные с принятием резолюций, процессом голосования или распределением финансирования, нередко отражают текущую геополитическую ситуацию, а не объективные культурологические или научные критерии. Другим существенным вызовом выступает **коммерциализация**. Статус объекта Всемирного наследия — это не только почет, но и мощный туристический магнит. В погоне за доходами некоторые страны могут идти на коммерческую эксплуатацию памятников, что угрожает их аутентичности и сохранности. Задача ЮНЕСКО — найти баланс между доступностью и сохранностью [4, с. 67].

Тем не менее, перспективы организации остаются значительными. В мире, разделяемом конфликтами, потребность в нейтральной площадке для диалога только растет. ЮНЕСКО обладает уникальным мандатом и авторитетом, чтобы оставаться такой площадкой. Как подчеркивается в исследованиях, организация представляет собой уникальный инструмент взаимодействия в культурно-гуманитарной области, способный влиять на концептуальное содержание международного сотрудничества [1, с. 86]. Активная цифровизация ее проектов (виртуальные музеи, онлайн-архивы) открывает новые возможности для вовлечения молодежи и распространения знаний о культурном разнообразии по всему миру. Проведенный анализ позволяет утверждать, что ЮНЕСКО играет системообразующую роль в развитии диалога культур в современном мире. Через такие инструменты, как программы Всемирного наследия и охраны нематериальной культуры, организация не только сохраняет бесценные сокровища человечества, но и создает прочную основу для взаимного уважения и понимания между народами. Несмотря на политические и коммерческие вызовы, ЮНЕСКО продолжает оставаться важнейшим инструментом «мягкой силы», работающим не в интересах одной страны, а на благо всей мировой цивилизации. Ее деятельность доказывает, что диалог культур — это не утопия, а практическая необходимость и единственно возможный путь к устойчивому и мирному сосуществованию в глобализованном мире.

Список литературы

1. *Арсанова Т.Е.* Роль ЮНЕСКО в современных условиях // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. — 2016. — № 5(73). — С. 84–87.
2. *Василенко Е.В.* Культурная дипломатия как инструмент «мягкой силы» государства // Вестник международных организаций. — 2015. — № 3. — С. 68–79.
3. *Владимирова А.В.* Страновой брендинг и его отражение в глобальных рейтингах «мягкой силы» / А.В. Владимирова, В.А. Королёв, А.А. Трунина // Вестник международных организаций. — 2014. — Т. 9. — № 2. — С. 209–228.
4. *Драчева Е.Л.* Проблемы сохранения объектов культурного наследия ЮНЕСКО в России и за рубежом // Актуальные вопросы культурологии и социологии. — 2016. — С. 64–73.
5. *Дуксбери Н., Кангас А.* Культурная дипломатия и ЮНЕСКО: переговоры о культурных обменах // The Palgrave Handbook of Global Arts and Culture. — 2019. — P. 345–362.
6. *Лагутина М.Л.* Всемирное наследие ЮНЕСКО: от идеи сохранения к идее диалога // Культура и искусство. — 2018. — № 12. — С. 1–10.
7. *Смирнов А.А.* Глобализация и диалог культур: вызовы и возможности // Вопросы философии. — 2019. — № 5. — С. 45–55.
8. ЮНЕСКО. Всемирный доклад ЮНЕСКО: инвестировать в культурное разнообразие и межкультурный диалог. — Париж: Изд-во ЮНЕСКО, 2009. — 420 с.

УДК 165.74

Исмиева В.М.,

кандидат философских наук, доцент,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

ПОЭТИКА РУССКИХ ХРАМОВ В ЖИВОПИСИ НИКОЛАЯ РЕРИХА

Ismieva V.M.,

SPhD in Philosophy Science, Associate Professor,
V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow
E-longway100@yandex.ru

THE POETICS OF RUSSIAN CHURCHES IN THE PAINTINGS OF NICHOLAS ROERICH

Аннотация. Тема русской храмовой архитектуры является одной из ключевых и самых пронзительных в творчестве Николая Константиновича Рериха. Она проходит через весь его «русский период» (конец 1890-х — 1916 гг.) творчества и представляет собой не просто художественную фиксацию памятников, а грандиозный философско-поэтический цикл, настоящую «живописную летопись» древнерусского зодчества. Рерих видел в церквях и монастырях душу нации, немых свидетелей истории и духовные твердыни, которые в эпоху бурных перемен начала XX века оказались под угрозой забвения и уничтожения.

В статье рассмотрены основные содержательные и художественные особенности картин Николая Рериха с изображением древнерусских храмов.

Отмечено, что Н. Рерих неоднократно предпринимал поездки на русский Север, ставшие главным источником его археологических и исторических поисков и вдохновивших его на создание как отдельных картин и эскизов декораций к театральным постановкам, так и живописных серий. Рассмотрены результаты его поездок и выделены пять основных этапов творчества художника, связанные с темой древнерусского зодчества, от доминирования «археологического» интереса к периоду перехода от язычества к христианству, увлечения декоративностью и до философско-символического осмысления судьбы России и обобщения образа Святой Руси.

Ключевые слова: древнерусские храмы, декоративность, философский символизм, живопись.

Abstract. The theme of Russian temple architecture is one of the key and most poignant in the work of Nicholas Roerich. It runs through his entire «Russian period» (the end of the 1890s — 1916) of creativity and is not just an artistic fixation of monuments, but a grandiose philosophical and poetic cycle, a real «pictorial chronicle» of ancient Russian architecture. Roerich saw in churches and monasteries the soul of the nation, the mute witnesses of history and spiritual strongholds, which in the era of rapid changes at the beginning of the 20th century were in danger of oblivion and destruction.

The article examines the main substantive and artistic features of Nicholas Roerich's paintings depicting ancient Russian temples.

It is noted that Nicholas Roerich repeatedly made trips to the Russian North, which became the main source of his archaeological and historical research and inspired him to create both individual paintings and sketches of scenery for theatrical productions, as well as painting series. The results of his trips are considered and five main stages of the artist's work related to the theme of ancient Russian architecture are highlighted, from the dominance of «archaeological» interest in the period of transition from paganism to Christianity, fascination with the decorative side, to philosophical and symbolic understanding of the fate of Russia and generalization of the image of Holy Russia.

Key words: ancient Russian churches, decorative elements, philosophical symbolism, and painting.

Мы признали значительность и научность старины; мы выучили пропись стилей; мы даже постеснялись и перестали явно уничтожать памятники древности. Мы уже не назначим в продажу с торгов за 28 000 рублей для слома чудный Ростовский кремль с расписными храмами, с княжескими и митрополичьими палатами, как это было еще на глазах живых людей, когда только случайность, неимение покупателя спасли от гибели гордость всея Руси. <...> Минувшим летом мне довелось увидеть много нашей настоящей старины и мало любви вокруг нее».

Н. Рерих. По старине [6, с. 59–60]

Дайте памятнику живой вид, возвратите ему то общее, в котором он красовался в былое

время, — хоть до некоторой степени возвратите! Не застраивайте памятников доходными домами; не заслоняйте их казармами и сараями.

Н. Рерих. По старине [6, с. 64]

По сложившейся традиции художника Николая Константиновича Рериха многие знают преимущественно как живописца, посвятившего свое творчество изображению просторов и святынь Центральной Азии, ее горных пейзажей — массивов, пиков, предгорий Тибета, Алтая, Гималаев, внутренней Монголии, Индии и т.д. Между тем лучшие, на наш взгляд, живописные работы нашего знаменитого соотечественника посвящены Северу, русскому и скандинавскому, его былинным героям и святыням.

Николаю Рериху удалось создать величественные образы русской древности, в которых эпический пейзаж и монументальные произведения христианской архитектуры (изображенные с документальной точностью ученого-реконструктора, о чем речь впереди), составляют неразрывное гармоничное целое, повествуя о духовной мощи устроителей и хранителей русской цивилизации раннего периода.

Судя по сохранившимся документам и публикациям, художник четырежды отправлялся в путешествие по русскому Северу. Так, в 1899 году он предпринял поездку по «Великому водному пути» (Волхов-Нева) к Новгороду, знакомясь с древними курганами и городищами, что заложило основу его понимания исторического ландшафта. Впечатления от поездки вдохновили его на создание картины «Заморские гости» в 1901 году и на чрезвычайно интересные и содержательные путевые заметки. «Несколько лет назад, описывая великий путь «из варяг в греки», мне приходилось, между прочим, вспоминать: «Когда-то кто-нибудь поедет по Руси с целью охранения наших исторических пейзажей во имя красоты и национального чувства?» [6, с. 72].

Именно этим принципом руководствовался Рерих, создавая впоследствии свои полотна: «Картина может быть сделана по всем правилам и перспективы, и анатомии, и ботаники, и все-таки может вовсе не быть художественным произведением. Дело памятников старины может вестись очень научно, может быть

переполнено специальнейшими терминами со ссылками на тысячетомную литературу, и все-таки в нем может не быть духа живого, и все-таки оно будет мертво. Как в картине весь ее смысл существования часто заключается в каком-то необъяснимом словами тоне, в какой-то не поддающейся формуле убедительности, так и в художественном понимании дела старины есть много не укладывающегося в речи, есть многое, что можно только воспринять чутьем. И без этого чутья, без чувства красоты исторического пейзажа, без понимания декоративности и конструктивности все эти разговоры будут нелепой тарабарщиной [6, с. 77].

В ходе путешествия художник посетил реку Неву, описанную им как величественная и могучая, но менее исторически насыщенная, неприветливый и холодный Шлиссельбург с его крепостью и Ладожским озером, серо-бурую реку Волхов с водоворотами и светлыми струями течения, Лядский бугор, где когда-то стоял монастырь, название которого, возможно, было связано с древним божеством Ладо, а также историческую Старую Ладогу, расположенную в 12 верстах от Новой Ладоги.

В 1903–1904 годах Рерих вместе с женой Еленой Ивановной совершил экспедицию по древнерусским городам, во время которой изучал памятники старины и создавал этюды с изображением старинной архитектуры. Вот некоторые города, которые вошли в маршрут: Ярославль, Кострома, Казань, Нижний Новгород, Владимир, Суздаль, Юрьев-Польской, Ростов Великий, Смоленск, Изборск, Псков и другие. Результатом «поездки по старине» стала большая архитектурная серия картин художника (около 90 этюдов), коллекция фотографий древних памятников, вошедшая частью в «Историю русского искусства» Грабаря, и статьи, в которых Рерих одним из первых поднял вопрос об огромной художественной ценности древнерусской иконописи и архитектуры.

Внимательный взгляд Рериха с горечью и негодованием отмечал печальное состояние храмов и крепостей, которые ныне признаны сокровищами национальной культуры, в советский период внимательно изучались, а ныне тщательно отреставрированы: «Последовательно прошли передо мною Московщина, Смоленщина, вечевые города, Литва, Курляндия и Ливония,

и везде любовь к старине встречалась малыми, неожиданными островками, и много где памятники стоят мертвыми» [6, с. 60]¹.

«Грозные башни и стены заросли... Величавые, полные романтического блеска соборы задавлены ужасными домишками. Седые иконостасы обезображены нехудожественными добротными приношениями. Все потеряло свою жизненность. И стоят памятники, окруженные врагами снаружи и внутри. Кому не дает спать на диво обожженный кирпич, из которого можно сложить громаду фабричных сараев, кому мешает стена проложить конку, кого беспокоят безобидные изразцы и до боли хочется сбить их и унести, чтобы они погибли в куче домашнего мусора» [6, с. 61].

В 1907 году Николай Рерих с женой и двумя маленькими детьми путешествовал по Финляндии и южной Карелии, побывав, возможно, впервые, на Валааме.

В 1916 году из-за тяжелой болезни легких Николай Рерих по настоянию врачей вместе с семьей переехал в Великое княжество Финляндское под Сердоболь (Сортавалу) и провел в Приладожье более двух лет, выезжая отсюда на карельские острова и в столицы Скандинавских стран, а также посетил Валаам со всеми его островами.

Русский Север, его природа, нежная и вместе с тем суровая, былинные просторы и старина, языческая и христианская, были воплощены Рерихом в поистине захватывающим дух размахом.

Тема русской храмовой архитектуры является одной из ключевых и самых пронзительных в творчестве Николая Константиновича Рериха. Она проходит через весь его «русский период» (конец 1890-х — 1916 г.) творчества и представляет собой не просто художественную фиксацию памятников, а грандиозный философско-поэтический цикл, настоящую «живописную летопись» древнерусского зодчества. Рерих видел в церквях и монастырях душу нации, немых свидетелей истории и духовные твердыни, которые в эпоху бурных перемен начала XX века

¹ Статья «По старинам» была написана Н. Рерихом в 1903 году. Впервые опубликована в журнале «Искусство и художественная промышленность» (1903, № 9–10).

оказались под угрозой забвения и уничтожения.

Выделим несколько ключевых периодов, связанных с данной тематикой².

I. Ранний период (конец 1890-х — начало 1900-х)

В эти годы Николай Рерих, проявляя строгость и профессионализм археолога и историка, подходит к теме с научной скрупулезностью. Важную роль в самоопределении молодого Рериха сыграл критик Владимир Стасов, прививавший ему интерес к национальной истории и фольклору, в работах Рериха заметно влияние Виктора Васнецова с его былинно-сказочной трактовкой древности, а также Аполлинария Васнецова, его младшего брата, который утверждал в русском искусстве новую, историко-бытовую разновидность исторического жанра.

Картина «Гонец. Восста род на род» (1897)³, высоко оцененная Львом Толстым, стала творческим манифестом молодого Рериха.

На картине изображен ландшафт, характерный для Ижорской возвышенности — там находится усадьба Извара, где художник работал над картиной. Скрытый в темноте город лишь слегка угадывается, но если внимательно приглядеться, то можно заметить крепость на вершине холма и черепа животных на частоколе вокруг него. Художник детально, до мелочей подробно описывает на картине особенности рельефа местности: высокий берег реки, избранный противоборствующим племенем для защиты своего поселения, обнесен тыном и усилен сторожевыми постами. Хотя храм здесь — часть фона, именно он задает тон. Примечательно, что рама картины, созданная по эскизу Рериха,

² Важно отметить, что к некоторым сюжетам Рерих имел обыкновение возвращаться неоднократно, создавая точные копии ранних картин, иногда — следуя общей композиции, но меняя стилистику. Так или иначе, это усложняет датировку его работ, создававшихся порой с интервалом до 20 лет.

³ Впервые эта картина экспонировалась на выставке в Императорской Академии художеств в 1897 году. Рерих получил за нее звание художника, а П.М. Третьяков приобрел ее для своей галереи.

стилизована под сюжет изображения (серый тон натурального дерева, символические стилизованные под архаические элементы орнамента на ней).

Данная картина открыла цикл «Начало Руси. Славяне», который не был полностью осуществлен. Для цикла в целом характерна приглушенная, «земляная» палитра и интерес к домонгольской эпохе. В цикл вошли еще 7 картин, в их числе «Заморские гости» (1901), где на дальнем плане мы видим на высоком берегу деревянный посад и белокаменную крепость. В картине того же цикла «Город строят» (1902) высокие бревенчатые башни крепости возводятся на переднем плане. Сюжет полотна символичен: в понимании мастера воздвижение града — своего рода метафора строительства некоего рая на земле, будущего могучего государства на всеобщее благо.

В картинах цикла храмы, часто белокаменные, выглядят органичной частью пейзажа. Точность воспроизведения их форм — результат не только изучения летописей, но и живого общения с археологией. В это время Рерих активно участвует в раскопках, будучи членом Императорского Русского археологического общества, и буквально «на ощупь» познает древность.

В картинах «Спас Нередица» (другие названия: «Нередица», «Новгородский погост») и «Волхов. Ладога» (Архангельский музей изобразительных искусств), написанных в 1899, детали минимизированы, а природа и храмы даны предельно обобщенно, чем достигается эффект монументальности, особенно в «Нередице». При этом художник выбирает пору межсезонья, пятна снега чередуются с открытой землей, придавая выразительную достоверность пейзажу, стремящемуся почти к монохромности. В «Ладоге», более полихромной и построенной на сочетании белого с оттенками зеленого и сине-голубого (гамма, которая будет доминировать во многих более поздних работах живописца), внимание зрителя притягивают густые облака, контрастные зеленые холмы с яркими тенями. В левой центральной части картины — храм, в правой — фрагментарное изображение кремля.

В это же время создавались графические иллюстрации к опере «Псковитянка» Н.А. Римского-Корсакова по пьесе

Л. Мея (1898–1900), действие которой разворачивается в псковской местности в 1570 году.

В этих ранних графических работах Рерих создает обобщенные, мощные образы псковских храмов и монастырских стен. Здесь проявляется уже наметившееся в картинах умение лаконичными средствами передавать монументальность и суровый дух древней архитектуры, используя ее как драматургический фон для исторического сюжета. В эскизе «Успенская Пароменская церковь в Пскове», написанном темперой, изображен белоснежный храм и смотрящий вдаль человек, ожидающий надвигающегося войско Ивана Грозного. Взгляд зрителя направлен в арочный проем, что подчеркивает театральный замысел композиции (Рерих будет неоднократно использовать этот прием и позднее).

Отметим, что уже к концу раннего периода Рерих приходит к высветлению цветовой гамы, так хорошо соответствующей характеру древнерусских храмов, чистым открытым цветам природы (синему и разбеленному голубому, оттенкам зелени, нежному светло-розовому). Храм для Рериха становится символом укорененности, становления государственности и веры, увиденным глазами археолога и художника-славянофила.

II. «Архитектурная серия» (1903–1904).

Источником художественных образов, воплощающих духовную мощь, становится грандиозная поездка с женой по северным городам и селам России: весной 1903 года супруги Рерихи отправляются в масштабное путешествие по 40 древним городам России. Их поездка стала не просто художественным турне, а настоящим паломничеством. Елена Ивановна была не только спутницей, но и активной участницей, разделявшей интерес мужа к духовным истокам культуры. Вместе они изучали и фиксировали памятники, многие из которых находились в плачевном состоянии. Именно в этой поездке рождаются десятки этюдов и картин, где храм — единственный герой, «очищенный» от поздних пристроек и хаотичной окружающей среды.

Так, на картине «Ростов Великий» (Церковь Иоанна Бogo-слова)» (1903) изображены стены и башни Ростовского кремля

и виднеющаяся за ними церковь Иоанна Богослова. Каменные сооружения напоминают некогда уснувших великанов, которые, пробудившись, спокойно и неторопливо появляются перед изумленным взглядом зрителя начала XX века. В этом полотне, как и в других («Псково-Печерский монастырь» (1903)), в серии этюдов церквей в Новгороде, Угличе, Костроме («Ростов Великий. Дворик в кремле». 1903 г., «Псковский погост (Углич. Композиция к декорации)» 1904 г. др.) проявляется уникальный дар Рериха — изображать «характер» здания. Работы были напрямую вдохновлены натурными впечатлениями. Общение с местными жителями, священниками, краеведами обогащало его понимание «духа места». В картинах «Воскресенский монастырь (Углич)» (1904), «Новгородский двор» (1904) храм становится частью целостного архитектурного ансамбля, живущего своей жизнью.

Рерих мастерски передает фактуру старых стен, игру света на белом камне и кирпиче, создавая не просто изображение, а средовой образ древнего города. Художник применяет обратную перспективу, свойственную русской иконе, снижает бытовую детализацию и меняет высоту горизонта, чтобы «приподнять» изображение, придать ему более эпический, монументальный характер.

Архитектурные этюды «Ростов Великий. Кремлевская башня», «Нижний Новгород» (1903), «Никольский собор (Псков)», «Старая Ладога. Церковь Св. Георгия» (оба 1904) — квинтэссенция архитектурной серии. В них Рерих сочетает точность взгляда архитектора с цветовой экспрессией художника-символиста. Церковь Св. Георгия в Старой Ладоге (возведена между 1180 и 1200 гг.), одна из древнейших на Руси, написана с особым пietetом, словно художник стремился проникнуть в самую суть ее древней, почти былинной простоты.

Создание архитектурной серии связано с глубоким личным погружением Рериха в тему. Поездка дала художнику бесценный материал, который он будет осмыслять долгие годы.

III. Период «Святая Русь» (1905–1910-е)

В этот период Рерих достигает вершины мастерства. Его творчество развивается в тесном контакте с художественной элитой

России из объединения «Мир Искусства», цветовая палитра его достигает симфонического звучания, мастер обращается к символизму и вступает в плодотворный творческий диалог с Игорем Стравинским.

Картина «Святой Град» (1903–1904) представляет идеальный, сказочный образ русского города-Китежа. Эта тема находила живой отклик в кругу его современников, таких как композитор С. В. Рахманинов, в чьей музыке также звучали мотивы Святой Руси. Общение с ведущими деятелями культуры позволило мастеру синтезировать археологическую достоверность с новаторскими художественными задачами, подняв образ храма до уровня общечеловеческого символа веры и культуры. Не случайно обращался в это время художник к поэтическому высказыванию, языком символизма рассказывая о своих духовных поисках, ожиданиях, эсхатологических предчувствиях и надеждах в своих «сюитах» (именно на такую дефиницию ссылается издательство в своем кратком предисловии, что, безусловно, вызывает ассоциации с «симфониями» символиста А. Белого [7, с. 7]).

Палитра Рериха в этот период строится на контрастах чистых, сияющих цветов, он смело применяет эффекты звучного локального пятна, достигая впечатление свечения⁴ и работает преимущественно темперой.

В 1908 г. Николай Рерих создает серию эскизов для оперы А.П. Бородина «Князь Игорь» («Путивль», «Двор Галицкого», «Терем Ярославны», «Плач Ярославны»), в которых варьирует цветовые решения композиций от обобщенно-экспрессивных, контрастных, ярких, до построенных на сочетании сложных оттенков в сочетании с орнаментальностью. Будучи активным членом объединения «Мир Искусства», Рерих разделял его интерес к стилизации и декоративности. Его храмы этого периода, с их обобщенными формами и интенсивным цветом, — это не столько реальные постройки, сколько символы, созвучные поискам Бенуа, Сомова, Бакста.

⁴ В этом проявилось влияние на Рериха его учителя — А. Куинджи.

По некоторым свидетельствам, именно в этот период, точнее, в 1911 году, он пишет первый вариант «Голубиной книги» (широко известен более поздний, 1922 или 1923 года, написанный в США), давая свое прочтение сборника русских народных духовных стихов с одноименным названием конца XV — начала XVI века. Это произведение духовно-народной литературы, которое в форме вопросов и ответов дает сведения о происхождении мира, людей, сословий, космографии. По преданию, огромная Голубиная книга упала с неба. Художник изображает это событие перед входом в православный храм, по обе стороны к ней движутся толпы вопрошающих, жаждущих откровения, вся сцена написана в золотистых тонах, точно озаренная мистическим, не физическим светом — свет исходит от самой книги.

В это же время он работает над знаменитыми «русскими» балетами для Дягилева. Его эскизы к «Весне Священной» Игоря Стравинского (1913) — прямое продолжение темы древней Руси, в то числе и дохристианской, языческой, которую сам Рерих не отделяет от последующего периода, скорее, в его восприятии обе эти Руси-России соединены, как корни и ствол; ритуальная, сакральная архитектура и природные стихии сливаются в его космосе воедино. В захватывающей картине «Небесный бой» (1912), первая, стихийная, воплощена буквально, вторая прочитывается аллегорически, как образ «незримой брани». В трактовке Рерихом облаков, придающей им сходство с горами камней или наплывами лавы, можно заметить влияние К. Богаевского⁵, но в своей работе Рерих делает изображение наземного пейзажа настолько вторичным, малоприметным, что вызывает ассоциацию с идеей платоновских эйдосов и их слабого отображения в земном мире. Тем самым художник выявляет духовный смысл аллегории, подчеркивая онтологичность битвы. («Мы идем искать священные знаки. Думаем, что их можно искать на облачных сводах. При свете солнца, при свете луны» (стихотворение «Увидим»)) [7, с. 14].

⁵ См., например, его картину «Облако» 1910 г.

IV. Предвоенный период (1914–1916): тревога и пророчество

Накануне катастрофы I Мировой войны образ храма у Рериха приобретает трагические и пророческие интонации, усиленные впечатлениями от поездок на русский Север.

Картина «Зарево» (1914) — прямой отклик на начало Первой мировой войны. На картине изображен город Брюгге — эсхатологические предчувствия Рерих связывает здесь прежде всего с Европейской цивилизацией. Двумя годами позже, однако, он создает картину «Тени», где уже ясно просматриваются черты древнерусской архитектуры, написанной «наплывом» оптики на фрагмент башни и огибающей ее лестницы, примыкающей к высокой стене, в зареве ночного пожара. По поверхности стены хаотично движутся агрессивные тени людей. Символика картины (возможно, эскиза декорации к опере), красноречива. Напомним, что в 1910-х годах Рерих совершает несколько поездок в старинные северные города — Олонец, Выборг, Сердоболь (Сортавала). Он был очарован суровой и чистой красотой северного зодчества. Эти впечатления, помноженные на тревожные предчувствия, вылились в образ старинной крепости, охваченной багровым заревом надвигающегося хаоса. Север для Рериха стал заповедником последней, нетронутой Святой Руси, и в «Тенях» он, возможно, изображал страшную угрозу надвигающегося бедствия.

В монументальной работе — подготовке росписи для часовни Св. Анастасии во Пскове — Рерих готовился воплотить свои идеи в сакральном пространстве. В эскизах 1913–1914 гг., таких, как «Царица Небесная над рекой жизни», он объединяет образ Богородицы-Заступницы с конкретным псковским пейзажем, включая очертания местных церквей, тем самым утверждая неразрывную связь небесного покровительства и земной, национальной святыни.

V. 1917–1947. Отъезд за границу.
Переосмысление темы Святой Руси
как метафизической хранительницы духовных ценностей

В этот период Рерих обращается к сюжетам мировой истории и духовным сокровищам разных религий. Тем не менее, образ Святой Руси продолжает звучать в его всемирной симфонии, но все более как мир эйдетический, лишенный бытовой конкретики и не связанный с земной топонимикой, теперь это своего рода «Град Божий», «Небесный Иерусалим», в который можно проникнуть путем совершенствования духа, увидеть — духовным созерцанием:

Поверх всяких Россий есть одна
незабываемая Россия.
Поверх всякой любви есть одна
общечеловеческая любовь
Поверх всяких красот есть одна
красота ведущая к
познанию Космоса [7, с. 5].

Об этом высоком устремлении повествует картина «И мы открываем врата» (1922) из серии «Санкта» («Священная»). Монах открывает арочные ворота, за которыми — дорога, ведущая к древнерусскому монастырю. Через открытые врата виднеются волнистые холмы, извилистая река — пейзаж, характерный для северной русской природы. На одном из холмов стоит часовня. Врата делят картину на два композиционных и смысловых плана. Очерчивая грань между земным миром (передний план монастыря, скрытого во мраке) и божественным (фон по другую сторону врат, освещенных восходящим солнцем), художник дает возможность зрителю почувствовать сам момент прохождения через «святые врата» в мир духа. Открытые врата и пейзаж означают духовное пробуждение и предстоящий путь («Нам сказали: “нельзя”. Но мы все же вошли. Мы подходили к вратам. <...> Нельзя обо всем. Нельзя ко всему. И позади только “можно”. Но на последних вратах будет начертано “можно”» (стихотворение «На последних вратах»)) [7, с. 16–17].

К теме трагических событий и героического прошлого России обращается Николай Константинович в эскизах декораций к опере Н.А. Римского-Корсакова «Псковитянка» («Монастырь во Пскове» 1920). Переживание жертвенной смерти, ключевого события оперы, и перехода из жизни сиюминутной в жизнь вечную, торжествующую над смертью, художник передает в мистериальном полотне «Русская Пасха (Ранние звоны)» (1924, копия 1933). Вереница молящихся, несущих пасхальный огонь, совершая крестный ход, обтекает храм, как светящаяся река, над которой таинственно мерцает изображение Божьей Матери, покровительницы России. Глубокий синий цвет тихой весенней ночи, как мафорий Марии, простирается над церковью, молящимися и окружающим пейзажем, словно укрывая от недобрых сил, подобно тому как воды Светлояра укрыли град Китеж.

Картина «Сергиева пустынь» (1933), вероятно, основана на легенде о хождении Сергия к Белой горе, расположенной в каких-то таинственных далях. Произведение написано в сияющих оттенках ультрамарина и кобальт, в сочетании с бледно-сиреневыми и нежно-кремовыми оттенками стен храма и облаков. Эти краски создают ощущение радости и простора, как на более раннем полотне «Святые гости» («Благие посетившие», 1923) — звучные аккорды вспышек золотого и сиренево-розового в глубокой синеве утренних сумерек северного пейзажа. Его доминантой является кубообразный строгий однокупольный храм, типология которого восходит к древнему псковскому зодчеству.

В последние годы жизни, находясь на чужбине, в далекой от России Индии, Рерих продолжает размышлять над судьбой родины. В написанной темперой на картоне «Чумолхари (Голубой рассвет)» (1941)⁶, сходной по колориту с «Сергиевой пустыней», мы видим смиренного инокa со свечой над величественной неторопливой рекой, по сияющей глади которой скользит парусник, устремляясь к далекому белокаменному храму. Но почему такое странное название? Возможно, имелась в виду гора Чомолхари (встречаются и другие транскрипции названия: Чумолхари, Чомо-

⁶ Ныне картина хранится в Государственном Русском музее в Санкт-Петербурге.

Лхари, Джомолхари) в Гималаях, глядя на которую, художник устремлял свой духовный взгляд к Северу, к просторам родины, единение с которой он переживал как метафизический императив служения высокой цели духовного преображения мира.

Таким образом, эволюция образа русского храма у Рериха — это путь от научной фиксации, взгляда внимательного «археолога знания» к философскому символу. Его личный опыт — археологические изыскания, грандиозная поездка 1903 года с женой, творческий диалог с «Миром Искусства» и Дягилевым, изучение Севера — стал дорогой неуклонного восхождения, в котором формировался его уникальный стиль и образный язык. От ранней графики до монументальных апокалиптических полотен, его работы о храмах оказались пророческими, сохранив для истории образ многих утраченных в XX веке святынь и став гимном вечной духовной силе русской культуры.

Список литературы

1. *Водолажская Т.Ю.* Искусство Рериха // Аналитика культурологии. — 2012. — № 24.
2. *Грецкая Е.Е.* Русский живописный исторический пейзаж: (истоки, становление и расцвет жанра): дис. ... канд. искусствоведения / Рос. гос. пед. университет им. А.И. Герцена. — СПб., 2004. — 172 с.
3. *Дьяченко И.Ю.* Деятельность Н.К. Рериха по сохранению культурного наследия: принципы, методы, формы: дис. ... канд. культурологии / Академия переподготовки работников искусства, культуры и туризма. — М., 2012. — 209 с.
4. *Дьяченко И.Ю.* Хранитель культуры // Вестник Российской академии наук. — 2007. — № 10. — С. 921–926.
5. *Короткина Л.В.* Творческий путь Николая Рериха. — СПб.: АРС, 2001. — 184 с.: ил., цв. ил. — (Новые материалы и исследования).
6. *Рерих Н.К.* Собрание сочинений. Т. I. — М.: Изд-во И.Д. Сытина, 1914. — 335 с.
7. *Рерих Н.К.* Цветы Мории. — Berlin: Slowo-Verlag, 1921. — 127 с.
8. *Тхакур М.* Древняя Русь, славянский цикл в творческом наследии Н.К. Рериха (до 1916 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Рос. университет дружбы народов. — М., 1996. — 20 с.

9. *Тютюгина Н.В.* Православная Русь в живописи Н.К. Рериха: дис. ... канд. искусствоведения / Уральский гос. университет им. А.М. Горького. — Екатеринбург, 2005. — 174 с.
10. *Шапошникова Л.В.* Ученый, мыслитель, художник.— М.: Международный Центр Рерихов, Мастер-Банк, 2006. — 192 с., илл.

Казначеев С.М.,

доктор филологических наук, доцент,
член Экспертного совета —
уководитель секции «Москва в классической литературе»
Книжной редакции при Правительстве Москвы, Москва

**НЕЗАМЕЧЕННЫЕ ТАЛАНТЫ:
ВЕНИАМИН БЛАЖЕННЫЙ, АРКАДИЙ КУТИЛОВ,
СЕРГЕЙ ЧУДАКОВ**

Kaznacheev S.M.,

Doctor of Philological Sciences, Associate Professor,
member of the Expert Council —
Head of the Moscow in Classical Literature section
of the Moscow Government Book Editorial Office, Moscow
skazn@yandex.ru

**UNNOTICED TALENTS:
VENIAMIN BLAZHENNYJ, ARKADY KUTILOV,
SERGEJ CHUDAKOV**

Аннотация. В статье обзорно рассматриваются основные особенности творчества современных русских поэтов, которые оказались на периферии отечественного сознания, но оставили заметный след в истории нашей словесности. Автор исследует главные причины, почему эти талантливые авторы оказались вне широкого внимания как специалистов, так и читательской аудитории.

Ключевые слова: русские поэты, периферия общественного сознания, непризнанные таланты, андеграунд.

Abstract. The article reviews the main features of the work of modern Russian poets, who found themselves on the periphery of the national consciousness, but left a noticeable mark in the history of our literature. The author explores the main reasons why these talented authors have been left out of the wide attention of both specialists and the readership.

Key words: Russian poets, the periphery of public consciousness, unrecognized talents, the underground.

В истории любой национальной культуры существует широкая парадигма понятий, связанная с присутствием в ней наряду с громко звучащими именами авторов, как бы отодвинутых (часто незаслуженно) на второй или даже третий план. Об этом, в частности, заявил в своей известной статье «Русские второстепенные поэты» (1850). Н.А. Некрасов, восстанавливая справедливость и возвращая в литературный обиход лирику Ф.И. Тютчева: «Заключим нашу статью желанием, чтобы стихотворения г. Ф.Т. были изданы отдельно: мы можем ручаться, что эту маленькую книжечку каждый любитель отечественной литературы поставит в своей библиотеке рядом с лучшими произведениями русского поэтического гения...» [3, с. 112]. Эти слова классика оказались воистину пророческими.

С аналогичной ситуацией мы сталкиваемся в первой половине XX века, когда в тени ярких представителей поэтического творчества А. Ахматовой, А. Белого, А. Блока, В. Брюсова, С. Есенина, В. Маяковского, В. Хлебникова и др. оказались представители таких объединений, как имажинисты, конструктивисты, ничевоки, обэриуты. Несомненно, они уступали первым в масштабе дарования, но заслуживали внимания критики и читательской аудитории. К сожалению, и профессиональные филологи, проявляя некоторую близорукость, обращались к их наследию со значительным запозданием.

Не изменилось это положение и во второй половине столетия: и в этот период легко обнаружить немало писателей, которым при жизни не удалось в полной мере реализовать свой творческий потенциал, чему также способствовал серьезный идеологический прессинг советского времени. Разумеется, тому, что сочинители этого типа плохо вписывались в официальную систему немало способствовал их неординарный образ жизни, соответствующее мышление и экстравагантные поступки. На что еще мог рассчитывать, скажем, Венедикт Ерофеев, прекрасно понимая, что для властей он является настоящей костью в горле. Да он и не рассчитывал. Схожая судьба была уготована Владимиру Высоцкому и Игорю Талькову. Тем не менее, попробуем по порядку хоть немного восполнить в памяти эту культурологическую лакуну.

Вениамин Блаженный (Вениамин Михайлович Айзенштадт, 1921–1999), родившийся и живший в Белоруссии, может быть отнесен к традиции еврейского и русского юродства. Нелегкая биография, полная скитаний, нищеты и страданий, в полной мере отразилась в его сочинениях. Литературное изгойство причиняло ему невообразимую боль; только в 90-е годы стали выходить сборники его стихотворений.

Главная тема лирики В. Блаженного — отношения человека и Бога (отсюда говорящий псевдоним), бесконечные поиски мистического контакта наряду с нескрываемым богоборчеством, выражением горьких обид на высшие силы. Эти отношения доходят до соперничества с Создателем, что вполне соответствует библейской традиции (вспомним хотя бы Иакова).

Герой Блаженного и его отец Михоэл шествуют своим земным путем к горным высотам не в одиночестве, а в сопровождении животных, которые постоянно встречаются на страницах его стихов:

В калошах на босу ногу,
В засаленном картузе
Отец торопился к Богу
на встречу былых друзей.

И чтобы найти дорожку
В неведомых небесах, —
С собой прихватил он кошку,
Окликнул в дорогу пса [1, с. 23].

Поэт, подобно многострадальному Иову, почти не ропщет на перипетии собственной судьбы, хотя на его долю выпало немало невзгод, в том числе, и насильственное помещение в психоневрологическую клинику:

...Тогда мне рваный выдали халат
И записали имя Айзенштадта.
Я сразу стал похож на арестанта.
А впрочем, я и был им — арестант.

Окно в решетке, двери на ключе,
Убогость койки и убогий разум...
Свирепость отчужденная врачей,
Свирепость санитарок яроглазых [1, с. 63].

«Дурдом»

Что же помогало В. Блаженному стойко переносить тяготы и лишения, встречавшихся на поворотах судьбы? Помимо твердой веры в Бога это, конечно, — душевная и плотская любовь к женщине. Несмотря на внешность отнюдь не первого любовника раз за разом его лирический герой демонстрирует, как можно сказать, недюжинный темперамент:

После совокупленья Анна играла на рояле (воображаемом)
легкую музыку утоленья.

Я следил за игрой ее тела и думал:

Орган любви — это тоже музыкальное произведение,

Пригодное для исполнения на широко популярном
женском инструменте [1, с. 35].

Это одно из немногих обращений к форме верлибра, ибо в большинстве случаев стихотворец придерживается канонов силлабо-тоники. Взгляд на наследие В. Блаженного в очередной раз наводит на мысль о богатстве русской поэзии, которая может, по сути дела, пройти мимо таких ярких текстов. Да, его стихи ценили Б. Пастернак, А. Тарковский, А. Межиров, С. Липкин, И. Лиснянская, Т. Бек, сравнивая с Д. Андреевым и Б. Чичибабиным. Но и эти авторитетные ценители не смогли (или не захотели) практически ничего сделать для введения их в литературный обиход. До широких читательских кругов его строки так и не дошли, хотя он вовсе не закрыт от понимания.

Судьба и менталитет омского поэта Аркадия (Адия) Павловича Кутилова (1940–1985) во многом созвучна творческой планиде В. Блаженного. Внешне он тоже походил на деклассированную маргинальную личность, а обликом на Веничку Ерофеева. В его биографии много темных мест; достаточно сказать, что его немало поносило по миру, он так же посидел в психушке, в тюрь-

ме и умер в городском сквере при невыясненных обстоятельствах, как забулдыга и бомж. Лишь в 2011 году с трудом было установлено место его погребения. Хотя по молодости лет он подавал литературные надежды и печатался в местных изданиях (альманах «Молодой сибиряк»), а также создавал оригинальные графические этюды и карикатуры, непростой, а точнее сказать — скандальный характер начинающего стихотворца создал ему репутацию человека, с которым трудно иметь дело.

По свидетельству его биографа Марка Мудрика, «явлению Кутилова предшествовали крики на лестнице, но чаще он совершенно неожиданно возникал в дверях — весь на цыпочках, по-кошачьи осторожно озираясь кругом... Если, конечно, не сталкивался с нашим редактором, начинавшим восхождение по служебной лестнице... Тогда — шум до потолка, шерсть во все стороны и виновника переполоха под белы ручки выпроваживали из Дома печати» [2, с. 7].

Но талант пробивается и после смерти: стали выходить сборники его сочинений, проводятся памятные мероприятия. Некоторое участие в открытии поэта принял Е.А. Евтушенко.

Резкие черты личного и бытового поведения скандально отразились в его поэзии, эпатажной до неприличия:

То не в джунглях кричит обезьяна,
то не зайца вспорола коса...
То визжит подо мною Светлана,
рвет мне уши, и рот, и глаза...

Не дала!.. Я вгрызаюсь в коренья,
я бледнею от жуткого зла...
Это высшая форма презренья.
Если девка тебе НЕ ДАЛА [2, с. 58].

«Этика любви»

Впрочем, вряд ли стоит воспринимать эти откровения буквально, все-таки за словами поэта во много стоят ирония и самоирония, что выдает в нем весьма неглупого человека. Хотя, конечно, фамилия (Кутилов) ему досталась говорящая: с такой,

что называется, скромно не проживешь. В то же время сквозь жгучие порывы эпатажа в его поэтике явственно проглядывает скрытая нежность и деликатность:

Глаза прозрачней сульфазина...
Гримасы горькое вино...
Так мать глядит на дурня-сына,
который плюнул ей в лицо.

А я сижу себе беспечно!
А я готов захохотать...
Но рад бы
 немцем
 стать
 навечно,
чтоб мысли Эммы прочитать! [2, с. 52]
 «Мой прохладный доктор»

Личность Сергея Ивановича Чудакова (1937–1997) и похожа на двух предыдущих авторов, и существенно отличается от них. В отличие от них он был москвич, от отца-генерала ему досталась квартира на Кутузовском проспекте, его творческий потенциал журналиста, эссеиста и культуролога в значительной степени был реализован, иногда его относили к кругу столичной богемы, он был вхож в культурные сообщества и обладал там некоторым авторитетом. Кроме того, будучи выдающимся эрудитом и библиофилом, он поражал современников своими познаниями и начитанностью...

Однако на этом различия, в принципе, кончаются. Начинаются сходные сюжеты и мотивы. Образ жизни, которому он соответствовал, во многом совпадал с менталитетом Блаженного и Кутилова. Стихи С. Чудакова при жизни практически не публиковались. В последние годы жизни он так же сошелся с компанией случайных знакомых, собутыльников, которые его эксплуатировали и в итоге погубили. А главное, — по духу он был таким же неприкаянным скитальцем, одиноким и несчастным человеком.

Список литературы

1. *Блаженный В. (Айзенштадт В.М.). Стихотворения.* — М.: Книжная серия журнала «Арион» (Читальный зал), 1998. — 144 с.
2. *Кутилов А.П. Город Кенгуру.* — Омск: Продюсерский центр «A priori», 2005. — 144 с., илл.
3. *Некрасов Н.А. Поэт и гражданин.* — М.: Современник, 1982. — 271 с. — (Б-ка «Любителям российской словесности»).
4. *Чудаков С.И. Справка по личному делу. Стихотворения, статьи, биография, комментарии.* — М.: Культурная революция, 2014. — (Культурный слой). — 532 с.

Киселева С.Н.,

студент,

ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», Люберцы

Дзюбан В.В.,

доктор исторических наук, кандидат педагогических работ,

профессор кафедры гуманитарных дисциплин,

ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», Люберцы

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА КАК ИНСТРУМЕНТ СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАРОДОВ РОССИИ

Kiseleva S.N.,

Student,

GKOU HE "Russian Customs Academy", Lyubertsy

soniks777777@gmail.com

Dzyuban V.V.,

Doctor of Historical Sciences, PhD in Pedagogical Sciences,

Professor of the Department of "Humanities",

GKOU HE "Russian Customs Academy", Lyubertsy

bryanskstudzuban@mail.ru

TRADITIONAL CULTURE AS A TOOL FOR PRESERVING THE NATIONAL IDENTITY OF THE PEOPLES OF RUSSIA

Аннотация. В статье рассматривается значение традиционной культуры как ключевого фактора сохранения национальной идентичности народов России. В условиях глобализации и информационной унификации именно традиционная культура обеспечивает преемственность исторического опыта, формирование системы духовных ценностей и укрепление общественного единства. Проанализированы понятия «национальная идентичность» и «традиционная культура» в культурологическом и социологическом аспектах. Особое внимание уделено многонациональному культурному пространству России, проблемам и угрозам сохранения этнокультурного наследия, а также роли государства, образования и институтов

гражданского общества в поддержании и развитии традиций. Сделан вывод о том, что традиционная культура выступает не только хранителем исторической памяти, но и инструментом формирования современной модели российской идентичности, основанной на уважении к многообразию и единству культурных практик.

Ключевые слова: традиционная культура, национальная идентичность, культурное наследие, этнокультурные ценности, многонациональность, глобализация.

Abstract. The article examines the significance of traditional culture as a key factor in preserving the national identity of the peoples of Russia. In the context of globalization and informational unification, traditional culture ensures the continuity of historical experience, the formation of a system of spiritual values, and the strengthening of social cohesion. The concepts of “national identity” and “traditional culture” are analyzed in cultural and sociological aspects. Particular attention is paid to Russia’s multicultural space, the problems and threats to the preservation of ethnocultural heritage, as well as the role of the state, education, and civil society institutions in maintaining and developing traditions. It is concluded that traditional culture serves not only as a custodian of historical memory but also as an instrument for shaping a modern model of Russian identity based on respect for the diversity and unity of cultural practices.

Key words: traditional culture, national identity, cultural heritage, ethnocultural values, multinationality, globalization.

В условиях стремительного развития глобализационных процессов и унификации культурных практик проблема сохранения национальной идентичности приобретает особую актуальность [4, с. 12]. Россия, объединяющая более ста девяносто народов и этнических групп, представляет собой уникальное культурное пространство, где традиции, язык и духовные ценности разных народов составляют основу общего цивилизационного кода [3, с. 78]. Традиционная культура выполняет важную интегративную функцию, обеспечивая преемственность поколений, укрепление этнического самосознания и сохранение культурной памяти [1, с. 34]. Она выступает не только как историческое наследие, но и как динамичный механизм воспроизводства смыслов, формирующих идентичность человека в современном обществе [2, с. 45]. Национальная идентичность, как отмечают В.А. Тишков и Ю.М. Лотман, проявляется в осознании личностью своей принадлежности к культурно-историческому сообществу, разделяющему определенные ценности, язык, нормы

поведения и символические формы [1, с. 36; 2, с. 47]. В российском контексте идентичность имеет многослойный характер: она объединяет этническое, региональное и общегосударственное измерения, и именно традиционная культура позволяет сохранять баланс между ними, формируя чувство сопричастности единому культурному пространству без утраты этнического своеобразия [3, с. 80].

Традиционная культура народов России многогранна и отражает историческое многообразие страны. Народные праздники, устное творчество, ремесла, национальные костюмы, музыка и танцы являются носителями ценностных ориентиров и моделей поведения, сформировавшихся на протяжении веков [4, с. 25]. Так, татарский Сабантуй, бурятские и тувинские обряды поклонения предкам, удмуртские свадебные ритуалы, поморские промысловые традиции или дагестанское камнерезное искусство демонстрируют богатство региональных культур, которые не только сохраняются, но и развиваются в новых формах [5, с. 102]. Эти элементы традиционной культуры служат живым источником самоидентификации и символического единства народа [1, с. 38].

Современная эпоха ставит перед традиционной культурой ряд серьезных вызовов. Массовая культура, стандартизация ценностей, урбанизация и миграционные процессы приводят к размыванию этнокультурных границ [4, с. 28]. Молодое поколение все чаще обращается к глобальным цифровым трендам, теряя связь с национальными традициями и языками [6]. Особенно остро стоит вопрос сохранения нематериального наследия малых народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, где утрата языка нередко влечет за собой исчезновение уникальных форм мировосприятия [7, с. 18].

В России выстраивается системная политика по защите и популяризации культурного наследия [5, с. 110]. Государственные программы «Культура России», «Культура малых народов», а также национальный проект «Культура» направлены на поддержку народного творчества, фольклорных коллективов и этнокультурного образования [5, с. 112]. Значительный вклад в сохранение традиций вносят музеи, дома народного творче-

ства, этнопарки, фольклорные фестивали, этнографические театры [5, с. 115]. Все это способствует актуализации традиционной культуры в общественном сознании и вовлечению молодежи в процессы культурного саморазвития [6]. Особое значение имеет образовательная среда, где формируется мировоззрение будущих поколений. Включение элементов народной культуры в школьные и вузовские программы, организация этнографических экспедиций, проведение праздников народного творчества позволяют формировать уважение к историческому прошлому и национальному многообразию страны [2, с. 49]. Важным направлением становится цифровизация культурного наследия: создаются виртуальные музеи, мультимедийные архивы, интерактивные карты этнических культур [6].

Традиционная культура выполняет также социально-интегративную функцию, способствуя укреплению межнационального согласия и гражданской консолидации [1, с. 40]. Она формирует систему моральных координат, в основе которых лежат идеи добрососедства, взаимопомощи, уважения к старшим и ответственности перед сообществом [2, с. 50]. Через народные праздники, фольклорные ансамбли, ремесла и этнокультурные практики реализуется принцип «единства в многообразии», провозглашенный в российской культурной политике [5, с. 118].

Обращение к традиционной культуре не означает изоляции от современности. Элементы традиции активно интегрируются в современное искусство, дизайн, туризм и медиа-практики [4, с. 32]. Это способствует созданию новых форм культурной коммуникации, в которых традиция получает современное звучание и становится частью повседневной жизни [6].

Таким образом, традиционная культура представляет собой не только хранителя исторического опыта, но и действенный инструмент формирования национальной идентичности народов России [1, с. 42; 5, с. 120]. Она обеспечивает устойчивость духовных ценностей, способствует укреплению межэтнического согласия и формированию гражданского самосознания. В условиях глобализационных вызовов обращение к традиции позволяет обществу сохранять культурную целостность, преодолевать кризисы идентичности и утверждать национальное достоинство [4,

с. 35]. Сохранение и развитие традиционной культуры — это стратегическая задача государства, образовательных институтов и каждого гражданина, осознающего ответственность за будущее культурное наследие России [5, с. 122; 6].

Список литературы

1. *Тишков В.А.* Нация и культура в современном мире. — М.: Наука, 2019. — 256 с.
2. *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. — СПб.: Искусство, 2016. — 320 с.
3. *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. — М.: АСТ, 2020. — 448 с.
4. *Хренов Н.А.* Культура и традиции в эпоху глобализации. — М.: Академический проект, 2018. — 192 с.
5. *Степанов В.В., Тишков В.А.* Этнокультурная политика России: вызовы и решения. — М.: РАН, 2023. — 276 с.
6. *Смирнова И.В.* Традиционная культура и национальная идентичность: векторы развития // Этнография. — 2022. — № 4. — С. 12–34.
7. UNESCO. Intangible Cultural Heritage and Identity. — Paris, 2021. — <https://ich.unesco.org/en/what-is-intangible-heritage-00003>.

Костылев М.А.

студент,

ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», Люберцы

Дзюбан В.В.

доктор исторических наук, кандидат педагогических работ,

профессор кафедры гуманитарных дисциплин,

ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», Люберцы

ОБРАЗ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В СОВЕТСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ

Kostylev M.A.,

Student,

GKOU HE "Russian Customs Academy", Lyubertsy

kseniyabykova2006@gmail.com

Dzyuban V.V.,

Doctor of Historical Sciences, PhD in Pedagogical Sciences,

Professor of the Department of "Humanities",

GKOU HE "Russian Customs Academy", Lyubertsy

bryanskstudzuban@mail.ru

THE IMAGE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN SOVIET CINEMA

Аннотация. Образовательные инициативы, цифровизацию культурного наследия, создание зарубежных культурных центров и интеграцию русской культуры в крупные международные мероприятия. Завершается статья выводами о необходимости консолидации усилий государства и общества для Статья посвящена вопросам взаимодействия русской культуры с современным глобальным обществом. Рассматриваются ключевые факторы привлекательности русской культуры для зарубежной аудитории, а также существующие ограничения и вызовы, стоящие на пути ее эффективного продвижения. Анализируются преимущества русской культуры, связанные с ее глубоким духовным содержанием, эмоциональной насыщенностью и тесной связью с природой. Отдельное внимание уделено проблемам низкого уровня владения иностранным населением русским языком, не-

достаточному количеству качественных переводов классических произведений, а также отсутствию активной рекламной кампании русской культуры за рубежом. Предлагаются конкретные меры по улучшению ситуации, включая эффективного продвижения русской культуры в условиях современной глобализации.

Ключевые слова: кинематограф; Великая Отечественная война; советский период; патриотизм; память.

Abstract. the article examines the formation of the image of the Great Patriotic War in Soviet cinema. It analyzes how cinema reflected public sentiment, patriotism and heroism of the Soviet people, and how it contributed to the formation of historical memory of the war. Particular attention is paid to key films, their artistic features and ideological messages that contributed to strengthening the morale of the nation. The importance of Soviet cinema, its role in the formation of collective identity and national memory of the Great Patriotic War are emphasized.

Key words: cinema; Great Patriotic War; Soviet period; patriotism; memory.

Великая Отечественная война занимает одно из центральных мест в исторической памяти нашего народа. Одним из инструментов трансляции ее образа выступает советский художественный кинематограф. Большая часть культовых картин о войне была снята именно в советский период. Стоит отметить, что военные фильмы стали снимать еще в период самой Великой Отечественной войны. Они показывали дни начала войны, военные будни, тем самым демонстрируя хронологию войны, веру людей в победу и мирную жизнь.

Одной из важных картин военного времени является картина «Два бойца» Леонида Лукова. Фильм снимали в 1943 году в самый разгар войны. Блокаду города еще не сняли, и съемки проходили в эвакуации в Центральной Азии. Специально для фильма была написана песня «Темная ночь», которая в исполнении актера Марка Бернеса (Аркадия) стала в СССР по-настоящему культовой. Сам режиссер описывал свою работу следующим образом: «В фильме «Два бойца» не столь важен сюжет или внешние обстоятельства, сколько люди, переживающие войну. Здесь имеет значение все: как они сражаются, как тоскуют по родному дому, как испытывают любовь к замечательной женщине, как мечтают о грядущем... Я стремился на фоне шума боев и разрывов услышать стук человеческого сердца, уловить мысли солдат,

говорить с экрана на языке простых людей, исполнять их песни и показать те высокие и искренние чувства советского патриота, которые ведут нас к неугасимой победе над врагом» [1, с. 61].

Пожалуй, самой известной комедий о войне является «Небесный тихоход», выпущенная в 1945 году по заказу советского правительства. Фильм стал лидером проката, а актеры Николай Крючков, Василий Меркурьев и Василий Неципленко олицетворяли храбрость, оптимизм и мужскую дружбу. Песни из этой картины пользовались огромной популярностью. Производство «Небесного тихохода» началось в 1945 году, учитывая высокий интерес к легким и развлекательным фильмам. Стране была необходима комедия, и она ее получила.

Психологическая драма 1957 года «Летят журавли» режиссера Михаила Калатозова не только продемонстрировала высокий уровень мастерства в кинематографе, но и стала одной из знаковых работ хрущевской «оттепели», когда цензура начала разрешать обсуждение ранее табуированных тем. Основной темой «Журавлей» является первая любовь, прерванная трагической гибелью героя, и история главной героини, которая, несмотря на очевидную трагедию, продолжает верить в то, что ее возлюбленный жив. Война отняла у нее дом, семью и жениха, но судьба героини не уникальна: миллионы советских девушек могли узнать себя в ее переживаниях. Обращение к типичным, обобщенным образам, лишенным яркой индивидуальности, составляет основу военного кинематографического канона. В центре сюжета всегда находится судьба простого человека. Фильм основан на пьесе Виктора Розова «Вечно живые» и показывает жизнь в тылу, где на первый план выходят темы одиночества, сиротства, боли, скорби, тяжелого труда и надежды на Победу и возвращение родных героев.

Знаменитый фильм «Баллада о солдате» 1959 года, снятый фронтовиком Григорием Чухраем, повествует о его поколении, которое отправилось на фронт будучи еще школьниками. Авторы фильма не стремились показать подвиги, их целью было раскрыть человеческую суть солдат, показать, что на фронте были не супергерои, а обычные люди с обычными эмоциями и стремлениями. В фильме, помимо отображения повседневной жизни,

судеб и переживаний героев, ярко представлена и особая особенность воссоздания военного подвига. Герой получает отпуск за то, что смог подбить два вражеских танка. Однако в сцене сражения нет никакого героизма, напротив, подвиг в фильме показан через переживания главного героя, через его страх [2, с. 35].

Фильм «Они сражались за Родину» (1975), второй по счету в творчестве Сергея Бондарчука, основанный на романе Михаила Шолохова, повествует о самом кровопролитном сражении на подступах к Сталинграду и о судьбе небольшого стрелкового отряда, обеспечивающего переправу войск через реку Дон. Бондарчук настаивал на том, чтобы главные роли исполняли актеры, лично пережившие войну и сохранившие в памяти ее ужасы. Юрий Никулин, Иннокентий Смоктуновский и другие члены съемочной группы, включая самого режиссера, прошли через испытания войны на фронте. Для него было принципиально важно, чтобы актеры не просто исполняли роли, а вживались в них, ощущая и переживая судьбы своих героев [6, с. 201].

Самой знаменитой картиной, героизирующей работу советских разведчиков, по праву считается «Семнадцать мгновений весны» Татьяны Лиозновой. Непосредственным предшественником «Семнадцати мгновений» был «Щит и меч» (1967) Владимира Басова по роману Вадима Кожевникова — фильм, гораздо более совершенный эстетически и гораздо менее новаторский. Четырехчастная басовская эпопея — типичное кино о подвигах разведчика, опасных передрыгах в тылу и на фронте. Телесериал Лиозновой также был снят по одноименному роману Юлиана Семенова, который несомненно знал, о чем пишет: в качестве корреспондента он лично брал интервью у любимца Гитлера Отто Скорцени, а также бывшего рейхсминистра Альберта Шпеера и одного из руководителей СС Карла Вольфа; кроме того, он участвовал в поисках бывших приспешников фюрера на территории Испании, что делает его историю о работе советских разведчиков на территории вражеской фашистской Германии особенно важной.

«В бой идут одни «старики»» — фильм Леонида Быкова, который можно считать созданным на исторических фактах, так как в его основу легли истории, произошедшие с реальными людьми.

ми. Например, в боях в воздушном пространстве во время войны на самом деле участвовала «поющая» эскадрилья. В фильме использованы воспоминания советских летчиков — участников Великой Отечественной войны, кинохроника и песни военных лет. Фильм складывается из картин боев и фронтовых будней, незамысловатых и это делает ежедневный героизм еще более ярким и наглядным [3, с. 91].

Особое внимание хочется уделить фильмам, показывающим роль женщин на фронте. Наиболее известным фильмом по этой теме является кинолента «А зори здесь тихие...» Станислава Ростоцкого, снятая по одноименной повести Бориса Васильева. В этой истории судьба каждой героини заслуживает отдельного внимания, показан вклад советских женщин в Победу. Несмотря на все тяжести ни одна из героинь не сдаётся, из чувства долга перед Родиной Главная идея фильма — показать во всех красках место женщины на войне, все препятствия и трудности, с которыми приходится столкнуться героиням. Режиссер принципиально отказывается от батальных сцен и уделяет внимание условиям военного быта и атмосфере воинского «сестринства» [4, с. 33].

Режиссер Элем Климов в своем фильме «Иди и смотри» (1985) затрагивает тему военного детства. Он создает один из самых эмоционально тяжелых фильмов о войне, акцентируя внимание на изменениях, происходящих с мальчиком, который «наблюдает» за войной. Этот фильм значительно отличается от традиционных советских военных лент, открыто показывая ужасы войны и избегая романтизации жизни солдат, характерной для многих фронтовых режиссеров.

Таким образом, можно утверждать, что советский кинематограф в первую очередь сосредоточен на судьбе человека в условиях войны. Героизм советского народа представлен как величайшее испытание как на фронте, так и в тылу. Советский солдат сумел сохранить свою человечность и обеспечить мир благодаря солдатскому братству и поддержке тыла, а также «мирной» жизни на передовой [5].

Народ в тылу смог обеспечить фронт всем необходимым благодаря любви к своему герою, защищающему родную землю. По-

этому в советском кинематографе отсутствуют нарочито батальные сцены. В современном отечественном кино тема Великой Отечественной войны остается актуальной, однако канон претерпел значительные изменения.

Список литературы

1. Аронов А.А. «Оттепель» в истории отечественной культуры (50–60-е гг. XX века): монография. — М.: Экон-Информ, 2008. — 202 с.
2. Иванова Т. «В бой идут одни «старики». Строгость правды // Искусство кино». — 1974. — № 6. — С. 31–36.
3. Александров А. Кино: человек на войне // Дон. — 1972. — № 9. — С. 175–183.
4. Воробьев Е. Советский кинематограф // Вопросы литературы. — 1975. — № 5. — С. 30–35.
5. Трофимов А.В. Образ Великой Отечественной войны в советском кинематографе второй половины 1940-х годов // Великая Отечественная война в исторической памяти народа: изучение, интерпретация, уроки прошлого: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Новосибирск, 21–22 сентября 2020 года / Институт истории СО РАН. — Новосибирск: Изд-во Параллель, 2020. — С. 145–152. — EDN KVNCFJ.
6. Клинова М.А. Образы Великой Отечественной войны в советском кинематографе второй половины 1940-х гг. и их отражение в эгодокументах / М.А. Клинова, А.В. Трофимов // Вестник Томского государственного университета. — 2021. — № 467. — С. 200–208. — DOI 10.17223/15617793/467/24. — EDN LCDJFX.

Костылев М.А.,

студент,

ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», Люберцы

Дзюбан В.В.,

доктор исторических наук, кандидат педагогических работ,

профессор кафедры гуманитарных дисциплин,

ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», Люберцы

РУССКАЯ КУЛЬТУРА В МИРЕ: ВЛИЯНИЕ И ВОСПРИЯТИЕ

Kostylev M.A.,

Student,

GKOU HE "Russian Customs Academy", Lyubertsy

kostylevmihail556@gmail.com

Dzyuban V.V.,

Doctor of Historical Sciences, PhD in Pedagogical Sciences,

Professor of the Department of "Humanities",

GKOU HE "Russian Customs Academy", Lyubertsy

bryanskstudzuban@mail.ru

RUSSIAN CULTURE IN THE WORLD: INFLUENCE AND PERCEPTION

Аннотация. Статья посвящена вопросам взаимодействия русской культуры с современным обществом. Рассматриваются ключевые факторы привлекательности русской культуры для зарубежной аудитории, а также существующие ограничения и вызовы, стоящие на пути её эффективного продвижения. Анализируются преимущества русской культуры, связанные с её глубоким духовным содержанием, эмоциональной насыщенностью и тесной связью с природой. Отдельное внимание уделено проблемам низкого уровня владения иностранным населением русским языком, недостаточному количеству качественных переводов классических произведений, а также отсутствию активной рекламной кампании русской культуры за рубежом. Предлагаются конкретные меры по улучшению ситуации, включая образовательные инициативы, цифровизацию культурного наследия,

создание зарубежных культурных центров и интеграцию русской культуры в крупные международные мероприятия. Завершается статья выводами о необходимости консолидации усилий государства и общества для эффективного продвижения русской культуры в условиях современной глобализации.

Ключевые слова: русская культура, международное восприятие, глобализация, культурная дипломатия.

Abstract. The article focuses on the interaction of Russian culture with modern global society. It examines the key factors that make Russian culture attractive to foreign audiences, as well as the existing limitations and challenges that hinder its effective promotion. The article analyzes the advantages of Russian culture, such as its deep spiritual content, emotional richness, and close connection with nature. It also highlights the challenges of low proficiency in Russian among foreign populations, the lack of high-quality translations of classical works, and the absence of an active promotion campaign for Russian culture abroad. The article proposes specific measures to improve the situation, including educational initiatives, digitalization of cultural heritage, the creation of foreign cultural centers, and the integration of Russian culture into major international events. The article concludes with a call for the state and society to work together to effectively

Key words: Russian Culture, International Perception, Globalization, and Cultural Diplomacy.

Современная международная среда характеризуется усилением роли гуманитарного измерения, неотъемлемой частью которого выступают культурные контакты. Особое значение приобретает глубокое изучение места русской культуры в современном мире, поскольку культурное наследие выступает важнейшим элементом формирования позитивного имиджа страны и фундаментом для конструктивных взаимоотношений.

Русская культура, обладая значительным числом значимых достижений в сферах литературы, искусства, науки и философии, продолжает оказывать существенное влияние на мировое культурное пространство. Всемирно признанные авторы, такие как Александр Сергеевич Пушкин, Лев Николаевич Толстой, Фёдор Михайлович Достоевский, Антон Павлович Чехов, вошли в пантеон величайших литераторов всех времён. Их произведения переведены на десятки языков и регулярно переиздаются по всему миру. Композиторы Пётр Ильич Чайковский, Сергей Васильевич Рахманинов, Дмитрий Дмитриевич Шостакович занимают центральное место в концертных программах ведущих

мировых коллективов. Живописцы Илья Ефимович Репин, Исаак Ильич Левитан, Марк Захарович Шагал признаны выдающимися художниками, чьё творчество высоко оценивается коллекционерами и критиками.

Однако сегодняшний этап предъявляет новые вызовы и ставит перед нами важные вопросы о путях эффективной демонстрации русской культуры в условиях стремительно меняющегося глобального мира. Ключевым направлением становится совершенствование методологических подходов и внедрение инноваций, позволяющих успешно представлять культурное наследие России широкому кругу зарубежных партнёров.

Интерес к русской культуре обусловлен целым комплексом причин, каждая из которых заслуживает отдельного внимания.

Во-первых, русская культура несёт в себе глубокие духовные смыслы, уходящие корнями в православную веру, древние славянские обычаи и народные традиции. Подобное переплетение создаёт уникальную систему взглядов и убеждений, наполненную мистицизмом и глубокой внутренней жизнью, что неизменно привлекает внимание исследователей и творческой интеллигенции.

Во-вторых, русская культура выделяется яркой эмоциональностью и психологической насыщенностью. Её герои зачастую находятся в состоянии глубоких внутренних поисков, борьбы добра и зла, любви и ненависти. Такой подход к отображению внутреннего мира человека близок людям любого происхождения, позволяя находить общие точки соприкосновения и преодолевать границы культур.

В-третьих, русская культура впечатляет многообразием форм и жанров. От монументальной архитектуры православных храмов до утончённой графики авангардистов, от народного костюма до изысканных балетов Мариинского театра — каждое направление демонстрирует своё собственное видение прекрасного и гармоничного.

Наконец, русская культура тесно связана с ключевыми историческими событиями XX столетия, такими как Октябрьская революция, Великая Отечественная война, покорение космоса. Эти страницы истории сделали Россию символом мужества,

стойкости и прогресса, что усиливает интерес к её культуре и традициям.

Хотя русская культура пользуется признанием и уважением, ей приходится сталкиваться с рядом существенных препятствий на пути полноценного раскрытия своего потенциала на международной арене.

Одна из основных проблем — недостаточность осведомлённости зарубежных граждан о богатствах русской культуры. Большинство жителей Западной Европы и Северной Америки обладают крайне ограниченными знаниями о русской культуре, зачастую ограничиваясь стереотипами и единичными примерами. Причина этого лежит в отсутствии должного освещения русской культуры в школьных и вузовских курсах, а также в средствах массовой информации.

Другая существенная трудность — слабый уровень перевода русской литературы и искусства на иностранные языки. Даже классические произведения русской словесности представлены в переводе недостаточно полно и качественно, что препятствует полноценному погружению иностранного читателя в тонкости оригинального замысла писателя.

Кроме того, наблюдается сравнительно невысокая активность самих российских деятелей культуры в плане активного продвижения собственных работ за границу. В отличие от англосаксонской культуры, представители которой активно участвуют в международных форумах, презентациях и рекламных кампаниях, российские художники и писатели традиционно сосредоточены преимущественно на внутреннем рынке, что замедляет темпы расширения международного присутствия русской культуры.

Дополнительно негативное влияние оказывают массовые медиа и развлекательные продукты, создающие упрощённое и порой искажённое представление о русской культуре, основанное на стереотипах и клишированных образах («матрешках», «балалайках», «медведях»). Всё это усложняет формирование объективного и уважительного восприятия русской культуры в мировом общественном сознании.

Для усиления международного влияния русской культуры необходимы последовательные шаги, направленные на ком-

плексное развитие существующих инициатив и внедрение новых подходов.

Прежде всего, требуется активное развитие образовательного сектора. Следует расширять число курсов русского языка и литературы в зарубежных учебных заведениях, выпускать высококачественные учебно-методические пособия, проводить студенческие обмены и педагогические стажировки. Согласно данным Министерства образования РФ, подобная практика показала значительный эффект в ряде азиатских и латиноамериканских стран, где интерес к изучению русского языка стабильно растёт год от года.

Далее, цифровизация культурного наследия открывает широкие горизонты для ознакомления широкой аудитории с русской культурой. Онлайн-платформы, виртуальные туры по музеям и выставкам, электронные библиотеки делают доступным богатый культурный контент практически каждому заинтересованному лицу. Опыт цифровых проектов, реализуемых Министерством культуры РФ совместно с ведущими российскими музеями, показал высокие показатели вовлечённости и удовлетворённости пользователей.

Создание специализированных культурных центров за рубежом способно значительно усилить присутствие русской культуры. Такие центры становятся площадками для организации лекций, семинаров, концертов и выставок, знакомящих местное население с различными гранями русской культуры. Примером успешного опыта служит сеть Россотрудничества, имеющая представительства в десятках стран мира.

Наконец, эффективным способом продвижения русской культуры является интеграция её элементов в крупные международные мероприятия, такие как спортивные соревнования, научные конгрессы, туристические выставки. Ярким примером служит программа культурной составляющей Олимпийских игр Сочи-2014, продемонстрировавшая миру красоту и разнообразие русской культуры.

Особый интерес представляют собой фундаментальные характеристики русского культурного кода, определяющие своеобразие восприятия русской культуры мировым сообществом.

Одной из центральных черт русской культуры является её ярко выраженный психологизм и стремление к глубокому самоанализу. Герои русской литературы постоянно пребывают в поиске собственного предназначения, мучительно решают нравственные дилеммы, стремятся постичь высший смысл существования. Подобная глубина и честность повествования оказываются близки для многих представителей западных и восточных культур, которые испытывают аналогичные внутренние поиски.

Кроме того, русская культура отмечена особым отношением к природе и окружающей среде. Природа занимает центральное место в творчестве русских поэтов и прозаиков, живописцев и композиторов. Образ бескрайних просторов, лесов, рек и полей становится неотъемлемым компонентом русской картины мира, передаваемым последующим поколениям и воспринимаемым иностранцами как уникальная особенность русской культуры.

Немаловажной чертой русского культурного кода является терпимость и широта взглядов, унаследованная от многонационального состава населения России. Благодаря такому составу формируется толерантность и уважение к иным взглядам и убеждениям, что облегчает интеграцию русской культуры в поликультурное мировое пространство.

Отдельного внимания заслуживает русская кухня, играющая важную роль в формировании позитивного образа России за рубежом. Национальные блюда, такие как борщ, блины, пирожки, соленья и квас, постепенно завоевывают популярность в разных уголках земного шара. Открытие ресторанов русской кухни в крупных городах Европы, Азии и Америки свидетельствует о растущем интересе к традиционным кулинарным традициям России.

Исследования показывают, что гастрономический туризм становится одним из наиболее динамично развивающихся сегментов индустрии путешествий. Люди путешествуют не только ради осмотра достопримечательностей, но и ради знакомства с местной кухней, что даёт прекрасные возможности для продвижения русской культуры через вкусовые ощущения.

Организация гастрономических фестивалей, мастер-классов по приготовлению традиционных блюд, выпуск кулинарных

книг и телепередач способствуют популяризации русской кухни за рубежом. Например, проект «Русская трапеза», реализуемый Министерством сельского хозяйства РФ совместно с региональными властями, направлен на продвижение региональных специалитетов и гастрономических брендов России на международном рынке.

Таким образом, включение русской кухни в общую стратегию продвижения русской культуры представляется перспективным направлением, способствующим формированию положительных ассоциаций с Россией и повышению интереса к её культурному наследию.

Русская культура обладает колоссальным потенциалом для оказания значимого влияния на мировое культурное пространство. Её уникальность и глубина способны служить мостом взаимопонимания и взаимоуважения между народами. Вместе с тем эффективное использование этого ресурса возможно исключительно при условии выработки целостной стратегии продвижения русской культуры, учитывающей современные вызовы и возможности.

Государству и обществу предстоит совместная работа по разработке действенных механизмов поддержки русской культуры, направляя усилия на обеспечение качественного перевода и доступность русской культуры, усиление цифрового присутствия и развитие международного культурного партнёрства. Только при таком подходе русская культура сможет занять достойное место в мировом культурном ландшафте, усиливая позитивный имидж России и способствуя дальнейшему укреплению дружественного взаимодействия между народами.

Список литературы

1. *Чичерин А.В.* История русской культуры XIX века. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000.
2. *Толстой Н.И.* Язык и народная культура: этнолингвистические очерки. — М.: Индрик, 1995.
3. *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Культура и взрыв. — М.: Гнозис, 1992.
4. *Каган М.С.* Философия культуры. — СПб.: Петрополис, 1996.

Красавина Е.В.,

доктор социологических наук,
профессор кафедры гуманитарных дисциплин,
ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», Люберцы

Федотова Д.М.,

студент,
ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», Люберцы

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Krasavina E.V.,

Doctor of Sociological Sciences,
Professor of the Department of Humanities,
GKOU HE "Russian Customs Academy", Lyubertsy
e.krasavina@customs-academy.ru

Fedotova D.M.,

Student,
GKOU HE "Russian Customs Academy", Lyubertsy
dashuta.fedotova2018@mail.ru

DEMOGRAPHIC TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF MODERN RUSSIAN SOCIETY

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые демографические процессы, влияющие на развитие современного российского общества. Анализируются такие тенденции, как снижение уровня рождаемости, миграционные движения и их влияние на структуру населения. Особое внимание уделяется проблемам старения населения и их социально-экономическим последствиям, а также мерам государственной политики, направленным на стабилизацию демографической ситуации. В работе подчеркивается необходимость комплексного подхода к решению демографических вызовов для обеспечения устойчивого развития страны в будущем.

Ключевые слова: демография, население, рождаемость, смертность, миграция, возрастная структура.

Abstract. The article examines the key demographic processes affecting the development of modern Russian society. The article analyzes such trends as a decrease in the birth

rate, an increase in life expectancy, as well as migration processes and their impact on the population structure. Special attention is paid to the problems of population aging and its socio-economic consequences, as well as government policies aimed at stabilizing the demographic situation. The document highlights the need for an integrated approach to addressing demographic issues in order to ensure sustainable development.

Key words: demographics, population, birth rate, death rate, migration, and age structure.

«В демографическом смысле развитый и развивающийся мир отличается тем, на какой ступени демографического перехода он находится. В то время, как одни страны все еще переживают бурный рост своего населения, другие уже столкнулись с его сокращением и постарением» [1].

Структура современных демографических тенденций российского общества включает процессы, связанные с изменением численности населения, рождаемостью, смертностью и миграцией. Эти тенденции отражают демографический переход, который характеризуется снижением рождаемости, отдалением вступления в брак и деторождения на более поздний период, а также преобладанием малодетных и однопоколенных семей.

По данным на 2025 год, население России составляет 146 119 928 человек [2]. За последние 5 лет численность населения России претерпела изменения, связанные с демографическими тенденциями, включая естественную убыль, миграционные потоки и другие факторы. В 2020–2025 годах население России оставалось примерно на уровне 146–147 миллионов человек, с небольшими колебаниями. В 2022 году наблюдалась тенденция к стабилизации после периода снижения, связанного с демографическими кризисами и последствиями пандемии.

Таблица 1

Численность населения России за 2020–2025 гг.

Год	2020	2021	2022
Численность	146 748 590	147 182 123	146 980 061
Год	2023	2024	2025
Численность	146 447 424	146 150 789	146 119 928

Рождаемость в России находится на историческом минимуме, а смертность растет.

Таблица 2

Рождаемость населения России за 2020–2025 гг.

Год	2020	2021	2022
Рождаемость	118 820	106 602	103 782
Год	2023	2024	2025
Рождаемость	104 199	103 408	93 400

В марте 2025 года родилось всего 93, 4 тысячи детей, что на 10 тысяч меньше, чем годом ранее. Каждый месяц первого квартала 2025 года устанавливал новые минимумы рождаемости за всю новейшую историю [2].

По оценкам специалистов-демографов, тенденция к снижению рождаемости сохранится в ближайшие годы. Повторный подъем рождаемости прогнозируется не ранее второй половины текущего десятилетия, когда в репродуктивный возраст войдут более крупные когорты.

Говоря о смертности, в апреле 2025 года в России умерло на 15% больше людей, чем годом ранее. Если в апреле 2024 года было около 142 тысяч смертей, то в апреле 2025 года, по оценкам, — 164–168 тысяч человек. Это максимум с пандемийных времен 2020–2021 годов [2].

С 2022 года в России начался резкий рост избыточной смертности среди молодых мужчин в связи с полномасштабным вторжением в Украину. Резко выросло соотношение между мужской и женской смертностями.

Согласно статистике за первую половину 2025 года, в Россию въехали 5,48 миллиона граждан Узбекистана, Казахстана, Таджикистана, Китая и Кыргызстана. Этот показатель лишь на 2% ниже, чем за аналогичный период 2024 года. Несмотря на ужесточение миграционных правил, включая введение биометрии и ограничение пребывания, существенного сокращения потока не наблюдается. Эксперты полагают, что потребность в рабочей силе из соседних стран остается высокой.

В старших возрастных категориях наблюдается серьезный гендерный дисбаланс. В то время как среди людей моложе 35 лет соотношение мужчин и женщин примерно одинаковое, в группе старше 70 лет наблюдается значительное преобладание женщин: на 100 мужчин приходится примерно 250 женщин [2].

Эта демографическая ситуация вызывает беспокойство у специалистов. Они подчеркивают, что такое распределение населения по возрастам оказывает существенное давление на социальные службы и систему здравоохранения, особенно в свете продолжающегося процесса старения населения.

Демографический спад в России осложняется низкой рождаемостью и высокой смертностью, что влечет за собой естественную убыль населения. Причины этого явления многообразны: экономическая нестабильность, трансформация общественных ценностей и отголоски демографических кризисов прошлых лет.

Проблемы демографического развития могут иметь серьезные последствия для экономики, социальной сферы и общества в целом.

Важно отметить, что российское правительство разработало комплекс мер поддержки, где материнский капитал занимает центральное место. Именно поэтому был принят Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей».

В 2024 году в России завершился национальный проект «Демография». Этот проект был направлен на улучшение демографической ситуации в стране и включал в себя несколько направлений:

- *поддержка семей с детьми*. Правительство стремилось облегчить финансовое бремя семей, в частности, через программу материнского капитала. Эти средства предназначались для улучшения жилищных условий и финансирования образования детей;
- *содействие трудоустройству*. Были разработаны программы переквалификации и оценки профессиональных навыков, а также модернизировались центры занятости, чтобы помочь гражданам найти работу и повысить свою квалификацию;

- *улучшение качества жизни пожилых людей*. Целью было увеличение продолжительности здоровой жизни россиян старшего возраста до 67 лет. Для этого расширялись программы медицинских осмотров и профилактики заболеваний, а также создавались специализированные гериатрические центры;
- *популяризация здорового образа жизни*. Проект был нацелен на формирование у населения привычек здорового питания, отказ от вредных привычек и создание условий для занятий спортом

С 1 января 2025 года в России запущен национальный проект «Семья». Его цель — повысить качество жизни российских семей с детьми и поддержать рождаемость. Проект продлится до 2030 года [3].

Также миграция может быть важным фактором для укрепления демографической ситуации в России. Привлечение мигрантов, особенно высококвалифицированных специалистов, может компенсировать убыль населения и способствовать экономическому развитию. Важно создать для мигрантов условия для успешной адаптации и интеграции в российское общество, чтобы они чувствовали себя частью страны [4].

Подводя итог, можно заключить, что текущие меры поддержки многодетных семей нуждаются в пересмотре и улучшении. Важно повышать престиж многодетности, совершенствовать существующие инструменты поддержки и внедрять новые. Также целесообразно рассмотреть возможность создания единого федерального закона, определяющего статус многодетных семей по всей России.

Список литературы

1. Тындык А.О. Демографическая повестка современной России: структура и воспроизводство населения. — М.: Издат. дом «Дело» РАНХиГС, 2015. — 96 с.
2. Федеральная служба государственной статистики. — URL: <https://rosstat.gov.ru/>
3. Правительство России. — URL: <http://government.ru/info/35559/>

4. *Родина Т.Ю., Забугина А.А., Усяков Р.А.* Демографическая проблема в России и пути ее решения, дополнительные меры поддержки многодетных семей // Научный журнал. — 2014. — № 1. — С. 94–99.

Красавина Е.В.,

доктор социологических наук,
профессор кафедры гуманитарных дисциплин, доцент,
ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», Люберцы

Абакулов А.С.,

студент,
ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», Люберцы

КЛАССИЧЕСКИЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ СОЦИОЛОГИИ

Krasavina E.V.,

Doctor of Sociological Sciences,
Professor of the Department of Humanities, Associate Professor,
GKOU HE "Russian Customs Academy", Lyubertsy
e.krasavina@customs-academy.ru

Abakulov A.S.,

Student,
GKOU HE "Russian Customs Academy", Lyubertsy
ucenyjkot069@gmail.com

THE CLASSICAL PERIOD OF THE DEVELOPMENT OF SOCIOLOGY

Аннотация. Классический период развития социологии охватывает вторую половину XIX — начало XX века и связан с институционализацией социологии как науки, формированием ее основополагающих теоретических концепций и методологических принципов. Этот период знаменует собой переход социологии к самостоятельной академической дисциплине с научной методологией и профессиональной организацией, что заложило основу для современного социологического знания и продолжает влиять на развитие науки сегодня.

Ключевые слова: классическая социология, основоположники социологии, Огюст Конт, Карл Маркс, Эмиль Дюркгейм, Макс Вебер, Герберт Спенсер, социальные факты, социальный порядок, социологический анализ.

Abstract. the classical period of the development of sociology covers the second half of the 19th — early 20th century and is associated with the institutionalization of sociology as a science, the formation of its fundamental theoretical concepts and methodological principles. This period marks the transition of sociology to an independent academic

discipline with scientific methodology and professional organization, which laid the foundation for modern sociological knowledge and continues to influence the development of science today.

Key words: classical sociology, the founders of sociology, Auguste Comte, Karl Marx, Emile Durkheim, Max Weber, Herbert Spencer, social facts, social order, sociological analysis.

Классический период в развитии социологии является важнейшим этапом становления этой науки как самостоятельной дисциплины. Он охватывает вторую половину XIX — начало XX века, когда сформировались основные теоретические концепции и методологические основы социологии. В этот период были заложены ключевые идеи, изучающие структуру и функционирование общества, социальные процессы и взаимодействия, которые и сегодня остаются актуальными для социологического анализа. Основными фигурами классической социологии считаются Огюст Конт, Карл Маркс, Эмиль Дюркгейм и Макс Вебер, Герберт Спенсер, чьи работы определили направление дальнейших исследований в области социальной науки. Это время характеризуется переходом социологии от философских рассуждений к систематическому научному изучению общества с использованием эмпирических и теоретических методов.

Огюст Конт (1798–1857) по праву считается основателем социологии как науки и философии позитивизма. Он впервые ввел термин «социология» (от латинского *sociū* и греческого *logos*)¹, тем самым стремясь отметить самостоятельность, автономность науки об обществе². Хорошо известно, что впервые термин «социология» Конт употребил в 47-й лекции из «Курса позитивной философии» (том IV) в 1839 году³. Обоснование социологии как

¹ История теоретической социологии. В 4-х т. / отв. ред. и сост. Ю.Н. Давыдов. — М.: Изд-во «Канон+» ОИ «Реабилитация», 2002. — Т. 1. — С. 65.

² Западная социология XIX–XX вв. От классики до постнеклассической науки: эпистемологическое обозрение: учебное пособие / В.Д. Плахов. — 2-е изд., исправл. и доп. — СПб.: Алетейя, 2006. — С. 23.

³ Семь лекций по истории социологии: учебное пособие / А.Б. Гофман. — 9-е изд. — М.: КДУ, 2008. — С. 80.

отдельной и серьезной науки вызывало противоречивые оценки. «Всякое начало трудно, — эта истина справедлива для каждой науки»⁴ — известное выражение Карла Маркса наиболее точно описывает начало становления социологии.

Согласно Конту, социология делится на социальную статику, которая изучает общественный организм в состоянии покоя, и социальную динамику, изучающую его в состоянии движения⁵. Все общественное устройство покоится на идеях, а направление общественному развитию дает человеческий дух. Конт сформулировал также закон о трех последовательных стадиях интеллектуального развития человека и человечества: теологическая, метафизическая и позитивная, выделив роль научного знания в прогрессе общества⁶. Идеи и концепции, созданные Огюстом Контом, тем самым заложили основу для социологии и были в дальнейшем развиты или же творчески переосмыслены рядом других социологов.

Карл Маркс (1818–1883) является одним из известнейших немецких философов, экономистов, политологов и социологов, оказывавшим крупнейшее влияние на развитие философии, политической экономии, политологии и ряде других наук. Маркс, одновременно с Энгельсом, основали новое философское учение — марксизм. Исследовав капитализм (а главный труд Карла Маркса — капитал), Маркс показал, что развитие общества обуславливается не идеями, а способом производства материальных благ. Существуют общие законы, действующих во всех экономических формациях, которых связывают в единый закономерный процесс развития общества, от низшего к высшему, от простого к сложному⁷. Движущая сила общества — классовая борьба.

⁴ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. I: Процесс производства капитала. — М: Госполитиздат, 1952. — С. 3.

⁵ Беспалов А.М., Прудникова М.М. Социология: электронное учебно-методическое пособие. — Бийск: АГПУ им. В.М. Шукшина, 2020 — 4,28 Мб. — С. 33.

⁶ Там же.

⁷ Краткий философский словарь. — М: Госполитиздат, 1952. — С. 559.

Идеи Карла Маркса и Фридриха Энгельса были впоследствии развиты создателем первого в мире социалистического государства — Владимиром Лениным. «Только сведение общественных отношений к производственным и этих последних к высоте производительных сил дало твердое основание для представления развития общественных формаций естественно-историческим процессом»⁸ — писал Ленин. Марксизм, а впоследствии его развитие — марксизм-ленинизм — стал господствующим методом в изучении социологии в СССР, что не давало другим методам развиваться в нашей стране.

Эмиль Дюркгейм (1858–1917) явился продолжателем традиций позитивизма в социологии⁹. Большое внимание он уделял социальным фактам, которые, по его мнению, составляют предмет социологии. «Социальным фактом, — по определению Дюркгейма, — является всякий образ действия, резко определенный или нет, способный оказывать на индивида внешнее давление <...> и имеющий в то же время свое собственное существование, независимое от его индивидуальных проявлений»¹⁰. В понятие «социальная среда» Дюркгейм включал не только материальные, но и идеальные факторы, тем самым уйдя назад, в домарксовы социологов¹¹.

Дюркгейм, не будучи ярым приверженцем органической теории, тем не менее испытал большое влияние от нее. Так, социология им делилась на три основные отрасли: социальная морфология (аналогична анатомии), социальная физиология (включает в себя: 1) социологию религии; 2) социологию морали; 3) юридическую социологию; 4) экономическую социологию; 5) лингвистическую социологию; 6) эстетическую социологию), общая

⁸ Ленин В.И. ПСС. — Т. 1. — С. 138.

⁹ Западная социология XIX–XX вв. От классики до постнеклассической науки: эпистемологическое обозрение: учебное пособие / В.Д. Плахов. — 2-е изд., исправл. и доп. — СПб.: Алетейя, 2006. — С. 25.

¹⁰ История социологии в Западной Европе и США: учебник для вузов / отв. ред. академик РАН Г.В. Осипов. — М.: Изд-во НОРМА (Издательская группа НОРМА — ИНФРА-М), 2001. — С. 144, 145.

¹¹ Там же. — С. 145.

социология (подобно общей биологии)¹². Понятие «разделение труда» исследовал он не с экономической точки зрения, а с моральной, при этом считая, что разделение труда сродни специализации — основным фактором, создававшим общественную солидарность, то есть единое общество¹³. За эту позицию Дюркгейм получил море критики: будто бы общество всегда в состоянии покоя, едино, хотя существование классов было сложно отрицать, на век Дюркгейма произошли революции. Революции же, как способ решения проблем, в отличие от Маркса, он отрицал и считал лучшим путем — реформы¹⁴.

Макс Вебер (1864–1920) считал, что социология изучает поведение личности лишь потому, что личность вкладывает в свои действия определенный смысл (речь не о «метафизическом смысле»). В следствие этого социология должна быть «понимающей». С принципом понимания связана одна из центральных категорий по Веберу — социального действия. «Действием следует <...> называть человеческое поведение (безразлично, внешнее или внутреннее деяние, не деяние или претерпевание), если и поскольку действующий или действующие связывают с ним некоторый субъективный смысл. Но «социальным действием» следует называть такое, которое по своему смыслу, подразумеваемому действующим или действующими, отнесено к поведению других и этим ориентировано в своем протекании»¹⁵.

Стоит отметить, что Вебер активно отстаивал ценностный нейтралитет в социологических исследованиях. Социолог «должен забыть о своих политических пристрастиях, о национальности, возрасте, поле, религиозных убеждениях, вкусах и привычках, как только он переступает порог аудитории. Стоит ли говорить, что стать свободным от оценки — дело трудное, но именно такой свободы требует научное исследование. Отстранение от оцен-

¹² Семь лекций по истории социологии: учебное пособие / А.Б. Гофман. — 9-е изд. — М.: КДУ, 2008. — С. 199, 200.

¹³ История социологии в Западной Европе и США: учебник для вузов / отв. ред. академик РАН Г.В. Осипов. — М.: Изд-во НОРМА (Издательская группа НОРМА — ИНФРА-М), 2001. — С. 160.

¹⁴ Там же. — С. 144.

¹⁵ Там же. — С. 192.

ки не означает отстранение ученого от участия в общественной жизни. Наоборот, только независимое и отстраненное от оценки знание дает возможность аутентичной экспертизы социальных проблем»¹⁶. То есть социолог, как истинный ученый, должен смотреть не субъективно, а объективно на вещи, явления, принимая и критически оценивая множество факторов, причин, мнений.

Герберт Спенсер (1820–1903) — ключевая фигура классического периода развития социологии и основатель органической школы в этой науке. Им были выделены следующие общие системные принципы, сближающие общество с биологическим организмом:

Первая группа (характеристики развития)

1. *Рост*. Увеличение количества людей, доступных ресурсов и производимых благ.
2. *Структурная эволюция*. Развитие и усложнение организации общества в процессе исторического развития.
3. *Функциональная специализация*. Разделение труда и появление различных ролей и задач, выполняемых отдельными группами или индивидами в обществе, что является следствием его усложнения.
4. *Интеграция*. Укрепление связей и взаимозависимости между различными частями общества.
5. *Социальная устойчивость*. Общество в целом обладает большей способностью к выживанию и адаптации, чем отдельные его члены, благодаря сохранению основных функций и структуры. Это также подчеркивает уникальность общества как самостоятельной сущности.

Вторая группа (отличительные черты общества)

1. *Неопределенность границ и автономия*. Отсутствие четких границ у элементов общества, их рассредоточенность и относительная независимость друг от друга.

¹⁶ Беспалов А.М., Прудникова М.М. Социология: Электронное учебно-методическое пособие. — Бийск: АГТПУ им. В.М. Шукшина, 2020 — 4,28 Мб. — С. 220.

2. *Символическая коммуникация*. Необходимость использования языка, символов и культуры для поддержания связей и взаимопонимания между членами общества из-за их рассредоточенности.
3. *Децентрализованное сознание*. Отсутствие единого центра управления и принятия решений, подобного мозгу, в обществе.
4. *Мобильность*. Возможность перемещения и изменения положения индивидов и групп в социальной структуре.
5. *Приоритет индивида*. Общество существует для удовлетворения потребностей и интересов своих членов, а не наоборот¹⁷.

Спенсер — один из сторонников теории «равновесия», согласно которой государство не должно вмешиваться в жизнь общества, а все должен решать своего рода естественный отбор. «Эта суровая необходимость, которая, если ей позволят действовать, становится стимулом для ленивых и действенным фактором для случайных... Игнорируя тот факт, что при естественном порядке вещей общество постоянно выбрасывает своих нездоровых, глупых, медлительных, нерешительных, ненадежных членов, эти неспособные думать, хотя имеющие самые благие намерения, люди поддерживают вмешательство, которое не только останавливает процесс очищения, но усугубляет разрушение, способствуя размножению неумных и никчемных посредством неизменного обеспечения их снабжения и не способствуя размножению способных и здравомыслящих по причине увеличения трудностей обеспечения семьи»¹⁸. Идеи Герберта Спенсера, таким образом, во многом схожи с социал-дарвинизмом.

Классический период развития социологии заложил прочный теоретический и методологический фундамент для дальнейшего развития этой науки. В этот период были созданы клю-

¹⁷ Беспалов А.М., Прудникова М.М. Социология: Электронное учебно-методическое пособие. — Бийск: АГГПУ им. В.М. Шукшина, 2020 — 4,28 Мб. — С. 76–77.

¹⁸ История социологии в Западной Европе и США: учебник для вузов / отв. ред. академик РАН Г.В. Осипов. — М.: Изд-во НОРМА (Издательская группа НОРМА — ИНФРА-М), 2001. — С. 54.

чевые концепции и подходы, которые позволили социологии выйти из стадии философских размышлений и стать самостоятельной научной дисциплиной. Работы таких выдающихся мыслителей, как Огюст Конт, Карл Маркс, Эмиль Дюркгейм, Макс Вебер и Герберт Спенсер, сформировали основные направления для анализа социальных структур, процессов и изменений. Этот этап характеризуется стремлением к системности и научной объективности в изучении общества, что и сегодня оказывает влияние на развитие социологической теории и практики. «Жизнь человека не вечна, но наука и жизнь переступают пороги столетий» — писал знаменитый ученый, создатель первой советской атомной бомбы Игорь Курчатов.

Список литературы

1. Беспалов А.М., Прудникова М.М. Социология: Электронное учебно-методическое пособие / А.М. Беспалов, М.М. Прудникова; Алтайский гос. гум.-пед. ун-т им. В.М. Шукшина. — Бийск: АГПУ им. В.М. Шукшина, 2020 — 4,28 Мб. — 328 с. — 1 электрон. опт. диск (CD-R).
2. Западная социология XIX–XX вв. От классики до постнеклассической науки: эпистемологическое обозрение: учебное пособие / В.Д. Плахов. — 2-е изд., исправл. и доп. — СПб.: Алетейя, 2006. — 304 с. — (Серия «Левиафан: Государство. Общество. Личность»).
3. История социологии в Западной Европе и США: учебник для вузов / отв. ред. академик РАН Г.В. Осипов. — М.: Изд-во НОРМА (Издат. группа НОРМА — ИНФРА-М), 2001. — 576 с.
4. История теоретической социологии. В 4-х т. / отв. ред. и сост. Ю.Н. Давыдов. — М.: Изд-во «Канон+» ОИ «Реабилитация», 2002. — Т. 1. — 496 с.
5. История теоретической социологии. Предыстория социологии: учебное пособие для вузов. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Академический проект, 2020. — 274 с. — (Фундаментальный учебник).
6. Краткий философский словарь. — М.: Госполитиздат, 1952. — С. 703.
7. Ленин В.И. ПСС. — Т. 1. — С. 662.
8. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. I: Процесс производства капитала. — М.: Госполитиздат, 1952. — С. 794.
9. Семь лекций по истории социологии: учебное пособие / А.Б. Гофман. — 9-е изд. — М.: КДУ, 2008. С. 80. — 240 с., ил.

Кузнецова Я.О.,

студент,

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

СПЕЦИФИКА КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ В БАЛКАНСКОМ РЕГИОНЕ

Kuznetsova Ya.O.,

Student,

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg

kuznetsova0401@yandex.ru

SPECIFIC FEATURES OF TURKEY'S CULTURAL POLICY IN THE BALKAN REGION

Аннотация. В статье анализируется современная политика Турции на Балканах, основанная на историко-культурных и геополитических предпосылках. Актуальность исследования обусловлена стратегическим значением Балканского региона и ролью Турции как преемника Османской империи. В работе использованы методы качественного анализа академических публикаций, официальных документов и дипломатических материалов, что позволило систематизировать данные о деятельности Турции в регионе. Результаты исследования показывают, что Турция последовательно развивает культурно-религиозное влияние через организации ТІКА, Институт Юнуса Эмре, фонд образования Maarif и религиозные структуры, поддерживает этноконфессиональные меньшинства и продвигает региональное сотрудничество. Выводы подтверждают роль Турции как важного регионально-го актора, способствующего укреплению безопасности, экономических связей и культурного обмена на Балканах. Перспективы дальнейшего исследования связаны с анализом влияния новых геополитических вызовов и изменением баланса сил в регионе.

Ключевые слова: Турция, Балканский регион, Институт Юнуса Эмре, мягкая сила, Фонд образования Маариф, культурное взаимодействие, Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (ТІКА).

Abstract. The article analyzes Turkey's contemporary policy in the Balkans, based on historical, cultural, and geopolitical premises. The relevance of the study is determined

by the strategic significance of the Balkan region and Turkey's role as the successor of the Ottoman Empire. The work employs qualitative analysis of academic publications, official documents, and diplomatic materials, which allowed for the systematization of data on Turkey's activities in the region. The research results show that Turkey consistently develops its cultural and religious influence through organizations such as TİKA, the Yunus Emre Institute, the Maarif Education Foundation, and religious structures, supports ethno-confessional minorities, and promotes regional cooperation. The conclusions confirm Turkey's role as an important regional actor contributing to strengthening security, economic ties, and cultural exchange in the Balkans. Prospects for further research are associated with analyzing the impact of new geopolitical challenges and shifts in the balance of power in the region.

Key words: Turkey, Balkan region, the Yunus Emre Institute, soft power, the Maarif Education Foundation, cultural interaction, Turkish Cooperation and Coordination Agency (TİKA).

Балканский регион на протяжении веков оставался геополитической ареной, где пересекаются интересы ведущих мировых и региональных держав. Для Турции Балканы играют важную роль не только с точки зрения стратегической безопасности, но и как территория, обладающая значением исторической, культурной и религиозной идентичности. Будучи наследницей Османской империи, Турция сохраняет глубокие связи с этим регионом, что во многом определяет ее современную внешнюю политику.

В XX веке отношения Турции с балканскими государствами складывались противоречиво. В период холодной войны Анкара, будучи членом НАТО, поддерживала контакты преимущественно с Грецией и Югославией, сохраняя нейтралитет в отношении социалистических режимов. Однако в 1990-е годы, после распада Югославии, Турция активизировала свою балканскую политику, особенно в Боснии и Герцеговине, где выступала в защиту боснийских мусульман [9]. После прихода к власти Партии справедливости и развития в 2002 году и охлаждения отношений с ЕС с 2006 года Анкара стала проводить более многоплановую и самостоятельную политику в регионе.

Согласно концепции «Стратегическая глубина» А. Давутоглу, являющейся значимой геополитической доктриной, Балканы занимают ключевое место в турецкой внешней политике

как: 1) важный транзитный коридор, связывающий Евразию с южными морями; 2) зона исторического и культурного влияния Османской империи; 3) регион с сохранившимися этноконфессиональными связями (турки и мусульманские общины) [8]. При этом Турция в соответствии с собственными концепциями рассматривает себя как балканскую страну, что подчеркивает ее вовлеченность в региональные процессы и легитимность участия в решении балканских вопросов. Исходя из этого, современная политика Турции на Балканах определяется не только исторической памятью, но и экономическим взаимодействием, поддержкой мусульманских сообществ (в том числе турок) и акцентом на двусторонние отношения и региональные форматы сотрудничества. Важным элементом является поддержка евроатлантической интеграции балканских стран, где Анкара стремится позиционировать себя не как имперская сила, а как партнер [4]. Кроме того, Турция действует и самостоятельно — примером является инициатива трехсторонних миротворческих объединений (Турция — Босния и Герцеговина — Сербия/Хорватия), направленная на укрепление стабильности и сотрудничества в регионе [5].

* * *

Разберем подробнее специфические черты культурной политики Турции в Балканском регионе.

- Защита этно-конфессиональных меньшинств

Балканы занимают важное место в истории формирования турецкой нации, поскольку многие балканские страны имеют турецкие меньшинства. После распада Югославии Турция активизировала свою политику на Балканах, особенно в Боснии и Герцеговине, Косово, Албании и Северной Македонии, где проживают значительные мусульманские общины [7]. На данный момент как на Балканах проживают представители турецкой общины, так и в Турции проживает около 5–7 миллионов человек, происходящих из балканских диаспор, что создает прочные

культурные и гуманитарные связи между Турцией и регионом. Турецкие власти активно взаимодействуют с местными общинами через образовательные программы, гранты и религиозные институты, о чем подробнее будет сказано позже.

Одним из ключевых инструментов влияния Турции на Балканах является поддержка мусульманских и тюркоязычных меньшинств [7]. Турция стремится создать международно-правовые механизмы для защиты мусульманских общин на Балканах и активно инвестирует в инфраструктурные и гуманитарные проекты, что расширяет ее влияние в регионе. Такая политика вызывает неоднозначную реакцию: если в мусульманских странах региона (Босния, Албания) она воспринимается позитивно, то в Сербии, Черногории и Греции встречает сопротивление [3]. Однако, поддержка мусульманских общин за рубежом имеет значение и для внутренней повестки — это укрепляет образ страны как защитника исламского мира, что важно для правящей Партии справедливости и развития (ПСР), а также помогает рассматривать диаспору на Балканах в качестве электората.

- «МЯГКОЯ СИЛА»

Культурно-религиозное турецкое присутствие на Балканах обеспечивается сетью специализированных институтов, которые образуют целостный механизм реализации «мягкой силы». Ключевыми инструментами в этой стратегии выступают специализированные организации, каждая из которых выполняет определенную функцию в продвижении турецких интересов в регионе.

Так, Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (TİKA) играет фундаментальную роль в этой системе, реализуя масштабные инфраструктурные проекты и гуманитарные программы развития [2]. Агентство не только финансирует строительство дорог, больниц и школ, но и уделяет особое внимание реставрации памятников османского наследия, что позволяет Турции позиционировать себя как хранителя общей исторической памяти. Значительным достижением стало издание в 2016 году пятитомного труда «Ислам на Балканах», посвящен-

ного истории ислама на Балканском полуострове [7]. Важно отметить, что в 2019 и 2022 годах ТІКА провело гораздо больше мероприятий, чем было запланировано, что показывает достойные результаты и перспективы работы агентства.

Параллельно Институт им. Юнуса Эмре ведет системную работу по продвижению турецкого языка и культуры [1]. Создавая культурные центры в столицах балканских государств и организуя языковые курсы, институт формирует устойчивый интерес к Турции среди местного населения. Часто аудиторией Института становятся выпускники средних школ или студенты вузов Сербии, Боснии и Герцеговины и Косово для дальнейшего получения образования или трудовой деятельности в Турции. Особенно важно, что эта деятельность ориентирована не только на мусульманские общины, но и на широкие слои общества, способствуя преодолению культурных барьеров.

В продвижении турецкого образовательного и культурного влияния на Балканах фонд образования Маариф (Maarif) играет ключевую роль. Фонд управляет школами, лицеями и университетскими подготовительными центрами в нескольких балканских странах, где образовательные программы включают изучение турецкого языка, истории и культуры. Также Маариф предоставляет стипендии для обучения в Турции, укрепляя связи между балканской молодежью и турецкими вузами [10].

Религиозный аспект турецкого влияния курирует Управление по делам религии (Diyanet), которое финансирует строительство и ремонт мечетей, образовательную деятельность, а также направляет турецких имамов в регион. Эта деятельность позволяет Анкаре поддерживать тесные связи с мусульманскими общинами Балкан и позиционировать себя как защитника интересов мусульман в Европе. Одним из примеров сотрудничества Турции и Балканских стран в религиозной сфере является строительство Центральной мечети в Приштине [6].

Управление по делам турок, проживающих за рубежом, и родственных сообществ (Yurtdışı Türkler ve Akraba Topluluklar Başkanlığı — YTB) играет ключевую роль в публичной дипломатии и реализации «мягкой силы» Турции на Балканах. Основная задача этой организации — проведение культурно-образователь-

ных мероприятий, направленных на популяризацию исторического наследия Османской империи. Кроме того, YTB предоставляет учебные гранты студентам и преподавателям в рамках программ, таких как «Türkiye Bursları», «Gençlik Çalıştayları» и «Türkçe Eğitim Programları», что способствует укреплению культурных и образовательных связей между Турцией и балканскими странами [6].

Выводы

Подводя итоги, можно сказать, что Анкара активно использует богатое османское наследие и этноконфессиональные связи для укрепления своего влияния в регионе, выступая не только как экономический партнер, но и как защитник мусульманских и тюркоязычных меньшинств, что делает Балканы важным направлением турецкой внешней политики. Сочетание историко-культурных связей, интересов в обеспечении региональной стабильности и безопасности, активного экономического и инфраструктурного сотрудничества, а также использования «мягкой силы» через религиозные и культурные институты позволяет Анкаре не только укреплять свои позиции в регионе, но и формировать устойчивые положительные ассоциации с Турцией среди различных групп балканского населения — от политических элит до широкой общественности. Все эти усилия создают прочную основу для долгосрочного укрепления позиций Турции на Балканах и позволяют ей успешно конкурировать с другими региональными и глобальными игроками.

Список источников и литературы Использованные источники

1. Официальный сайт Института Юнуса Эмре // URL: <https://moskova.yee.org.tr/ru> (дата обращения: 12.09.2025).
2. Официальный сайт Турецкого агентства по сотрудничеству и координации (TİKA) // URL: <https://tika.gov.tr/en/> (дата обращения: 12.09.2025).

Список литературы

3. *Гаджиев А.Г.* Политика Турции на Балканах: гармония в противоречиях/ А.Г. Гаджиев// РСМД. — 2025. — URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/politika-turtsii-na-balkanakh-garmoniya-v-protivorechiyakh/?sphrase_id=200130548 (дата обращения: 12.09.2025).
4. *Колесникова М.А.* Балканские мотивы в турецкой внешней политике/ М.А. Колесникова// Международная жизнь. — 2024. — URL: <https://interaffairs.ru/news/show/48087> (дата обращения: 08.09.2025).
5. *Мамедов И.М.* Политика Турции на Балканах/ И.М. Мамедов// Балканист. — 2019. — URL: <https://balkanist.ru/politika-turtsii-na-balkanah/> (дата обращения: 09.09.2025).
6. *Москальчук Д.А.* «Мягкая сила» как инструмент внешней политики Турции на Балканах: на примере Сербии, Косово и Боснии и Герцеговины/ Д.А. Москальчук// Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. — 2023. — С. 31–39.
7. *Свистунова И.А.* Балканская политика Турции: роль этно-конфессиональных меньшинств/ И.А. Свистунова// Современная Европа. — 2020. — № 4. — С.61–71.
8. *Третьяк С.С.* Концепция Ахмета Давутоглу «Стратегическая глубина»: теория и практика/ С.С. Третьяк// Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. — 2022. — С. 109–123.
9. *Ульченко Н.Ю.* Современная политика Турции на Балканах // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. — 2018. — № 5. — С. 126–138.
10. *Чедия А.Р.* Деятельность турецкого просветительского фонда «Маариф» в контексте противостояния движению «Хизмет»/ А.Р. Чедия// Вестник Российского университета дружбы народов. Международные отношения. — 2023. — № 4. — С.620–642.

Кузьмина С.К.,

студент,

ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», Люберцы

Дзюбан В.В.,

доктор исторических наук, кандидат педагогических работ,

профессор кафедры гуманитарных дисциплин,

ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», Люберцы

МЕЖДУНАРОДНОЕ КУЛЬТУРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Kuzmina S.K.,

Student,

GKOU HE "Russian Customs Academy", Lyubertsy

sofya_kuzmina2007@mail.ru

Dzyuban V.V.,

Doctor of Historical Sciences, PhD in Pedagogical Sciences,

Professor of the Department of "Humanities",

GKOU HE "Russian Customs Academy", Lyubertsy

bryanskstudzuban@mail.ru

INTERNATIONAL CULTURAL COOPERATION

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопросов международного культурного сотрудничества, в том числе в рамках участия таких международных организаций как ООН и ЮНЕСКО. В статье выявляются основные направления международного сотрудничества в области культуры в условиях глобализации и социокультурной дифференциации. Изучению истории появления культурных взаимодействий народов и институализации международного культурного сотрудничества. Анализируется современное состояние международного культурного сотрудничества как ключевого элемента в мировой политике. Рассматриваются основные формы сотрудничества, выявляются противоречивые тенденции его развития.

Ключевые слова: международное культурное сотрудничество, культура, культурные связи, социально-культурная деятельность, доступ к культуре, участие в культурной жизни, политические и национальные интересы.

Abstract. the article is devoted to the issues of international cultural cooperation, including the participation of such international organizations as the United Nations and UNESCO.

The article identifies the main directions of international cultural cooperation in the context of globalization and sociocultural differentiation. It examines the history of cultural interactions between nations and the institutionalization of international cultural cooperation. The article analyzes the current state of international cultural cooperation as a key element in global politics. It examines the main forms of cooperation and identifies the contradictory trends in its development.

Key words: international cultural cooperation, culture, cultural relations, access to culture and participation in cultural activities, participation in cultural life, socio-cultural activities, and political and national interests.

Культура как совокупность материальных и духовных ценностей является результатом общественной деятельности, воплощенных как в вещественных объектах, так и в бытии людей. Она не только способствует духовному развитию общества и государства, но и является основой международного сотрудничества.

В условиях социокультурной дифференциации и глобализации все страны уделяют пристальное внимание вопросам построения прочных культурных связей с народами других государств [1, с. 3]. В изоляции ни одна страна не может развиваться стабильно, ведь это возможно только благодаря тесному контакту с другими культурами. Поэтому появляется острая необходимость в осмыслении основных направлений, целей и проблем международного культурного сотрудничества. Международное культурное сотрудничество — это комплекс многоуровневых взаимодействий между государствами, институтами и гражданскими обществами, направленный на взаимное обогащение культур.

Первые международные культурные контакты зародились давно и относятся к эпохе становления древнейших цивилизаций. Археологические находки свидетельствуют об активном обмене предметами быта, ювелирными изделиями, образцами оружия. В античную эпоху широкое распространение получила традиция посещения философами восточных стран, где греки знакомились с восточной «мудростью», а затем свои наблюдения использовали в научной деятельности. В эпоху Римской Империи межкультурный обмен развивался благодаря активному дорожному строительству и устойчивым торговым связям. Рим, крупнейший город античного мира, стал центром межкультур-

ного общения. Однако в те времена культурный диалог был затруднен наличием языковых барьеров и религиозных отличий затрудняли [7].

В Новом времени эпоха Возрождения в свою очередь также способствовала распространению знаний о культуре различных народов. Великие географические открытия способствовали развитию торговли, что стало условием для распространения культурологических знаний [7].

Тенденции, связанная с институализацией культурного сотрудничества, отчетливо проявились еще в конце XIX — начале XX века, когда стали появляться организации, чья деятельность была направлена на решение актуальных вопросов в сфере спорта, культуры, гуманитарной деятельности. Уже в начале XX века активную работу по развитию Олимпийского движения и утверждения идеалов олимпизма стал проводить Международный олимпийский комитет (1894 г.). В 1926 году при Лиге Наций был образован Международный институт интеллектуальной кооперации, объединивший представителей интеллектуальной элиты из многих стран мира, которые высказали стремление использовать потенциал культуры, культурного сотрудничества для предотвращения угрозы военной катастрофы. Многие идеи и практические мероприятия Института нашли свое развитие в деятельности как специализированных, так и универсальных организаций во второй половине XX века. После Второй мировой войны тенденции институализации культурного сотрудничества получили последовательное развитие. В рамках ООН в 1945 году была основана ЮНЕСКО — специализированное учреждение, ответственное за содействие культурному обмену и сохранение культурного наследия. Вокруг организации начали группироваться и складываться различные организации в сфере культуры. Такие как Международный совет музеев (1946 г.), Международный совет по танцу (1973 г.), Международный музыкальный совет (1949 г.) и другие немало важные организации. Кроме того, специализированные и универсальные организации в сфере культуры стали появляться и в различных регионах мира. Все это стало поворотным моментом в истории всего человечества, закрепившим идею о том, что мысли о войне

возникают в умах людей, поэтому в сознании людей следует укоренять идею защиты мира [2; 8].

Во второй половине XX века постепенно сложилась система международного культурного взаимодействия, которое осуществляется как на индивидуальном, профессиональном, так и на государственном уровнях. Культура, культурные связи становятся важнейшим направлением политической деятельности государств. Постепенно оформляются институциональные и функциональные основы деятельности культурных центров. Первые организации, занимавшиеся пропагандой национальной культуры за рубежом, появились еще в конце XIX века: Альянс Франсез (1883 г.), Институт Данте (1889 г.). В 1951 году был учрежден Институт имени Гете.

Количество зарубежных культурных центров и институтов, а также объем их деятельности значительно возросли в конце XX — начале XXI века. В 1972 году был основан Японский фонд, в 1991 году начал работу Институт Сервантеса, в 1992 году — институт Камоэнса, в 2004 году — Институт Конфуция и многие другие организации, нацеленные на развитие культурного сотрудничества и продвижение национальной культуры за рубежом. А в конце 90-х годов XX века культурное сотрудничество обогатилось новым принципом организации — «перекрестными годами культур», которые предполагают параллельную организацию культурных мероприятий одновременно в двух странах-партнерах. Так, программы перекрестного года культуры Испании и России (2011 г.) прошли при активном участии центра ADELANTE, многие культурные акции перекрестного года Италии и России (2011 г.) были поддержаны обществом Данте и Итальянским институтом культуры, а Французский институт в Санкт-Петербурге 14 июля 2010 года выступил инициатором масштабного события «День Бастилии в Эрмитаже», которое прошло в рамках мероприятий года Франции в России.

Важность развития культурных связей сегодня получила признание на всевозможных уровнях. Культурные связи рассматриваются как самостоятельный и весьма важный инструмент внешнеполитической деятельности, которая приобретает достаточно яркие и интересные формы и охватывает самую широкую

аудиторию. Институализация международного культурного сотрудничества сегодня является закономерной тенденцией, которая стала отражением процессов демократизации, интеграции, возрастающей роли культуры в современных международных отношениях. Институты, организации, фонды, чья деятельность направлена на развитие культурного сотрудничества, сегодня активно взаимодействуют, участвуют в общих проектах, вырабатывают общие подходы в решении актуальных вопросов современного международного культурного обмена.

Нельзя не упомянуть то, что у международного культурного сотрудничества есть множество преимуществ. Ведь именно благодаря ему происходит снижение уровня недопонимания и конфронтации между странами и народами за счет диалогов и культурного обмена, развиваются креативные индустрии, происходит рост туризма и увеличивается экономическая отдача, укрепляются образовательные и научные связи между государствами, расширяются профессиональные компетенции, а также развивается совместное противодействие незаконному обороту культурных ценностей и совместное предотвращение разрушения наследия [6].

Однако в настоящее время множество конфликтов, войны, санкций накаляют политическую ситуацию в мире до предела, поэтому нахождение новых способов и форм сотрудничества превращается в тяжелую задачу, требующую особого внимания. Но при этом без сотрудничества государств на основе фундаментальных принципов международного и правового регулирования, которые учитывали бы интересы всех сторон, найти решение мировых и глобальных проблем невозможно [5, с. 294].

Процесс дружественного взаимодействия становится более значимым благодаря глобализации, выражающейся во взаимовлиянии разных стран. Благодаря ей культура становится проводником межнациональных политических интересов. Однако часто глобализация несет и негативные последствия для международной культуры, поскольку способствует стандартизации и унификации культур.

Международное культурное сотрудничество имеет четко поставленные цели и задачи. Основными целями являются:

укрепление межкультурного диалога и взаимопонимания, продвижение туризма, поддержка творческих индустрий и трансграничной культурной экономики, укрепление имиджа стран, лоббирование культурных и национальных интересов, разрушение стереотипов, развитие межкультурной компетентности, сохранение и совместная охрана материального и нематериального наследия (включая действия в рамках Конвенции ЮНЕСКО о Всемирном наследии и Конвенции по нематериальному культурному наследию) [2; 3], реализация культурной дипломатии и «мягкой силы» в международных отношениях, а также защита культурных прав и продвижение культурного разнообразия (в рамках Конвенции ЮНЕСКО о защите и поощрении разнообразия культурных выражений) [3].

Для достижения этих целей в международном культурном сотрудничестве используется множество различных инструментов, например, очень часто проводятся двусторонние и многосторонние программы культурного обмена, в том числе на региональном уровне создаются программы обмена для студентов и специалистов, [8] создаются международные конвенции и стандарты (ЮНЕСКО, UNIDROIT, ИКОМОС и др.), регулирующие охрану наследия, возвращение культурных ценностей и соблюдение этических норм [2; 3; 4; 6; 10], Также развивается частно-общественное партнерство, в рамках которого организуются фонды, галереи и корпорации, инвестирующие вырученные средства в международные проекты, реализуются программы регионального сотрудничества (Erasmus+, Creative Europe в Евросоюзе), поддерживающие мобильность, проекты и кросс-секторальные инициативы в сфере культуры [8; 11]. Кроме того, с развитием технологий широкое распространение по всему миру получило цифровое сотрудничество, которое занимается оцифровкой коллекций культурного достояний и созданием совместных онлайн-платформ для свободного доступа и научного использования культурных материалов, ярким примером такой платформы является Europeana [12]. Стоит отметить, что пандемия COVID-19 способствовала ускорению процесса цифровизации. Виртуальные туры по музеям в рамках проекта Google Arts & Culture, онлайн-концерты и цифровые

архивы сделали культуру доступнее, но породили вопрос о качестве и аутентичности цифрового опыта.

Но несмотря на успехи международного культурного сотрудничества, четко поставленные задачи и эффективные инструменты, культурное сотрудничество регулярно сталкивается с новыми вызовами и рисками. В основном они все связаны со следующими причинами. Активная политизация культуры может снижать доверие партнеров, что является распространенным риском [9]. Нередко возникают проблемы, связанные с нехваткой финансирования, что чаще касается каких-либо долгосрочных проектов. Также широко распространена проблема цифрового разрыва и вопросов авторских прав при оцифровке культурных коллекций [12; 13]. Еще одним вызовом является культурная апроприация и коммерциализация местных традиций, которая зачастую проводится без учета интересов носителей культуры.

Чтобы избежать этих рисков или же сократить их применяются различные меры, которые также повышают эффективность сотрудничества. Для этого разрабатываются программы, учитывающие равноправие партнеров сотрудничества и локальные потребности, ставится акцент на устойчивые проекты с вовлечением местных сообществ, происходит контроль за соблюдением международных конвенций и стандартов по охране и управлению наследием [2–4; 6; 10], принимаются меры по обеспечению прозрачности источников финансирования, а также создается тенденция минимизирования политизированного использования культурных инициатив [9].

Таким образом, международное культурное сотрудничество остается важным инструментом не только для сохранения и обмена культурными ценностями, но и для построения доверия между странами, развития креативных проектов и экономики, а также устойчивого социального развития. Однако стоит помнить, что эффективность таких инициатив во многом зависит от уровня взаимного уважения, соблюдения международных стандартов и готовности к диалогу при решении спорных вопросов.

Список литературы

1. *Соболев С.А.* Проект «Международное культурное сотрудничество: музеи Евросоюза и Эрмитаж» (35 страниц) // URL: <https://eee-science.ru/item-work/2021-3193/?ysclid=mgo6x2w3dy104171269>.
2. ЮНЕСКО. «Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage» (1972) // URL: <https://whc.unesco.org/en/conventiontext/>.
3. ЮНЕСКО. «Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage» (2003) // URL: <https://ich.unesco.org/en/convention>.
4. ЮНЕСКО. «Convention on the Protection and Promotion of the Diversity of Cultural Expressions» (2005) // <https://en.unesco.org/creativity/convention/about>.
5. URL: [https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/119988/1/978-5-7996-3584-8_2022_055.pdf?ysclid=mgicfa41lu878729065\(c294\)](https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/119988/1/978-5-7996-3584-8_2022_055.pdf?ysclid=mgicfa41lu878729065(c294)).
6. UNIDROIT. «Convention on Stolen or Illegally Exported Cultural Objects» (1995) // URL: <https://www.unidroit.org/instruments/cultural-property/1995-convention>.
7. Международный культурный обмен. — URL: <https://spravochnik.ru/lektoriy/mezhdunarodnyy-kulturnyy-obmen/?ysclid=mgpmoiys4496579668>.
8. Erasmus+ (Европейская комиссия). — URL: <https://erasmus-plus.ec.europa.eu/>.
9. *Melissen, J.* (ed.). *The New Public Diplomacy: Soft Power in International Relations*. — Palgrave Macmillan, 2005.
10. ICOMOS (International Council on Monuments and Sites) // URL: <https://www.icomos.org/>.
11. Creative Europe (Европейская комиссия). — URL: <https://ec.europa.eu/programmes/creative-europe/>.
12. Europeana — цифровой портал европейского культурного наследия. — <https://www.europeana.eu/>
13. ICOM (International Council of Museums) — URL: <https://icom.museum/>.

Латышев О.Ю.,

доктор философии в филологии, доктор медицинских наук,
кандидат филологических наук,
действительный член МАС, МАЕ, ЕАЕ, ISA, BEN-MAAS, МОО АД ЮТК,
член-корреспондент МАПН,
профессор университета «Сайпресс», США,
профессор университета GCCU, Либерия,
профессор РАЕ,
президент,
Международная Мариинская академия имени М.Д. Шаповаленко, Москва

Латышева П.А.,

почетный доктор наук ИМА,
исполнительный директор,
Международная Мариинская академия имени М.Д. Шаповаленко, Москва

Радаэлли М.Э.,

доктор медицинских наук,
глава национального отделения Италии ИМА,
почетный вице-президент, Международная Мариинская академия имени М.Д. Шаповаленко, Парма, Италия
radamass1@gmail.com

Лофрано М.,

доктор медицинских наук,
глава национального отделения Швейцарии,
Международная Мариинская академия имени М.Д. Шаповаленко, Берн, Швейцария
radamass1@gmail.com

НЕОТЪЕМЛЕМАЯ РОЛЬ КУЛЬТУРЫ РАЗВИТИЯ РУССКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОМЫСЛОВ В СОХРАНЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАРОДОВ РОССИИ

Latyshev O.Yu.,

Doctor of Philosophy in Philology, Doctor of Medical Sciences,
PhD in Philological Sciences,
Full Member of the IAS, IAE, EAE, ISA, BEN-MAAS, IOO AD YTK,
Corresponding Member of the IAPN, Professor at Cypress University, USA,

Professor at GCCU University, Liberia,
Professor at the RANH,
President, International Mariinsky Academy named after M.D. Shapovalenko, Moscow
papa888@list.ru

Latysheva P.A.,
Honorary Doctor of Sciences, IMA, Executive Director,
International Mariinsky Academy named after M.D. Shapovalenko, Moscow
papa888@list.ru

Radaelli M.E.,
Doctor of Medical Sciences,
Head of the Italian National Branch of the IMA,
Honorary Vice President,
International Mariinsky Academy named after M.D. Shapovalenko, Parma, Italy
radamass1@gmail.com

Lofrano M.,
Doctor of Medical Sciences, Head of the Swiss National Branch.
International Mariinsky Academy named after M.D. Shapovalenko, Bern, Switzerland
radamass1@gmail.com

THE INTEGRAL ROLE OF THE CULTURE OF THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN ARTISTIC CRAFTS IN PRESERVING THE NATIONAL IDENTITY OF THE PEOPLES OF RUSSIA

Аннотация. В статье рассматривается определяющая роль культуры развития русских художественных промыслов в сохранении национальной идентичности народов России. В качестве примеров столь всеобъемлющего влияния авторским коллективом избраны столь рельефно звучащие наименования, как Гжель, Палех и Хохлома. При этом однозначно подразумевается, что не упоминаемые в данном случае десятки известнейших русских художественных промыслов, к числу которых будет совершенно справедливо отнести такие выдающиеся центры, как Федоскино, Жостово, Вологда, Холмогоры и многие другие, играют столь же весомую роль в деле сохранения национальной идентичности народов России. Этот созидательный процесс демонстрируется в данной работе на примере русского народа, сплотившего вокруг себя на протяжении долгих веков значительную общность народов России различной конфессиональной, культурной принадлежности, а также совершенно различных культурных традиций. Ввиду вышесказанного следует выразить чувство

глубокой убежденности в том, что и в дальнейшем, по мере поступательного развития и распространения традиций русских художественных промыслов каждый из них в том или ином отношении будет продолжать активно содействовать успешному течению процесса сохранения национальной идентичности народов России.

Ключевые слова: национальная идентичность народов России, русские художественные промыслы, Гжель, Палех, Хохлома.

Abstract. This article examines the decisive role of the culture of Russian arts and crafts in preserving the national identity of the peoples of Russia. The authors have chosen such prominent names as Gzhel, Palekh, and Khokhloma as examples of this pervasive influence. It is also clearly implied that dozens of famous Russian arts and crafts not mentioned here, including such outstanding centers as Fedoskino, Zhostovo, Vologda, Kholmogory, and many others, play an equally significant role in preserving the national identity of the peoples of Russia. This creative process is demonstrated in this work using the example of the Russian people. Over the course of many centuries, it has united a significant community of peoples of Russia, representing diverse religious and cultural backgrounds, as well as completely different cultural traditions. In view of the above, it is deeply confident that, as the traditions of Russian artistic crafts continue to develop and spread, each of them, in one way or another, will continue to actively contribute to the successful preservation of the national identity of the peoples of Russia.

Key words: national identity of the peoples of Russia, Russian artistic crafts, Gzhel, Palekh, Khokhloma.

For seven centuries, the world has been raptly admiring the creations of Gzhel masters. Looking at the unrestrained dance of harmonious cobalt brushstrokes, it's hard to imagine that only in the last seven decades has Gzhel been offering us the blue and white pieces so beloved almost everywhere¹. We rightly perceive Gzhel as one of the most popular Russian artistic crafts. Among the numerous types of ceramic painting, Gzhel stands out for its immediate recognition and memorable style. However, far from everyone knows that during the first six centuries of its development, paints of virtually every color of the rainbow were

¹ Гжельская керамика // Товарный словарь / И.А. Пугачев (главный редактор). — М.: Государственное издательство торговой литературы, 1957. — Т. II. — Стб. 206–207. — 567 с.

used to create Gzhel, as clearly seen on the official and unofficial Russian maximum cards of 2022.

But it was the vibrant cobalt color that made Gzhel famous worldwide². We dedicate the first part of our triptych to the 130th anniversary of the birth of Natalia Ivanovna Bessarabova, a Soviet artist, sculptor, and creator of the modern blue-and-white Gzhel style, and the 155th anniversary of her teacher, the painter Alexander Alekseevich Buchkuri. And now it's a joy to spot it not only on dishes and figurines...

And on board the eponymous motor ship, Gzhel is recognizable from afar, attracting the gaze of many who wish to find themselves in the wardroom of such an unusual vessel. This treasure of Russian philotimemy helps us immerse ourselves in the indescribable, homely atmosphere it brings.

And much further upstream, on board airships, the Gzhel style of the Moscow region has also made its full-fledged appearance. Photographer Olga Skrit left us a souvenir photo of the Gzhel livery, dedicated to the 95th anniversary of Aeroflot Airlines, on the fuselage of an airplane landing at Krasnoyarsk International Airport.

The Gzhel patterns on the commemorative coins dedicated to the 2014 Winter Olympics in Sochi look unexpectedly pleasing. Gzhel coins are not only for our collectors; the Moscow Mint also helped produce a two-dollar coin with Gzhel patterns for Tokelau, featuring the profile of British Queen Elizabeth II on the reverse.

And we've already seen Cook Islands dollars depicting a variety of Russian arts and crafts. Gzhel is next. And with the same former British Empress on the reverse. And it's not just cash that has made friends with Gzhel. Gzhel patterns have been decorating bank cards for quite some time now, and they're still in vogue.

Meanwhile, the "Gzhel Artists" series of Russian phone cards features works by Viktor Neplyuev and Svetlana Zhukova. While Mikhail Boyarsky and Lev Leshchenko took turns singing "flowers grow through the asphalt" in our childhood, charming Gzhel flowers

² Гжель // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). — СПб., 1890–1907.

have even “grown” through the metal and plastic of all the technical devices of our everyday lives, practically everywhere³.

Let’s be honest: if Gzhel had remained multicolored, it’s unlikely its recognizability would have become a brand. So who helped identify cobalt as the primary color for modern Gzhel? Let’s take things one step at a time⁴.

In the spring of 2012, I was heading to Voronezh, preparing to become the scientific director of a pilot project at the Russian Academy of Education, a significant portion of whose work was to take place at the I.N. Kramskoy Voronezh Regional Art Museum. As the train rattled, I reflected on the work of the Itinerants, gathered around the tireless Ivan Nikolaevich Kramskoy — the subject of many of our articles.

However, upon crossing the threshold of this remarkable museum and meeting its passionate and active director, Vladimir Dmitrievich Dobromirov, I quickly realized that from these walls, many other, fascinating “roads for the inquisitive” opened up for us⁵.

And the last thing I thought back then was that one of them would lead to Gzhel. And there was a reason. Vladimir Dmitrievich told me and my companions a great deal about the work of his gifted fellow countrymen — the artists Alexander Alekseevich Buchkuri and Sergei Mikhailovich Romanovich. On November 5, 2020, artist and designer R. Komsa prepared for release a stamped Euro envelope for JSC “Marka” No 2020–113, “Voronezh. 150th Anniversary of the Birth of A.A. Buchkuri (1870–1942), Artist.” In our numerous conversations, we also devoted considerable attention to Natalia Ivanovna Bessarabova, an artist mentored by both of them, a sculptor and ceramicist, and the creator of the modern blue-and-white Gzhel style. Her future husband, Boris Alexandrovich, was also nurtured as an artist by Buchkuri and Romanovich.

³ *Логинов В.М.* Новь древней Гжели / предисл. В.К. Успенского. — М.: Московский рабочий, 1986. — 112, [32] с.

⁴ *Гамелкин С.В., Капитин М.Г.* Гжель и гжельцы: На родине русского фарфора. — М.: Московский рабочий, 1969.

⁵ *Бакина Н.Е., Кулешова И.Ю., Рябчикова О.А.* Воронежский областной художественный музей им. И.Н. Крамского. — 28 с.

Between January and June 1918, through the efforts of Boris Alexandrovich Bessarabov and his associates, a drawing, painting, and sculpting class was organized in Voronezh. His future wife, Natalia Ivanovna, also attended the class. In 1918, the Imperial Yuryev University, better known to us as Tartu University, was evacuated to Voronezh, as the city of Yuryev acquired the Estonian name Tartu. In 1952, the USSR issued a postage stamp “150 Years of Tartu University,” and in 1982, another miniature was issued for the 180th anniversary of the founding of what was then one of the oldest universities in the country.

Art collections from Yuryev were added to the collection of the Museum of Antiquities and Fine Arts of Voronezh University, whose anniversary was commemorated by designer Hania Betredinova, who dedicated a single-sided postcard with the letter “B” (No. 2013-267/1), “Voronezh State University. 95 Years.” Students in Bessarabov’s courses also had the opportunity to explore the collection of the Museum of Antiquities and Fine Arts of Voronezh University. Another decade and a half would pass, and in 1933, the art department collection of the Voronezh Regional Museum of Local History would be added to the university’s well-known Bessarabov collection. During this formative period, Natalia Ivanovna Bessarabova would already be working with theater companies in various Soviet cities.

On June 20, 2014, JSC “Marka” issued stamped Euro envelope No. 76K-2014/2014-102, “Voronezh Regional Museum of Local History. 120 Years.” As a result of this merger of art collections, the Voronezh Museum of Fine Arts would emerge as a separate cultural institution. Meanwhile, it was only within the walls of the Voronezh University Museum of Antiquities and Fine Arts that Natalia Ivanovna and her future husband, Boris Alexandrovich, could admire exquisite porcelain from China, Holland, England, and Germany. The color palette of each was extremely rich and varied. But even then, the young artists could see that the porcelain of all the aforementioned countries shared a common color palette—blue and white. Almost a century after the Bessarabovs, I, with the kind permission of Vladimir Dmitrievich, was fortunate enough to capture this extraordinary beauty, yet

sober in its color laconicism, now in the permanent collection of the VORONEZH University Museum of Antiquities and Fine Arts. Let's take a closer look. Perhaps this life-sized Chinese vase, photographed from all four sides, still bears little resemblance to the Gzhel style that acquired its modern appearance thanks to the efforts of Natalia Ivanovna Bessarabova. However, have you ever encountered examples of Gzhel tableware where the already compelling cobalt color on a white background is further enhanced by organic gold inclusions?

The following Chinese vases, also made in China in the nineteenth century, are much closer in size to Gzhel tableware. Looking at modern Gzhel sets, you can see that Gzhel is increasingly "recalling" its pre-Bassarabian period and incorporating additional colors into the cobalt. These masters, consciously or unconsciously, are creating feasible refrains from European tableware sets of the 19th century.

Unlike these pieces, you're unlikely to find any sharp angles in Gzhel designs—their masters strive to follow nature, whose patterns Gzhel borrows and develops in keeping with the boundless artistic imagination of its outstanding masters. All of this can still be seen today in Voronezh. Can you imagine what a revelation such a thing would have been for the Bessarabovs, and how long it would have lingered in their souls, only to blossom decades later on the surface of Gzhel porcelain?

Why did this happen? After the Great October Socialist Revolution, the industrial production of porcelain and faience in Gzhel ceased, becoming the preserve of artisans for many years. In the year of the Great Victory, the country needed new, bright, life-affirming symbols. Gzhel porcelain was destined to become one of them. In search of the best traditions for its recreation, Natalia Ivanovna Bessarabova began studying examples of Gzhel ware in museums. At that moment, the blue-on-white pattern she had come to love from Voronezh, sometimes encountered in pre-revolutionary Gzhel museum collections, suggested to her the most expressive path for the further development of Gzhel art. Since the victorious year, Gzhel has celebrated the vibrant cobalt blue brushstrokes on the gleaming white porcelain.

At the end of one of our meetings, I asked Vladimir Dmitrievich Dobromirov to hold a similarly colored piece in his hands as a heartfelt greeting to the renewed Gzhel. The desire to construct our narrative today as a unique thematic triptych, designed to reflect the sublime and integral role of the culture of the development of Russian artistic crafts in preserving the national identity of the peoples of Russia, prompts us to also briefly present the craft of Palekh lacquer miniatures.

December 4, 2024, marked the centenary of Palekh lacquer miniatures. In honor of the centenary of Palekh lacquer miniature art, a grand exhibition was held at the State Museum of Palekh Art.

It presented the legacy of Palekh masters over a hundred years⁶. Before this, the famous icon painters of Palekh had for centuries painted the most important cathedrals and churches, monasteries, and other holy places throughout Rus'. However, with the advent of Soviet power, icon painting was no longer in demand, and the artists urgently needed to retrain and reorient themselves to new art forms.

In a handicraft museum, now called the Folk Art Museum of the Research Institute of Art Industry, Palekh master Ivan Ivanovich Golikov encountered a lacquer miniature — one of the Fedoskino boxes, many of which we described in the article “The Fedoskino Renaissance.” Having tried his hand at this new medium, Ivan Ivanovich became the founder of Palekh lacquer miniatures⁷.

His successor, Mikhail Ivanovich Shemarov, depicted his predecessor in miniature art on the lid and side of his 1969 box “About Ivan Golikov.” This idea resonated with his fellow countrymen, and on December 4, 1924, the “Ancient Painting Artel” was founded, dedicated to transforming the iconographic tradition into a tradition of lacquer miniatures⁸.

⁶ Латышев Ю.А., Латышева П.А., Латышев О.Ю. Волшебство Палехской миниатюры // PHILATELY.RU. — URL: <http://philately.ru/article/philately/45510/palehsкая-miniatiyura/> (дата обращения: 25.03.2025.).

⁷ Жидков Г.В. Пушкин в искусстве Палеха. — М.; Л.: Гос. изд-во изобр. иск-в, 1937. — 168 с.

⁸ Колесова О.А. Палех и палешане. Путеводитель. — Иваново: Референт, 2010. — 156 с.; Кривошеина Н.В. «Вятский Палех» в монумент-

In addition to Ivan Ivanovich Golikov, the artel included six other Palekh artists: I.M. Bakanov, A.I. Zubkov, I.I. Zubkov, A.V. Kotukhin, V.V. Kotukhin, and I.V. Markichev, and we plan to return to the work of each of them soon.

Golikov's miniature "Ploughman" begins the second series of the 1976 USSR postage stamps dedicated to Palekh lacquer miniatures. It was this series that first inspired me to start collecting postage stamps.

Fortunately, the grueling manual labor of pre-revolutionary peasants was not the only object of attention for Ivan Ivanovich, the "creator of lush, colorful whirlwinds." It has dances and strumming... And the ringing roar of steel on the battlefields...

In the centenary year of Palekh miniatures, the anniversaries of a number of Palekh miniature artists were also celebrated. For example, the Palekh artist Vyacheslav Zinovievich Rozhkov was the same age as Palekh miniatures. He made a worthy contribution to the development of Palekh Pushkin studies. In particular, he illustrated A.S. Pushkin's "The Tale of the Golden Cockerel" in large format. In 1965, the Sovetsky Khudozhnik publishing house dedicated a series of postcards to Vyacheslav Zinovievich's works. March 5th of last year marked the 95th anniversary of the birth of Yuri Protasyevich Kozlov, another Palekh miniaturist renowned for his vibrant and memorable book illustrations.

His illustration for Pavel Bazhov's tale "Zhabreyev's Walker" became the subject of a postcard issued by the Soviet publishing house Izogiz in 1961. April 22, 2024, marked the 150th anniversary of the birth of Aristarkh Aleksandrovich Dydykin, one of Palekh's oldest miniaturists.

Aleksandr Evgenievich Melnikov, an electronics engineer at the Ivanovo State Power Engineering University, writes on the website of the virtual museum of Palekh lacquer miniatures he created: "A.A. Dydykin contributed much originality to the interpretation of miniature form, to ornamental development, and to the use of contrasting colors in painting. He worked on interior decoration

(for the Palace of Pioneers in Leningrad (1936)), and was involved in restoration (frescoes in the Assumption Cathedral in the Moscow Kremlin (1946) and the monastery in Zagorsk), book illustration (for A.S. Pushkin's Fairy Tales (1937)), and porcelain painting"⁹.

On Museum Day, May 18, 2012, P.A. and O.Yu. Latyshev captured the portal of the Assumption Cathedral in the Moscow Kremlin with its gate paintings. Aristarkh Alexandrovich Dydykin was invited to work as part of Nikolai Mikhailovich Zinoviev's team on the restoration of the frescoes in the Assumption Cathedral. On March 14, 1988, the USSR Ministry of Communications dedicated a stamped envelope, SU ASE88-135, from the Lapkin catalog (portrait by Boris Semyonovich Ilyukhin), to the memory of Nikolai Mikhailovich Zinoviev.

Alexander Evgenievich Melnikov adds that "Aristarkh Alexandrovich Dydykin's works cover folklore, history, literature, genre scenes, and contemporary art. He painted over 1,100 miniatures. He participated in exhibitions beginning in 1930." The lid of the box "Reading a Newspaper on the Bank of the Volga," created by Aristarkh Alexandrovich in 1935, formed the basis for the imagery of a postcard published in 1974 by Izobrazitelnoye Iskusstvo (Fine Art). July 1st of last year marked the 120th anniversary of the birth of the talented Palekh artist Pavel Dmitrievich Bazhenov, who was given only 37 years of life. He was killed before he even reached the front lines of the Great Patriotic War. So far, we have seen images of only two of his miniatures on postcards: "Crane and Heron" and "Prince Stepanovich." Bazhenov's miniatures for a series of playing cards served as sketches for another printed product. This is how far Palekh miniatures sometimes strayed from their original iconographic mastery¹⁰.

November 11th, 2024, marked the 125th anniversary of the birth of another remarkable Palekh artist: Dmitry Mikhailovich Turin. As A.E. Melnikov points out, "From 1900 to 1906, he studied at the

⁹ Шлычков Л.А. Листая времени страницы: Памятники архитектуры Ивановской области. — Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1983. — 159 с.

¹⁰ Колесова О.А. Палех и палешане. Путеводитель. — Иваново: Референт, 2010. — 156 с.

icon-painting workshop of N.M. Safonov.” From 1930, he worked at the Artel of Ancient Painting. He died on June 30, 1945, and was buried in Palekh¹¹. D.M. Turin’s miniatures were distinguished by their original compositional mastery and a wonderful sense of color. The subjects of his works include folklore, literature, genre scenes, portraits, hunting scenes, and contemporary art. He participated in exhibitions beginning in 1933. D.M. Turin’s works are held in museums: the State Museum of Fine Arts, the All-Russian Museum of Fine Arts and the Ivanovo Museum of Art, the All-Russian A.S. Pushkin Museum “Moika 12,” and the Central Museum of Contemporary Art. Currently, our collection represents Dmitry Mikhailovich’s creative biography with a postcard depicting the lid of his 1934 box, “The Marriage of St. Paul,” from the collection of the State Museum of Palekh Art. Contemporary photography demonstrates the extent to which the printing capabilities of the Soviet era made it possible to convey the beauty of this work.

The same museum also houses a box created by Dmitry Mikhailovich two years later, “The Young Lady-Peasant,” based on the story of the same name from “The Tales of the Late Ivan Petrovich Belkin,” which seamlessly complements the virtually limitless Palekh Pushkiniana.

The collection of the renowned All-Russian Museum of Decorative, Applied, and Folk Art on Delegatskaya Street in Moscow also includes a box by Dmitry Mikhailovich Turin, the lid of which bears a portrait of M.I. Kutuzov (1944).

The anticipated length of this article allows us to mention only one more Palekh artist celebrating his anniversary, wishing to continue the tradition of telling stories about miniature artists. November 28, 2024 marked the 95th anniversary of the birth of Valery Vasilyevich Bolshakov, whose illustration for the work “Dobrynya Nikitich and the Serpent” was placed on the front side of the 1968 edition of the Sovetsky Khudokhnik publishing house.

¹¹ Кривошеина Н.В. «Вятский Палех» в монументальной церковной живописи конца XIX века: монография. — Киров: Лобань, 2009. — 152 с., илл.

Valery Vasilyevich was invited to work from 1955 to 1959 as part of Nikolai Mikhailovich Zinoviev's team on the restoration of the Lacquer Cabinet in Peter the Great's beloved Monplaisir Pavilion in Petrodvorets. Its interior is featured in the 1973 postcard "Monplaisir Palace¹². Lacquer Cabinet (Chinese Cabinet)" published by the Leningrad publishing house "Aurora" and included in the postcard album "Leningrad. Petrodvorets. Pavlovsk. Lomonosov. Pushkin." Photographers: M. Vakhromeeva, M. Velichko, R. Kirillov, B. Manushin, I. Narovlyansky, V. Savik, V. Stukalov, L. Kheifits, V. Sherstnov.

According to A.E. Melnikova, "The first stage of the work consisted of searching for and studying documents, photographs, and Chinese artifacts from the palaces of Peter the Great. M.N. Krechetova, head of the Chinese Art Department at the State Hermitage Museum, provided significant assistance in this regard." In 1977, a postcard depicting the Lacquer Cabinet was published in the postcard set "Petrodvorets. The Monplaisir Complex" by V. Stukalov and V. Melnikov.

The interior of the Lacquer Cabinet is also featured in the postcard "Lacquer Cabinet of the Monplaisir Palace, Petrodvorets," published in 1980. The Firebird, depicted on the coat of arms and flag of the Palekh District of the Ivanovo Region, as well as on a postage stamp from the "Regions of Russia" series, has spread its radiant wings in many corners of the world¹³.

And we so want to continue telling you about its lofty, beautiful flight. And finally, allow me to present to you the third part of the aforementioned triptych, dedicated to the mastery of Khokhloma by Oskemen artists. The first author of this article will be the lead author.

My earliest and brightest memories of early childhood — the happy faces of my parents and Khokhloma — are everywhere in

¹² Шлычков Л.А. Листая времени страницы: Памятники архитектуры Ивановской области. — Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1983. — 159 с.

¹³ Шлычков Л.А. Листая времени страницы: Памятники архитектуры Ивановской области. — 2-е изд., стереотипное. — Иваново, 2008. — 159 с.

our warm and cozy apartment. Painted spoons, cups, glasses, candlesticks — you name it¹⁴.

My mom and dad were so passionate about collecting Khokhloma painting that I, too, began to develop into a collector from a very early age. And soon, to my surprise, I discovered that my favorite toys (I was allowed to play with matryoshka dolls from Khokhloma and Polkhov Maidan) can also be found on postage stamps. The first stamp I encountered, designed by Yevgeny Komarov and dedicated to the Khokhloma craftsmen, No. 1996, was the third in a series of six stamps entitled “Decorative and Applied Arts of the Peoples of the USSR”¹⁵. This charming miniature was older than me by a dizzying thirteen years, as it seemed to me then, as it was published on March 30, 1957, when even the first artificial satellite was just getting ready to begin transmitting its world-famous “Beep-beep-beep” signals to earthlings.

When I opened the Soviet Encyclopedic Dictionary at home, I learned that “Khokhloma is an ancient Russian folk craft that emerged in the 17th century in the village of Khokhloma. It is a decorative painting of wooden utensils and furniture, executed in red, green, and gold tones on a black background.” But this, of course, wasn’t enough for me. And for the first detailed account of the Khokhloma craft, I am grateful to my teacher, Galina Ivanovna Nasonova, at Children’s Center No 35 in Arzamas-16, which we’ve already told you about many times.

In our group, Khokhloma was everywhere. We studied at small Khokhloma tables, sitting on small Khokhloma chairs, and boldly banged one Khokhloma spoon against another in our kindergarten spoon ensemble. And on the shelves of our group’s cabinets, Khokhloma cups, ladles, and boats, similar to those collected by my parents and many of their friends and colleagues, were displayed

¹⁴ *Латышев О.Ю.* Русской души торжество // PHILATELY.RU. — URL: <https://philately.ru/article/philately/45462/russkoy-dushi-torgestvo/> (дата обращения: 06.02.2025).

¹⁵ *Хохломские художественные изделия* // Товарный словарь / И.А. Пугачев (главный редактор). — М.: Государственное издательство торговой литературы, 1961. — Т. IX. — Стб. 313–318.

in abundance¹⁶. Galina Ivanovna led several classes for our group dedicated to the Khokhloma craft¹⁷.

My classmates and I, with whom we still correspond and call each other half a century later, learned from our beloved teacher that in Khokhloma, “there’s a distinctive ‘top’ painting (where a design is applied over a painted silver background).

The kroul is the main line of the composition, onto which elements such as sedges, droplets, tendrils, curls, etc. are ‘planted’ in red and black. And the ‘underground’ painting (first, the outline of the ornament is outlined, and then the background is filled in with black paint, leaving the leaf or flower design in gold).”

In Galina Ivanovna’s classes, we learned to draw so-called “gingerbread” on album sheets. But this time, it wasn’t edible. For us, it was a square or diamond, which Khokhloma craftsmen traditionally paint on the bottom of a dish or cup. Among these graceful geometric shapes, we also had exotic herbs and everyone’s favorite, easily recognizable berries and all kinds of flowers, the diversity of which would easily be the envy of any city flowerbed. Then we learned to paint Khokhloma patterns in watercolor, consisting of large and small blades of grass, which Galina Ivanovna called “grass.” Finally, having chosen a red or black background for our future drawing, each of us generously filled most of the sheet with a variety of “golden” swirls, intended to represent leaves and flowers.

This is how we learned to paint a “kudrina.” Needless to say, none of us ever became Khokhloma masters? However, even at school, we constantly painted Khokhloma patterns. Our first teacher, Tamara Nikolaevna Karaseva, in first grade “A” at School No 19, told us that painting a Khokhloma pattern isn’t everything.

First, it still has to be made. From her lips, something like this sounded confidential: “To make Khokhloma-painted items, rough wooden blocks are first made. Then, on a lathe or milling machine,

¹⁶ Красильников А.В. Золотая Хохлома / сост.: А.В. Красильников; лит. обраб. И. Сидоровой. — Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1979. — 175 с.

¹⁷ Емельянова Т.И. Рождение Хохломы // Народное творчество: журнал. — 1992. — № 1.

the blanks are shaped to the desired form. The resulting items—carved ladles and spoons, serving dishes, and cups—are the base for the painting, called “linen.” After drying, the “linen” is primed with liquid purified clay, or vapa. After priming, the item is dried for 7–8 hours and then manually coated with several layers of drying oil (linseed oil). The craftsman dips a special pad made from inside-out sheepskin or calfskin into a bowl of drying oil and then quickly rubs it into the surface of the item, rotating it to distribute the drying oil evenly.

This operation is crucial. The quality of the wooden utensils and the durability of the painting depend on it. The item is coated with drying oil 3–4 times a day. The final coat is dried until it is slightly tacky — when the drying oil slightly adheres to the finger without staining it.

The next step is “tinning,” which involves rubbing aluminum powder into the surface of the item. It’s also done by hand with a sheepskin pad. After tinning, the items acquire a beautiful white mirror-like sheen and are ready for painting.”

In 1979, Khokhloma reappeared on a Soviet stamp, and the kleinbogen featuring it was designed by the artist Martynov to perfection. When we entered middle school, our wonderful fine arts teacher, Valentina Sergeevna Varlamova, took over from Tamara Nikolaevna.

While my classmates and I were creating our own Khokhloma patterns in the art room, she told us that the village of Khokhloma, where painted pottery from several villages in the Nizhny Novgorod province was initially brought to sell, was not all that far away from us, also in what was then, in Soviet times, the Gorky Oblast. And that Maxim Gorky himself, after whom our regional center was named, helped develop the Khokhloma craft. As Valentina Sergeevna recounted, the writer “treated folk culture and crafts with great respect and love.”

The meeting of two remarkable people — writer and artist Georgy Petrovich Matveyev, who founded the School of Artistic Woodworking in Semyonov in 1916 — was pivotal for the development of the Khokhloma craft. In 1924, graduates of the school organized the first industrial cooperative artel, “Kustar-

Artist.” In 1931, due to increased export sales, the artel was renamed “Export,” and in 1961 it was transformed into the “Khokhloma Painting” factory.

Ten years later, the Khokhloma Painting production and art association was established at the factory, and it was awarded the Order of the Badge of Honor in 1981. Shortly before the lesson she taught us, Valentina Sergeevna asked us all to bring white cutting boards to the next lesson. Dad helped me sand it, and when the drawing was finished and Mom was out, he varnished it.

It was a small surprise for Mom — one of the many gifts my classmates, and others, had given her. Mom still carefully preserves them all in our home. And in 1982, Mom took me to Gorky for the first time, a city I had long dreamed of visiting.

On the pedestrian Sverdlovka Street, which runs away from the Nizhny Novgorod Kremlin and has now been reverted to its pre-revolutionary name, “Bolshaya Pokrovskaya,” to the left of the remarkable building of the Gorky State Academic Puppet Theater, designed by F.O. Shekhtel and S.A. Timofeeva, we found a truly magical gift and souvenir shop, “Arts and Crafts,” at number 43.

Leaving this magical realm and glancing at our watches, we were surprised at how much time we’d spent there, gazing at display case after display case, decorated in the style of Khokhloma painting. From then on, whenever we traveled with the ensemble to competitions in Gorky, and then again to Nizhny Novgorod, we always tried to stop by, at least briefly, and admire the beauty on display.

And, of course, as an adult, I always tried to bring my parents more and more Khokhloma pieces as gifts, expanding on the amazing collection they began in the 1960^s. The bright, attractive cornice on the building housing the “Arts and Crafts” store can still be seen in the upper left corner of postcard No. 2016-112/5, “Nizhny Novgorod. Nizhny Novgorod State Academic Puppet Theater,” issued from a photograph by E. Kaverznikova on June 16, 2016, with designs by O. Pryadkina. The number of postcards dedicated to the wonders of Khokhloma painting is simply incalculable. While some feature photographs and drawings specifically designed to showcase the beauty of Khokhloma artists’

work, the vast majority of cards feature Khokhloma patterns as integral elements of the greeting card's artistic design. And truly, what could be better?

The Khokhloma Painting company has been exporting since 1924. In the early 20th century, Khokhloma products reached not only European countries, but also remote cities in America, Australia, and even Africa.

The assortment was quite diverse: from tableware with characteristic patterns to terem-style cabinets. The products were so popular that one German entrepreneur even organized the production of wooden cups in Germany, which he passed off as Khokhloma. Having participated in numerous international exhibitions, beginning with the Paris Exhibition of 1925, the company has been awarded medals and diplomas from countries including France, Brazil, Germany, Great Britain, Belgium, China, Canada, the USA, Lebanon, and South Korea.

Currently, the company's export geography is extensive, reaching over thirty countries. Its long-standing partners include major wholesale and retail companies from Europe, Australia, Kazakhstan, Turkmenistan, Argentina, the USA, and elsewhere. We wish Khokhloma artisans continued success, and we wish the publishers of stamps, envelopes, and postcards continued attention to Khokhloma's stunning designs.

Список литературы

1. Бакина Н.Е., Кулешова И.Ю., Рябчикова О.А. Воронежский областной художественный музей им. И.Н. Крамского. — 28 с.
2. Гамелкин С.В., Капитин М.Г. Гжель и гжельцы: На родине русского фарфора. — М.: Московский рабочий, 1969. — 128, [24] с.
3. Гжель // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). — СПб., 1890–1907.
4. Гжельская керамика // Товарный словарь / И.А. Пугачев (гл. ред.). — М.: Государственное издательство торговой литературы, 1957. — Т. II. — Стб. 206—207. — 567 с.
5. Гжельские истории в записках коллекционера. Ч. 1. Начала. — М.: Ре-процентр М, 2004. — 356 с.

6. *Емельянова Т.И.* Рождение Хохломы // Народное творчество: журнал. — 1992. — № 1.
7. *Жидков Г.В.* Пушкин в искусстве Палеха. — М.; Л.: Гос. изд-во изобр. иск-в, 1937. — 168 с.
7. *Колесова О.А.* Палех и палешане. Путеводитель. — Иваново: Референт, 2010. — 156 с.
8. *Красильников А.В.* Золотая Хохлома / сост.: А.В. Красильников; лит. обраб. И. Сидоровой. — Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1979. — 175 с.
9. *Кривошеина Н.В.* «Вятский Палех» в монументальной церковной живописи конца XIX века: монография. — Киров: Лобань, 2009. — 152 с., илл.
10. *Латышев О.Ю.* Русской души торжество // PHILATELY.RU. — URL: <https://philately.ru/article/philately/45462/russkoy-dushi-torgestvo/> (дата обращения: 06.02.2025г.)/
11. *Латышев Ю.А., Латышева П.А., Латышев О.Ю.* Волшебство Палехской миниатюры // PHILATELY.RU. — URL: <http://philately.ru/article/philately/45510/palehsкая-miniatura/> (дата обращения: 25.03.2025г.).
12. *Логинов В.М.* Новь древней Гжели / предисл. В.К. Успенского. — М.: Московский рабочий, 1986. — 112,[32] с.
13. *Смирнов Г.С.* Палехский краеведческий мир-музей глазами знаменитого краеведа (размышления над рукописью В.Т. Котова «Палех. Забытое. Неведомое») // Ноосферные исследования. — 2023. — Вып. 1. — С. 34–40.
14. Хохломские художественные изделия // Товарный словарь / И.А. Пугачев (гл. ред.). — М.: Государственное издательство торговой литературы, 1961. — Т. IX. — Стб. 313—318.
15. *Шлычков Л.А.* Листая времени страницы: Памятники архитектуры Ивановской области. — Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1983. — 159 с.
16. *Шлычков Л.А.* Листая времени страницы: Памятники архитектуры Ивановской области. — 2-е изд. стереотипное. — Иваново, 2008. — 159 с.
17. *Kotov V.* The State Museum of Palekh Art. Альбом. На русском и английском языках. — М.: Изобразительное искусство, 1975. — 370 с., илл.

Лебедева О.П.,

кандидат философских наук,
доцент кафедры мировой политики и межкультурного развития,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ И ВООБРАЖЕНИЕ КАК КОГНИТИВНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ЭВОЛЮЦИИ: НАЧАЛО ПУТИ ОЧЕЛОВЕЧИВАНИЯ

Lebedeva O.P.,

PhD in Philosophy Science,
Associate Professor
of the Department of World Politics and Intercivilizational Development,
V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow
oplebedeva@bk.ru

SOCIAL MEMORY AND IMAGINATION AS COGNITIVE TOOLS OF EVOLUTION: THE BEGINNING OF THE HUMANIZATION PROCESS

Аннотация. Статья посвящена исследованию памяти и воображения как важнейшим социально-психологическим феноменам, опосредованно сыгравшим ключевую роль в формировании и развитии всей системы социальных связей. Важнейшим фактором эволюции стали особые психические способности человека как вида. Сюда относится не только интеллект, способность хранить большие объемы информации, но и эмоциональное отношение к миру, свойственное человеку. Автор обращается к истории возникновения письменности и формированию математического аппарата как факторам ранней когнитивной революции.

Ключевые слова: память, информация, социализация, социокультурная память, забывание, забвение, когнитивные революции, письменность, эволюция, развитие, выживание, совершенствование, мифология, фантазия, воображение, социальная психология.

Abstract. The article is devoted to the study of memory and imagination as the most important socio-psychological phenomena that indirectly played a key role in the formation and development of the entire system of social relations. The special mental

abilities of humans as a species have become the most important factor in evolution. This includes not only intelligence and the ability to store large amounts of information, but also the emotional attitude towards the world that is characteristic of humans. The author examines the history of the emergence of writing and the development of mathematics as factors in the early cognitive revolution.

Key words: memory, information, socialization, sociocultural memory, forgetting, oblivion, cognitive revolutions, writing, evolution, development, survival, improvement, mythology, fantasy, imagination, social psychology.

Память наряду со способностью отбирать информацию, отбрасывая ненужное, выделяя важное, наряду с воображением и способностью к творчеству могут пониматься как важнейшие факторы формирования социального [16; 20; 10]. Когнитивные революции, в свою очередь, могут быть рассмотрены в качестве важнейших вех общественного развития, а все прочие проявления социальных сдвигов как вторичные по сравнению с социально-психологическими феноменами [7; 9; 15].

Память представляет собой, в первую очередь, психический феномен. У многих биологических видов информация, необходимая для выживания, заложена на генетическом уровне [12; 13]. Она связана с простейшим набором функций и распределением немногих ролей в сообществе, передается как врожденный инстинкт и условие выживания. Биологическим преимуществом физически относительно слабого и незащищенного природой человека как вида в процессе его эволюции был, прежде всего, его мозг и нервная система, способные осуществлять ряд функций, которые не были представлены ни у одного другого вида в столь развитой степени [14; 5]. Одной из ведущих особенных функций человеческой психики была и остается избирательная память, как способность хранить необходимую для выживания и развития информацию о прошлом опыте [5; 3].

Первоначально, в системе несложных социальных связей дописьменной эпохи человек полагался на собственную непосредственную память как индивидуальную психическую функцию [7; 13; 14]. С усложнением общественных систем, формированием государств, развитием хозяйственной жизни, институализацией религий объем и характер передаваемой ин-

формации станет слишком большим. Полагаться только на биологические ресурсы психики, даже самых лучших хранителей и трансляторов социального опыта, станет невозможным [7; 13; 18]. В изменившихся условиях актуальными станут не только легенды, предания седой старины о подвигах предков, приемах охоты, рыбной ловли, земледелия и скотоводства, так важных для предков, но и немалая информация по законам, судопроизводству, сделкам, налогам, формированию армий, расходам на них, закреплению правил поклонения богам [7; 13; 14]. По мере превращения религии в социальный институт биологическая память и воображение отдельных индивидов, говорение как способ трансляции информации перестанут быть надежным, всеохватывающим и эффективным инструментом [20; 17; 19].

По мере социального развития условные «базы данных» общества значительно и быстро увеличивались, и человеческий мозг как основной носитель информации перестал адекватно решать задачи по сохранению и передачи информации [7; 13; 5]. Неспособность полностью удовлетворять возросшие потребности социальных коммуникаций за счет ресурсов мозга была связана с несколькими основными причинами. Во-первых, это ограниченность объема памяти человека даже при применении самых уникальных мнемотехник и хороших когнитивных задатках индивида. Во-вторых, отдельно взятый человек является ненадежным хранителем информации по причине собственной смертности, информация с уходом носителя сведений также обречена на гибель. В-третьих, хранимая в индивидуальном сознании информация и передаваемая из уст в уста, субъективно искажается со временем. Четвертым фактором является то, что индивидуальная память относительно легко хранит личностно значимую, предметную и персонифицированную, а также эмоционально окрашенную информацию, но сталкивается с множеством барьеров, если речь идет об абстрактных данных, не имеющих прямого отношения к человеку [5; 10]. Особые трудности вызывает усвоение большого массива количественных, числовых сведений [1; 2; 11].

Принципиально важной вехой в формировании социальной памяти нового типа по сравнению с устной передачей сведений

стало появление обширной математической информации в ходе стремительного развития хозяйства и сбора налогов [1].

Математика в древнем мире развивалась двумя основными путями: в рамках идеалистической философии, освоения оккультных практик, рассматривающих число как самостоятельную и объективную сущность и как более представленный, практический инструментарий для ведения хозяйственной, военной, политической и иной деятельности [2]. Само греческое слово «математика» говорит о первоначальном понимании и предназначении этой области знания. Слова с суффиксом «тика» обозначали у древних греков вспомогательный набор практических инструментов, методов и навыков для работы в других областях, а потому все «-тики» мыслились как не имеющие собственной теории и методологии [11; 1].

Первое направление не осталось экзотическим заблуждением древних интеллектуалов, а спустя столетия превратило математику в самодостаточную и сложную науку со своим категориальным аппаратом и специфическими методами, давшей, в свою очередь, возможность для небывалого развития техники и технологий. Однако, длительное время такой взгляд на природу числа был уделом узкого круга особых лиц, чаще всего ревностно оберегавших добытые знания от невежественного интереса широкого круга непосвященных. В рамках этой традиции рано начали формироваться и использоваться специальные, искусственные языки, первоначально предназначавшиеся для хранения интеллектуальных тайн о сущности мироздания, но затем ставшие серьезным самостоятельным инструментарием для развития математического знания, независимых от эзотерических воззрений первооснователей [2; 11; 5].

Более очевидными и влиятельными для формирования математических методов хранения информации в мире древних цивилизаций были новые бюрократические процедуры. Для чего, главным образом, и сформируется письменность и обозначение чисел при помощи системы знаков. Настоящим скачком в развитии человеческой психики является способность отделить число от предметов, условно изображавших количественные пропорции: палочки, камешки, веточки. Прорывом стало создание

формирование математических объектов путем идеализации свойств объектов, умение записывать эти сведения на формальном языке, хранить их и делать инструментом коммуникации ученых [1; 18].

Формирование письменности было не таким простым, как может показаться. Знаковые системы, хорошо знакомые нам и способные реализовать широкий спектр функций человеческой речи и коммуникаций, появились в истории далеко не в один миг [10; 5; 6].

Живые, естественные языки выполняют, как известно, множество важных функций в процессе социальных коммуникаций. Две самые важные и лежащие на поверхности — передача информации и взаимообмен эмоциями и настроениями [5; 13; 14]. Затруднительно сказать однозначно, какая из функций стала ведущей при формировании живого, дописьменного языка: стремление обменяться жизненно важной, насущной информацией для осуществления совместной жизнедеятельности и распределения функций в результате коммуникации либо биологически заданная сущность человека как социального животного, нуждающегося в постоянной подпитке эмоционально значимой информацией и выпускающего нервное напряжение и результаты нравственной рефлексии в коммуникативную среду [9; 14].

Человеческий мозг нуждается в специфической энергии, рождаемой эмоциональным отношением к миру [12; 13]. Ею человек подпитывается через всевозможные истории, мифы, предания, рефлексию чужих и собственных поступков и переживаний. Также как в биологической пище для поддержания физиологического функционирования организма психика нуждается в эмоционально окрашенной информации, возникающей в процессе общения с другими людьми.

Первые системы письменности, например клинопись, были частичными. Это означает, что они успешно справлялись с задачами передачи информации по количественным аспектам и четким фактам деловых коммуникаций древних, но были не в состоянии передать мир эмоциональных переживаний живших много столетий назад людей. Клинопись не годилась для поэзии

и прозы, поэтому субъективный мир, нравственное сознание людей древних цивилизаций дошли до нас в урезанном виде и носят гипотетический характер [20; 13; 7].

Считается, что первыми изобретателями письменности были шумеры [13; 10]. В условиях интенсивного появления и развития городов, богатого урожая аграрного хозяйства Южной Месопотамии, торговли и ремесла объемы информации резко возросли, появилась необходимость в создании системы для сохранения количественных данных. Знаки, которые использовали шумеры для обозначения на глиняных табличках, были двух видов: для чисел и фактов. Первая письменность не была предназначена для реализации более широкого круга функций, преимущественно деловая, количественная информация шумерской цивилизации сохранилась в памяти потомков [3; 4; 6].

Примером неполной знаковой системы для долгосрочного хранения информации является также древняя андская «письменность» (речь о доколумбовой цивилизации на территории Анд). Индейцы сохраняли деловую, количественную информацию при помощи системы узелков на связке разноцветных шнурков из хлопка и шерсти, т.н. кипу [4; 9]. Латиноамериканские цивилизации вели торговлю, хозяйственные расчеты, учет при помощи кипу на протяжении сотен лет. Позднее элементы кипу некоторое время успешно использовались конкистадорами при управлении новыми вотчинами.

Важной вехой в процессе формирования социальной памяти человечества стало формирование полной системы письма, то есть способной фиксировать все нюансы живого, разговорного языка. К числу полных систем письма специалисты относят латинский алфавит, египетские иероглифы, шрифт Брайля и др. знаковые системы [13; 20; 8; 15].

Список литературы

1. Гурбанова Ш. История математики // Символ науки. — 2025. — № 3-1-1. — С. 8–11.
2. Кольман Э. История математики в древности. — М.: Гостехиздат, 1961. — 236 с.

3. *Костина Е.Н.* Память, забвение, идентичность: диалектика феноменов // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. — 2011. — Том 153, кн. 1. — С. 60 — 65.
4. *Кэмпбелл Дж.* Сила мифа. — СПб.: Питер. — 2019. — 384 с.
5. *Лебедева О.П.* Знание в исторической ретроспективе формирования высшего образования // Гуманитарное образование в парадигме сложности: сборник научных статей. — М., 2016. — С. 44–56.
6. *Лебедева О.П.* Цивилизационные полюсы и центры силы: письменность и алфавит в глобальном переустройстве мира // Лингвокультурные аспекты глобализационных процессов: языковой капитал в структуре человеческого и культурного капитала. — М., 2024. — С. 38–43.
7. *Ли С.* Близкие контакты далеких предков: как эволюционировал наш вид. — М.: Альпина нон-фикшн, 2022. — 294 с.
8. *Лихачев Д.С.* Искусство памяти и память искусства // Критика и время: литературно-критический сборник / сост. Н.П. Утехин. — Л.: Лениздат, 1984. — С.68–74.
9. *Лотман Ю.М.* Память в культурологическом освещении // Избранные статьи. — Т. 1. — Таллин: Велес, 1992. — С. 200–202.
10. *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Историческая память: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого. — М.: Издат. дом ГУ ВШЭ, 2005. — С. 170–221.
11. *Стройк Д.Я.* Краткий очерк истории математики. — М.: Наука, 1984. — 286 с.
12. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. — М.: АСТ, 2018. — 736 с.
13. *Харари Ю.Н.* Sapiens: Краткая история человечества. — М.: Синдбад, 2019. — 512 с.
14. *Хаттон П.* История как искусство памяти. — СПб.: изд-во «Владимир Даль», 2004. — 362 с.
15. *Чертков А.С.* Грибоедовский бал в системе исторических балльных танцевальных традиций // Обсерватория культуры. — 2024. — Т. 21. — № 1. — С. 102–111.
16. *Чертков А.С., Зименков А.Л., Черткова Я.А.* Мемориализация и музеефикация культурного наследия А.С.Грибоедова// Региональные культурные стратегии в современном мире. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). — Пермь, 2025. — С. 512–518.

17. *Чертков А.С., Черткова Я.А.* Образ России будущего глазами студентов, изучающих дисциплину «Основы Российской государственности» // Молодежь как социальная группа российского общества: статус, мобильность, особенности коммуникаций. — Сборник научных трудов Всероссийской научной конференции. — Ульяновск, 2024. — С. 97–102.
18. *Шкуратов В.А.* Историческая психология. — М.: Мысль, 2002. — 342 с.
19. *Шорохова С.П.* Новый миф — концепция постчеловека // Грани культуры: актуальные проблемы истории и современности. Материалы XIX всероссийской научной конференции с международным участием: сборник статей. — М., 2025. — С. 425–431.
20. *Шуб М.Л.* Социальная, коллективная и культурная память: новый подход к определению смысловых границ понятий // Обсерватория культуры. — 2017. — Т. 14 — № 1. — С.4–11.

Левчик Д.А.,

доктор исторических наук, профессор,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

Баженова Е.М.,

студент,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

**РАЗВИТИЕ ЭЛЕМЕНТОВ
«КОММУНИКАТИВНОГО КАПИТАЛИЗМА»
И «СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА»
НА ПРИМЕРЕ FACEBOOK¹ И WECHAT
(СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КРУПНЕЙШИХ МИРОВЫХ
МЕДИАПЛАТФОРМ)**

Levchik D.A.,

Doctor of History Sciences, Professor,
V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow
levchik63@rambler.ru

Bazhenova E.M.,

Student,
V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow
maruna99@list.ru

**THE DEVELOPMENT OF ELEMENTS
OF “COMMUNICATIVE CAPITALISM”
AND “NETWORK SOCIETY”
USING THE EXAMPLE OF FACEBOOK¹ AND WECHAT
(COMPARATIVE ANALYSIS OF THE WORLD’S LARGEST
MEDIA PLATFORMS)**

¹ Медиаплатформа Facebook как часть компания Meta 21 марта 2022 г. была признана экстремистской организацией на территории РФ.

Аннотация. Цель статьи: анализ развития самых крупных проявлений «коммуникативного капитализма» и основы современного «сетевого общества» — медиаплатформ Facebook² (США) и WeChart (КНР), пользователями которых является больше половины населения Земли.

Методы исследования: сравнительный анализ целевых аудиторий медиаплатформ, сравнительный анализ экономических показателей и систем безопасности медиаплатформ, а также показателей удобства работы с медиаплатформами.

Полученные результаты: мы пришли к выводу, что современное «сетевое общество» фрагментировано, а «коммуникативный капитализм», укрепившись в США и Китае, развивает свою экспансию в Индию и Юго-Восточную Азию. При этом «сетевое общество» и «коммуникативный капитализм» в КНР гораздо слабее, нежели в США. Нигде в мире не обеспечена защищенность «цифровых вкладчиков» и «цифрового пролетариата». Медиаплатформа WeChat пока не сможет стать серьезным конкурентом медиаплатформе Facebook² в мировой системе «коммуникативного капитализма». Эти явления в России будут развиваться также, как и в США, и в КНР. И мы не уверены, что российские медиаплатформы смогут стать для антироссийски настроенной Facebook² серьезными конкурентами. Опора же на китайские медиаплатформы, которая ситуативно хороша как инструмент преодоления экономических санкций, стратегически для российского «сетевого общества» может стать тоже ошибкой.

Ключевые слова. Медиаплатформа, цифровая платформа, цифровизация, цифровая экономика, социальные сети, новые медиа, глобальная экономика

Abstract. The purpose of the article is to analyze the development of the largest manifestations of “communicative capitalism” and the foundation of the modern “network society” — the media platforms Facebook (USA) and WeChart (China), which are used by more than half of the world’s population.

The research methods include a comparative analysis of the target audiences of the media platforms, a comparative analysis of the economic indicators and security systems of the media platforms, as well as a comparative analysis of the usability of the media platforms.

The results obtained: we have come to the conclusion that the modern “network society” is fragmented, and “communicative capitalism”, having been strengthened in the USA and China, is developing its expansion into India and Southeast Asia. At the same time, “network society” and “communicative capitalism” in the PRC are much weaker than

² Медиаплатформа Facebook как часть компания Meta 21 марта 2022 г. была признана экстремистской организацией на территории РФ.

in the USA. No place in the world has provided the security of “digital depositors” and “digital proletariat”. The WeChat media platform will not be able to become a serious competitor to the Facebook media platform in the global system of «communicative capitalism» for the time being. These phenomena will develop in Russia in the same way as they do in the United States and China. We are not sure that Russian media platforms will be able to become serious competitors to the anti-Russian Facebook. Relying on Chinese media platforms, which is a good tool for overcoming economic sanctions in the short term, may also be a mistake for the Russian «network society» in the long term.

Key words: media platform, digital platform, digitalization, digital economy, social networks, new media, global economy/

Современный мир меняется на глазах. При жизни всего одного поколения (большинство социологов считает поколением временной промежуток в 28 лет) в мире началась цифровизация (диджитализация) масс-медиа, своеобразное взаимное «растворение» друг в друге электронных СМИ, практическое их слияние в сфере технологии вещания. Началось вещания радио и телевидения в Сети Интернет, исчезла серьезная разница для потребителя между радио, телевидением и Интернетом. Почти умерли бумажные СМИ [8–10]. Бурно развивается мультимедийное искусство, видеоискусство, новая музыка (например, стоп-рок, музыка городских шумов), а также арт-проекты, которые существуют только онлайн. Произошел настоящий взрыв блогосферы, гражданской журналистики в социальных сетях в Интернете [5; 3]. Изменились деньги, появилась криптовалюта, изменилась банковская сфера, появились безофисные управленческие технологии, Семимильными шагами развивается гейм-индустрия и индустрия компьютерного досуга. Все это было стимулировано самоизоляцией и карантином во время пандемии коронавируса. А главное — появилась мощная социальная прослойка «новых богатых», новых капиталистов, создавших свое состояние на эксплуатации социальных сетей, блогосферы, интернет-СМИ и цифрового контента. Равно как появилась прослойка интернет-зависимых, психически больных людей.

У растерянных социологов и политологов, которые просто не успевают осмысливать масштабы и скорость перемен насту-

пил глубочайший эвристический кризис, кризис методологии научного исследования, Его пытаются преодолеть, предлагая для объяснения современности разные теории. Перечислю основные: теория о возникновении в современном мире «медиаэкологии», выдвигаемая М. Друкером, теория существования и развития «медиатизации» [2], теория «сетевого общества», выдвигаемая М. Кастельсом, теория «коммуникативного капитализма», выдвигаемая Дж. Дином, теория появления «ноономики», выдвигаемая С. Бодруновым, теория «сетевой политики», выдвигаемая Л. Акоповым и т.п. Новые теории развития общества посыпались как из рога изобилия [6–8]. Подчас они дополняют друг друга, но чаще взаимоисключают. На наш взгляд, наиболее обоснованной можно считать версию о формировании в наше время «коммуникативного капитализма» и «сетевого общества». Отметим, что в рамках этих теорий используются термины «цифровой пролетариат» для описания рядовых работников ИТ-индустрии. Можно предложить еще и термин «цифровые вкладчики» для обозначения мелких инвесторов медиаплатформ. «Сетевым обществом», по мнению авторов термина, является «общество, социальная структура которого преимущественно основана на сетях, которые активизируются новыми информационными технологиями» [11].

По мнению авторов теории о существовании «коммуникативного капитализма», последний «это экономико-идеологическая формация, при которой происходит конвергенция демократии, капитализма, сетевых технологий и медиа: в новых условиях основные демократические ценности материализуются в сетевых коммуникационных технологиях, поэтому коммуникативный капитализм полагается на эксплуатацию коммуникации. Это вызывает изменения в самом характере сетевой коммуникации: теперь содержание сообщения отходит на второй план, и важным становится лишь сам факт «вклада», сообщения в «циркулирующий поток контента». При этом капитал характеризуется усилением конкуренции и неравенством». Так описывает концепцию коммуникативного капитализма в трудах Дж.Дина российская исследовательница В.В. Шпоть [12]. Описание спорное и очевидно, что без серьезных эмпирических исследований в области изу-

чения основных проявлений цифровизации современного мира — цифровых платформ, медиаплатформ, — исследователи всерьез не продвинутся в понимании происходящих изменений. Это, на наш взгляд, одно из самых актуальных направлений для гуманитарных исследований. И очевидно, что надо изучать лидеров цифровизации, а потому предметом нашего исследования является сравнительный анализ двух крупнейших и самых влиятельных в мире медиаплатформ: WeChat и Facebook³. WeChat принадлежит корпорации Tencent, а Facebook — корпорации Meta, которая внесена в перечень организаций, причастных к терроризму и экстремизму и запрещена на территории Российской Федерации. Однако запрет для политолога — не повод для отказа от изучения этой медиаплатформы. Более того — в изучении этой организации нам видится особая общественно-политическая актуальность исследования. «Врага надо знать в лицо!» — так говорил две с половиной тысячи лет назад китайский стратег Сунь Цзы.

Сначала оговорим терминологию. Как справедливо отмечает О.В. Краснаярова, «одна из дефиниций, которая обнаруживается в первую очередь при простом поиске в информационной системе Google, постулирует следующее: «Медиаплатформа — это совокупность точек размещения любого вида информации в интернете, расположенных на путях определения пользователем конкурентного преимущества при существующей экономической конъюнктуре». Как видим, здесь есть попытка отразить в определении прежде всего технологическую сторону медиаплатформы, которая существует как информационный ресурс, который выбирает интернет-пользователь, выделяя преимущества той или иной медиаплатформы. Иными словами, в данном определении акцентируется роль пользователя. Но это определение нельзя назвать удачным, поскольку в нем не раскрываются функциональные характеристики медиаплатформы, для чего она существует в принципе и как осуществляется технологически» [4, с. 46]. Рассуждения О.В. Краснойровой фактически продолжает В.В. Декалов в электронной версии «Большой российской энциклопедии»

³ Медиаплатформа Facebook как часть компания Meta 21 марта 2022 г. была признана экстремистской организацией на территории РФ.

в своем терминологическом анализе понятия «медиаплатформа». По мнению В.В. Декалова «под платформами часто понимают современные онлайн-площадки, объединяющие людей для какой-либо цели. Этот феномен связан с инновационным развитием глобальной ИТ-индустрии, трансформирующей традиционные бизнес-модели в промышленности и сфере услуг». В.В. Декалов справедливо отмечает, что «начиная с 1990-х годов <...> исследователи определяют этот феномен по-разному». «Т. Бреснахэн и Ш. Гринштейн определяли платформы как «набор стандартных компонентов, вокруг которых покупатели и продавцы координируют свои действия» М. Кусумано и А. Гауэр предложили следующее определение платформы: «Базовая технология или набор компонентов, используемых за пределами одной компании и объединяющих несколько сторон для достижения общей цели или решения общей проблемы» Б. Браттон: «основанная на стандартах технико-экономическая система, которая одновременно распределяет интерфейсы посредством их удаленной координации и централизует их комплексное управление посредством той же координации». Канадский политический теоретик Н. Срничек под платформами понимает «цифровые инфраструктуры, которые позволяют двум и более группам взаимодействовать» [1]. Мы солидарны с мнениями О.В. Краснойровой и В.В. Декалова о термине «медиаплатформа» и в своем исследовании придерживаемся их интерпретации этого термина.

Цель нашей работы — рассмотреть медиаплатформы WeChat и Facebook⁴ как часть «сетевого общества» и элемент «коммуникативного капитализма», а также выявить причины лидерства медиаплатформ WeChat и Facebook⁴ и определить лидерские особенности в работе этих крупнейших мировых медиаплатформ.

Задачи работы заключаются в том, чтобы сравнить:

- 1) количество пользователей и проанализировать страноведческую разницу в среде пользователей. Это позволит четче определить целевую аудиторию, на которую нацелены маркетинговые приемы анализируемых медиаплатформ;

⁴ Медиаплатформа Facebook как часть компания Meta 21 марта 2022 г. была признана экстремистской организацией на территории РФ.

- 2) экономические показатели медиаплатформ, уровень их доходов. Это — традиционный экономический показатель эффективности работы любой фирмы;
- 3) системы безопасности медиаплатформ. Как анализируемые медиаплатформы гарантируют безопасность индивидуальных данных потребителей, безопасность «цифровых вкладчиков»? Это является одним из главных показателей клиентоориентированности фирмы;
- 4) интерфейс WeChat и интерфейс Facebook⁵. Это является одним из главных показателей удобства работы с медиаплатформой и клиентоориентированности фирмы.

В качестве основы источниковой базы нашего исследования выступают: собственно медиаплатформы (цифровая платформа) WeChat и Facebook⁵, официальный сайт разработчика WeChat — группы Tencent. В качестве дополнительных источников использовались данные «Лаборатории Касперского» и сетевого сообщества IT-специалистов «Хабр», а также сайта demandsage.com.

Сравнительный анализ активных пользователей медиаплатформ

Медиаплатформа Facebook⁵ опережает медиаплатформу WeChat по количеству пользователей. По имеющимся данным за 2025 год, количество ежемесячных активных пользователей Facebook⁵ в мире составляет 3,07 миллиарда, и, по информации того же источника, за то же время в мире 1,38 миллиарда человек используют WeChat (см. табл. 1).

Таблица 1

**Топ социальных сетей по количеству активных пользователей
в среднем за месяц в 2025 году**

Facebook	3,07 млрд	TikTok	1,58 млрд
YouTube	2,50 млрд	WeChat	1,36 млрд

⁵ Медиаплатформа Facebook как часть компания Meta 21 марта 2022 г. была признана экстремистской организацией на территории РФ.

WhatsApp	2,00 млрд	Telegram	900 млн
Instagram	2,00 млрд	Snapchat	800 млн

Источник: URL: <https://www.demandsage.com>.

Почти 90% пользователей WeChat в 2025 году приходится на КНР и чуть более 10% — на Малайзию (см. табл. 2).

Таблица 2

**Количество пользователей медиаплатформы WeChat
в разных странах мира, в млн чел.**

Китай	810	США	4
Малайзия	12	Индонезия	3
Индия	10	Мексика	2,5
Россия	9,5	Таиланд	2,5
Япония	5,5	Бразилия	2
Южная Корея	5,5		

Источник: URL: <https://www.demandsage.com/wechat-statistics>.

В таблице 3 продемонстрировано, в каких странах больше всего пользователей Facebook⁶.

Таблица 3

Страны с самой высокой аудиторией Facebook, в млн чел.

Индия	375	Вьетнам	74,6
США	194,1	Бангладеш	55,1
Индонезия	117,6	Таиланд	49,4
Бразилия	110,9	Пакистан	46,0
Мексика	91,5	Египет	45,9
Филиппины	88,9		

Источник: URL: <https://www.demandsage.com/wechat-statistics>).

⁶ Медиаплатформа Facebook как часть компания Meta 21 марта 2022 г. была признана экстремистской организацией на территории РФ.

Важно отметить, что Facebook⁷ не публикует данные о количестве пользователей по странам и нам приходится полагаться на оценки экспертов. Но и экспертная оценка говорит о том, что эта медиаплатформа ориентирована почти на 40% на англоязычные страны — Индию и США.

Сравнительный анализ показывает, что Facebook⁷ популярен больше на территории Америки и Европы, в то время как WeChat популярен больше у жителей Азии. Азиатские потребители — основная целевая группа WeChat.

Таблица 1 показывает, что первую четверку лидеров среди медиаплатформ по количеству пользователей за месяц занимают все приложения Meta⁸, то 5 и 6 места отданы китайским приложениям. Tik-Tok, не является конкурентом WeChat, данное приложение относится к другому типу интернет-ресурсов, поэтому можно смело утверждать, что WeChat является основным конкурентом всего Meta⁸.

Сравнительный анализ доходов медиаплатформ

Сравним среднегодовые доходы медиаплатформ. В 2023 году годовой доход Facebook⁷ составил 134,9 миллиарда долларов, а в первой половине 2024 года общая выручка Meta⁸ составила 75,53 миллиарда долларов. WeChat, быстро догоняет Facebook⁷ по доходам. Пик доходов WeChat пришелся на 2021 год, когда его годовой доход составил 17,49 миллиарда долларов. В 2022 году доход был 16,44 миллиардов долларов. В 2023 году годовой доход WeChat составил 16,38 миллиардов долларов⁹.

В 2023 году выручка WeChat от покупок в приложении составила 71,39 миллиардов долларов, а на май 2024 года WeChat заработал более 30,33 миллиардов долларов на покупках в прило-

⁷ Медиаплатформа Facebook как часть компания Meta 21 марта 2022 г. была признана экстремистской организацией на территории РФ.

⁸ Компания Meta 21 марта 2022 г. была признана экстремистской организацией на территории РФ

⁹ URL: <https://www.demandsage.com/wechat-statistics/> и <https://www.demandsage.com/facebook-statistics/>

жении, в том числе на WeChat Pay и WeChat mini — programs¹⁰. Если рассмотреть доходы Facebook¹¹ и WeChat по отношению друг к другу, например, на 2023 год, то доля WeChat составляет примерно 12,13% от дохода Facebook¹¹.

Сравнение систем безопасности медиаплатформ

Сравнивая системы безопасности анализируемых медиаплатформ, можно прийти к неутешительному выводу, что обе хуже. Facebook¹¹ столкнулся с многочисленными скандалами по поводу утечек конфиденциальных данных, а WeChat сплошь и рядом обвиняют в строгой цензуре со стороны китайских властей. При этом WeChat имеет непрозрачную систему безопасности, и является лакомым кусочком для криминальных элементов по краже данных. Однако количество взломов WeChat меньше, чем у Facebook¹¹.

По информации «Лаборатории Касперского» в 2019 году 3 апреля произошла утечка значительного объема данных пользователей социальной сети Facebook¹¹, ставшая доступной в открытом Интернете¹². На одном из киберпреступных форумов появились сведения о 533 миллионах учетных записей из 106 стран, среди которых менее 10 миллионов принадлежит пользователям из России. В ответ на запросы средств массовой информации представители Facebook¹¹ подтвердили факт утечки данных. Инцидент произошел в инструменте поиска друзей. Данная функция автоматически загружала на серверы социальной сети телефонную книгу пользователя и предлагала добавить найденных контактных лиц в друзья. Позднее было установлено, что этот инструмент позволял переключаться между телефонными номерами и извлекать данные о значительном количестве пользователей.

¹⁰ URL: <https://www.demandsage.com/wechat-statistics/> и <https://www.demandsage.com/facebook-statistics/>

¹¹ Медиаплатформа Facebook как часть компания Meta 21 марта 2022 г. была признана экстремистской организацией на территории РФ.

¹² Security Week 14: масштабная утечка данных в Facebook // URL: <https://habr.com/ru/companies/kaspersky/articles/550880/>

У WeChat тоже есть истории кражи данных, но не в таком объеме. Так, по данным сетевого сообщества IT-специалистов «Хабр», 3 сентября 2022 года киберпреступная группа известная как Against The West (ATW), заявила о взломе серверов WeChat, утверждая о получении доступа к базам данных пользователей и исходному коду платформ¹³. Хакеры сообщали о том, что в процессе обработки баз данных WeChat они извлекли более 2 миллиардов записей, содержащих информацию о пользователях, включая данные несовершеннолетних. По их словам, объемы утекших данных варьируются от 34 ГБ до 790 ГБ в зависимости от конкретного типа базы данных. Но многие эксперты рассматривают данную информацию как недостоверную.

В начале 2024 года китайские власти начали расследование в отношении сотрудника холдинга Tencent, Ч. Фэна. Он подозревается в передаче данных пользователей WeChat бывшему чиновнику китайского правительства, С. Лицзюню, который также находится под следствием. Tencent подтвердил факт задержания сотрудника, однако утверждает, что это связано с подозрением в коррупции в личных делах Фэна, а не с его деятельностью в компании.

Все эти события показали уязвимость крупных социальных платформ, которые хранят обширные объемы личной информации пользователей. Взломать можно все, единственное вопрос как быстро будет замечена и устранена утечка информации.

Сравнение интерфейсов медиаплатформ

Сравнивая интерфейс WeChat и интерфейс Facebook¹⁴, отметим следующее.

1. Интерфейс WeChat многофункционален. Он объединяет множество функций в одном приложении, включая мессенджер, социальную сеть, платформу для платежей,

¹³ Хакеры заявили о взломе TikTok и WeChat и получении доступа к базам данных пользователей и исходным кодам платформ // URL: <https://habr.com/ru/news/686388/>.

¹⁴ Медиаплатформа Facebook как часть компания Meta 21 марта 2022 г. была признана экстремистской организацией на территории РФ.

игры и даже инструменты для бизнеса. Это может создавать ощущение перегруженности интерфейса, так как пользователи могут сталкиваться с большим количеством опций и настроек.

2. Меню и навигация WeChat имеет несколько уровней меню и дополнительных функций, что может затруднять навигацию для новых пользователей. В Facebook¹⁵ меню также многоуровневое, но его структура более знакома и интуитивно понятна для большинства пользователей.
3. В WeChat для выполнения определенных действий пользователю может потребоваться больше шагов, чем в Facebook¹⁵, где многие функции более универсальны и прямолинейны.
4. Дизайн WeChat может показаться менее современным и более загроможденным по сравнению с чистым и элегантным интерфейсом Facebook, что также влияет на общее восприятие медиаплатформы.
5. WeChat предлагает такие функции, как «минимальные мини-программы», которые могут быть сложными для восприятия и использования, особенно для тех, кто не знаком с концепцией встроенных приложений.

С учетом этих факторов многие пользователи могут находить интерфейс WeChat более сложным в использовании по сравнению с более привычным и простым интерфейсом Facebook¹⁵.

ВЫВОДЫ

1. Сравнивая количество пользователей и региональную принадлежность пользователей анализируемых медиаплатформ, мы пришли к выводу, что у WeChat и Facebook¹⁵ разные целевые аудитории. Первый нацелен на китайско-малайскую и азиатскую аудиторию, второй на англоязычную и американскую. Наибольшее пересечение интересов этих медиаплатформ наблюдается в ин-

¹⁵ Медиаплатформа Facebook как часть компания Meta 21 марта 2022 г. была признана экстремистской организацией на территории РФ.

дийской аудитории, за которую, вероятно, им предстоит острая конкурентная борьба. Возможно, этот показатель демонстрирует нам, что «сетевое общество» как мировое явление пока фрагментировано и не охватывает весь мир, а существует в англоязычном сегменте Сети и китайоязычном сегменте Интернета. Этот же показатель демонстрирует, что «коммуникативный капитализм», укрепившись в США и Китае, осуществляет свою экспансию в Индию и Юго-Восточную Азию.

2. Сравнивая экономические показатели медиаплатформ, мы пришли к выводу о том, на мировом рынке Facebook¹⁶ очень силен. Он более, чем на 90% эффективнее WeChat. Конечно, последний догоняет его, но «расстояние» пока огромное. Этот показатель позволяет предположить, что «сетевое общество» и «коммуникативный капитализм» в КНР гораздо слабее, нежели в США.
3. Системы безопасности медиаплатформ плохи. Ни одна из них не гарантирует пользователям и «цифровым вкладчикам» полную защиту от утечек личной информации в результате хакерства или промышленного шпионажа. Этот показатель говорит о незащищенности «цифровых вкладчиков» и «цифрового пролетариата».
4. Сравнивая интерфейс WeChat и интерфейс Facebook¹⁶, мы пришли к выводу о большем функциональном удобстве Facebook¹⁶, что еще раз подчеркивает лидирующее положение американских «коммуникативных капиталистов» на мировом рынке и развитость « сетевого общества» в США.

Общий вывод нашего исследования — медиаплатформа WeChat пока не сможет стать серьезным конкурентом медиаплатформе Facebook¹⁶ в мировой системе «коммуникативного капитализма», но и на задворки этой системы ее «задвинуть» уже невозможно. Кроме того, на анализируемых примерах, мы ясно видим лидерство «коммуникативного капитализма» США

¹⁶ Медиаплатформа Facebook как часть компания Meta 21 марта 2022 г. была признана экстремистской организацией на территории РФ.

и развитость его «сетевого общества». Цель нашего исследования, рассмотреть медиаплатформы WeChat и Facebook¹⁷ как часть «сетевого общества» и элемент «коммуникативного капитализма», достигнута. Исследовательские задачи решены.

С учетом того, что медиаплатформа Facebook как часть компании Meta 21 марта 2022 г. была признана экстремистской организацией, ее доминирующее положение в мире не может не вызывать серьезных опасений для России. «Коммуникативный капитализм» и «сетевое общество» в России будут развиваться. Это очевидно. И мы не уверены, что российские медиаплатформы смогут стать для Facebook¹⁷ серьезными конкурентами. Опора на китайские медиаплатформы для российского «сетевого общества» может стать тоже ошибкой. Впрочем, для этого утверждения требуются дальнейшие исследования.

Список литературы

1. Большая российская энциклопедия. — URL: <https://bigenc.ru/c/platforma-v-media-80956d>.
2. Володенков С.В., Федорченко С.Н. Цифровизация современного пространства общественно-политических коммуникаций: научные концепции, модели и сценарии // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. — 2021. — № 60. — С. 175–193.
3. Закрепин П.В. Роль современных медиа в региональном политическом процессе // Youth World Politic. — 2023. — № 1. — С. 22–31.
4. Красноярова О.В. Новые медиаплатформы: Принципы функционирования и классификация видов // Вопросы теории и практики журналистики. — 2016. — Т. 5. — № 1. — С. 45–57.
5. Назаров М.М. Производство согласия: объяснительная модель функционирования медиа // Наука, культура, общество. — 2022. — № 4. — С. 8–21.
6. Поляков М.Л. Битва цензоров: государства VS цифровые медиаплатформы // Средства массовой коммуникации в многополярном мире:

¹⁷ Медиаплатформа Facebook как часть компания Meta 21 марта 2022 г. была признана экстремистской организацией на территории РФ.

- проблемы и перспективы: материалы XIII Всероссийской научно-практической конф. Москва 10 ноября 2022 г. — М.: Изд-во Российского университета дружбы народов, 2023. — С. 21–24.
7. *Поляков М.Л.* Взаимодействие цифровых платформ и государств, события и явления 2019–2022 гг. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2023. — № 1. — С. 116–121.
 8. *Поляков М.Л.* Основные подходы к типологии цифровых медиаплатформ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. — 2022. — Т. 27. — № 2. — С. 399–413.
 9. *Поляков М.Л.* Трансформация медиарынка под воздействием цифровых платформ в России: дис. ... канд. филолог. наук. — М., 2024. — 237 с.
 10. *Поляков М.Л., Слепцов Н.А.* Сдвиг медиапотребления в России: обзор тенденций (2016–2021) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. — 2022. — Т. 27. — № 3. — С. 615–630.
 11. *Птицынам С.С.* Теория сетевого общества М. Кастельса: теоретико-социологический анализ // Всероссийский журнал научных публикаций. Социологические науки. — 2011, май. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-setevogo-obschestva-m-kastelsa-teoretikosotsiologicheskij-analiz>
 12. *Шномь В.В.* Коммуникативный капитализм Джоди Дин: Эволюция одной социальной теории // Социология власти. — 2021. — Т. 13. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnyy-kapitalizm-dzhodi-din-evolyutsiya-odnoy-sotsialnoy-teorii>.

УДК 340

Леснова Н.И.,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории права и государства,
ФГАОУВО «НИУ ВШЭ», Санкт-Петербург,
доцент кафедры медицинского права и правоповедения
ФГБОУ ВО «СЗГМУ им Н.И. Мечникова»
Минздрава России, Санкт-Петербург,
доцент кафедры социальных отношений, рекламы и связей с общественностью,
ФГБОУ ВО «МТУСИ», Москва

ОТРАЖЕНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ПРАВСТВЕННЫХ И ПРАВОВЫХ НАЧАЛ В ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ БИМЕДИЦИНСКОГО ПРАВА)

Lesnova N.I.,

PhD in Legal Sciences,
Associate Professor, Department of Theory and History of Law and State,
NRU HSE, St. Petersburg;
Associate Professor, Department of Medical Law and Jurisprudence,
North-Western State Medical University named after N.I. Mechnikov
Ministry of Health of the Russian Federation, St. Petersburg;
Associate Professor, Department of Social Relations,
Advertising, and Public Relations,
MTUCI, Moscow

REFLECTING THE INTERRELATIONSHIP BETWEEN MORAL AND LEGAL PRINCIPLES IN LEGAL CULTURE (USING BIOMEDICAL LAW AS AN EXAMPLE)

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о взаимосвязи правовой системы и правовой культуры, отражении взаимодействия правовых и моральных норм в правовой культуре, на примере биомедицинского права, через принципы биоэтики.

Ключевые слова: правовая система, правовая культура, правовые принципы, биомедицинское право, биоэтика.

Abstract. This article examines the relationship between the legal system and legal culture, reflecting the interaction of legal and moral norms in legal culture, using biomedical law as an example, through the principles of bioethics.

Key words: legal system, legal culture, legal principles, biomedical law, bioethics.

Правовая культура — часть культуры общества, и в своем развитии может проявлять закономерности, свойственные всей культуре в целом. Отсюда, эффективным представляется изучение правовой культуры с позиции аксиологического подхода [5], с учетом особенностей, свойственных правовой культуре как правовому явлению.

Правовую культуру необходимо рассматривать во взаимосвязи и взаимодействии с правовой системой общества, при этом, правовая культура не является ее частью. Правовая культура — это качественный уровень, или «качественный срез» правовой системы, в котором отражается развитие всех ее элементов. В качестве элементов, составляющих правовую систему, в литературе выделяют: систему права и систему источников права, систему государственно-правовых учреждений, правовые отношения и правовую практику, правосознание и правовую науку [7].

Наиболее эффективный анализ может быть осуществлен при рассмотрении влияния «внешних», общекультурных факторов, представляется, возможно, с учетом национальных, этнических особенностей народов России, а также традиционных и религиозных норм. С «внутренней» стороны необходимо изучение элементов, составляющих правовую систему. Так, например, необходим анализ влияния развития правовых норм и основных начал права в рамках конкретной отрасли на правовую культуру.

Через взаимодействие с «внешней средой», на правовые нормы как элемент правовой системы влияют нормы морали. Являясь видами социальных норм, нормы права и морали находятся в тесном взаимодействии. Более того, для более эффективного действия права необходимо взаимопроникновение правовых и моральных норм в процессе реализации права.

С другой стороны, взаимовлияние правовых и нравственных норм отражается в правосознании субъектов правоотношений, и становится, таким образом, составляющим правовой культуры.

Также, при влиянии нравственных норм на право, право воспринимается субъектами как ценность, что влияет, в конечном итоге, на эффективность правового регулирования и достижение правопорядка.

В системе права существуют отрасли права, наиболее сильно испытывающие влияние нравственных норм в силу особенностей их предмета правового регулирования. К их числу, считаем, возможно отнести, например, фаунистическое право, а также биомедицинское право.

В основе биомедицинского права лежат базовые биоэтические принципы. Как отмечается в литературе, «частично биоэтические принципы находят прямое закрепление в нормативно-правовых актах, с другой стороны, они прямо не поименованы, в связи с чем возникают значительные сложности реализации биоэтических принципов в правоприменительной деятельности с связи с их индивидуальной интерпретацией конкретным правоприменителем» [3, с. 244].

Действительно, при оценивании влияния взаимосвязи правовых и нравственных норм на правовую культуру, трансляция их в правореализационной практике необходима, и процесс реализации будет отражаться в правовой культуре, в рамках ее функционального компонента, правовых отношений и правовой практики. В этой связи, считаем необходимым институционализацию биоэтических принципов в нормах биомедицинского права [6], в частности, и во всей правовой системе, в целом.

При исследовании с данной позиции биомедицинского права анализируются принципы биоэтики [6]. Интересен также, при изучении взаимосвязи, обратный анализ, через рассмотрение содержания правовых принципов с точки зрения возможности их взаимодействия с нормами биомедицинского права [4].

Один из наиболее ярких принципов права, формирующих основу права в правовом государстве, — принцип справедливости. С учетом аксиологического подхода к праву, правовой культуре и культуре в целом, справедливость, при этом — одна из базовых общественных ценностей, занимающая ключевую роль в развитии общества.

По оценкам исследователей, понятие справедливости может быть общим для определенных культур и религий, будучи напрямую связано с понятиями добра и зла, вины и стыда, которые имеют принципиальные, коренные отличия и являются основами социальных норм и понятия справедливости в разных культурах [3].

Культура вины является результатом взаимодействия западного христианства, либеральной цивилизации и индивидуалистической культуры [2]. Это культура западной цивилизации, в основе которой помимо религиозных представлений о грехе и спасении в современном обществе выкристаллизовывается свобода выбора индивида и личная внутренняя ответственность перед богом и/или собой и окружающими. Культура стыда (восточная культура) является результатом взаимодействия религий без Бога (конфуцианство, буддизм) и коллективистской культуры, традиции которой сохраняются при трансформации традиционной цивилизации в либеральную.

В культуре стыда признается зависимость индивида от ценностей и норм группы, строгое соблюдение долга как многочисленных внешних обязанностей, в ней отсутствуют идеи греха и спасения. В культуре России сосуществуют вина и стыд, что обусловлено православным христианством, коллективистской культурой и этатистским мировоззрением (пониманием государства, которое должно вмешиваться в жизнь общества, контролируя не только экономические, но и социальные аспекты) [3].

Конфликт разных типов справедливости — это общечеловеческая проблема, которая в рамках юриспруденции решается путем формирования в обществе конкретных представлений о справедливости [1].

В силу особенностей геополитического и правового положения российского государства в правовой культуре России возможно наблюдать смешение западных и восточных воззрений, ценностей, элементов, что неоднократно являлось предметом исследований в рамках истории политических и правовых учений. Представления о справедливости как общечеловеческом культурном принципе и правовом принципе в культуре и правовой культуре России уникальны.

Считаем, необходима имплементация биоэтических принципов в правовой системе, закрепление их в правовом поле, а также создание эффективного механизма контроля за реализацией принципов биоэтики как со стороны государства, через правовые нормы, так и со стороны общества, через систему моральных предписаний. Взаимодействие нравственных и правовых начал, совместное действие правовых и биоэтических принципов, в биомедицинском праве, находит отражение в правовой культуре.

Список литературы

1. Brock B. On the limits of justice as eradicating 'isms' // International Journal for the Study of the Christian Church. — 2022. — P. 1–11.
2. Данилова Ю.Н. Вина и стыд в культурах Запада, России и Востока: автореф. дис. ... филос. наук. — Омск, 2016. — 24 с.
3. Кравец И.А., Крылатова И.Ю., Болков М.А. Актуальные проблемы реализации современных принципов биоэтики и доказательной медицины: правовые, этические и медицинские аспекты // Вестн. Том. гос. ун-та. — 2022. — № 484. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-realizatsii-ovremennyh-printsipov-bioetiki-i-dokazatelnoy-meditsiny-pravovye-eticheskie-i-meditsinskie-aspekty>.
4. Кравец И.А. Бионейроконституционализм и достоинство: теоретические основы, диалог этических и юридических требований и перспективы взаимодействия (часть I) // Журнал российского права. — 2022. — Т. 26. — № 2. — С. 5–22.
5. Леснова Н.И. К вопросу о понятии правовой культуры // Актуальные проблемы гуманитарного знания в техническом вузе: Материалы VI Международной научно-методической конференции, Санкт-Петербург, 26–27 октября 2017 года. — СПб.: Санкт-Петербургский горный университет, 2017. — С. 349–351. — EDN YUISMХ.
6. Леснова Н.И. Принципы биоэтики и механизм правового регулирования медицинских правоотношений // Правовое регулирование экономической деятельности. ПРЭД. — 2023. — № 4. — С. 36–42.
7. Теория государства и права: тезисы лекций / В.И. Цыганов; М-во образования и науки Российской Федерации, Нац. исслед. Нижегородский гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского. — Нижний Новгород: ННГУ Н.И. Лобачевского, 2015. — 219,[1] с.: 21 см.

УДК 304.2

Луценко А.Г.,

студент,

ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», Люберцы

Дзюбан В.В.,

доктор исторических наук, кандидат педагогических работ,

профессор кафедры гуманитарных дисциплин,

ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», Люберцы

МОЛОДЕЖНОЕ БЮРО ООН И МЕТОДЫ ЕГО РАЗВИТИЯ ДЛЯ УЛУЧШЕНИЯ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА БАЗЕ ЭКОНОМИЧЕСКИ-СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ СТРАНЫ

Lutsenko A.G.,

Student,

GKOU HE "Russian Customs Academy", Lyubertsy

anasteja18@gmail.com

Dzyuban V.V.,

Doctor of Historical Sciences, PhD in Pedagogical Sciences,

Professor of the Department of "Humanities",

GKOU HE "Russian Customs Academy", Lyubertsy

bryanskstudzuban@mail.ru

THE UN YOUTH BUREAU AND ITS DEVELOPMENT METHODS FOR IMPROVING NEW TECHNOLOGIES BASED ON THE ECONOMIC AND SOCIAL TRANSFORMATIONS OF THE COUNTRY

Аннотация. В данной статье рассматривается комплексный анализ роли и значения программ Организации Объединенных Наций, направленных на молодежную коммуникацию и развитие. Анализируется эволюция подходов ООН к работе с молодым поколением современные инициативы ООН по улучшению положения молодежи и активизации молодежной коммуникации. В фокусе внимания находятся институциональные механизмы, глобальные и страновые инициативы, такие как ЮНИСЕФ, Структура «ООН-молодежь», Добровольцы ООН. Сотрудничество с ор-

ганизациями, такими как ПРООН и ЮНИДО. Реализация обучающих и менторских программ, поддерживающих молодежь в освоении передовых технологий и развитии стартапов, включая сферы искусственного интеллекта, зеленых технологий и устойчивого развития.

Также учитывается Индекс развития молодежи ЮНЕСКО, который включает в себя такие показатели как уровень образования, здоровья и благополучия, занятости и возможностей, политического и гражданского участия молодых людей.

На основе анализа документов ООН, международных стратегий и национальных коммуникаций делается вывод о значительном потенциале молодежных программ ООН для повышения индекса человеческого развития, несмотря на различные вызовы, связанные с глобальной организацией институтов молодежи.

Ключевые слова: Организация Объединенных Наций (ООН); молодежная коммуникация; молодежные программы; Цели устойчивого развития (ЦУР); политическое и гражданское участие молодежи; Россия; ЮНИСЕФ; ПРООН; ЮНИДО; ЮНЕСКО; передовые технологии; перспективы развития, институт молодежи.

Abstract. This article provides a large analysis of the role and significance of United Nations programs aimed at youth communication and development. The article analyzes the evolution of UN approaches to working with the younger generation and modern UN initiatives to improve the situation of youth and enhance youth communication. The focus is on institutional mechanisms, global and country-based initiatives such as UNICEF, UN Youth, and UN Volunteers. Cooperation with organizations such as UNDP and UNIDO. Implementation of training and mentoring programs that support young people in the development of advanced technologies and start-ups, including artificial intelligence, green technologies and sustainable development.

The UNESCO Youth Development Index is also taken into account, which includes indicators such as the level of education, health and well-being, employment and opportunities, political and civic participation of young people.

Based on the analysis of UN documents, international strategies and national communications, it is concluded that the UN youth programs have a significant potential to increase the human development index, despite the various challenges associated with the global organization of youth institutions.

Key words: United Nations (UN); youth communication; youth programs; Sustainable Development Goals (SDGs); political and civic participation of youth; Russia; UNICEF; UNDP; UNIDO; UNESCO; advanced technologies; development prospects, youth Institute.

Быстрое экономическое и технологическое развитие ряда стран, а также процессы цифровизации способствуют усилению

и расширению международного сотрудничества, ключевыми направлениями которого становятся образование, наука и туризм. Это естественным образом повышает значение международных коммуникаций среди молодежи, которая играет важную роль как объект, так и субъект различных социальных и государственных отношений. Современное поколение молодых людей в ближайшем будущем будет определять политику как на национальном, так и на международном уровне. При этом, будучи источником общественного прогресса, молодежь, благодаря своей открытости к новому и склонности к протестам, может восприниматься властью и как фактор потенциальной политической и социальной нестабильности. Ни одно государство не игнорирует вопросы молодежи и молодежной политики, осознавая стратегическую важность молодежи как сложной и значимой социальной группы, которая является активным участником политики, экономики и общественной жизни. Опыт некоторых стран показывает, что системная и целенаправленная работа с молодежью крайне важна, а отсутствие внимания к молодежным вопросам может привести к дестабилизации политической системы. Вопросы эффективности молодежной политики и коммуникационных процессов в молодежной среде остаются актуальными, так как не всегда действия государств приводят к желаемым результатам. Особое внимание молодежи уделяют крупные международные организации, формирующие глобальные ценности и аккумулирующие молодежные идеи со всего мира. Например, ООН в приоритетах своей работы с молодежью выделяет развитие общества, поддержание мира и вовлечение молодых людей в политическую жизнь. Некоторые международные соглашения середины XX века стали основой государственной молодежной политики РФ, включая «Европейскую хартию об участии молодежи в жизни муниципальных и региональных образований», которая предусматривает вовлечение молодежи в принятие решений, влияющих на их интересы.

По данным ООН в 2018 году 162 из 198 стран (82%) имели принятую на государственном уровне национальную молодежную политику, в 2014 году — 127 стран, а в 2013 году — лишь 99 стран. Количественный рост стран, реализующих нацио-

нальную молодежную политику, показывает, что все больше и больше государств осознают тот факт, что необходимо создание эффективной институциональной инфраструктуры государственной молодежной политики, способствующего реализации потенциала, прав и интересов молодежи: законодательства, формирования необходимых органов государственной власти, а также определения стратегии действий в отношении молодого населения и налаживания эффективного диалога с молодой аудиторией [8].

Известно, что Российская Федерация является высоко развитой страной, где поощряется стремление молодых людей к изучению культурного, географического и социального разнообразия России. Различные исследования демонстрируют, что у молодых людей существуют четкий запрос на активную туристическую деятельность, которая будет включаться в себя общественно-полезную деятельность. Подчеркивание уникальности российских регионов в значительной мере влияет на распространение патриотических чувств у молодежи, а участие в общественной жизни других субъектов позволяет формировать сетевое взаимодействие молодежи и укреплять гражданскую солидарность между молодыми людьми из разных субъектов Российской Федерации.

В 2022 г. в рамках реализации направления деятельности Росмолодежи организовано проведение **четырёх** Всероссийских мероприятий, участие в которых приняло около 1 тыс. представителей 86 субъектов Российской Федерации (в т. ч. ДНР) [9]:

- Всероссийский семинар-совещание по профилактике социально-негативных явлений в молодежной среде (1–3 апреля 2022 года, Мастерская управления «Сенеж»);
- Всероссийская научно-образовательная конференция по профилактике социально-негативных явлений в молодежной среде «Социальный десант» (15–19 августа 2022 года, г. Нижний Новгород);
- Всероссийский семинар-совещание по межведомственному взаимодействию при профилактике терроризма и экстремизма в молодежной среде «Национальная безопасность» (5–9 сентября 2022 г., г. Пермь);

- Всероссийская конференция по профилактике распространения идеологии терроризма и экстремизма среди молодежи «Формула согласия» (29 октября — 2 ноября 2022 г., г. Каспийск).

Таким образом, была сформирована комплексная система по профилактике и борьбе с тенденциями по вовлечению молодых людей в деструктивную и девиантную деятельность. А также по поручению Президента Российской Федерации была создана АНО «Центр изучения и сетевого мониторинга молодежной среды» (далее — ЦИСМ). Центр создан с целью формирования комплексной системы по защите детей и подростков от воздействия негативной информации в цифровом пространстве. Целью организации является повышение эффективности профилактической работы в каждом институте молодежи. По состоянию на 15 ноября 2022 г. на ежедневном мониторинге сетевой активности ЦИСМ находится 526 млн профилей, из которых более 5 млн — деструктивные сетевые профили пользователей — на постоянном контроле.

Стоит отметить, что развитие международного молодежного сотрудничества стало одним из основных направлений государственной молодежной политики Российской Федерации, что нашло отражение как в ключевых нормативных правовых актах, касающихся вопросов работы с молодежью — начиная с Указа Президента Российской Федерации от 16 сентября 1992 г. № 1075 «О первоочередных мерах в области государственной молодежной политики» и заканчивая Федеральным законом от 3 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», так и в законах субъектов Российской Федерации в сфере молодежной политики [4, с 6].

В 2023 г. роль молодежи в реализации внешнеполитических задач впервые была отмечена в Концепции внешней политики Российской Федерации. В соответствии с Концепцией «в целях усиления роли России в мировом гуманитарном пространстве, формирования ее позитивного восприятия за рубежом, укрепления позиций русского языка в мире, противодействия кампании русофобии, проводимой недружественными иностранными государствами и их объединениями, а также повышения

взаимопонимания и укрепления доверия между государствами Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание развитию механизмов общественной дипломатии с участием молодежи...» [3].

ООН реализует множество международных программ и инициатив, направленных на развитие молодежной сферы во внешней политике. Одним из ключевых событий является ежегодный Молодежный форум Экономического и Социального Совета ООН (ЭКОСОС), который служит платформой для диалога молодежи с государствами-членами и другими заинтересованными сторонами [10].

Это ежегодная платформа, предоставляющая молодым людям возможность участвовать в диалоге с государствами-членами и другими заинтересованными сторонами, делиться своими взглядами и предлагать решения для достижения Целей устойчивого развития (ЦУР) в рамках Повестки дня до 2030 года [5].

Тема форума 2025 года: «Продвижение устойчивых, инклюзивных, научно обоснованных решений для Повестки дня на период до 2030 года и ее Целей устойчивого развития, не оставляя никого позади» [1, с. 4]. Особое внимание будет уделено следующим ЦУР.

ЦУР 3: Хорошее здоровье и благополучие.

ЦУР 5: Гендерное равенство.

ЦУР 8: Достойная работа и экономический рост.

ЦУР 14: Сохранение морских экосистем.

ЦУР 17: Партнерство в интересах устойчивого развития.

Форум организован Президентом ЭКОСОС в сотрудничестве с Департаментом по экономическим и социальным вопросам (DESA), Управлением по делам молодежи ООН и другими партнерами [6]. Мероприятие включает пленарные заседания, тематические и региональные секции, а также параллельные мероприятия, проводимые как в очном, так и в виртуальном форматах.

Кроме того, ООН также активно проводит региональные мероприятия, например, в честь Международного дня молодежи — вебинары и форумы, которые способствуют обмену опытом, развитию сетей сотрудничества и поддержке молодежных

инициатив, особенно в сферах устойчивого развития и агропродовольственных систем [9].

Приоритетные задачи в области международного молодежного сотрудничества отражены в **Основах государственной молодежной политики** Российской Федерации на период до 2025 г.:

- активное вовлечение молодежи в процесс развития Евразийского экономического союза и укрепления общего гуманитарного пространства Содружества Независимых Государств;
- поддержка участия российской молодежи и молодежных объединений в международных структурах, а также в работе международных форумов, конференций и фестивалей;
- содействие в реализации программ двусторонних молодежных обменов;
- развитие сотрудничества с молодежными организациями соотечественников, проживающих за рубежом [2, с. 4].

Эти программы способствуют вовлечению молодежи в международную повестку, развитию их лидерских качеств и поддержанию диалога между молодыми людьми и государствами, что укрепляет их роль в формировании политики и международного сотрудничества.

Развитие новых технологий благодаря институтам молодежи происходит через создание специализированных научно-технологических школ, стартап-студий и молодежных лабораторий, которые стимулируют творческий потенциал молодых исследователей и инновационные проекты.

В России, например, действует программа «Шаг в будущее», в рамках которой проводятся Российские научно-технологические школы, включающие лекции и мастер-классы от ведущих ученых и специалистов, поддерживающие молодых талантов и их прикладные разработки для экономики и обороны. Более 150 тысяч молодых людей участвуют в этих мероприятиях, что способствует развитию технологических компетенций и интеграции инноваций в экономику [6].

Также развивается сеть университетских стартап-студий, созданная при поддержке Минобрнауки и Фонда инфраструктурных и образовательных программ Группы «РОСНАНО». Эти

студии помогают студентам запускать технологичные стартапы, привлекать инвестиции и сотрудничать с промышленными партнерами. В 2025 году планируется создание еще шести таких студий с финансированием в сотни миллионов рублей.

Программа «Приоритет 2030» способствует развитию молодежных лабораторий и инженерных школ в вузах, объединяя учебные заведения с крупными промышленными компаниями. Молодежные лаборатории оснащены современным оборудованием и сосредоточены на научных исследованиях молодых специалистов, что создает среду для инновационных разработок.

В сотрудничестве с ООН по стратегии Youth2030 технологическими партнерами выступают крупные международные организации и компании, которые поддерживают цифровое включение молодежи и развитие их технологического потенциала. Среди таких партнеров следующие.

1. Программа развития ООН (ПРООН) сотрудничает с технологическими компаниями для обеспечения доступа молодежи к интернету и цифровому образованию.
2. Международные инициативы при ООН включают проекты с участием технологических гигантов и стартапов, направленные на обучение молодых людей цифровым навыкам и поддержку инноваций.
3. В рамках некоторых кампаний и программ технологическими партнерами выступают компании, аналогичные The Weather Company, которые вместе с ООН развивают образовательные проекты по климату и цифровым технологиям.

Также в механизме содействия развитию технологий при ООН участвуют представители частного сектора, научного сообщества и гражданского общества, что включает сотрудничество с технологическими компаниями, которые помогают наращивать технологический потенциал молодежи.

Точные названия отдельных технологических компаний, официально задействованных в рамках Youth2030, обычно не раскрываются в публичной информации, однако известно широкое партнерство с цифровыми и технологическими лидерами через связанные программы и форумы [7].

Таким образом, молодежные институты играют ключевую роль в развитии новых технологий посредством образования, научных исследований, поддержки стартапов и интеграции молодых талантов в высокотехнологичные отрасли экономики.

На базе социологических исследований было выявлено соотношение заинтересованных в политике лиц от 14–35 лет из различных областей.

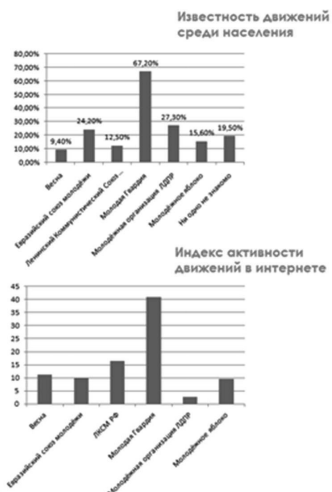

Вышеуказанные данные позволяют понять, какой процент молодого населения готов внести свой трудовой и умственный вклад в развитие молодежной деятельности страны, а также продемонстрировать часть населения, которая уже начала свой активный социально-значимый путь новых организаций в стране.

Стоит отметить, что молодежное движение в России в наши дни характеризуется активным развитием и поддержкой как со стороны государственных структур, так и политических организаций. В 2025 году ЛДПР объявила его Годом свободной молодежи, в рамках чего реализуется программа, включающая защиту прав студентов, поддержку онлайн-активистов, экологические проекты, образовательные инициативы и создание площадок для диалога и профессионального роста молодежи. Эта инициа-

тива объединяет молодежные движения с различными взглядами, способствуя обмену опытом и формированию общественной повестки.

Молодёжные движения

На федеральном уровне реализуется национальный проект «Молодежь и дети» (2025–2030), который предусматривает комплекс поддержки молодых людей и детей, охватывая значительную часть населения страны. Кроме того, массовые мероприятия, такие как фестивали ко Дню молодежи, способствуют развитию культурных и социальных инициатив среди молодежи.

Также в России реализуются различные научные конференции и проекты по устойчивому развитию с участием молодежи, что связано с целями ООН и расширяет возможности для международного обмена опытом и сотрудничества. Через различные модельные игры, форумы и научные проекты молодежное движение в России способствуют развитию международных коммуникаций, лидерства и технологического прогресса среди

молодых людей, формируя новую генерацию активных и ответственных граждан, у которых есть осознание своей роли в решении общемировых проблем.

Для России участие в программах ООН имеет стратегическое значение, поскольку способствует развитию человеческого ресурса, формированию новых молодых лидеров с глобальным мышлением, а также укреплению позиций страны на международном уровне. Программы ООН предоставляют российской молодежи уникальные возможности для профессионального роста, развития обширных навыков и активного вовлечения в решение актуальных задач через цели устойчивого развития.

В то же время, для максимизации положительного эффекта необходимы совместные усилия как со стороны ООН, направленные на адаптацию и расширение доступности своих инициатив в России, так и со стороны российских социально-экономических институтов, которые должны масштабировать внешние принципы и практики в национальную молодежную политику. Устранение региональных и языковых барьеров, повышение системности и устойчивости реализуемых проектов позволят полностью раскрыть потенциал сотрудничества между ООН и российской молодежью.

Список литературы

1. Молодежная политика и ООН: коммуникации молодежи на глобальном уровне / М.И. Камалова, Е.С. Куйдина // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnaya-politika-i-oon-kommunikatsii-molodezhi-na-globalnom-urovne/viewer> (дата обращения: 15.10.2025).
2. Международные молодежные обмены в области массового спорта: потенциал и перспективы / Р.М. Ольховский, Д.А. Соколова // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnye-molodezhnye-obmeny-v-oblasti-massovogo-sporta-potentsial-i-perspektivy> (дата обращения: 15.10.2025).
3. Концепция внешней политики Российской Федерации, утв. Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303310007> (дата обращения: 15.10.2025).

4. О реализации молодежной политики в современных условиях / Государственный совет РФ // URL: <https://mollab.hse.ru/mirror/pubs/share/823942055.pdf> (дата обращения: 15.10.2025).
5. Акселератор по достижению Целей устойчивого развития // URL: <https://globalcompact.ru/programs/sdg-ambition> (дата обращения: 15.10.2025).
6. Молодежный форум Экономического и Социального Совета ООН 2025 // URL: <https://globalcompact.ru/events/announcements/molodezhnyu-forum-ekonomicheskogo-i-sotsialnogo-soveta-onn-2025> (дата обращения: 15.10.2025).
7. UN News. Global perspective Human stories // URL: <https://news.un.org/en> (дата обращения: 15.10.2025).
8. Department of Economic and Social Affairs. Sustainable Development // URL: <https://sdgs.un.org/ru/tfm>.
9. Минобрнауки России 2025 // URL: <https://univertechpred.ru/novosti/20250625-v-rossii-v-2025-godu-poyavyatsya-shest-novykh-universitetskikh-startap-studiy> (дата обращения: 15.10.2025).
10. Молодежные форумы России 2025 // URL: <https://tass.ru/obschestvo/23715657>.

Маслова Е.П.,

студент,

ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», Люберцы

Дзюбан В.В.,

доктор исторических наук, кандидат педагогических работ,

профессор кафедры гуманитарных дисциплин,

ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», Люберцы

УСТНАЯ ИСТОРИЯ КАК РЕСУРС СОХРАНЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ МАЛЫХ НАРОДОВ РОССИИ

Maslova E.P.,

Student,

GKOU HE "Russian Customs Academy", Lyubertsy

maslovaelizaveta689@gmail.com

Dzyuban V.V.,

Doctor of Historical Sciences, PhD in Pedagogical Sciences,

Professor of the Department of "Humanities",

GKOU HE "Russian Customs Academy", Lyubertsy

bryanskstudzuban@mail.ru

ORAL HISTORY AS A RESOURCE FOR PRESERVING THE IDENTITY OF SMALL PEOPLES OF RUSSIA

Аннотация. В статье рассматривается роль устной истории в сохранении культурной идентичности малых народов России. Анализируются ее функции как инструмента документирования языка, передачи традиционных знаний, формирования исторической памяти и социальной консолидации. Особое внимание уделяется методологическим и этическим аспектам сбора устных свидетельств, а также потенциалу цифровых технологий в этом процессе.

Ключевые слова: устная история, малые народы России, культурная идентичность, традиционные знания, языковое сохранение, этническая память.

Abstract. The article examines the role of oral history in preserving the cultural identity of the small peoples of Russia. Its functions as a tool for documenting

language, transmitting traditional knowledge, forming historical memory and social consolidation are analyzed. Special attention is paid to the methodological and ethical aspects of collecting oral evidence, as well as the potential of digital technologies in this process.

Key words: oral history, small peoples of Russia, cultural identity, traditional knowledge, linguistic preservation, ethnic memory.

В эпоху глобализации и цифровизации уникальные культуры малых народов России оказываются под угрозой исчезновения. Языки утрачивают носителей, традиционные ремесла забываются, а мифы и легенды стираются из памяти новых поколений. Согласно данным ЮНЕСКО, из 150 языков коренных народов России около 130 находятся под угрозой исчезновения [1]. В этой ситуации устная история становится не просто вспомогательным инструментом, а стратегическим ресурсом, позволяющим не просто задокументировать, а оживить и передать живую ткань культурной идентичности. Для многих коренных народов, таких как ненцы, саами, ительмены, нанайцы, удэгейцы, устная традиция всегда была основным способом трансляции знаний, ценностей и мировоззрения в условиях отсутствия или позднего появления письменности.

Часто устную историю путают с фольклором. Однако если фольклор — это уже отшлифованные временем и множеством пересказов мифы, сказки и эпические сказания, то устная история — это личные свидетельства о событиях недавнего прошлого, субъективные воспоминания, семейные хроники и рассказы о повседневной жизни. Это «история снизу», рассказанная самими носителями культуры.

Традиционно академическая наука интересовалась малыми народами как носителями экзотического фольклора. Записывались героические эпосы, шаманские легенды, волшебные сказки. Безусловно, это важно. Но за их эпическим масштабом часто терялась простая, человеческая правда отдельной семьи, отдельной судьбы. Устная история делает фокус на именно этой правде, фиксируя:

- *биографии*: истории о том, как жили, кочевали, женились, растили детей;

- *повседневность*: описания быта, деталей одежды, приготовления пищи, игр;
- *эмоциональный опыт*: воспоминания о радостях, потехах, страхах и надеждах.

Именно через эти камерные, личные свидетельства передается подлинная, а не музеефицированная идентичность [2, с. 101].

Язык — это душа народа. В интервью, записанных на родном языке, сохраняются не только лексика и грамматика, но и уникальные речевые обороты, интонации, пословицы и поговорки, которые невозможно найти в учебниках. Это живая языковая среда, бесценный материал для лингвистов и будущих поколений, стремящихся выучить язык предков. Проект «Красная книга языков народов России» фиксирует критическое состояние многих языковых систем [3, с. 3].

Устные рассказы — это кладезь практической мудрости. Как по поведению оленя предсказать погоду? Как пошить малицу, чтобы в ней было тепло при -50°C ? Какие растения использовать для лечения болезней? Эти эмпирические знания, накопленные веками, не записаны в учебниках по выживанию — они живут в памяти старейшин. Их фиксация спасает от утраты целые пласты адаптационной культуры.

Официальная история часто пишется с позиции доминирующей культуры. Устная история позволяет малому народу рассказать о ключевых событиях XX века — коллективизации, репрессиях, советской модернизации — со своей, подчас очень травматичной, точки зрения. Для многих малых народов XX век стал эпохой насильственной ломки традиционного уклада.

Устные свидетельства становятся формой исторической справедливости и актом сопротивления.

Они позволяют:

- *услышать другую сторону*. История о том, как создавался колхоз, рассказанная не партийным функционером, а оленеводом, у которого отобрали стадо, кардинально меняет перспективу;
- *легитимировать травму*. Признание боли и потерь, пережитых сообществом, — важный шаг к его исцелению и консолидации;

- *вернуть чувство достоинства*. Когда личную историю записывают, бережно хранят и изучают, это сигнализирует о ценности данного опыта и культуры.

Через личные истории передаются основы этнического мировоззрения: отношение к природе, почитание предков, священные места (например, сѣды у ненцев), запреты и табу. Это не сухая этнография, а эмоционально окрашенные рассказы, которые позволяют почувствовать связь с землей и традицией на экзистенциальном уровне.

Работа с устной историей сопряжена с трудностями. Главная из них — уход носителей, представителей старшего поколения. Каждый ушедший старейшина — это сгоревшая уникальная библиотека. Вторая проблема — методическая: как правильно задавать вопросы, как выстраивать доверительные отношения с информантом, как работать с травматическими воспоминаниями.

Крайне важен этический подход, основанный на следующих принципах:

- *принцип участия сообщества*: проекты должны инициироваться или осуществляться в тесном сотрудничестве с сообществом;
- *информированное согласие*: обязательное получение согласия на запись, использование и распространение материалов;
- *принцип «ничего о нас без нас»*: материалы должны собираться не путем «выкачивания» информации, а возвращаться обратно в удобном и полезном для народа виде. Права на интеллектуальную собственность должны оставаться за сообществом [4].

Парадоксально, но именно цифровые технологии, несущие угрозу гомогенизации, дали устной истории второе дыхание. Процесс записи качественного видео и аудио перестал быть уделом профессионалов. Цифровые копии не ветшают и легко тиражируются. Собранные материалы находят новую жизнь в форматах цифровых архивов, интерактивных карт, подкастов, образовательных проектов и мультимедийных материалов для социальных сетей. Это позволяет донести голос малых народов до широкой аудитории.

Устная история — это мост между прошлым и будущим малых народов России. Это не просто запись на диктофон, это акт сотворчества, уважения и признания ценности каждого голоса. Ее истинная цель — не законсервировать прошлое, а вдохнуть его в настоящее и будущее.

Современные технологии предоставляют уникальные инструменты для обработки и анализа устных исторических свидетельств. Развитие программного обеспечения для транскрибации речи, автоматического перевода и анализа тональности текста значительно упрощает работу исследователей и делает устную историю более доступной для широкой публики [5, с. 200]. Кроме того, создание онлайн-платформ и баз данных позволяет объединять разрозненные устные свидетельства в единую систему, создавая целостную картину исторического прошлого малых народов России. Важным аспектом является интеграция устной истории в образовательный процесс, где собранные материалы могут использоваться для создания интерактивных уроков, документальных фильмов и выставок, способствующих повышению интереса к истории и культуре малых народов у молодого поколения [6, с. 495].

Однако, вместе с возможностями, цифровые технологии приносят и новые вызовы. Обеспечение конфиденциальности персональных данных, защита авторских прав и предотвращение несанкционированного использования собранных материалов становятся критически важными задачами. Необходимо разрабатывать четкие правила и процедуры доступа к цифровым архивам устной истории, гарантирующие уважение к правам и интересам информантов и сообществ [7, с. 106]. Важно также учитывать цифровую грамотность населения, особенно в отдаленных регионах, чтобы обеспечить равный доступ к цифровым ресурсам устной истории для всех заинтересованных сторон. Обучение представителей малых народов навыкам работы с цифровыми технологиями и создание локальных центров с доступом к необходимому оборудованию и программному обеспечению может стать эффективным способом преодоления цифрового разрыва.

Институционализация устной истории в России требует создания специализированных центров и лабораторий при уни-

верситетах и научно-исследовательских институтах, занимающихся сбором, обработкой и анализом устных исторических свидетельств. Необходимо также разработать и внедрить единые стандарты и методические рекомендации для проведения исследований в области устной истории, учитывающие специфику культур и языков малых народов России.

Важным шагом является разработка образовательных программ по устной истории для студентов и аспирантов, готовящих специалистов в области истории, этнографии, лингвистики и культурологии. Поддержка устной истории со стороны государства может проявляться в виде грантов и целевых программ, направленных на финансирование экспедиций, оцифровку архивов и публикацию научных работ.

Наконец, необходимо подчеркнуть, что устная история является не только инструментом сохранения культурной идентичности, но и важным фактором укрепления межэтнического диалога и социальной консолидации в России. Совместные проекты по сбору и изучению устной истории с участием представителей разных народов могут способствовать лучшему взаимопониманию и уважению к культурному многообразию страны [8, с. 203]. Важно создавать платформы для обмена опытом и знаниями между исследователями и представителями малых народов, чтобы устная история стала мощным инструментом для построения гармоничного и устойчивого общества.

Институционализация устной истории в России предполагает создание междисциплинарных центров, интегрирующих усилия историков, лингвистов и IT-специалистов. Примером служит Центр устной истории при МГУ им. М.В. Ломоносова, где с 2018 года реализуются экспедиции к народам Дальнего Востока, собравшие свыше 500 интервью [9, с. 1].

Государственная поддержка через гранты Российского научного фонда (РНФ) и программу «Этнокультурное развитие» Минкультуры РФ стимулирует такие инициативы, с бюджетом на 2024–2026 гг. в 500 млн руб. [10, с. 76]. Образовательные программы, включая магистерские курсы по устной истории в СПбГУ, готовят специалистов, способных интегрировать данные в школьные учебные программы, повышая этнокуль-

турную грамотность. Это способствует не только сохранению идентичности, но и формированию толерантного общества, где голоса малых народов интегрируются в национальный нарратив.

Устная история выступает катализатором устойчивого развития малых народов России, связывая культурное наследие с современными вызовами. По данным Росстата (2023), численность коренных народов Севера сократилась на 15% за 10 лет, подчеркивая важность и срочность их сохранения [11]. Интеграция устных нарративов в политики, такие как Стратегия развития Арктики до 2035 г., позволяет учитывать традиционные знания в экологическом менеджменте и туризме [12].

В итоге, устная история не только документирует идентичность, но и наделяет полномочиями сообщества, превращая их в активных соавторов исторического дискурса, что усиливает социальную сплоченность и культурное разнообразие страны.

Список литературы

1. UNESCO Interactive Atlas of Languages in Danger.
2. *Kucsep T.C.* Устная история как метод исследования идентичности // Этнографическое обозрение. — 2020. — № 4. — С. 100–115.
3. Языки народов России: Красная книга / РАН. Ин-т языкознания; ред. кол.: В.П. Нерознак (отв. ред.) и др. — М.: Academia, 2022. — 400 с.
4. Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов: принята резолюцией 61/295 Генеральной Ассамблеи ООН от 13 сентября 2007 года.
5. *Portelli A.* The Order Has Been Carried Out: History, Memory, and Meaning of a Nazi Massacre in Rome. — New York: Palgrave Macmillan, 2010. — 344 p.
6. *Perks R., & Thomson A.* (Eds.). The Oral History Reader (3rd ed.). — London; New York: Routledge, 2016. — 600 p.
7. *Grele R.J.* (Ed.). Envelopes of Sound: The Art of Oral History (2nd ed., revised and enlarged). — Westport, Connecticut: Praeger, 1998. — 320 p.
8. *Frisch M.* A Shared Authority: Essays on the Craft and Meaning of Oral and Public History. — Albany: State University of New York Press, 1990. — 273 p.

9. Центр устной истории МГУ. (2022). Ежегодный отчет. — М.: Изд-во МГУ. — 48 с.
10. Российский научный фонд. Конкурс на получение грантов по направлению «Фундаментальные и поисковые научные исследования отдельным научным группам» («Этнография и этнология»). — 2024. — 344 с.
11. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Демографический ежегодник России. 2023: Статистический сборник. — М., 2023. — 352 с.
12. Указ Президента Российской Федерации от 05.03.2020 № 166 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года».

Матвеев О.В.,

доктор исторических наук,
профессор кафедры международных отношений и внешней политики России,
Московский государственный лингвистический университет, Москва

Богданова А.А.,

студент,
Московский государственный лингвистический университет, Москва

Червяков И.И.,

студент,
Московский государственный лингвистический университет, Москва

РОССИЯ И САУДОВСКАЯ АРАВИЯ: ЦИВИЛИЗАЦИИ-ПАРТНЕРЫ

Matveev O.V.,

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Department of International Relations and Russian Foreign Policy,
Moscow State Linguistic University, Moscow
matveev4you@yandex.ru

Bogdanova A.A.,

Student,
Moscow State Linguistic University, Moscow
nastya.bogdanova2005@yandex.com

Chervyakov I.I.,

Student,
Moscow State Linguistic University, Moscow
chervyakov.05@inbox.ru

RUSSIA AND SAUDI ARABIA: PARTNER CIVILIZATIONS

Аннотация. В статье исследуются отношения России и Саудовской Аравии в контексте теории Сэмюэля Хантингтона «столкновения цивилизаций». Согласно его концепции, православная и исламская цивилизации исторически должны противостоять друг другу, поскольку находятся на «линиях разлома». Однако из российско-сау-

довского взаимодействия следует, как открытая конфронтация сменилась стратегическим партнерством.

Ключевые слова: столкновение цивилизаций, Россия, Саудовская Аравия, православная цивилизация, исламская цивилизация, стратегическое партнерство.

Abstract. The article examines the relations between Russia and Saudi Arabia within the framework of Samuel Huntington's "clash of civilizations" theory. According to his concept, Orthodox and Islamic civilizations are historically destined to confront each other, as they are located along the "fault lines". However, the pattern of Saudi-Russian interaction demonstrates a shift from open confrontation to strategic partnership.

Key words: clash of civilizations, Russia, Saudi Arabia, Orthodox civilization, Islamic civilization, strategic partnership.

Согласно концепции Самюэла Хантингтона, цивилизация представляет собой комплекс важных характеристик, определяющих общую идентичность, который включает религиозные воззрения, моральные устои, философские доктрины общества, его художественные достижения и степень материального обеспечения. Цивилизационный подход анализа международного взаимодействия различных государств был использован ученым в качестве объяснения глубинных противоречий между различными народами, чье самосознание базируется на фундаменте культурной идентичности.

С. Хантингтон настаивал на том, что именно цивилизационные столкновения носят наиболее непримиримый характер, поскольку они затрагивают основы человеческого самоопределения [6, с. 40–41].

В своей теории «столкновения цивилизаций» С. Хантингтон утверждает, что в XXI веке главным источником конфликтов в мировой политике будут не идеологии или экономика, а именно описанные им в статье «Столкновение цивилизаций» («The Clash of Civilizations») культурно-цивилизационные различия. Согласно его цивилизационной концепции, на границах цивилизаций находятся так называемые «линии разлома», на территории которых происходят наиболее ожесточенные, сложные в своем урегулировании и наиболее затяжные конфликты. Особую напряженность, по предположению политолога, должны приобрести взаимоотношения государств, которые находятся на

стыке исламского мира и сопредельных с ним культурных ареалов [5, с. 30].

С. Хантингтон прогнозировал, что ключевая угроза глобальной стабильности в будущем будет исходить от совокупности таких факторов, как убежденность Запада в своем превосходстве над другими государствами и его стремление оставить за собой доминирующую роль на международной арене, растущее влияние, а отсюда уверенность в своих силах и возможностях, Китая и распространение исламского фундаментализма за пределы исламского мира. При этом, проблематике взаимоотношений западной и исламской цивилизаций ученый уделяет особое внимание, выделив пять ключевых факторов усиления напряженности в взаимодействии между странами-представительницами этих двух культур: демографический рост и радикализация мусульманской молодежи, возрождение ислама, навязывание Западом своих ценностей, исчезновение общей угрозы в лице коммунизма и рост контактов, обостривший культурные различия.

Также, особое место среди выделяемых им цивилизаций занимает православная, которая территориально соседствует как с западным, так и с исламским культурными обществами, исторически имея сложные и противоречивые отношения с ними. Так, заявление Дональда Трампа о ныне «самой преследуемой религии на планете» — христианстве — на Генеральной Ассамблее ООН, прошедшей 23 сентября 2023 года [9], нашло широкий отклик в православном мире. Историческим центром православной цивилизации

С. Хантингтон выделяет Россию, которая выполняет роль государства-ядра, являясь культурно-политическим лидером всего православного общества (несмотря на то, что одновременно с этим она делит титул «разорванной страны»¹). Кроме России,

¹ Термином «разорванные страны» С. Хантингтон называет государства, чья культура и население не имеют единой цивилизационной идентичности. Для ее успешного установления в таких странах необходимо согласие элит продвигать идею собственного самоопределения, что в дальнейшем должно встретить поддержку народа этой страны, а также готовность цивилизации, на которую ранее равнялись, принять нового участника. На практике ни одно государство не завершило

к православной цивилизации он относит ряд восточноевропейских государств: Сербию, Болгарию, Румынию, Грецию, Беларусь, левобережную Украину, а также другие общества, сохраняющие византийское религиозное и культурное наследие.

Главными характеристиками православной цивилизации являются самобытность, сильная роль государства и православной церкви в общественной жизни, приоритет интересов и благополучия группы над интересами отдельного человека и склонность к авторитарным моделям политической организации. В то же время С. Хантингтон указывает на относительную экономическую и технологическую отсталость православного общества по сравнению с западным ввиду особенностей исторического развития. Отдельное внимание он уделяет двойственному положению православной цивилизации, особенно России, на что ссылались ранее: с одной стороны, она культурно и исторически ближе к Западу, чем исламский мир, но с другой — старается максимально от него абстрагироваться, формируя собственный вектор развития.

В исламской цивилизации общество является одним из наиболее динамичных и конфликтных в современном мире, что обусловлено идеологией исламских экстремистов. Его географическое ядро охватывает Ближний Восток и Северную Африку, однако распространяется также на Центральную и Южную Азию и отдельные регионы Европы. Ислам, выступающий не только религией, но и культурной системой, служит главным объединяющим фактором в данной цивилизации. Несмотря на существующие различия между арабским, турецким, персидским и малайско-индонезийским культурными блоками, именно религиозное единство формирует общее цивилизационное пространство.

Особенностью исламской цивилизации С. Хантингтон считает ее выраженное стремление к самоутверждению и возвращению к религиозным основам, что автор понимает за угрозу

этот путь. Разорванными странами политолог считает Россию, Турцию, Мексику и Австралию, объясняя такое их положение определенными историческими обстоятельствами. (Прим. — *Авт.*).

глобальной безопасности. Именно поэтому он рассматривает феномен исламского фундаментализма не только как проявление радикальных движений, но и как более широкий процесс культурной мобилизации в рамках так называемого «исламского возрождения» — так именуется период роста заинтересованности мусульман своей религией и ее активного распространения. Важным фактором он называет демографическое увеличение мусульманского населения, которое усиливает социально-политическое напряжение и способствует экспансии цивилизации за ее пределы [6, с. 96–97].

Результаты обобщенного материала свидетельствуют, что территориально православная и исламская цивилизации пересекают «линии разлома» (например, на Кавказе, в Центральной Азии, на Балканах, а также на южных границах России). Исторические события, произошедшие в этих регионах, показывают, что обе цивилизации на протяжении веков находились в конфликтных отношениях, зачастую разрешая геополитические и культурно-религиозные разногласия. Однако в условиях трансформации мировой системы их взаимодействие постепенно перешло в плоскость прагматического сотрудничества на фоне конфронтации коллективному Западу. Ярким примером этого нового этапа служит сближение России и Саудовской Аравии, которую принято считать центром арабской субцивилизации внутри исламского общества.

Королевство Саудовская Аравия по праву считается наследником арабо-исламской цивилизации, зародившейся на Аравийском полуострове. Этот статус подтверждается не только ролью хранителя двух главных святынь ислама — мекканской и мединской мечетей, — но и бережным сохранением древней культуры, искусства и богатейших традиций арабского языка [3]. В этом контексте многоуровневое стратегическое партнерство России с Королевством становится не только точкой соприкосновения цивилизаций по линии разлома, но и ключевым элементом построения взаимовыгодного сотрудничества в разных сферах, способствующего межкультурному диалогу.

История российско-саудовских отношений имеет глубокие корни. Еще в конце XIX века, с 1891 года, в Джидде, которая

тогда находилась под контролем Османской империи, работало консульство Российской империи.

Дипломатическое признание независимости Королевства Саудовская Аравия стало важнейшей вехой в истории взаимоотношений двух стран. Советский Союз стал первым государством в мире, которое официально поддержало независимость королевства Хиджаз, Неджд и присоединенных областей (с 1932 года — Королевство Саудовская Аравия). Дипломатические отношения были установлены 19 февраля 1926 года. В знак важности этих отношений советское консульство в Джидде было преобразовано в полномасштабное посольство. В 1932 году СССР с официальным визитом посетил министр иностранных дел КСА принц Фейсал [4].

Однако к 1938 году отношения были фактически прерваны. Это решение было связано с комплексом причин: сложной внутренней и внешнеполитической обстановкой в СССР, переориентацией внешней политики Саудовской Аравии на западные страны. На длительные десятилетия две страны оказались по разные стороны «железного занавеса», будучи участниками противоположных блоков в период «холодной войны». Возобновление диалога произошло на фоне изменения глобальной обстановки. В 1990 году, после рабочих визитов в Москву саудовского министра иностранных дел, был подписан совместный советско-саудовский меморандум о полном восстановлении дипломатических отношений. На практике это было реализовано в 1991 году с открытием посольств в Эр-Рияде и Москве. Саудовская Аравия признала Российскую Федерацию правопреемницей СССР [1].

Новая глава в двусторонних отношениях началась после распада Советского Союза. Важным шагом стал первый официальный визит в Россию наследного принца Саудовской Аравии Абдаллы ибн Абдул-Азиза в 2003 году, по результатам этой встречи была заложена основа для динамичного развития многопланового сотрудничества между двумя странами [8].

В первой четверти XXI века взаимоотношений Россия и Саудовская Аравия демонстрируют сходные или во многом параллельные подходы к разрешению многих ключевых международных проблем, что создает прочную основу для их взаимодействия.

Позиции двух стран согласованы или очень близки по широкому спектру вопросов, включая урегулирование конфликтов на Ближнем Востоке, таких как ситуация вокруг ядерной программы Ирана, в Ираке, Афганистане, Йемене и Судане, а также палестино-израильское противостояние. Кроме того, взгляды Москвы и Эр-Рияда совпадают в вопросах укрепления режима нераспространения оружия массового уничтожения, противодействия международному терроризму и экстремизму, а также борьбы с транснациональной организованной преступностью, наркотрафиком и пиратством [1].

Экономическое и энергетическое партнерство между Российской Федерацией и Королевством Саудовская Аравия представляет собой стратегически важное направление, ставшее ключевым фактором стабильности на мировом энергетическом рынке. Импульсом для его формирования послужили структурные изменения в энергетической отрасли, вызванные кризисом 2014 года.

Противоборство между традиционными экспортерами (ОПЕК и Россия) и новыми игроками, прежде всего производителями сланцевой нефти в США, привело к резкому дисбалансу на рынке и обвалу цен. Эта ситуация, угрожавшая бюджетным интересам нефтедобывающих государств, потребовала новых форматов координации. Ответом явилось создание в 2016 году альянса ОПЕК+, объединившего страны картеля и крупнейших независимых экспортеров во главе с Россией.

Энергетическое партнерство стало демонстрировать особую эффективность. Соглашение в формате ОПЕК+ показало способность Москвы и Эр-Рияда находить консенсус для стабилизации мирового рынка нефти. Кооперация двух стран, являющихся ключевыми игроками альянса, определяет общую рыночную политику. После пандемического кризиса 2020 года Россия и Саудовская Аравия утвердились в преимуществах координации действий над дестабилизирующей конкуренцией. В свою очередь стратегия добровольного сокращения добычи, как это было в 2023 году, а затем и ее синхронного наращивания, доказала свою эффективность и закрепила за двумя государствами роль гарантов глобальной энергетической стабильности. Это сотруд-

ничество имеет не только экономическое, но и важное политическое измерение.

Важным шагом в развитии двусторонних связей стало учреждение в 2015 году совместного инвестиционного фонда с капиталом до 10 миллиардов долларов. В его рамках одобрено более тридцати проектов на сумму свыше 2,5 миллиардов долларов в таких сферах как искусственный интеллект, медицина и инфраструктура [2].

Перспективы двусторонних отношений связаны с реализацией потенциала технологического партнерства в контексте глобальной энергетической трансформации. Наиболее актуальными видятся совместные проекты в сфере «зеленого» водорода, возобновляемых источников энергии, а также в мирном использовании атомной энергии. Как следствие, стратегический альянс между Россией и Саудовской Аравией, основанный на взаимных экономических интересах, продолжает укрепляться и определять контуры глобального энергетического ландшафта.

Культурно-гуманитарное сотрудничество между Россией и Саудовской Аравией демонстрирует впечатляющую динамику роста, становясь важным направлением двусторонних отношений. Визит делегации Комитета по туризму города Москвы в Эр-Рияд и Джидду знаменует новый этап в развитии партнерских отношений между двумя странами. Статистика свидетельствует о настоящем туристическом буме: в 2024 году Москву посетили 52,4 тысячи саудовских граждан, что в 5,7 раза превышает показатели 2023 года (9,3 тысячи туристов). Эта положительная тенденция сохранилась и в первом квартале 2025 года, когда российскую столицу посетили 9,9 тысяч гостей из Королевства, что на 50% больше, чем за аналогичный период прошлого года [7].

По результатам обобщения литературы авторами была составлена табл. 1.

Таблица 1

Туристический поток из Саудовской Аравии в Москву

	2023	2024	2025 (I квартал)
Количество туристов, в тыс. чел.	9,3	52,4	9,9

Значительное внимание в двусторонних отношениях уделяется образовательной сфере. В рамках программы королевских стипендий саудовские студенты направляются для получения образования в ведущие российские вузы. Подготовка специалистов осуществляется в 18 университетах, включая Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова, Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет и Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Курирует деятельность учащихся специальное культурное представительство при посольстве Королевства [8].

Активно развивается научно-религиозный диалог. Важной вехой стало открытие в 1995 году при МГУ имени М.В. Ломоносова кафедры исламских исследований имени принца Наифа бен Абдель Азиза. Значимым вкладом в распространение знаний об исламе стала публикация в 2012 году Королевским комплексом по изданию Корана в Медине современного перевода смыслов Священного Писания на русский язык.

Ключевым фактором роста туристического потока стало введение электронной визовой системы в августе 2023 года. На сегодняшний день гражданам Саудовской Аравии выдано уже более 80 тысяч электронных виз, что выводит Королевство на второе место по количеству оформленных разрешительных документов.

Эти усилия полностью соответствуют целям программы «Видение Саудовской Аравии 2030», направленной на установление международных культурных партнерств и обмен опытом. Российская столица предлагает саудовским путешественникам уникальное сочетание исторического наследия, современной инфраструктуры и круглогодичных культурных мероприятий, что делает ее привлекательным направлением для туристов из Королевства [7]. Стороны планируют развивать совместные проекты в сфере туризма, расширять культурные обмены и работать над дальнейшим упрощением визового режима, что, несомненно, будет способствовать росту туристических потоков между двумя странами.

На основе представленного материала можно выявить следующие тенденции.

1. Православная и исламская цивилизации находят точки пересечения интересов для выстраивания государственных отношений в достижении многополярного мира.
2. Прагматическое сотрудничество между странами становится ключевым фактором развития межгосударственных отношений и преодоления цивилизационных противоречий.

Российско-саудовские отношения демонстрируют совершенно новый подход во взаимодействии пограничных цивилизаций, образовав прагматичный стратегический альянс, который характеризуется общностью экономических, геополитических и культурных интересов. Стремление к установлению прочного сотрудничества оказалось сильнее идеологических и культурно-исторических различий, что позволяет обеим странам укреплять двусторонний диалог будучи важными акторами на международной арене. Таким образом можно сделать следующие выводы.

1. Самюэл Хантингтон констатирует, что несмотря на периодические конфликты, православная и исламская цивилизации стремятся к построению взаимовыгодного сотрудничества, независимого от влияния Запада.
2. Порождаемые столкновением религиозных ценностей и интересов разногласия преодолеваются путем открытого диалога и выстраивания многопланового партнерства, в рамках которого формируются принципы взаимного уважения и сотрудничества.
3. Российско-саудовские отношения вышли на новый уровень межгосударственных взаимоотношений, сосредоточив основные усилия в областях энергетики, туризма, образования, культуры и других.

Список литературы

1. Россия и Саудовская Аравия: история взаимоотношений // ТАСС. — 2024. — 28 мая. — URL: <https://tass.ru/info/19461233> (дата обращения: 15.09.2025).
2. Халова Г. Энергетическое сотрудничество России и Саудовской Аравии: современное состояние и перспективы // Энергетическая по-

- литика. — 2025. — № 13. — С. 14. — URL: <https://energypolicy.ru/energeticheskoe-sotrudnichestvo-rossii-i-saudovskoj-aravii-sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy/> (дата обращения: 16.09.2025).
3. *Al-Shamri S. bin A.* Saudi Arabia, the heir to Arab and Islamic civilization // *Al Arabiya*. — 2023. — 9 April. — URL: <https://www.alarabiya.net/saudi-today/views/2023/04/09/> (дата обращения: 18.09.2025).
 4. Embassy of Russia in the Kingdom of Saudi Arabia // URL: <https://riyadh.mid.ru/ru/countries/bilateral-relations/political-relations/> (дата обращения: 16.09.2025).
 5. *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations? // *Foreign Affairs*. — 1993. — Vol. 72. — No 3. — Pp. 22–49.
 6. *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. — New York: Simon & Schuster, 1996. — 368 p.
 7. Moscow strengthens its tourism relations with Saudi Arabia // *Asharq Al-Awsat*. — 2024. — 28 May. — URL: <https://aawsat.com/...> (дата обращения: 15.09.2025).
 8. Saudi-Russian Relations // *Saudipedia*. — URL: <https://saudipedia.com/article/16408/%D8%> (дата обращения: 15.09.2025).
 9. Trump Speaks at U.N. // *REV.com*. — URL: <https://www.rev.com/transcripts/trump-speaks-at-un> (дата обращения: 27.09.2025).

Муровцев В.А.,

студент,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

Чепель М.Д.,

студент,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

СОВРЕМЕННОЕ РАБСТВО: ФОРМЫ, МАСШТАБЫ И ГЕОГРАФИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ

Murovtsev V.A.,

student,

V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow

Chepel M.D.,

student,

V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow

MODERN SLAVERY: FORMS, SCALES AND GEOGRAPHY OF DISTRIBUTION

Аннотация. В статье исследуется феномен современного рабства как глобальной социально-экономической проблемы. Дается определение понятия, анализируются его ключевые формы, включая долговую кабалу, принудительный труд, сексуальную эксплуатацию и принудительные браки. Приводятся актуальные статистические данные и рассматривается географическое распределение стран, вовлеченных в систему работорговли. Особое внимание уделяется факторам, способствующим распространению этой практики, а также мерам международного противодействия.

Ключевые слова: современное рабство, принудительный труд, долговая кабала, сексуальная эксплуатация, торговля людьми, Глобальный индекс рабства.

Abstract. The article examines the phenomenon of modern slavery as a global socio-economic problem. It provides a definition of the concept and analyzes its key forms, including debt bondage, forced labor, sexual exploitation, and forced marriage. Current statistical data is presented, and the geographical distribution of countries involved in the system of human trafficking is considered. Special attention is paid to the

factors contributing to the spread of this practice, as well as measures for international counteraction.

Key words: modern slavery, forced labor, debt bondage, sexual exploitation, human trafficking, Global Slavery Index.

Целью настоящего исследования является систематизация знаний о современных формах рабства, их количественных показателях, географической локализации, а также анализ причин и мер противодействия. Исторически рабство понималось как система общественных отношений, при которой человек является собственностью другого лица или государства. Несмотря на формальную отмену рабства во всех странах мира, в XXI веке оно продолжает существовать в новых, зачастую скрытых формах, объединяемых термином «современное рабство». Под этим понятием подразумеваются ситуации эксплуатации, при которых человек не может отказаться от работы или прекратить ее по причине угроз, насилия, принуждения, злоупотребления властью или обмана [3; 9].

Основные формы современного рабства

Долговая кабала представляет собой экономическую зависимость, при которой должник не в состоянии вернуть долг и вынужден возмещать его посредством отработки, что является разновидностью принудительного труда. Эта практика широко распространена в сельском хозяйстве, строительстве, добывающей промышленности и производстве товаров массового потребления. Согласно последним оценкам, в условиях долговой кабалы находятся около 28 миллионов человек [6].

Сексуальная эксплуатация связана с принуждением к занятию проституцией, порнографией или иными видами сексуальных услуг. По оценкам экспертов, около 5 миллионов человек в мире являются жертвами сексуальной эксплуатации [9].

Принудительные браки определяются как союзы, в которые один или оба партнера вступили без своего свободного и полного согласия. Данная форма тесно связана с торговлей «невестами». В 2021 году около 22 миллионов человек состояли в принуди-

тельных браках, подавляющее большинство жертв — женщины и девочки [3].

Бытовое рабство характерно для сферы домашнего хозяйства и предполагает использование людей для работ по дому без возможности покинуть место эксплуатации. В условиях бытового рабства находятся около 6,6 миллиона человек [3].

Государственное принудительное трудоустройство служит целям государства и включает в себя, например, труд заключенных или программы поставки дешевой рабочей силы другим странам. По данным на 2021 год, 3,9 миллиона человек в мире подвергались государственному принудительному труду [1].

Эксплуатация детей включает использование детей-солдат, детские браки, принудительное попрошайничество и коммерческую сексуальную эксплуатацию. Несмотря на отсутствие точных глобальных оценок, масштабы проблемы признаются значительными [7].

Религиозное рабство предполагает эксплуатацию последователей религиозных культов и сект, которых принуждают к бесплатному труду или попрошайничеству. Деятельность тщательно скрывается под видом религиозных практик, что затрудняет ее выявление.

Факторы распространения современного рабства

Среди ключевых факторов, способствующих распространению современного рабства, выделяются: экономические (бедность, безработица, экономическое неравенство); социальные (дискриминация, низкий уровень образования и правовой грамотности); политические и правовые (коррупция, неэффективное законодательство, слабое правоприменение); внешние (вооруженные конфликты, миграционные кризисы, последствия изменения климата).

География современного рабства

Страны, вовлеченные в систему современного рабства, можно разделить на три группы: страны-доноры (государства, являю-

щиеся источниками живого товара — страны Африки, Южной и Восточной Азии, Восточной Европы); транзитные страны (через них осуществляется переправка жертв — страны Центральной Америки, Центральной Европы и Центральной Азии); страны-реципиенты (основные получатели и эксплуататоры — США, страны Западной Европы, Саудовская Аравия, Китай, Индия и др.). Такие государства, как Индия, Китай, Мексика и Афганистан, являются примерами смешанного типа, выступая одновременно и донорами, и реципиентами [9].

Основные направления борьбы с современным рабством

Ключевые меры противодействия включают: ужесточение законодательства и усиление правоохранительной деятельности; международное сотрудничество в рамках выполнения конвенций ООН и сотрудничества правоохранительных органов; борьбу с бедностью и неравенством через создание экономических возможностей и программ социальной поддержки; повышение ответственности бизнеса за прозрачность цепочек поставок; образовательные программы, направленные на информирование о правах и рисках.

Заключение

Современное рабство остается одним из наиболее серьезных вызовов глобального характера. Рост числа жертв и концентрация проблемы в ряде регионов свидетельствуют о ее системном характере, корнящемся в бедности, неравенстве и слабости институтов. Ликвидация современных форм рабства требует консолидированных усилий на национальном и международном уровнях и является не только правовой, но и моральной задачей для мирового сообщества.

Список литературы

1. Международная организация труда. Конвенция № 29 о принудительном или обязательном труде, 1930.

2. Международная организация труда. Глобальные оценки современного рабства: принудительный труд и принудительные браки, 2021.
3. Управление ООН по наркотикам и преступности. Глобальный доклад о торговле людьми, 2022.
4. Управление Государственного департамента США по мониторингу и борьбе с торговлей людьми. Доклад о торговле людьми, 2023.
5. Управление ООН по наркотикам и преступности. Глобальный доклад о торговле людьми, 2025 (прогнозная оценка).
6. ООН. Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности (Палермский протокол), 2000.
7. 28 млн человек в мире находятся в трудовом рабстве // The New Times. — 2024.
8. Walk Free Foundation. Глобальный индекс рабства, 2023.

Налетов А.К.,

аспирант,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

Шорохова С.П.,

кандидат философских наук, доцент,

декан факультета международных отношений и геополитики,

зав. кафедрой политических процессов и технологий,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

ВЛИЯНИЕ ЛИДЕРОВ МНЕНИЙ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ (ИНФЛЮЕНСЕРОВ) НА ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ

Naletov A.K.,

Postgraduate student,

V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow

nalyotovvv@yandex.com

Shorokhova S.P.,

PhD in Philosophy Science, Associate Professor,

Dean of the Faculty of International Relations and Geopolitics,

Head of the Department of Political Processes and Technologies,

V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow

orator3@yandex.ru

THE INFLUENCE OF SOCIAL MEDIA OPINION LEADERS (INFLUENCERS) ON SHAPING POLITICAL PREFERENCES

Аннотация. Рост влияния социальных медиа выдвинул интернет-блогеров в роль ключевых акторов, формирующих общественное мнение и политическую повестку. В центре исследования данной статьи — воздействие блогеров на политическую активность и информационные предпочтения их аудитории. Анализируются механизмы этого влияния, специфика контента и модели взаимодействия с подписчиками, а также выводы для современной политической культуры и демократических институтов.

Ключевые слова: социальные медиа, социальные сети, политические предпочтения, молодежь, политическая социализация, онлайн-сообщества, лидеры мнений.

Abstract. The growing influence of social media has elevated internet bloggers to the role of key actors shaping public opinion and the political agenda. This article's research focuses on the impact of bloggers on the political activity and information preferences of their audience. It analyzes the mechanisms of this influence, the specifics of content, and models of interaction with subscribers, as well as drawing conclusions for contemporary political culture and democratic institutions.

Key words: social media, social networks, political preferences, youth, political socialization, online communities, opinion leaders.

Трансформация цифрового ландшафта сделала социальные сети центральной площадкой для глобальной коммуникации. В этом пространстве интернет-блогеры, обладающие многомиллионной аудиторией, стали новыми медиа-посредниками, способными существенно влиять на политические дискуссии. Настоящее исследование направлено на анализ стратегий, которые используют блогеры для формирования политических взглядов, оценки их роли в мобилизации граждан и изучения последствий этого феномена для демократического участия.

Социальные сети превращаются в ключевой инструмент воздействия на сознание цифровой аудитории. Политические блоги, каналы, сообщества и страницы выступают в роли нового механизма влияния на население. В современном политическом ландшафте формируется новое поколение потребителей интернет-контента. Характерной чертой актуального политического процесса выступает интенсивное развитие онлайн-коммуникации. Научная новизна данного исследования заключается в анализе воздействия блогеров на политическую динамику. До настоящего момента подобные изыскания не осуществлялись. Указанная тенденция набирает силу с начала 2010-х годов, что совпало с периодом активной цифровизации российского общества. Интернет стал доступен даже в наиболее отдаленных регионах РФ. Традиционные средства массовой информации постепенно утрачивают лидирующие позиции, уступая их онлайн-среде и социальным медиа.

Наиболее распространенными социальными платформами в России остаются: ВКонтакте, Instagram¹, Одноклассники, Facebook², Telegram и TikTok.

- **ВКонтакте** ежемесячно посещает порядка 38,2 млн пользователей. Основная возрастная категория — от 35 до 64 лет.
- **Instagram**¹ насчитывает около 30,7 млн активных пользователей в месяц. Аудитория продолжает расширяться, что указывает на значительный потенциал платформы.
- **Одноклассники** привлекают ежемесячно примерно 23,4 млн человек. Эта платформа обладает самой взрослой аудиторией (35–64 года).
- **Facebook**², сохраняя глобальную популярность, в России занимает лишь четвертое место с месячной аудиторией около 10,3 млн пользователей.
- **Telegram**, несмотря на дефицит официальной статистики, широко востребован в РФ как канал для распространения инсайдерской, в том числе политической, информации. Лидеры мнений активно используют его для комментирования текущих событий.
- **TikTok** демонстрирует наиболее стремительный рост аудитории. Ядро пользователей (около 40%) составляют подростки до 18 лет. В 2019 году приложение превзошло Instagram¹ по числу загрузок. В России ежемесячная аудитория превышает 8 млн человек. Несмотря на наличие аккаунтов у некоторых культурных и политических деятелей, платформа сохраняет преимущественно развлекательный и юмористический характер. Политики избегают активного присутствия в TikTok, опасаясь восприятия их как несерьезных фигур. Эта ниша потенциально может быть занята блогерами, однако специализированного политического контента в форма-

¹ Признана экстремистской организацией, запрещена на территории РФ.

² Медиаплатформа Facebook как часть компания Meta 21 марта 2022 г. была признана экстремистской организацией на территории РФ.

те коротких (15–60 секунд) развлекательных роликов практически нет.

Определение интернет-блогера

Интернет-блогер — это лицо, создающее и публикующее контент на площадках социальных медиа (блоги, видеохостинги, социальные сети). Автор может выступать как профессиональный журналист, так и непрофессионал, используя свою платформу для выражения личной позиции, анализа происходящего и обсуждения злободневных вопросов.

Относительно гибридной природы политического инфлюенсерства имеются следующие объяснительные модели: «Современные политические инфлюенсеры часто представляют собой гибридный тип коммуникатора, сочетающий черты журналиста, активиста, эксперта и развлекательного блогера. Их сила — в способности «переводить» сложные политические программы и нарративы на язык конкретных аудиторных ниш (геймеры, молодые мамы, автомобилисты). Это создает эффект «вертикальной политической мобилизации», где решение принимается не на уровне идеологии, а на уровне групповой идентичности, которую курирует инфлюенсер» [1, с. 78–95].

Эмпирические данные о влиянии на молодежь

«Проведенный в 2022 году опрос среди пользователей ВКонтакте и Telegram в возрасте 18–24 лет показал, что 27% респондентов хотя бы раз изменили свое мнение по политическому вопросу после разъяснительных публикаций или стримов инфлюенсера, которого они считают авторитетным. При этом для 41% мнение блогера было важным фактором при формировании отношения к новому закону или политическому событию, информация о котором была скудно представлена в традиционных СМИ» [2, с. 285–307].

Политическое влияние и общественное мнение

Воздействие интернет-блогеров на политику можно анализировать в рамках теорий общественного мнения и медиавлияния. Согласно концепции «агентства», медиа способны конструировать образы политических событий и персон. Блогеры в этой системе становятся значимыми медиаторами, которые могут как легитимизировать существующий порядок, так и подвергать его критике.

Механизмы воздействия

Для влияния на аудиторию блогеры применяют ряд механизмов:

- эмоциональный резонанс: обращение к личным историям и чувствам для установления доверительной связи с подписчиками;
- информационное превосходство: предоставление сведений, которые могут быть недоступны или намеренно искажены в традиционных СМИ;
- формирование сообщества: создание среди аудитории чувства групповой принадлежности, что усиливает авторитет блогера и сплоченность его последователей.

Риски: непрозрачное лоббирование и астротурфинг

«Серьезный риск, связанный с политическим инфлюенс-маркетингом, — это закамouflированное лоббирование. Коммерческая корпорация или политическая группа могут через сеть инфлюенсеров продвигать нужные им регуляторные изменения, не афишируя свое участие. Другой тактикой является астротурфинг (*astroturfing*) — создание видимости массовой народной поддержки идеи путем координированных публикаций множества микро-инфлюенсеров, имитирующих органичный общественный запрос» [3, с. 112–125].

О конкретных практиках и рисках

«Ключевой тренд — нативная интеграция политического контента в развлекательную повестку. Это может быть обсуждение

экологической политики в рамках блога о zero waste, комментария по поводу законодательства о цифровых правах в канале IT-обозревателя или рассуждения о патриотизме в видео игрового стримера. Опасность такой практики заключается в размывании границ между собственно политическим высказыванием, рекламой и личным мнением, что затрудняет для аудитории критическую оценку информации. Кроме того, инфлюенсеры часто представляют сложные политические вопросы в упрощенном, дихотомическом ключе, усиливая поляризацию» [4, с. 90–92, 50–61].

Имеющиеся для анализа данные свидетельствуют о существенном влиянии интернет-блогеров на политическую вовлеченность их аудитории. Более 60% респондентов указали, что контент от блогеров мотивирует их к участию в политических мероприятиях, включая митинги и электоральные процессы.

Блогеры выполняют центральную функцию в формировании политических ориентаций своей аудитории. Приблизительно 70% опрошенных отметили, что позиция блогеров воздействует на их собственные политические убеждения, особенно при обсуждении злободневных событий.

Для взаимодействия с подписчиками авторы применяют разнообразные форматы: опросы, прямые трансляции, дискуссии в комментариях. Это формирует у аудитории чувство сопричастности и принадлежности к сообществу, что, в свою очередь, усиливает степень влияния блогера.

Гендерный аспект политического влияния: «Исследования показывают, что женщины-инфлюенсеры, даже в «неполитических» нишах (материнство, кулинария, благотворительность), оказывают значительное влияние на формирование общественно-политических установок своей аудитории, особенно по вопросам социальной политики, экологии, здравоохранения и образования. Их влияние часто носит более опосредованный и нарративный характер, вплетая политические ценности в историю из личной жизни, что делает убеждение менее очевидным, но более глубоким» [5, с. 57–70].

Влияние на протестную активность: «Инфлюенсеры играют критическую роль в мобилизации протестной активности,

выступая в трех ключевых ипостасях: 1) как агенты-информаторы, оперативно и в доверительном формате сообщаящие о целях и причинах протеста; 2) как координаторы, дающие конкретные инструкции по времени, месту и формату действий; 3) как «хранители смыслов», объясняющие значение протеста и поддерживающие моральный дух участников между волнами активности. Их личный бренд служит гарантом достоверности информации в условиях неопределенности» [6, с. 367–383].

Позитивные эффекты влияния

Интернет-блогеры способны стимулировать рост политической грамотности и активности, в частности среди молодежи. Они также предоставляют площадку для обсуждения значимых социально-политических проблем, которые могут оставаться без внимания в традиционных СМИ.

Негативные эффекты влияния

С другой стороны, влияние блогеров может иметь деструктивный характер. Распространение ложной информации и манипуляция общественным сознанием способны привести к усилению поляризации и деградации политической культуры. Кроме того, существуют риски использования платформ для пропаганды экстремистских идеологий.

Психология: эффект «внутреннего круга»

«С психологической точки зрения, подписчики склонны причислять любимых инфлюенсеров к своему «внутреннему кругу» (in-group). Политические позиции, высказываемые инфлюенсером, затем воспринимаются как «свои», «правильные» для этой воображаемой группы. Критика в адрес инфлюенсера со стороны «внешнего круга» (out-group) — например, от официальных лиц или оппонентов — лишь укрепляет эту связь и приводит к эффекту «сплочения рядов» (bandwagon effect) среди фан-базы» [7, 45–58].

В итоге можно констатировать, что интернет-блогеры занимают существенную нишу в современном политическом поле, оказывая заметное воздействие на общественные настроения и гражданскую активность. Их способность формировать позиции аудитории делает их значимыми акторами в рамках демократических процессов.

Анализ показал, что в российской практике наиболее распространены следующие форматы контента: изображение, текст, видео и аудио. Каждая категория имеет внутреннюю градацию.

- Текст: короткие сообщения (твиты), шутки, афоризмы, комментарии.
- Изображения: фотографии, инфографика, мемы, коллажи.
- Аудио: подкасты, голосовые сообщения (например, в Telegram).
- Визуально-аудиальные форматы: видеоролики, стримы, прямые эфиры (лайвы), видеointервью, скринкасты, «истории».

Перечисленные форматы активно используются политическими блогерами. Результаты исследования подтверждают наличие у них многомиллионной аудитории в социальных сетях. Анализ, проведенный на платформах YouTube³, Telegram и ВКонтакте, выявил следующее.

- Наибольший охват аудитории характерен для YouTube³.
- Instagram⁴ (запрещен в РФ) занимает второе место по популярности и охвату.
- Telegram — это набирающая влияние платформа, используемая в политических целях преимущественно для утечек информации и инсайдов. Ее популярность связана с возможностью сохранения анонимности авторов каналов.
- ВКонтакте, пик популярности которого пришелся на начало 2010-х годов, в настоящее время утратил статус ключевой новостной площадки для политических блогеров, поскольку их целевая аудитория мигрировала в другие сети.

³ Признана экстремистской организацией, запрещена на территории РФ.

⁴ Запрещен на территории РФ.

В рамках исследования были идентифицированы следующие методы политической манипуляции в социальных сетях.

1. Создание фейковых новостей (Fake News).
2. Генерация информационного шума.
3. Перевод информации в разряд «секретной» (часто через намеренные утечки, особенно в Telegram).
4. Использование подсознательных информационных стимулов.
5. Формирование благоприятных установок для продвижения конкретной политической партии, программы или лидера.

В российском сегменте интернета наиболее распространены практики создания фейковых новостей и формирования заданных установок в сознании аудитории.

Таким образом, политическое манипулирование в социальных сетях является неотъемлемым элементом цифровой общественной среды. Этот социальный механизм информирования в перспективе способен заместить традиционные средства массовой коммуникации и трансформироваться в один из фундаментальных политических институтов. Тем не менее, нельзя игнорировать сопутствующие риски, такие как диссеминация ложных сведений и усиление социальной поляризации. Дальнейшая эволюция политического влияния блогеров будет определяться уровнем их ответственности и этичности при производстве контента, а также развитием у аудитории навыков критического восприятия информации.

Список литературы

1. Хизершэм Т. Инфлюенсеры как акторы гибридной политической коммуникации // Политические исследования. — 2023. — С. 78–95.
2. Иванов П.В., Смирнова К.Д. Роль видеоблогеров и инфлюенсеров в политической социализации поколения Z в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2022. — С. 285–307.
3. Власова Т.А. Инфлюенсеры как инструмент «мягкого» лоббизма и политического астротурфинга в цифровой среде // Право и политика. — 2023. — № 8. — С. 112–125.

4. *Freberg K., Graham K., McGaughey K., Freberg L.A.* Who are the social media influencers? A study of public perceptions of personality // *Public Relations Review*. — 2011. — No 37(1). — P. 90–92. (О восприятии личности инфлюенсеров).
5. *Enli G.* Twitter as arena for the authentic outsider: exploring the social media campaigns of Trump and Clinton in the 2016 US presidential election // *European Journal of Communication*. — 2017. — No 32(1). — P. 50–61. (Анализ роли «аутентичности» и неинституциональных акторов).
6. *Бережная Е.С.* «Мягкая сила» женского инфлюенс-маркетинга в политической коммуникации // *Женщина в российском обществе*. — 2022. — No 3. — P. 57–70.
7. *Таранов М.А.* Роль цифровых лидеров мнений в мобилизации молодежных протестных движений (на примере...) // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК*. — 2020. — № 16 (3). — С. 367–383.
8. *Тернер Дж.* Социальная идентичность и политический выбор в эпоху социальных сетей // *Психологический журнал*. — 2021. — № 42(4). — С. 45–58. (Адаптация теории социальной идентичности).
9. *Bennett W.L., Segerberg A.* The logic of connective action: Digital media and the personalization of contentious politics // *Information, Communication & Society*. — 2012. — No 15(5). — P. 739–768.
10. *Bruns A.* Are filter bubbles real? // *Media International Australia*. — 2019. — No 169(1). — P. 25–40.
11. *Karpp D.* Analytic activism: Digital listening and the new political strategy. — Oxford University Press, 2016.
12. *Papacharissi Z.* A private sphere: Democracy in a digital age. — Polity Press, 2010.
13. *Tufekci Z.* Twitter and tear gas: The power and fragility of networked protest. — Yale University Press, 2017.

Науменко К.С.,

студент,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

ВЛИЯНИЕ ВСТУПЛЕНИЯ ФИНЛЯНДИИ В НАТО НА РОССИЙСКО-ФИНСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В РАМКАХ «СЕВЕРНОГО ИЗМЕРЕНИЯ»

Naumenko K.S.,

Student,

V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow

ksusha.naumencko@yandex.ru

THE IMPACT OF FINLAND'S ACCESSION TO NATO ON RUSSIAN-FINNISH COOPERATION WITHIN THE FRAMEWORK OF THE "NORTHERN DIMENSION"

Аннотация. В статье рассматривается изменение развития российско-финских отношений в современном мире в рамках программы «Северное измерение» после вступления Финляндии в НАТО.

Процессы, происходящие на мировой арене, стремительно влияют на взаимоотношения между государствами, что ускоряет или в то же время замедляет процесс трансформации системы международных отношений. Анализ взаимоотношений России и Финляндии поможет оценить взаимодействие двух стратегически значимых государств на мировой арене в современном мире.

Ключевые слова: Российско-финские отношения, НАТО, Европейский Союз, «Северное измерение».

Abstract. The article examines the changes in the development of Russian-Finnish relations in the modern world within the framework of the Northern Dimension program after Finland joined NATO.

The processes taking place on the world stage are rapidly affecting relations between States, which accelerates or at the same time slows down the process of transformation of the system of international relations. An analysis of the relationship between Russia and Finland will help to assess the interaction of two strategically important states on the world stage in the modern world.

Key words: Russian-Finnish relations, NATO, the European Union, the Northern Dimension.

В современных условиях усложнившихся международных отношений большую роль приобретают устойчивые связи с соседними государствами, обеспечивающие, в том числе, национальную безопасность. Российская Федерация, однако, сегодня сталкивается с неблагоприятной обстановкой по западному периметру своих границ. Это касается не только тех стран, которые традиционно негативно относятся к нашей стране (например, Польша), но и тех, которые на протяжении долгого времени демонстрировали готовность к диалогу. Одной из таких стран является Финляндия, внешнеполитическая траектория которой в последние годы была достаточно недружелюбной.

После того, как Финляндия благодаря решению Советского правительства в 1917 г., получила независимость, она заняла особое место в международных отношениях, строго придерживаясь политики нейтралитета. Основой для этого послужил декрет Советской России «О праве наций на самоопределение» [3]. Опираясь на него, финский парламент 6 декабря 1917 года провозгласил независимость, которая вскоре, 22 декабря того же года, была официально ратифицирована советской стороной [4].

На протяжении двух десятков лет отношения Советской России, а потом и СССР развивались достаточно медленно. Серьезным испытанием для них стала советско — финская война 1939–1940 гг. Финляндия восприняла территориальные претензии Советского Союза как угрозу своему суверенитету, что, как считается, подтолкнуло ее к коалиции с Германией во время Второй мировой войны. Как известно, война закончилась подписанием Московского договора [8], в соответствии с которым Финляндия передавала СССР часть Карельского перешейка, включая Выборг, западное и северное побережье Ладожского озера, часть островов Финского залива. Эти территории находятся под юрисдикцией РФ до сих пор, что вызывает территориальные претензии части финской общественности на свои бывшие территории.

После Второй мировой войны в 1947 г. между Москвой и Хельсинки был подписан мирный договор в рамках т.н. Парижских договоров [10]; в этом документе Финляндия официально подтверждала проведение политики нейтралитета.

В дальнейшем Финляндия превратилась в одного из главных внешнеэкономических партнеров СССР. Особо стоит отметить важную роль Финляндии в организации и проведении Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, финальным аккордом которого стало подписание в 1975 году т.н. Хельсинского акта. Другими словами, Финляндия взяла на себя роль моста между СССР и Западной Европой, что позволяла ей развивать отношения с обеими сторонами.

1990-е годы стали периодом серьезной трансформации мировой политической системы. Мир перестал быть двухполярным, ряд государств Европы, и в том числе Советский союз, разделились на большое количество государств. Это отразилось как на внешнеполитическом, так и внутривнутриполитическом курсе государств всех регионов [11]. Отношения между Финляндией и Россией не стали исключением.

Отношениями между двумя странами в 1990-е годы должны быть охарактеризованы с учетом ряда важных событий. Прежде всего, стоит отметить факт признания официальным Хельсинки Российской Федерации в качестве правопреемницы СССР уже 30 декабря 1991 года, что говорит о стремлении сохранения добрососедских отношений и развитие сотрудничества в двустороннем формате. 20 января 1992 г. в Хельсинки был подписан «Договор между Российской Федерацией и Финляндской Республикой об основах отношений» [5]. Важно отметить, что Договор подтвердил нейтральный статус Финляндской Республики. В статьях 3, 4, 10 зафиксировано, что республика стремится к мирному сосуществованию с другими странами и к соблюдению принципов нейтралитета.

Однако значительные изменения произошли в статусе не только нашей страны. С 1 января 1995 г. Финляндия стала полноправным и постоянным членом Европейского Союза в рамках четвертого расширения Европейского союза. По мнению большинства политологов, вступление Финляндии в ЕС не только не

ухудшило экономическое взаимодействие двух стран, но и способствовало расширению сотрудничества Российской Федерации со странами этой организации [2].

В частности, она выступила в роли посредника в диалоге между Россией и странами ЕС и активно содействовала принятию Общей стратегии Европейского союза в отношении России от 1999 г. [9], в которой подчеркивается важность развития партнерских отношений РФ и ЕС в экономике, международном праве и культурной сфере, на основе общих ценностей и интересов.

Однако, наиболее значимым событием в развитии российско-финских отношений стало создание программы «Северное измерение», которая была инициирована премьер-министром Финляндии П. Липпоненом в 1997 году, спустя три года после вступления Хельсинки в ЕС. Этот шаг был нацелен, прежде всего, на трансформацию системы международных отношений в северо-европейском регионе [12].

Программа «Северное измерение» предполагала совместное проведение политики ее участников — России, Европейского союза, Норвегии и Исландии — по укреплению стабильности, повышению уровня жизни в регионе и развитию двусторонних и многосторонних экономических связей. Другими членами программы также являются Совет Баренцева/Евроарктического региона (СБЕР), Совет государств Балтийского моря (СГБМ), Совет министров Северных стран (СМСС) и Арктический совет (АС) [12]. Основная задача «Северного измерения» заключается в содействии открытому диалогу, поддержании социально-экономического роста и продвижении экологически чистых технологий в странах Северной Европы и прилегающих к ней территорий.

Проект имел свою динамичную организованную структуру. Его высшим органом являются регулярно проводимые встречи на уровне профильных министерств. В рамках проекта проводятся различные тематические форумы, функционирует Деловой совет СИ; кроме того, созданный Институт СИ объединяет академические круги 30 североевропейских вузов. Периодически собирается Парламентский форум СИ [12].

В рамках проекта «Северное измерение» активно развивались и двусторонние российско-финские отношения. Яркой про-

граммой такого сотрудничества является Партнерский проект «Kolarctic», который был направлен на развитие сотрудничества между приграничными регионами (например, Финляндия — Республика Карелия, Финляндия — Мурманская область), где такое «приграничное сотрудничество играло важную роль в укреплении доверия и взаимопонимания между Российской Федерацией и Европейским союзом» [14]. Одним из направлений «Kolarctic» было проведение «зеленой политики» в приграничных регионах, а также деятельность по сохранению традиций, культур и языка саамов в Мурманской области и финской Лапландии. Все эти программы, однако, были фактически свернуты с началом Специальной военной операции. В марте 2022 года участники программы «Северное измерение» приостановили сотрудничество с Российской Федерацией по всем направлениям.

При этом еще больший ущерб российско-финским отношениям нанес курс, взятый руководством Финляндии, на присоединение страны к блоку НАТО. Без всяких значительных оснований для такого шага руководство Финляндии, прикрываясь риторикой о защите своей безопасности, подало документы на вступление в альянс. 4 апреля 2023 г. Финляндия официально стала тридцать первым членом Североатлантического альянса. Это вступление официально подтвердил акт к Североатлантическому протоколу «О присоединении Финляндии к НАТО» [15]. Такое действие, как было отмечено в выступлении Президента РФ В.В. Путина на пленарной сессии Международного дискуссионного клуба «Валдай» 02 октября 2025 г, привело к кардинальному изменению ситуации в Балтийском регионе [6].

Вступление Финляндии в НАТО имело значительные геополитические последствия. После этого многие представители НАТО неоднократно заявляли о том, что Балтийское море по праву становится «внутренним озером НАТО». Это не просто риторика — в Финском заливе уже размещены группировки НАТОвских кораблей [13].

Вступление Финляндии в НАТО расширило общую границу России с военно-политическим блоком вдвое и вызвало напряженность в Арктическом регионе. Эта напряженность создает дополнительные угрозы для безопасности РФ. Традиционный

дружественный диалог на площадке Арктического совета был практически прерван, поскольку сегодня «НАТО преследует курс перестройки баланса сил в Арктике посредством включения в блок новых членов, направленный против деятельности России на Крайнем Севере» [1]. При этом развитие Арктики для Москвы является стратегическим приоритетом, направленным на развитие научно-исследовательской, промышленной, экологической, экономической и оборонительной деятельности, что отмечено в Концепции внешней политики Российской Федерации от 31 марта 2023 г. в пункте 50 [7].

Вступление Финляндии в НАТО негативно отразилось и на двухсторонних отношениях. Бывший на момент вступления Президентом Финляндии С. Ниинитисе подчеркнул, что ее вступление в НАТО «не направлено против кого бы то ни было» и «не меняет основы или цели внешней политики и политики безопасности государства». Однако, со вступлением Финляндии в НАТО у России возникает ряд новых задач в сфере безопасности. Во-первых, необходимо укреплять и ужесточать контроль на российско-финской границе и разместить усиленную материковую дивизию на Карельском перешейке и на Кольском полуострове, что требует немалых затрат, так как на территории Финляндии будет обязательно располагаться НАТОвский контингент.

Дальнейшие события только усилили противостояние. 24 января 2024 г. Россия в ответ на конфронтационные действия Финляндии решила прекратить действие соглашения о приграничном сотрудничестве, которое на протяжении двенадцати лет способствовало активному экономическому и социальному развитию приграничных регионов.

1 марта 2024 г. на должность нового Президента Финляндии вступил Александр Стубб, который открыто выступает против политики, проводимой российскими властями. Он инициировал активную поддержку Украины и допускает возможным транспортировку западного ядерного оружия через территорию своей страны. Другими словами, со сменой Правительства Финляндии российско-финские отношения только ухудшились.

Ключевой особенностью «Северного измерения» была его ориентация на технические вопросы — и это составляющая ока-

залась утраченной. Сферы сотрудничества, ранее считавшиеся приоритетными (например, экологические проекты на Кольском полуострове или развитие транспортных коридоров), стали рассматриваться через призму военной безопасности и потенциальных рисков. Любая совместная деятельность с государством — членом НАТО стала восприниматься как потенциальная угроза суверенитету обеих государств.

Россия всегда была готова поддерживать добрососедские и мирные отношения с другими государствами. Финляндия — северный сосед РФ — не исключение. Россия и Финляндия имеют долгую и насыщенную историю отношений, которые складывались и развивались, несмотря на происходящую смену мировой обстановки.

Программа «Северное измерение», которая долгое время служила эффективным инструментом регионального сотрудничества, на сегодняшний день практически утратила свою функциональность. Следует отметить, что даже в период своей активной работы, особенно после 2014 года, позиция Москвы зачастую не учитывалась в полной мере, а ее голос перестал быть определяющим при принятии ключевых решений.

После вступления Финляндии в НАТО работа в рамках «Северного измерения» не просто остановилась — была утрачена сама основа для партнерства. Такие фундаментальные принципы, как практическая выгода, приграничное взаимодействие и работа вне политической конъюнктуры, перестали быть общими, что и привело программу к ее нынешнему состоянию. Программа перестала быть самостоятельной и теперь полностью зависит от общей ситуации в отношениях между Россией и Западом, которая сейчас крайне напряженная.

Перспективы восстановления такого сотрудничества в рамках данной программы теперь напрямую связаны с нормализацией отношений между Россией и Североатлантическим альянсом в целом. До тех пор, пока Финляндия будет рассматриваться как часть враждебного военного блока, а ее территория — как потенциальный плацдарм для размещения войск НАТО, возобновление полноценного сотрудничества представляется маловероятным на фоне развивающихся событий на мировой арене.

Смена финского правительства навряд ли поможет в этой ситуации. Потребуется значительные изменения в регионе и значительные усилия обеих сторон, чтобы динамика российско-финских отношений снова стала позитивной.

Список литературы

1. Вознюк Н.А. Вступление Финляндии в НАТО: влияние на национальную безопасность России в Арктике // Мировое историко-культурное наследие Арктики. — М., 2023 — С. 146.
2. Двусторонние отношения // Посольство России в Финляндии. — URL: <https://helsinki.mid.ru/ru/russia-finland/bilateral-relations/> (дата обращения: 20.10.2025).
3. Декрет «О праве наций на самоопределение» // URL: <https://revolucia.ru/pravonac.htm> (дата обращения: 13.10.2025).
4. Декрет о государственной независимости Финляндии 18 (31) декабря 1917 г. // URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/finland1.htm> (дата обращения: 13.10.2025).
5. Договор между Российской Федерацией и Финляндской Республикой об основах отношений // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/48716/ (дата обращения: 13.10.2025).
6. Заседание дискуссионного клуба «Валдай» // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/78134> (дата обращения: 20.10.2025).
7. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // URL: <https://mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 13.10.2025).
8. Московский мирный договор 12 марта 1940 г. // URL: <https://www.prlib.ru/history/619090> (дата обращения: 20.10.2025).
9. Общая стратегия по отношению к России (Кельн, 3–4 июня 1999 года) // URL: <https://docs.cntd.ru/document/901888713> (дата обращения: 13.10.2025).
10. Парижские мирные договоры 1947 г. (К 70-летию Парижской мирной конференции) // Историко-документальный департамент МИД России. — URL: https://idd.mid.ru/informational_materials/parizhskie

- mirnye-dogovory-1947-g-k-70-letiyu-parizhskoy-mirnoy-konferentsii/ (дата обращения: 15.10.2025).
11. Россия и Финляндия: прошлое, настоящее и будущее // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-finlyandiya-proshloe-nastoyaschee-i-budushee/viewer> (дата обращения: 20.10.2025).
 12. «Северное измерение» и Россия // URL: https://www.mid.ru/ru/about/social_organizations/association/1439045/ (дата обращения: 11.10.2025).
 13. *Смирнов П.Е.* Вступление Финляндии и Швеции в НАТО: геополитические последствия для позиционирования России в Балтийском регионе // Балтийский регион. — 2023. — Т. 15. — № 4. — С. 44.
 14. Совместный программный документ программа приграничного сотрудничества Коларктик 2014–2020 гг. // URL: <https://narfu.ru/upload/medialibrary/10e/sovместnyy-programmnyy-dokument-pps-kolarktiki.pdf> (дата обращения: 15.10.2025).
 15. North Atlantic Treaty Organization (NATO) // Североатлантический договор Вашингтон, округ Колумбия, 4 апреля 1949 года. — URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_17120.htm?selectedLocale=uk (дата обращения: 20.10.2025).
 16. Northern Dimension Policy Framework Document // URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/northern_dimension_policy_framework_document_updated_28_05_2015.pdf (дата обращения: 11.10.2025).

Нехорошева А.Н.,

магистрант,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

Научный руководитель: И.Ю. Сомова,

кандидат исторических наук, доцент,

зав. каф. зарубежного регионоведения

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

ПОЛИТИКА ТАРО АСО КАК ОДИН ИЗ ЭТАПОВ ЗАКРЕПЛЕНИЯ ЗА ЯПОНИЕЙ СТАТУСА МОНОЭТНИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА

Nekhorosheva A.N.,

Master student,

V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow

anyanekh9@gmail.com

Academic Supervisor: I.Yu. Somova,

PhD in Historical Sciences, Associate Professor,

Head of the Department of Foreign Regional Studies,

V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow

innaaleftina@mail.ru

TARO ASO'S POLICY AS ONE OF THE STAGES OF SECURING JAPAN'S STATUS AS A MONO-ETHNIC STATE

Аннотация. В этой статье рассматриваются сложные взаимоотношения между этнической принадлежностью и религией как основополагающий механизм, формирующий современную национальную идентичность и политику Японии. Несмотря на то, что Япония часто воспринимается как светское, модернизированное государство, на институты и социальные нормы Японии по-прежнему оказывает глубокое влияние парадигма культурной уникальности, выраженная преимущественно в синтоизме. Анализ начинается с описания демографического и религиозного ландшафта страны, характеризующегося доминированием этнической группы ямато и синтоистских традиций, но в то же время отмеченного сложным

синкретизмом, при котором многие люди идентифицируют себя с несколькими конфессиями. В статье утверждается, что, несмотря на конституционные гарантии равенства и свободы вероисповедания, санкционированная государством структура увековечивает моноэтнические и моноконфессиональные идеалы, часто в ущерб таким меньшинствам, как айны, рюкюанцы и корейцы-зайничи. Этот аргумент подкрепляется критическим исследованием случая Таро Асо, известного католического политика. Его политическая карьера, особенно его демонстративная поддержка спорного храма Ясукуни и его неспособность отстаивать права меньшинств, преподносятся как проявление непреходящего лозунга “японский дух, западные традиции” (Вакон-есай). Этот случай демонстрирует, как даже представители религиозных меньшинств могут укрепить гегемонистскую идентичность ямато-синто. В конечном счете, в статье делается вывод о том, что этот самоусиливающийся цикл укрепляет основы ксенофобии и расизма в японском обществе, что имеет значительные последствия как для внутренней социальной сплоченности, так и для международных отношений Японии в Восточной Азии. Исследование подчеркивает парадоксальную природу японской современности, где видимость мультикультурной законности маскирует постоянное стремление к этнической и религиозной однородности.

Ключевые слова: Таро Асо, Япония, моноэтничность, моноконфессиональность, ямато, айнец, рюкюанцы, зайничи

Abstract. This article examines the intricate relationship between ethnicity and religion as a foundational mechanism shaping modern Japanese national identity and policy. While often perceived as a secular, modernized state, Japan's institutions and social norms remain profoundly influenced by a paradigm of cultural uniqueness, predominantly expressed through Shinto. The analysis begins by outlining the country's demographic and religious landscape, characterized by the dominance of the Yamato ethnic group and Shinto traditions, yet marked by a complex syncretism where many individuals identify with multiple faiths. The article argues that despite constitutional guarantees of equality and religious freedom, a state-sanctioned structure perpetuates mono-ethnic and mono-confessional ideals, often to the detriment of minority groups such as the Ainu, Ryukyuan, and Zainichi Koreans. This argument is advanced through a critical case study of Taro Aso, a prominent Catholic politician. His political career, particularly his demonstrative support for the controversial Yasukuni Shrine and his failure to advocate for minority rights, is presented as a manifestation of the enduring slogan “Japanese spirit, Western traditions” (Wakon-yosai). The case demonstrates how even representatives of religious minorities can reinforce the hegemonic Yamato-Shinto identity. Ultimately, the article concludes that this self-reinforcing cycle strengthens

xenophobic and racist foundations within Japanese society, with significant implications for both domestic social cohesion and Japan's foreign relations in East Asia. The study highlights the paradoxical nature of Japanese modernity, where a veneer of multicultural legality masks a persistent drive for ethnic and religious homogeneity.

Key words: Taro Aso, Japan, mono-ethnicity, mono-confessional, yamato, ainu, ryukyuan, zainichi

В современной Японии отношения между этнической принадлежностью и религией формируют один из движущих механизмов, формирующих национальную идентичность, социальные нормы и направление политики. Хотя Японию часто считают в высшей степени модернизированным и светским обществом, на ее институты и политический курс по-прежнему оказывают глубокое влияние устойчивые представления о культурной уникальности и общем происхождении. Эти идеи часто выражаются через сложное переплетение синтоистских традиций и социальных устоев японского общества.

Происходящие процессы формируют не только базу для развития социальной политики и общественных отношений государства как такового, но и определяют внешнюю политику с другими государствами, в частности, с государствами-соседами, объединенными с Японией исторически.

Перед более детальным рассмотрением политики государства в целом и Асо в частности по отношению к вероисповеданию, следует базово рассмотреть японское общество на пример этнической и религиозной классификации.

Официальные японские источники предоставляют данных по национальному составу граждан государства, тем не менее, в целом, можно выявить следующую картину: значительное большинство составляют японцы-ямато — потомки народа Ямато, которое традиционно считается расой богов [3]. К меньшинствам же относят иные этносы, проживавшие на территории Японии (айны, рюкюанцы/окинавцы) и корейцев-зайничи (рис. 1).

Касательно религиозной, статистических данных представляет больше — ежегодно Агентство по делам культуры (文化庁) представляет объемный отчет. В связи с этим, можно сказать, что наибольшее число японцев считают себя приверженцами

традиции синто, чуть меньшая — буддистами; другие же вероисповедания составляют меньшинство и являются не столь распространенными (рис. 2). При этом, стоит отметить, что часть населения, придерживающаяся именно синтоистских традиций, не является непосредственно синтоистами.

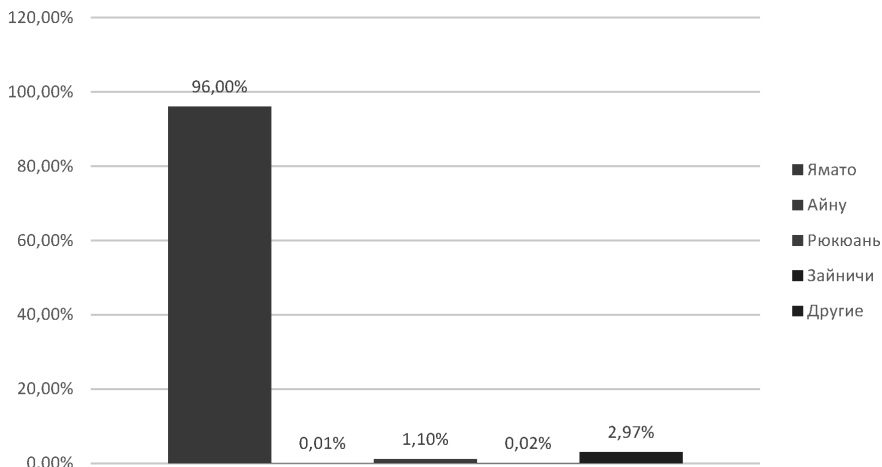

Рис. 1. Этническая составляющая японского населения, в %¹

Объективно говоря, в указанных статистиках прослеживаются четкие очертания доминирующих в государстве этносов и вероисповеданий. Тем не менее, встает вопрос о причине формирования такого рода моноэтничности и моноконфессиональности. Существуют ли реальные условия для народов, отличных от доминирующего, проживать в Японии без угроз притеснения?

Провести некое соотношение между вероисповеданиями и этносами, проживающими в Японии, не представляется возможным. При этом, опираясь на последние данные по численности населения Японии [9], а именно 123 млн человек, можно сделать вывод, что большая часть населения, относя себя к буддистам или христианам, придерживается синтоистских традиций.

¹ Рисунок создан на основе данных: Japan's Minorities, The Illusion of Homogeneity / ed. by Michael Weiner. — Routledge, 1997. — 251 p.

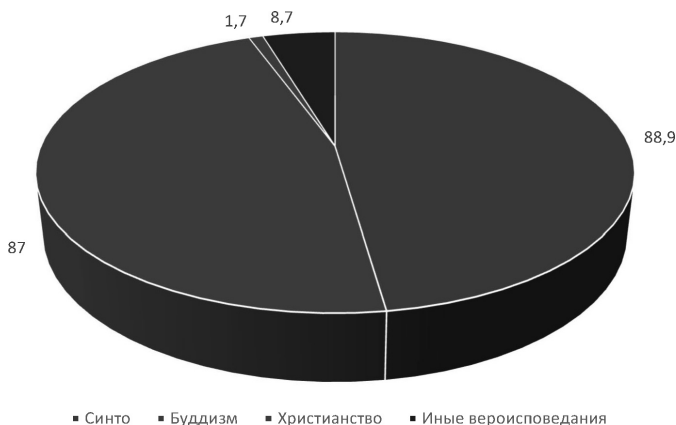

Рис. 2. Данные по религиозной принадлежности Японии, в млн²

Одним из таких респондентов негласно можно считать и Таро Асо, являющегося вице-президентом одной из крупнейших политических партий Японии. Он является католиком (хотя нет прямых заявлений от него самого, в годы наибольшей политической активности, многие издания акцентировали на этом внимание) [6], что само по себе кажется весьма редким явлением вне западных стран. Получение им должности должностей премьер-министра и министра финансов, а также весомая роль, которую он играет в рамках Либерально-демократической партии Японии, во многом могли бы означать укрепление фундамента для создания многонационального и многоконфессионального государства, однако этого не произошло. Стоит уточнить, что под созданием фундамента не имеется ввиду привлечение большего числа народов для проживания на территории; подразумевается создание условий для сохранения национальной идентичности, частью которой часто выступает и вероисповедание (например, религии айнов и рюкюнянцев).

Согласно статье 14 Конституции Японии: «Все люди равны перед законом и не могут подвергаться дискриминации в поли-

² Рисунок создан на основе данных: 宗教年鑑平成24年版. 文化庁 // URL: https://www.bunka.go.jp/tokei_hakusho_shuppan/hakusho_nenjihokokusho/shukyo_nenkan/pdf/h24nenkan.pdf.

тическом, экономическом и социальном отношениях по мотивам расы, религии, пола, социального положения, а также происхождения» [1]. Статья 20 гарантирует свободу вероисповедания для всех [1].

На деле же законы абсолютно не регулируются по необходимости, санкции не накладываются, а политические деятели, Таро Асо, в частности, во многом поощряют существующие притеснения малых народов Японии. Как ранее было сказано, Асо является католиком. Тем не менее, существуют материалы, доказывающие его приверженность синтоистским традициям.

В целом, причисление себя к двум религиям или конфессиям одновременно может выглядеть чуждо для западных народов, но, вероятно, не для восточных.[] В нынешних условиях существования, слияние традиций и канонов и приведение их к общему базису создает новые направления религиозно-философских течений. Похожие процессы происходят в разных сферах государства уже на протяжении нескольких веков — начиная с эпохи «реставрации Мэйдзи». Япония заимствует что-то у других государств, привнося «японский характер» — так было с армией [2, с. 123–124], и так было с культурой и философией — вбиралось лишь то, что соответствовало изначальной японской традиции (лозунг «Вакон-есай» — «японский дух, западные традиции») [5].

Возвращаясь непосредственно к Таро Асо как примеру проявления «японского духа, западных традиций», стоит сказать, что он стал одним из самых явных его олицетворений. Выступая в роли представителя власти от меньшинства (христиан), он не просто открыто поддерживал синтоистские традиции, но и делал в их рамках весьма показательные жесты, носящие оскорбительный характер, с точки зрения этнических меньшинств Японии.

Наиболее показательным в этой связи выглядит его поддержка храма Ясукуни (храм Ясукуни — один из крупнейших синтоистских храмов, известный тем, что в нем почитают воинов, отдавших жизнь за благо японского народа; в том числе к таким воинам относят и военных, воевавших во Второй мировой войне, являющихся военными преступниками). Первоначально

спекулировав на спорном вопросе о статусе религиозного святилища [7], после своего избрания премьер-министром, он в открытую оказывал знаки почтения и поддерживал его деятельность [8].

Поддержка Ясукуни, а также тот факт, что за время его политической деятельности не было предпринято ни единой попытки закрепить и улучшить положение меньшинств, проживающих в Японии, говорит об укреплении в те годы видения японского (ямато) народа себя в качестве основополагающей и важнейшей. Об этом свидетельствует доклад ООН от 2008 года, где особенно подчеркивается незавидное положение ранее упомянутых меньшинств [4, с. 6–9].

Таким образом, создается определенная закрытая структура, в рамках которой происходит формирование столь желанной для Японии моноэтничности (рис. 3).

Рис. 3. Японская структура формирования моноэтничности³

³ Составлено автором

Безусловно, такая система сформирована не самим Таро Асо и не могла быть исправлена им единолично. Однако, показательное игнорирование одной из острейших социальных проблем Японии создало и продолжает создавать фундамент для укрепления ксенофобских и расистских устоев государства, которое является важной составляющей Восточной Азии и международной арены в целом.

Список литературы

1. Конституция Японии. Библиотека Конституций Пашкова Романа // URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=37>.
2. *Нехорошева А.Н.* Насильственное открытие Японии как определяющий фактор ее дальнейшего развития // Международные отношения в условиях развития цивилизаций. — М.: Издат. дом «ИМЦ», 2022. — 212 с.
3. Раса Ямато и открытие Японии коммодором Перри. Военное обозрение // URL: <https://topwar.ru/23426-rasa-yamato-i-otkrytie-yaponii-kommodorom-perri.html>.
4. Расизм, расовая дискриминация, ксенофобия и все формы дискриминации Доклад Специального докладчика по вопросу о современных формах расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости г-на Дуду Дьена. Объединенные Нации. Цифровая библиотека // URL: https://digitallibrary.un.org/record/566139/files/E_CN.4_2006_16_Add.2-RU.pdf
5. *Скворцова Е.Л.* Япония: кризис культурной идентичности при встрече с западной цивилизацией // Вопросы философии. — 2012. — URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=564.
6. ASIA/JAPAN — Taro Aso, Catholic, running for Premier. Agenzia fides — Information service of the Pontifical Mission Societies since 1927 // URL: https://www.fides.org/en/news/17492-ASIA_JAPAN_Taro_Aso_Catholic_running_for_Premier.
7. Aso plans change to shrine's status // Taipei Times, 2006. — URL: <https://www.taipeitimes.com/News/front/archives/2006/08/06/2003322000>.
8. Japan PM Aso sends offering to Tokyo's war shrine // Reuters, 2009. — URL: <https://www.reuters.com/article/economy/japan-pm-aso-sends-offering-to-tokyos-war-shrine-idUST48968/>.

9. Japan Population. Nations Geo // URL: <https://nationsgeo.com/population/asia/jp/>.
10. Japan's Minorities, The Illusion of Homogeneity / ed. by Michael Weiner. — Routledge, 1997. — 251 p.
11. 宗教年鑑平成24年版. 文化庁 // URL: https://www.bunka.go.jp/tokei_hakusho_shuppan/hakusho_nenjiho_kokusho/shukyo_nenkan/pdf/h24nenkan.pdf.

Обанин Д.Л.,

студент,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Obanin D.L.,

Student,

V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow

palepalis@mail.ru

THE IMPACT OF MODERN TECHNOLOGY ON INTERNATIONAL RELATIONS

Аннотация. В данной статье рассматриваются преобразования в международных отношениях вызванные совершенствованием технологий, таких как интернет, компьютерная техника и средства массовой информации. Целью исследования является понять, какое положительное или отрицательное влияние может оказать данный скачок цифровых технологий на международные отношения. В работе применялись методы: теоретические (анализ и синтез) и эмпирические (наблюдение). Основные результаты работы показывают, что в современном мире международные отношения сталкиваются с гораздо большим числом проблем, чем это было до появления интернета. Эти данные могут быть полезны студентам для более разностороннего изучения устройства современных международных отношений, а так же для написания других научных работ.

Ключевые слова: Современные международные отношения, современные технологии, технологии, международные отношения, политика, ИИ.

Abstract. This article examines the transformations in international relations caused by the improvement of technologies such as the Internet, computer technology and mass media. The purpose of the study is to understand what positive or negative impact this leap in technology can have on international relations. The methods used in the work were theoretical (analysis and synthesis) and empirical (observation). The main results of the work show that in the modern world, international relations face a much larger number of problems than it was before the advent of the Internet and so on. This data

can be useful to students for a more comprehensive study of the structure of modern international relations, as well as for writing other scientific papers.

Key words: Modern international relations, modern technologies, technology, international relations, politics, AI.

Мы живем в мире, который постоянно меняется. Старые технологии заменяются новыми, более совершенными в отличии своих предшественников. Особенно быстро в нем развиваются электронные технологии. Они оказывают большое влияние на устройство и работу людей в международных отношениях. К этому можно отнести следующее.

1. Изменение баланса сил.
2. Киберпространство.
3. Экономика.
4. Дипломатия.
5. Безопасность.

Изменение баланса сил

В современном мире искусственный интеллект (ИИ) оказывает влияние не только на гражданскую сферу, но и на военную сферу общества [3]. Он может оказать большое влияние на развитие экономики и военной промышленности страны. Но для совершенствования искусственного интеллекта (ИИ) требуется с каждым годом все более мощные процессоры, которые смогут обеспечить лучшую и стабильную работу нейросетей. В этой сфере производства огромный скачок совершили страны Азии, а именно: Тайвань, Южная Корея и Китай. Благодаря этому Китай в современном мире является одной из самых компьютеризированных стран.

Кроме этого развитие компьютерных технологий оказывает большое влияние на распространение власти [6]. Таким образом, скорость распространения информации за последние три десятилетия очень возросла. Особо сильно на это повлияло качество интернета и спутникового телевидения. К примеру, можно привести статистику числа интернет пользователей в России. В период с 2015 по 2025 год число интернет пользователей выросло

на 31 миллимов, было 98,4 миллионов пользователей, стало 129,8 миллионов пользователей [10].

Если мы берем влияние искусственного интеллекта (ИИ) на ведение войны, то для военных ученых и изобретателей открывается большое пространство для применения данных технологий в беспилотных устройствах и новейших системах наведения. Уже сейчас есть электронные устройства, которые помогают военным в ведении боевых действий.

Современные технологии не просто добавляют новый элемент в традиционную модель международных отношений; они трансформируют саму ее основу [2]. Баланс сил все меньше определяется лишь военной мощью или размером ВВП и все больше — технологическим превосходством, контролем над данными и способностью к инновациям [1]. Это приводит к появлению более сложной, многополярной и нестабильной системе, где негосударственные акторы и транснациональные технологические потоки играют все более важную роль.

Киберпространство

В современном мире киберпространство становится новым фактором геополитической конкуренции. Оно кардинально трансформирует традиционные подходы к международным отношениям. Его влияние проявляется в различных сферах, таких как: кибератаки, кибершпионаж, дезинформация и безопасность [8].

Примеры

Вирус **Stuxnet** (2010), атаковавший центрифуги для обогащения урана, стал первым публично известным примером кибератаки, вызвавшей физические разрушения [8].

Систематический кибершпионаж с целью хищения коммерческих секретов и технологий наносит ущерб экономике стран-жертв и искажает условия глобальной конкуренции. Это стало центральным вопросом в торговых отношениях между США и Китаем.

Социальные сети и онлайн-СМИ используются для вмешательства во внутренние политические процессы других стран, включая выборы (как в случае с предполагаемым российским вмешательством в выборы в США в 2016 году) [8].

Киберпространство оказывает широкое влияние на международные отношения. С одной стороны, оно создает новые риски и области для конфликта, делая тем самым государства более уязвимыми. С другой стороны, оно создает новые императивы для сотрудничества и дипломатии. Сегодня киберпространство не является отдельной сферой — оно неразрывно переплетено с военной, экономической и дипломатической мощью государства, и его значение в мировой политике с каждым годом возрастает.

Киберпространство порождает классическую «дилемму безопасности»: действия одного государства, направленные на повышение своей кибербезопасности, воспринимаются другими как угроза, что заставляет их наращивать собственный потенциал. Это приводит к бесконечной гонки кибервооружений, аналогичной гонке ядерных вооружений в XX веке [7].

ЭКОНОМИКА

Прогресс в технологиях таких как: интернет, искусственный интеллект (ИИ) и роботизация кардинально меняют устройство и работу мирового рынка [1]. Из плюсов можно выделить следующее. Благодаря автоматической обработки и улучшенным видам транспорта повышается скорости доставок товаров по всему миру. Появление новых отраслей таких как: финансовые, биологические и образовательные технологии. Так же благодаря распространению интернета малые и средние предприятия теперь могут выйти на мировой рынок. Помимо этого благодаря цифровизации появляется множество новых специальностей.

Кроме положительных эффектов, есть и отрицательные. *Цифровое неравенство*: возникает разрыв между странами, обладающими развитой цифровой инфраструктурой и кадрами («цифровые державы»), и теми, кто отстает. Это углубляет глобальное экономическое неравенство. *Монополизм технологиче-*

ских гигантов: крупные технологические корпорации (такие как Google, Amazon, Meta) обладают рыночной властью, вытесняя другие молодые компании. Чаще всего большие компании просто покупают такие компании. К примеру, Google владеет множеством других компаний, среди них YouTube, Fitbit, Looker [9].

Современные технологии трансформируют экономику, делая ее цифровой, глобальной и эффективной, но одновременно более уязвимой и неравной. В международных отношениях данные и технологии стали полем для стратегической конкуренции, инструментом гибридного воздействия и предметом споров о суверенитете [3]. Будущее будет во многом определяться тем, смогут ли государства договориться о правилах игры в этом новом цифровом мире или он окончательно расколется на конкурирующие технологические сферы влияния.

Дипломатия

Современные технологии (цифровые технологии) меняют дипломатические международные отношения. Это явление называется “Цифровой дипломатией” [4]. Технологии устранили временные задержки. Дипломаты, главы государств и министерства иностранных дел могут общаться напрямую и мгновенно через мессенджеры (Telegram), видеоконференции. Twitter, Facebook и другие платформы стали инструментом публичной дипломатии. Лидеры и официальные лица используют их для заявлений, формирования повестки дня, обращений к иностранной аудитории и даже для ультиматумов. Это создает новую сферу, где сообщения становятся публичными и мгновенными, что может как снижать напряженность, так и эскалировать ее. Особенно это стало популярно во время пандемии COVID-19.

Современные технологии не просто изменили инструменты дипломатии, они трансформировали саму ее суть. Дипломатия стала более быстрой, публичной и сложной. Если раньше дипломатия была элитарной деятельностью, сосредоточенной в стенах посольств, то сегодня она происходит в глобальном цифровом пространстве [3].

Безопасность

Современные технологии оказывают комплексное и двойственное влияние на безопасность в международных отношениях. Они не только создают новые инструменты для поддержания стабильности, но и порождают принципиально новые угрозы и вызовы, кардинально меняя саму природу конфликта и стратегической стабильности [2; 8].

Государства и негосударственные акторы используют кибератаки для шпионажа, саботажа (например, атаки на энергосистемы), дестабилизации финансовых систем и вмешательства во внутренние дела других стран (кибервмешательство в выборы) [6]. Разработка высокоавтоматизированного кибероружия, способного самостоятельно распространяться и наносить ущерб, стирает грань между миром и войной, создавая риски эскалации.

Кроме этого вырастает количество дезинформации. Использование социальных сетей, ботов и алгоритмов ИИ для массового манипулирования общественным мнением в других странах, подрыва доверия к институтам и разжигания социальной розни [1].

Современные технологии оказывают положительное и отрицательное влияние в сфере международной безопасности. С одной стороны, они создают беспрецедентные вызовы, подрывая традиционные модели сдерживания (ядерное, военное и политическое), размывая границы суверенитета и создавая новые уязвимости. С другой — предлагают мощные инструменты для повышения прозрачности, укрепления доверия и управления кризисами [6].

Заключение

Таким образом, современные технологии, особенно искусственный интеллект и цифровые коммуникации, стали ключевым драйвером трансформации международных отношений. Они меняют баланс сил, создавая новую, многополярную реальность, где технологическое превосходство определяет место государства в мире, а будущее зависит от способности мировых держав совместить конкуренцию с сотрудничеством.

Список литературы

1. Всемирный экономический форум (ВЭФ) // 2025
2. *Киссинджер Г., Шмидт Э., Хаттенлохер Д.* Эпоха ИИ: и наша эра с искусственным интеллектом // Little, Brown. — 2021. — С. 131–138.
3. *Горбунов К.Э.* Искусственный интеллект и будущее международных отношений: вызовы и возможности. — М., 2021. — С. 12–17.
4. Дипломатическая академия МИД России // Журнал «Международная жизнь». — Архив 2 номера 2009.
5. *Зубофф С.* Эпоха надзорного капитализма: борьба за будущее человечества на новых рубежах власти. — PublicAffairs, 2019.
6. *Най Д.С.* Будущее власти // Общественные дела. — 2010. — С. 116–120.
7. *Най Д.С.* Сдерживание и разубеждение в киберпространстве // Международная безопасность. — 2017. — С. 44–71.
8. *Сэнгер Д.Э.* Совершенное оружие: война, саботаж и страх в эпоху киберпространства // Crown. — 2018. — С. 95–96.
9. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/468437-ii-massovogo-porazenia-genri-kissindzer-i-erik-smidt-ob-ugrozah-kibervojny> (дата обращения: 05.10.2025).
10. URL: <https://sky.pro/wiki/analytics/skolko-lyudej-v-rossii-polzuyutsya-internetom-statistika-i-fakty/> (дата обращения: 05.10.2025).

УДК 304.2

Папсуева В.Г.,

студент,

ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», Люберцы

Дзюбан В.В.,

доктор исторических наук, кандидат педагогических работ,

профессор кафедры гуманитарных дисциплин,

ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», Люберцы

РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ МУЗЕЕВ, ТЕАТРОВ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ В СОХРАНЕНИИ КУЛЬТУРНОЙ САМОБЫТНОСТИ НАРОДОВ РОССИИ

Papsueva V.G.,

Student,

GKOU HE "Russian Customs Academy", Lyubertsy

valeriapapsueva1@gmail.com

Dzyuban V.V.,

Doctor of Historical Sciences, PhD in Pedagogical Sciences,

Professor of the Department of "Humanities",

GKOU HE "Russian Customs Academy", Lyubertsy

bryanskstudzuban@mail.ru

THE ROLE OF NATIONAL MUSEUMS, THEATERS, AND EDUCATIONAL PROGRAMS IN PRESERVING THE CULTURAL IDENTITY OF THE PEOPLES OF RUSSIA

Аннотация. В статье рассматривается роль национальных музеев, театров и образовательных программ в сохранении культурной самобытности народов России. Анализируется, как национальные музеи, театры и образовательные программы играют ключевую роль в сохранении национальной идентичности народов России. Рассматриваются механизмы формирования уважения к историческому наследию, особенности культурного многообразия страны, а также значение активного вовлечения молодежи в культурную деятельность. Особое внимание уделено развитию межнационального мира и согласия через расширение доступа к традиционной культуре, использование выставок и народного творчества.

Ключевые слова: национальные музеи и театры, самобытность народов России, идентичность, национальная культура страны, образовательные программы.

Abstract. This article examines the role of national museums, theaters, and educational programs in preserving the cultural identity of the peoples of Russia. It analyzes how national museums, theaters, and educational programs play a key role in preserving the national identity of the peoples of Russia. It examines mechanisms for fostering respect for historical heritage, the specifics of the country's cultural diversity, and the importance of actively engaging young people in cultural activities. Particular attention is paid to the development of interethnic peace and harmony through expanded access to traditional culture, exhibitions, and folk art.

Key words: national museums and theaters, the uniqueness of the peoples of Russia, identity, the national culture of the country, educational programs.

В условиях обширной территориальной протяженности России значительная часть населения проживает в отдаленных регионах, где доступ к крупным культурным центрам ограничен. Эта удаленность создает барьеры для знакомства с традиционной культурой через посещение музеев и театров, что затрудняет приобщение широких слоев общества к культурному наследию. Проблема усугубляется недостаточной транспортной доступностью и ограниченными финансовыми возможностями жителей малых городов и сел.

Для преодоления этих ограничений музеи и театры активно развивают мобильные выставки и передвижные культурные проекты, выезжающие в регионы с наиболее ограниченным доступом к стационарным учреждениям. Такие проекты не только демонстрируют традиционные ремесла, образцы национального костюма и предметы быта, но и организуют ознакомительные лекции, мастер-классы и творческие встречи, что значительно расширяет возможность непосредственного контакта с культурой в местах проживания людей. Важное значение имеют и региональные проекты крупных музеев, например, Государственного историко-архитектурного и этнографического музея-заповедника «Кижи», чьи филиалы покрывают широкую территорию и обеспечивают локальные культурные платформы [3].

Цифровые технологии сегодня служат ключевым инструментом расширения доступности традиционной культуры. Государ-

ственные порталы, включая Государственный каталог музейного фонда РФ, а также международные платформы наподобие Google Arts & Culture, предоставляют возможность виртуального знакомства с коллекциями крупнейших музеев страны и позволяют преодолеть географические барьеры. Мультимедийные гиды с дополненной реальностью создают интерактивный опыт взаимодействия с экспонатами, делая традиционную культуру привлекательной для современных пользователей, особенно молодежи с ее высокой цифровой грамотностью [9].

Государственная политика также поддерживает социальную доступность культуры через программы бесплатного или льготного посещения музеев и театров. Лица моложе 18 лет имеют право посещать музеи бесплатно один раз в месяц, а студенты — не реже одного раза в месяц. Кроме того, программа «Пушкинская карта» предоставляет молодым людям дополнительный доступ к культурным мероприятиям, снижая экономический барьер и стимулируя интерес к традиционным ценностям.

Совместные инициативы в рамках проекта «Музейные маршруты России» способствуют созданию единого культурного пространства, объединяя музеи и театры всех регионов страны. Это способствует равномерному распределению культурного продукта и закрепляет социальную роль культурных учреждений как точек притяжения для различных социальных групп. Формирование комплексных культурных маршрутов устраняет территориальные перегородки и повышает качество культурного обслуживания населения [3].

Несмотря на достигнутый прогресс, для обеспечения равноправного доступа к традиционной культуре необходима комплексная государственная стратегия, которая бы учитывала проблемы инфраструктуры, цифрового неравенства и социально-экономических факторов. Такая политика должна включать развитие региональных учреждений, расширение мобильных и цифровых форматов, повышение квалификации кадров и системное финансирование проектов, ориентированных на самые уязвимые слои населения [4].

Таким образом, расширение доступа к культурным ценностям через современную инфраструктуру, цифровые технологии и мо-

бильные проекты способствует социальной интеграции и укреплению национальной идентичности. Обеспечение доступности традиционной культуры для всех слоев общества является важнейшим условием сохранения культурной самобытности народов России в условиях многообразия и территориальной разобщенности.

Современные национальные музеи в России выступают в роли не только хранилищ культурных артефактов, но и активных центров сохранения и развития культурной самобытности. В их фондах — артефакты, документы, аудио- и видеоматериалы, которые отражают разнообразие культурных практик и исторический опыт различных этнических групп. Как результат, музеи поддерживают связь поколений, являясь своеобразным мостом между прошлым и настоящим общества.

Важным направлением музейной деятельности является разработка специальных образовательных программ, ориентированных на разные возрастные категории, особенно на молодое поколение. Детские экскурсии, интерактивные занятия и мастер-классы позволяют не просто познакомиться с традициями, но и погрузиться в их культурный контекст. Таким образом, музеи становятся не только хранителями культурного наследия, но и его учителями, способствуя формированию национальной идентичности и пониманию духовно-нравственных ценностей.

Современные технические решения радикально меняют формат взаимодействия музея с посетителями. Виртуальные туры и интерактивные экспозиции, задействующие информационно-коммуникационные технологии, делают музеи доступными для широкой аудитории вне зависимости от географического положения. Эти инновации особенно важны для регионов с ограниченным доступом к культурным учреждениям, а также для зарубежных пользователей, что способствует популяризации традиционных культурных форм на международном уровне.

Национальные музеи, в том числе филиалы крупных учреждений — примером может служить Национальный музей Республики Татарстан с его сетью литературных, мемориальных и исторических филиалов — формируют широкой культурно-историческую среду региона. Они играют роль локальных центров, объединяющих сообщества, способствуя межэтническому

диалогу, снижению конфликтности и укреплению социальной гармонии через культурное просвещение. Особое значение в этом аспекте имеют региональные этнографические музеи, которые сохраняют и транслируют культуру малочисленных народов, демонстрируют их ценности и нормы в наглядной форме, что помогает поддерживать и развивать культурную самобытность на местах [1, с. 740].

Периодические временные выставки позволяют своевременно отражать актуальные темы национальной истории и культуры, расширяя горизонты восприятия традиционных форм искусства и обычаев. Выставочные проекты часто включают реконструкции и ревитализации утраченных культурных практик, что способствует их возрождению и актуализации в обществе. Помимо этого, музеи участвуют в масштабных просветительских инициативах, таких как проекты, посвященные Великой Отечественной войне и геноциду мирного населения, обеспечивая сохранение исторической памяти на региональном и общенациональном уровнях [6].

Важной инновацией служат «музейные маршруты», создаваемые в партнерстве между музеями, бизнесом и медиасообществом, что усиливает обмен опытом и повышает привлекательность культурного наследия для различных категорий посетителей. Система взаимосвязанных музеев и проектов способствует расширению социокультурных границ экспозиций, поддерживая как региональное, так и национальное культурное пространство.

Таким образом, музеи оказывают непосредственное влияние на укрепление самобытности народов России через использование современных технологий, организацию образовательных программ и создание площадок для межэтнического культурного обмена.

Национальные театры России, включая коллективы Дагестана, играют важную этнокультурную роль — они сохраняют родные языки, традиционные костюмы, музыку, а также бытовые предметы и уникальные обычаи через постоянное театрализованное воплощение. В непрекращающихся спектаклях отражается не просто художественный замысел, а целый образ жизни этноса, что способствует укреплению народной идентич-

ности. Знаменитый режиссер Константин Станиславский подчеркивал, что качественная национальная пьеса лучше всего раскрывает душу народа, показывая его идеалы и миссию, которую судьба возложила на конкретный этнос [10].

Для многих малочисленных народов театральные постановки являются единственным доступным способом сохранить и развивать родной язык, что приобретает особую значимость в условиях быстрого глобализационного давления. Сенатор Лилия Гумерова отмечает, что театры должны играть активную роль в образовательном процессе детей, вовлекая их в традиционную культурную среду посредством привлекательных и содержательных спектаклей. Такой подход помогает формировать у молодежи чувство принадлежности к своему этносу, а также уважение к другим культурам, расширяя воспитательный потенциал театральных коллективов.

Фестивали национальных театров, проходящие в регионах, таких как Чеченская Республика, демонстрируют спектакли на родных языках и становятся значимыми площадками сохранения языкового и культурного многообразия России. Такие мероприятия не только повышают престиж национальных театров, но и способствуют межэтническому диалогу, объединяя народы страны через искусство и взаимное уважение. Постоянное присутствие театра в общественной жизни позволяет формировать устойчивые культурные традиции и способствует патриотическому воспитанию молодого поколения.

Национальные театры выполняют роль живых хранителей народных ремесел, рукоделия и народного искусства, интегрируя эти элементы в сценическое оформление и костюмы. Такой комплексный подход помогает сохранить уникальные культурные коды в их полной широте и глубине, обеспечивая преемственность культурных ценностей и способствуя формированию национального самосознания на основе исторической памяти и духовных традиций [5].

Образовательные программы национальных театров, рассчитанные на молодежь, имеют стратегическое значение в поддержании этнической идентичности. Через вовлечение детей и подростков в театральные мастерские, участие в спектаклях и изучение

народного театрального наследия формируется не только знание традиций, но и активная жизненная позиция, направленная на сохранение культурного многообразия России [2].

Таким образом, национальные театры в России представляют собой уникальные культурные институции, которые через художественное воплощение традиций не только сохраняют языки и обряды, но и создают условия для их дальнейшего развития, стимулируя молодое поколение к осознанию и уважению своего этнического наследия.

Просвещение в сфере культуры играет ключевую роль в формировании у детей и молодежи чувства патриотизма и уважения к национальному культурному наследию. Образовательные программы музеев и театров России направлены на создание глубокого понимания исторических, художественных и этнокультурных ценностей, что способствует развитию гражданской сознательности и социального единства в многонациональном обществе.

Одним из ярких примеров является сотрудничество Александринского театра и Ассоциации национальных театров с ведущими образовательными учреждениями — Санкт-Петербургским государственным университетом и Российским государственным институтом сценических искусств. Они реализуют курсы по театральному делу, менеджменту и фандрайзингу, которые позволяют молодежи погрузиться как в художественные аспекты театра, так и в организационную культуру сферы искусства, формируя мультидисциплинарное понимание профессиональной деятельности [7].

Образовательные программы национальных музеев и театров России способствуют формированию уважения к культурному наследию у детей и молодежи, обеспечивая непрерывность передачи традиций и ценностей. Через интеграцию культурного просвещения с педагогической практикой они создают базу для развития патриотизма, а расширение межнационального диалога в образовательной среде укрепляет взаимопонимание и толерантность в многоэтническом обществе [8].

Таким образом, деятельность национальных культурных институтов способствует укреплению межнационального мира

и согласия, формируя площадки для диалога и взаимопонимания. Благодаря развитию народного творчества через мастер-классы, выставки и фестивали создается живая культурная среда, обеспечивающая преемственность традиций и содействующая развитию творческого потенциала этнических сообществ. Все эти аспекты взаимосвязаны и создают комплексное поле для сохранения культурной самобытности в современных условиях.

Список литературы

1. Анциферова Н.Г. Роль региональных этнографических музеев в формировании национальной идентичности // Россия: тенденции и перспективы развития. — 2020. — С. 739–741
2. Гумерова Л. Сегодня театры играют большую роль в деле... // URL: <https://pravitelstvorb.ru/news/7781/>.
3. Выйти из зоны комфорта. Зачем театры приходят в музеи... // ria.ru. — URL: <https://ria.ru/20230321/muzeynyemarshrutyryazan-1851773350.html>.
4. Музеи народных промыслов России. Знакомимся с историей... // www.culture.ru. — URL: <https://www.culture.ru/touristroutes/567/muzei-narodnykh-promyslov-rossii>.
5. Национальные театры России: миссия — сохранить язык // russkiymir.ru. — URL: <https://russkiymir.ru/publications/305496/>.
6. Роль музеев в сохранении культурного наследия // russia-islworld.ru. — URL: <https://russia-islworld.ru/opinion/rol-muzeev-v-sohraneniikulturnogo-nasledia-2022-12-05-29564/>.
7. Традиционная культура народов россии • Большая... // old.bigenc.ru. — URL: <https://old.bigenc.ru/text/3040264>.
8. Театры играют большую роль в сохранении культуры, традиций... // science.council.gov.ru. — URL: <http://science.council.gov.ru/events/news/88897/>.
9. Традиционная культура — музеи России, посвященные ремеслам... // idemvmuzei.ru. — URL: <https://idemvmuzei.ru/compilations/all/tradicionnaa-kultura>.
10. Театр — очаг самосохранения народа | Дагестанская жизнь // URL: <https://дагжизнь.рф/2019/03/28/teatr-ochag-samosohraneniya-naroda/>.

Пирогова Д.Д.,

студент,

ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», Люберцы

Красавина Е.В.,

доктор социологических наук, доцент,

профессор кафедры гуманитарных дисциплин,

ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», Люберцы

КУЛЬТУРА СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА (НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ)

Pirogova D.D.,

Student,

GKOU HE "Russian Customs Academy", Lyubertsy

dariawiner@mail.ru

Krasavina E.V.,

Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor,

GKOU HE "Russian Customs Academy", Lyubertsy

krasavina_2905@mail.ru

THE CULTURE OF SOCIAL SPACE (BASED ON CONTEMPORARY RUSSIA)

Аннотация. В статье рассмотрен термин социального и культурного пространства, выявлены проблемы социо-культурного пространства и пути их решения. Отмечены позиции и мнения ученых, философов, социологов относительно данной темы. Упомянуты ценности в Российской Федерации и проанализированы на примере российской молодежи. В ходе работы проводился социологический опрос.

Ключевые слова: социология, культура, социальное пространство, социо-культурное пространство, культурные ценности, молодежь.

Abstract. This article examines the concept of social and cultural space, identifying problems within the socio-cultural space and ways to address them. The positions and opinions of scholars, philosophers, and sociologists on this topic are highlighted. Values in the Russian Federation are discussed and analyzed using Russian youth as an example. A sociological survey was conducted during the study.

Key words: sociology, culture, social space, socio-cultural space, cultural values, youth.

Культура социального пространства состоит из двух понятий, которые тесно взаимосвязаны: культура пространства и социальное пространство. Понятие «социальное пространство» звучит легко для нашего понимания, однако, на самом деле оно включает в себя множество сложностей. Далеко не только совокупность происходящий в окружающей среде социальный явлений представляет собой сущность данного термина. Как отмечено в социологическом энциклопедическом словаре: «ПРОСТРАНСТВО СОЦИАЛЬНОЕ — поле соц. деятельности, включающее совокупность значимых соц. групп, индивидов, объектов в том или ином их взаимном расположении» [1]. Как писал в своей работе «Социология социального пространства» Пьер Бурдьё, французский социолог, этнолог, философ и политический публицист, один из наиболее влиятельных социологов XX века, : «Социальное пространство — абстрактное пространство, конституированное ансамблем подпространств или полей (экономическое поле, интеллектуальное поле и др.), которые обязаны своей структурой неравному распределению отдельных видов капитала; оно может восприниматься в форме структуры распределения различных видов капитала, функционирующей одновременно как средства и цели борьбы в различных полях» [2, с. 53].

Как мы видим, данный термин включает в себя множество понятий, но в первую очередь социальное пространство — это поле взаимосвязанной социальной деятельности человека (и экономическое, и политическое, и интеллектуальное и др.). Считаю необходимым сделать акцент на том, что поля подразделяются по видам деятельности человека (я перечислила их выше). Как можно увидеть их большое множество. Однако марксистская теория подразумевала только одно поле — экономическое. Эту тему как раз затрагивает в своей работе, упомянутой выше, Пьер Бурдьё. Он, рассматривая неточности данной теории труда Карла Маркса, выявил базисные составляющие социального пространства. «В реальности социальное пространство есть многомерный, открытый ансамбль относительно автономных полей, чье функционирование и изменение подчинено в большей или меньшей степени устойчиво и непосредственно полю экономического производства», — писал социолог [2, с. 35]. То есть можно сделать

вывод о том, что в социальном пространстве множество полей взаимосвязаны друг с другом, и в их рамках происходит человеческое взаимодействие. Ключевой акцент в определении выше сделан на том, что главное в социальном пространстве — это сам человек, такое пространство не может состоять вне социума. А что включает в себя общество, при каких условиях оно существует? Таким вопросом задавались многие философы и социологи разного времени, один из тех, кто первый его задал — основоположник социальной науки — Огюст Конт. Однако проблема социального пространства лишь в последние десятилетия стала активно интересовать исследователей. Как высказывался Ф. Лехнер: «Пространство никогда не занимало центрального места в социологической мысли <...> в принципе, конечно, социологи знают, что деятельность пространственна, что группы и институты имеют «место». Но все же справедливо будет сказать, что с самого возникновения социологической дисциплины пространство для нее имело в основном периферийное значение» [3, с. 18]. В этом же ключе высказывается и Дж. Урри: «Что касается пространственного, то социология в основном уделяла недостаточное внимание тому, что социальные практики оформлены пространственными паттернами, которые оказывают на эти практики серьезное содержательное воздействие» [4, с. 64]. Однако обходить стороной проблему пространства при изучении общества просто невозможно, поэтому выдвижение данной проблемы на передние позиции в изучении общества вполне разумно.

Вторым не менее значимым составляющим в термине «культура социального пространства» является термин «культура». Согласно социологическому словарю, культура — «совокупность материальных и духовных ценностей, выражающая определенный уровень исторического развития данного общества и человека, сфера духовной жизнедеятельности общества, включающая систему образования, воспитания, духовного творчества, уровень овладения той или иной областью знаний или деятельности, формы социального поведения человека, обусловленные уровнем его воспитания и образования» [1]. С середины XX века в философии усиливается тенденция выделения смыслового поля культурного пространства. Это в большей степени связано с тем,

что происходил отказ от узкой специализации в пользу междисциплинарных подходов, усиление внимания к человеку как к субъекту истории и культуры, поэтому появляются все больше высказываний философов, ученых, социологов, связанных с данным понятием. Так, например, для Ю.М. Лотмана категория пространства непосредственно связана с понятием культуры. Он пишет: «своеобразие человека как культурного существа требует противопоставления его миру природы, понимаемой как внекультурное пространство» [6, с. 21]. Л.В. Силкина отмечает: «культурное пространство — это своеобразный механизм, способ, при помощи которого происходит процесс окультуривания естественного пространства» [5, с. 5]. Люди являются основателями культурной среды. Они отделились от мира животных, придумав социальные правила и следуя нормам морали, сохраняя обычаи и ценности. Для чего мы создаем культурную среду? Она создается для формирования и развития человека как личности, для связи поколений, позволяя передавать знания, ценности и опыт от одного поколения к другому, а также для поддержания порядка и стабильности в обществе.

Культурное пространство непосредственно связано с духовно-нравственными ценностями. В Российской Федерации они закреплены законом, и включают в себя: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, справедливость и гуманизм. В настоящее время большой акцент в социо-культурной области логичным образом сделан на молодежь. Мною было принято решение провести мини-опрос среди молодых людей возраста 18–20 лет из разных городов с целью определения наиболее ключевой для них духовно-нравственной ценности из представленных мною выше (см. рис. 1).

В голосовании приняло участие 23 студента. Большинство выбрало вариант «Крепкая семья». Чуть меньшее количество молодых людей выбрало — «Жизнь». Остальные варианты были выбраны небольшим количеством студентов. Из этих данных можно сделать вывод о том, что среди современной российской молодежи наблюдается тенденция к созданию в первую очередь крепкой семьи. Для них в приоритете люди, которые будут со-

проводить их на жизненном пути, нежели чем такие личностные ценности, как например, достоинство. Безусловно, вариант «жизнь» также не остался без внимания, так как эта ценность является своеобразным фундаментом для всех остальных. Безусловно, современная молодежь России — это будущий прогресс нашей великой страны, взгляды и ценности которых абсолютно правильно сформировались и составляют неотъемлемую часть культурной составляющей Российской Федерации.

Рис. 1. Ключевая ценность для современной молодежи

В России молодежь участвует в разнообразных культурно-массовых мероприятиях, включая фестивали (например, «День молодежи», «День России», «Лето в Москве»), форумы и форумы («Большая перемена»), образовательные и творческие проекты («Больше, чем путешествие», «Росмолодежь»), спортивные соревнования («Лига универов»), патриотические акции («Волонтеры Победы»), а также мероприятия, организованные молодежными центрами и пространствами, такими как проект «Молодежь Москвы». В рамках фестиваля «Лето в Москве» студенты отправились в патриотический лагерь, где стало традицией каждое утро танцевать русско-народную кадрили, тем самым молодые люди вспомнили давнюю русскую традицию и активно

внедряют ее в современную культуру.

Традиции играют огромное значение в социокультурном пространстве России. Это определенные социальные институты, поведенческие нормы, идеи, ценности, ритуалы, обычаи, отдельные объекты. Они охватывают объекты наследия, передачу этого наследия из поколения в поколение. Традиции в России важны для сохранения национальной идентичности и культурного наследия, укрепления семейных связей, обеспечения устойчивости общества и передачи ценностей будущим поколениям. Они являются частью культурной преемственности, формируют уникальную идентичность народов России, подчеркивая ее многоконфессиональность и многонациональность, способствуют социальной адаптации и создают чувство безопасности и стабильности в жизни людей. Традиции служат своеобразным ориентиром, который становится для нас, россиян, опорой, придавая силу и уверенность. В работах ученого Д.С. Лихачева традиции отражены в размышлениях о культуре и искусстве. Он пишет: «традиция понимается как способ реализации преемственности, которая объединяет тенденции творческой активности прошлого, которые имеют отношение к современному развитию. Именно благодаря традициям сохраняется богатейший потенциал культуры, достигается живая и естественная связь между настоящим и прошлым, становится возможным взаимодействие культурных эпох и ценностей, сохранение ведущих линий в творческой жизни» [8].

Возвращаясь к мысли о том, что в России молодежь участвует в разнообразных культурно-массовых мероприятиях, можно привести еще один значимый пример. При поддержке проекта «Молодежь Москвы» и при поддержке Росмолодежи, студенты и школьники отправились в тур по городам-героям Великой Отечественной войны, где посетили музеи истории и культуры. А насколько часто российская молодежь посещает музеи? Обратимся к проведенным исследованиям.

В Русском музее в Санкт-Петербурге было проведено исследование поведения посетителей. Значение музея как средства просвещения и накопления знаний в трансформирующемся российском обществе не только не снизилось, но, возможно,

и возросло. Так, например, количество студенческой молодежи, посещавшей выставки в Русском музее за годы социальных перемен, выросло в несколько раз и продолжает давать наиболее представительную группу в составе музейной публики. Некоторые данные исследований Русского музея позволяют предположить, что выставки современного искусства весьма часто выполняют для их посетителей именно образовательную функцию. На это указывают следующие характеристики публики этих выставок: по возрасту она — самая молодая по сравнению с публикой других экспозиций, до 20% посетителей имеют художественное образование, 2/3 посетителей составляют лица, чья профессия связана с художественной культурой.

Таким образом, культура социального пространства — широкое понятие, которое охватывает много терминов, не только социального аспекта. Большое значение на формирование русской культуры оказывает современная молодежь. Очень важно выявлять основные интересы и предпочтения относительно культурных ценностей молодых людей для дальнейшего развития социо-культурного пространства.

Список литературы

1. Большой толковый социологический словарь // URL: <https://472.slovaronline.com>.
2. Lechner. — 1994. — Р. 96. — Цит. по: *Филипов А.Ф.* Социология пространства. — СПб.: «Владимир Даль», 2008. — 290 с.
3. *Urry J.* Consuming Places. — London: Routledge, 1996. — 189 с.
4. *Силкина Л.В.* Социально-философские основания анализа культурного пространства: дис. ... канд. философ. наук. — Саратов. 1999. — 130 с.
5. *Лотман Ю.М.* Семиосфера: культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. — СПб.: «Искусство — СПб», 2000. — 704 с.
6. *Потапова М.В., Иевлева Н.В.* Востребованность художественного музея среди населения страны // URL: <http://museumstudy.ru/wp-content/uploads/2017/11/№3-23-32.pdf>.
7. *Лухачёв Дм.* О сущности культурной традиции // URL: https://www.lihachev.ru/pic/site/files/fulltext/zapesoc_lukianov_dl_o_sushnosti.pdf.

Рамазанова Р.К.,

студент,

ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», Люберцы

Дзюбан В.В.,

доктор исторических наук, кандидат педагогических работ,

профессор кафедры гуманитарных дисциплин,

ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», Люберцы

РОЛЬ КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ В УКРЕПЛЕНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Ramazanova R.K.,

Student,

GKOU HE "Russian Customs Academy", Lyubertsy

r27178121@gmail.com

Dzyuban V.V.,

Doctor of Historical Sciences, PhD in Pedagogical Sciences,

Professor of the Department of "Humanities",

GKOU HE "Russian Customs Academy", Lyubertsy

bryanskstudzuban@mail.ru

THE ROLE OF CULTURAL DIPLOMACY IN STRENGTHENING INTERNATIONAL RELATIONS

Аннотация. В данной статье анализируется значение культурной дипломатии в современном обществе, подчеркивая ее важность для укрепления международных отношений и формирования положительного имиджа государств. В условиях глобализации культурные обмены становятся ключевым инструментом для достижения взаимопонимания между народами. Рассматриваются успешные примеры культурной дипломатии, выявляются факторы, способствующие ее эффективному осуществлению, а также определяются преграды на пути ее развития. На основе практических примеров предлагаются рекомендации по улучшению практик культурной дипломатии, что позволяет глубже осознать ее влияние на международные отношения.

Ключевые слова: культурная дипломатия, международные отношения, культурные обмены, глобализация, позитивный имидж.

Abstract. This article examines the role of cultural diplomacy in the modern world, emphasizing its significance in strengthening international ties and shaping a positive image of countries. In the context of globalization, cultural exchanges become an essential tool for achieving mutual understanding among nations. The author analyzes successful examples of cultural diplomacy, identifies factors that contribute to its effective implementation, and outlines obstacles to its development. Based on practical cases, recommendations for improving cultural diplomacy practices are proposed, allowing for a deeper understanding of its impact on international relations.

Key words: cultural diplomacy, international relations, cultural exchanges, globalization, positive image.

Культурная дипломатия представляет собой процесс использования культурных ресурсов и взаимодействий для укрепления международных связей. Она базируется на обмене в сферах искусства, образования и науки, способствуя взаимопониманию и формированию долгосрочных отношений между странами. Ярким примером является деятельность Института Гете в Германии, продвигающего немецкий язык и культуру за рубежом, что помогает создавать позитивный имидж страны и укреплять межкультурный диалог. Аналогично, программы вроде Fulbright предоставляют студентам и ученым возможность работать и учиться в международной среде, что развивает взаимное уважение и понимание между народами. Таким образом, культурная дипломатия играет ключевую роль в формировании устойчивых международных отношений, основанных на сотрудничестве и диалоге.

В XX веке, особенно во время Холодной войны, культурная дипломатия стала важным инструментом международных отношений. США и СССР использовали культурные инициативы для демонстрации своих ценностей и идеалов: американские джазовые туры и выставки современного искусства популяризировали американскую культуру и укрепляли ее имидж, в то время как Советский Союз продвигал свои культурные достижения, такие как балет и классическая музыка, чтобы подчеркнуть свою значимость. Эти примеры показывают, как культурная дипломатия может служить инструментом мягкой силы для достижения политических целей [8, с. 1].

Современный мир сталкивается с множеством вызовов, оказывающих влияние на культурную дипломатию. Одним из таких вызовов является растущая политическая напряженность между государствами, что ограничивает возможности для культурного обмена. Пандемия COVID-19 в 2020 году продемонстрировала уязвимость культурных связей перед глобальными кризисами: многие международные культурные мероприятия, такие как фестивали и выставки, были отменены или перенесены, что сократило возможности для диалога между культурами. Тем не менее, культурная дипломатия открывает новые горизонты, включая использование цифровых технологий для проведения виртуальных мероприятий и обмена культурным опытом. В условиях, когда цифровизация охватывает все аспекты общественной жизни, «медиакоммуникации становятся важнейшим инструментом культурной дипломатии, обеспечивая глобальный охват, адаптивность и интерактивность» [11, с. 66]. Это подчеркивает способность культурной дипломатии адаптироваться к новым условиям и продолжать играть важную роль в укреплении международных отношений.

Культурная дипломатия служит мощным инструментом для укрепления международных отношений, способствуя взаимопониманию и доверию через обмен культурными ценностями и идеями. Международные культурные фестивали, такие как Фестиваль русской культуры в Японии, демонстрируют богатство национальной культуры и способствуют укреплению двусторонних связей. Образовательные программы обмена играют важную роль в развитии межкультурного диалога и создании устойчивых международных связей. Создание культурных институтов, таких как Институт Сервантеса и Гете-Институт, способствует продвижению языков и культур, формируя положительный имидж стран и усиливая культурные связи. Эти механизмы наглядно иллюстрируют, как культурная дипломатия может быть использована для построения доверительных отношений и сотрудничества на международной арене. Важно отметить, что «культурная дипломатия в Центральной Азии является не только инструментом имиджевой политики, но и важным каналом региональной интеграции, основанной на со-

четании национальных интересов и общих культурных ценностей» [10, с. 5].

Программа образовательных обменов Fulbright, запущенная в 1946 году, является одним из наиболее известных примеров успешной культурной дипломатии. За время своего существования она предоставила возможность более чем 390 000 участникам из 165 стран мира обмениваться знаниями и культурным опытом. Эта инициатива способствует не только академическому взаимодействию, но и укреплению взаимопонимания между народами. Пеев и Щелкунов отмечают, что «культурный обмен между народами является неотъемлемым качеством развития человеческого общества» [9, с. 50]. Таким образом, программа Fulbright представляет собой важный инструмент культурного взаимодействия.

Государственная поддержка и стратегическое планирование играют ключевую роль в успешной реализации культурной дипломатии, обеспечивая необходимые ресурсы и направляя деятельность на достижение поставленных целей. Примером этого является инициатива «K-Culture Wave», запущенная правительством Южной Кореи в 2008 году. Она включает стратегическое продвижение корейской культуры через такие формы искусства, как кино, музыка и гастрономия. Эта инициатива не только способствовала росту популярности корейской культуры во всем мире, но и оказала значительное влияние на международный имидж страны. В то же время Франция ежегодно выделяет значительные средства на поддержку сети культурных центров «Alliance Française», которые способствуют распространению французского языка и культуры за рубежом, укрепляя культурные связи и дипломатические отношения. В этом контексте стоит отметить, что «Италия активно способствует развитию преподавания языка в различных странах и оказывает поддержку программам распространения итальянского языка за рубежом» [5, с. 5]. Эти примеры подчеркивают, что сочетание государственной поддержки и четкого стратегического планирования может стать мощным инструментом в сфере культурной дипломатии.

Активное участие гражданского общества играет ключевую роль в реализации культурной дипломатии, способствуя соз-

данию устойчивых и взаимовыгодных культурных обменов. В Германии такую функцию выполняют организации, такие как Гете-Институт, которые активно содействуют культурному обмену, поддерживаемому гражданским обществом, предоставляя платформу для взаимодействия и обмена опытом, что укрепляет международные отношения. В Индии в 2012 году была инициирована программа «Incredible India», в рамках которой местные сообщества активно участвовали в культурных мероприятиях. Это способствовало не только росту туризма, но и повышению международного признания страны. Важно отметить, что «развитие международных культурных отношений и «мягкой силы» становится приоритетным направлением в национальных стратегиях государств и региональных организаций» [12, с. 3]. Таким образом, вовлечение гражданского общества усиливает эффективность культурной дипломатии, делая ее более инклюзивной и устойчивой.

Активное участие гражданского общества играет ключевую роль в реализации культурной дипломатии, способствуя созданию устойчивых и взаимовыгодных культурных обменов. В Германии такую функцию выполняют организации, такие как Гете-Институт, которые активно содействуют культурному обмену, поддерживаемому гражданским обществом, предоставляя платформу для взаимодействия и обмена опытом, что укрепляет международные отношения. В Индии в 2012 году была инициирована программа «Incredible India», в рамках которой местные сообщества активно участвовали в культурных мероприятиях. Это способствовало не только росту туризма, но и повышению международного признания страны. Важно отметить, что «развитие международных культурных отношений и «мягкой силы» становится приоритетным направлением в национальных стратегиях государств и региональных организаций» [12, с. 3]. Таким образом, вовлечение гражданского общества усиливает эффективность культурной дипломатии, делая ее более инклюзивной и устойчивой.

Политические барьеры часто становятся значительным препятствием для эффективной реализации культурной дипломатии. Одним из ярких примеров может служить длительный

дипломатический конфликт между США и Кубой, который ограничивал культурный обмен между этими странами. Несмотря на попытки отдельных инициатив наладить связи через искусство и образование, политическая напряженность препятствовала развитию устойчивого взаимодействия. Этот пример показывает, как политические разногласия могут затруднять культурное сотрудничество и ограничивать возможности для взаимного понимания.

Экономические ограничения также существенно влияют на культурную дипломатию, особенно в условиях глобальных кризисов. Например, в 2020 году, согласно отчету ЮНЕСКО, около 70% международных культурных проектов столкнулись с сокращением финансирования из-за экономического кризиса, вызванного пандемией COVID-19. Это подчеркивает уязвимость культурных инициатив перед экономическими потрясениями и необходимость стратегического планирования для обеспечения их устойчивости.

Культурные различия могут создавать сложности в международном взаимодействии, особенно в рамках крупных проектов. Инициатива «Один пояс, один путь» является ярким примером, когда Китай столкнулся с трудностями в сотрудничестве с европейскими странами. Различия в подходах к культурному наследию и управлению проектами вызывали недоразумения и замедляли реализацию инициатив. Это подчеркивает важность межкультурного понимания для успешной культурной дипломатии. В этом контексте Башаран отмечает, что «многие элементы национальной культуры используются в дипломатии, в частности, в проведении культурных мероприятий, которые прямо или косвенно используются государством с целью повышения собственной репутации и установления отношений с другими государствами».

Отсутствие стратегического подхода и координации может значительно снизить эффективность культурной дипломатии. Ярким примером служит программа культурного обмена в Восточной Европе в 1990-х годах. Из-за недостатка четкого плана и согласованности действий эта инициатива не смогла достичь поставленных целей, что подчеркивает важность стратегиче-

ского планирования и совместных усилий для успешной реализации культурных проектов. Необходимо учитывать, что «плодотворное и взаимовыгодное сотрудничество России и Африки зиждется не только на прагматических интересах, но и на крепком фундаменте культурно-цивилизационной близости, духовного родства и общности исторических судеб» [7, с. 2]. Успешные культурные инициативы требуют не только ресурсов, но и глубокого понимания культурных контекстов и связей.

Для повышения эффективности культурной дипломатии необходимо разрабатывать стратегии, учитывающие как национальные интересы, так и глобальные тенденции. Примером успешной инициативы может служить программа Германии ‘Kulturweit’, запущенная в 2014 году. Она предоставила возможность более чем 3000 молодых людей участвовать в международных культурных проектах, что способствовало укреплению связей между странами и продвижению немецкой культуры за рубежом. Великобритания активно использует Британский совет, который ежегодно охватывает более 100 миллионов человек в 100 странах, эффективно продвигая британские культурные ценности. Японская программа ‘Cool Japan’, получившая поддержку правительства в размере 50 миллиардов йен в 2020 году, направлена на популяризацию японской культуры через анимацию, моду и гастрономию, что создает положительный имидж страны на международной арене. Эти примеры подчеркивают важность стратегического подхода, включающего государственную поддержку, участие гражданского общества и использование современных технологий для продвижения культурных ценностей. Краева отмечает, что «в статье рассматривается роль культурной дипломатии как одного из методов внешней политики. Отмечается ее возрастающее влияние на современной международной арене и показывается, какие механизмы актуальны при ее реализации» [4, с. 7].

Культурная дипломатия играет важную роль в современных международных отношениях, способствуя формированию устойчивых связей и взаимопонимания между народами. В условиях глобализации и нарастающих международных вызовов она становится все более актуальной. Для дальнейшего разви-

тия культурной дипломатии необходимо разработать стратегические подходы, учитывающие культурные особенности стран и регионов. Важным направлением является укрепление взаимодействия между государственными и негосударственными структурами, а также расширение международного сотрудничества в этой сфере. Перспективы развития культурной дипломатии связаны с ее способностью адаптироваться к изменениям мировой обстановки, что позволит ей оставаться эффективным инструментом в укреплении международных отношений.

Список литературы

1. *Аветисян А.А.* Культурная дипломатия и культурная политика как необходимые условия развития международных отношений. — [б.м.], [б.и.], [б.г.]. —
2. *Башаран В.И.* Роль и значение институтов в культурной дипломатии России в Турции. — [б.м.], [б.и.], [б. г.]. — [б. с.].
3. *Косенко С.И.* Культурная сила как фактор культурной дипломатии Франции // ЗНАНИЕ. ПОНИМАНИЕ. УМЕНИЕ. — 2014. — № 1. — С. 114–125.
4. *Краева Д.С.* Культурная дипломатия России и Великобритании: сравнительный анализ. — Б.м., 2018. — С. 7–14.
5. *Малухина Т.Ю.* Инструменты культурной дипломатии современной Италии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. — 2018. — № 1. — С.17–24
6. *Наумов А.О., Положевич Р.С.* «Мягкая сила» и публичная дипломатия Китайской Народной Республики на современном этапе // Новая новейшая история. — 2018. — № 5. — С. 421–428.
7. *Обура Ж.-К.* Влияние культурного обмена на укрепление сотрудничества России и Африки в международных отношениях // Теории и проблемы политических исследований. — 2024. — Т. 13. — № 3А. — С. 34–41.
8. *Орлов П.Н., Малевич Ю.И.* Роль публичной дипломатии и национального брендинга при формировании внешнеполитического имиджа современной Беларуси // Материалы круглого стола по инновациям в международных исследованиях, посвященного 15-летию образования Шанхайской организации сотрудничества, Минск, 31 марта

- 2016 г. / Белорус. гос. ун-т; сост. и науч. ред. Е.А. Достанко. — Минск, 2016. — С. 4–10.
9. *Пеев И.П., Щелкунов А.В.* Культурные обмены как фактор международной безопасности // Стратегические приоритеты. — 2018. — № 2(18). — С. 50–55.
 10. *Сараев С.* Региональное сотрудничество в сфере культурной дипломатии в Центральной Азии: проблемы и возможности // URL: <https://doi.org/10.5281/zenodo.16958278>.
 11. *Сорокина М.Д., Мичурова А.С., Дворянинова С.А., Емец Е.А.* Медиакоммуникации как инструмент культурной дипломатии: стратегический анализ воздействия цифровых платформ на международное сотрудничество // Теории и проблемы политических исследований. — 2024. — Т. 13. — № 7А. — С. 64–72.
 12. *Табаринцева-Романова К.М.* Гуманитарная дипломатия: личность, социум и мир // Культура в международных отношениях: дипломатика, безопасность, конфликт. — 2018. — С. 60–68.
 13. *Тан Цзыци.* Культурная дипломатия Китая в XXI веке: наступление и защита: дипломная работа. — Минск, 2021. — 71 с.
 14. *Умаркулова А.* Культурная дипломатия как инструмент «мягкой силы» государства // MAXSUS SON. — 2023. — Т. 5. — № 1. — С. 195–199.

Романов А.А.,

кандидат исторических наук,

заместитель заведующего кафедрой

Мировой политики и межкультурного развития,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

Болтенко А.Д.,

студент,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

**ОТ «НОВОГО МЫШЛЕНИЯ»
К НОВОМУ МИРОВОМУ ПОРЯДКУ:
ПЕРЕЧИТЫВАЯ КНИГУ М.С. ГОРБАЧЕВА
«ПЕРЕСТРОЙКА И НОВОЕ МЫШЛЕНИЕ
ДЛЯ НАШЕЙ СТРАНЫ И ДЛЯ ВСЕГО МИРА»**

Romanov A.A.,

PhD in Historical Sciences,

Deputy Head of the Department

World politics and intercultural development,

V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations, Moscow

Boltenko A.D.,

Student,

V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations, Moscow

**FROM 'NEW THINKING'
TO THE NEW WORLD ORDER:
REREADING M.S. GORBACHEV'S BOOK
'PERESTROIKA: NEW THINKING
FOR OUR COUNTRY AND THE WORLD'**

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты книги лидера СССР М.С. Горбачева «Перестройка и новое мышление: для нашей страны и для всего мира» (1987 г.). Утверждается, что отдельные положения, декларируемые в книге, существенно изменили подходы в Советской внешней политике. Горба-

чев стремился восстановить позитивный имидж СССР и смягчить кризис в своей стране. Для этого он был вынужден отвергнуть традиционные идеологические принципы внешней политики и предложить «новое мышление», которое может быть охарактеризовано как «деидеологизация» международных отношений. Горбачев стремился к формированию нового мирового порядка на основе Нового мышления. Однако на Западе Новое мышление было воспринято как демонстрация слабости СССР. При этом СССР был не в состоянии предложить что-то новое для привлечения новых союзников, тогда как отвергая свою идеологическую уникальность, он терял союзников прежних. В результате Советский Союз превратился в младшего партнера Запада в международных отношениях. Другими словами, итогом Нового мышления действительно стало установление нового Мирового порядка, но это был порядок, в котором Соединенный Штаты стали единственным центром силы и влияния.

Ключевые слова: Горбачев, Перестройка, Новое мышление, Мировой порядок, Советская внешняя политика, деидеологизация международных отношений

Abstract. The article discusses some points of the book of the leader of the USSR M.S. Gorbachev 'Perestroika: New Thinking for our country and the World' (1987 г.). It is argued that some new principles declared in this book significantly transformed the approaches of the Soviet foreign policy. Gorbachev tried to restore the positive image of the USSR and to soften the crisis in his own country. But in order to do this he had to abandon the traditional ideological principles in foreign policy and to offer a 'new thinking' which can be characterized as 'deideologization' of international relations. Gorbachev attempted to form a new world order on the principles of the New Thinking. However, the New Thinking was perceived in the West as the demonstration of the weakness of the USSR. At that the USSR was not able to suggest something new to attract new allies while loosing its previous ideological uniqueness and former allies. The Soviet Union became the junior partner of the West in the international relations. In other words, the New Thinking indeed resulted in New World order but it was the Order where the United States became the single polar of force and influence.

Key words: Gorbachev, Perestroika, New Thinking, New World order, Soviet foreign policy, deideologization of international relations.

В самом конце 1987 г. прошла презентация книги Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева «Перестройка и Новое Мышление для Нашей Страны и для Всего Мира». Книга состояла из двух разделов. Первый был посвящен курсу изменений, реализуемому внутри страны; он назывался «Перестройка». Второй

раздел получил название «Новое мышление и мир»; он определял ориентиры внешней политики СССР. Фактически «новое мышление» можно рассматривать как неотъемлемую часть Перестройки в целом. Любопытно, что именно в этом ключе был сделан англоязычный перевод заголовка книги: “Perestroika: New Thinking for our country and the World”⁴. Именно внешнеполитический раздел книги и его влияние на последующие события являются предметом предлагаемого исследования.

Что же заставляет сегодня обращаться к теме перестройки внешней политики Советского Союза в период Горбачева? Актуальность темы во многом определяется тем, что принципы, которые были положены в основу как самой книги, так и внешнеполитических действий того периода, оказали мощнейшее влияние на развитие международных отношений на многие годы; это влияние ощущается до сих пор. Итогом развития глобальных процессов, одним из главных инициаторов которых был Горбачев, стала смена мирового порядка. Бессмысленно отрицать тот факт, что в результате внешнеполитического курса, проводимого Горбачевым, мир из биполярного превратился в однополярный, а СССР уже к началу 1991 г. стал восприниматься как «младший партнер» Запада, если и имеющий свою точку зрения, то редко когда на ней настаивающий. В конце 1991 г. Россия стала правопреемницей СССР. И хотя многие реформы Горбачева были пересмотрены, его курс на сближение с Западом продолжался. Все это сформировало отношение к России как к игроку второго плана на международной арене, чьи представления о своих интересах должны были быть одобрены недавними противниками. Отсюда важно понять, какие идеи Горбачева привели к столь драматичным последствиям.

Стоит отметить, что понятие «новое мышление» использовалось в отечественной литературе, посвященной международным отношениям, еще до выхода в свет книги Горбачева и даже до его избрания Генеральным секретарем. В 1984 г. была опубликована

⁴ Английский перевод был издан почти сразу после появления русскоязычного издания. Издательство Harper & Row выпустило книгу 1 января 1988 г.

работа Анат. Громыко и В. Ломейко под названием «Новое мышление в ядерный век». Согласно авторам, «Новое мышление лежит в основе подхода КПСС и Советского государства к решению проблем современности в ядерную эпоху» [3, с. 3]. Но тогда Новое мышление представлялось лишь как обоснование политики по сокращению ядерных вооружений и курса на мирное сосуществование. Горбачев, однако, добавил много нового⁵.

Новое мышление Горбачева – это, прежде всего, программа деидеологизации международных отношений. Горбачев, хотя и указывая на наличие различий в социалистических и капиталистических системах, утверждает, что они не должны быть препятствием при решении глобальных проблем. СССР в лице Горбачева предлагает, по сути, вариант партнерства с Западом.

Считается, что во многом появление «Нового мышления» Горбачева было вызвано непростой ситуацией, в которой оказалась страна в середине 1980-х годов. Внутриполитический фактор был связан с ухудшением социально-экономической ситуации в стране. Значительные средства шли на оборонные нужды, на продолжение полноценного участия в гонке вооружений, а также на поддержку социалистического движения в мире. При этом неэффективность внутреннего хозяйственного механизма приводила к колоссальным потерям в экономике. Отсюда потребность уменьшения военных расходов, перевод средств в «мирные» отрасли народного хозяйства. Горбачев и его команда полагали, что это можно сделать, только предложив масштабные меры по сокращению ядерных вооружений, снижению скорости гонки вооружений.

Стоит отметить, что кризисные явления в СССР были отчасти вызваны действиями администрации США, намеренно расшатывавшей советскую экономику. Провозглашенная Президентом США Рональдом Рейганом в 1983 г. программа Стратегической оборонной инициативы (СОИ) вполне возможно была блефом, рассчитанным на кардинальное увеличение финансовых затрат

⁵ М.Ф. Полынов упоминает в своей статье высказывание Анат. Громыко, что Горбачев стремился присвоить себе право «первооткрывателя» термина [5, с. 139].

СССР в области космических вооружений, что стало бы дополнительным бременем на советскую экономику. Представляется, что и резкое падение цен на нефть в этот период (до 10 долларов за баррель) стало результатом договоренности между США и нефтедобывающими странами Персидского залива. Советский Союз, во многом зависимый от экспорта энергоресурсов, сильно пострадал в этой ситуации.

Внешнеполитический фактор, определявший потребность нового внешнеполитического курса, был также весьма существенным. В частности, события в Польше конца 1970-х – начала 1980-х годов, когда впервые столь явно обозначилась политическая оппозиция социалистическому правительству (в лице профсоюза «Солидарность»). Ввод ограниченного контингента Советских войск в Афганистан ослабил престиж страны в ряде развивающихся стран. Масштабная антисоветская пропагандистская кампания использовала все возможности, все трагические происшествия (как, например, ситуация с корейским Боингом в 1983 г.), чтобы подорвать авторитет Советского Союза. При этом пропагандистская работа со стороны Советского Союза была куда менее наступательной.

В этой ситуации Горбачев и его команда приняли решение отказаться от традиционного противопоставления «лагеря социализма» «лагерю капитализма». В книге Горбачев открыто заявляет, что совершает фундаментальный поворот, меняет «подходы, на которых в течение 50 лет строились отношения между Востоком и Западом» [2, с. 264]. Очевидно, что в основе этого шага лежало ожидание ответных действий со стороны Запада. История показала иллюзорность этих ожиданий.

Ярким примером Нового мышления стало Европейское направление во внешней политике Горбачева. Горбачев в своей книге возрождает идею Ш. де Голля о Европе как об общем доме (так назван параграф в VI «европейской» главе книги Горбачева); на концепцию де Голля о формировании единой Европы от Атлантики до Урала Горбачев уже ранее ссылаясь во время своих зарубежных визитов.

Однако такой подход имел свои серьезные минусы. Подобные предложения могли выглядеть убедительно только в случае

определенной уступки (или даже жертвы) со стороны СССР. Такой жертвой стала готовность отказаться от советского влияния внутри блока социалистических стран. По сути, Горбачев провозгласил намерение завершить эру блоков в Европе: «Вглядываясь в панораму этой многострадальной земли, задумываясь над общими корнями столь многообразной, но в сущности единой европейской цивилизации, я все острее ощущал условность, временность блокового противостояния, архаизм «железного занавеса» [2, с. 203–204].

Неизвестно, насколько конкретными были представления Горбачева о политической карте Европы после падения «железного занавеса»; насколько он верил в то, что СССР будет по-прежнему иметь существенное влияние на континенте или хотя бы в отдельных его частях. В этой связи динамика некоторых процессов показала, что Горбачев в этом отношении был далек от реальности. Горбачев специально выделил отдельным параграфом проблему сосуществования двух немецких государств [2, с. 208–211]. Его позиция в книге достаточно четкая: имеющаяся историческая реальность (то есть два немецких государства) не должна подвергаться пересмотру в ближайшее время. Однако, как известно, никто иной как сам Горбачев фактически «благословил» объединение двух Германий, а если говорить по существу — то не объединение, а поглощение Западной Германией Германии Восточной — и не через 100 лет (как Горбачев писал в своей книге), а через три года, в 1990 г. И дело не в стремительно изменившейся реальности; представляется, что добровольный, односторонний отказ Советского Союза от своей роли в Восточно-Европейском блоке неизбежно привел к потере СССР политического веса в европейских делах. В Европе действительно исчезло блоковое противостояние: просто один блок перестал существовать, а другой, не ставший менее враждебным, только усиливался. Началось формирование нового европейского порядка, что стало прямым следствием Нового мышления.

В этой связи обращает на себя внимание представление Горбачевым Советского Союза как части одной большой европейской цивилизации [2, с. 203]. Косвенно полемизируя с Н.Я. Дани-

левским, Горбачев фактически становится здесь на позицию не только «западников», но и глобалистов. Формально не отказываясь от коммунистической идеологии, Горбачев, тем не менее, декларирует, что «Ядром нового мышления является признание приоритета общечеловеческих ценностей» [2, с. 149]. При этом самый важный вопрос – кто будет определять эти «общечеловеческие ценности» – остается в книге без ответа. Ответ очень быстро дала новая политическая реальность.

Новому мышлению – как в теории, так и на практике – была присуща тактика уступок, шагов навстречу, отказа от занятых позиций. В частности, это хорошо видно в вопросах ядерного разоружения. При этом конкретные инициативы СССР (такие как односторонний мораторий в начале апреля 1985 г. на развертывание советских ракет средней дальности в Европе; введение с августа 1985 г. одностороннего моратория на ядерные испытания сроком до 1 января 1986 г.) остались без ответа [1, с. 44].

Говоря о «третьем мире» (глава V второго раздела книги), Горбачев призывает к глобальному разрушению разграничительных линий, сложившихся как результат биполярного противостояния, и к «совместному» с Западом решению проблем развивающихся стран [2, с. 198]. Другими словами, Горбачев предлагает рассматривать мир как единое глобальное пространство, где приверженность той или иной страны определенной политической системе не будет иметь существенного значения. Совместный ответ на глобальные вызовы [2, с. 139] – это попытка перевести международные отношения между блоками и, прежде всего, между СССР и США, из плоскости противостояния в плоскость партнерства. Речь идет о замене принципа «баланса сил» на принцип «баланса интересов» [4, т. 3, с. 408]; однако западные страны, очевидно, увидели в этой критике «баланса сил» проявление слабости Советского Союза.

Кроме того, отныне Советский Интернационализм как бы распространялся на весь «Третий мир», а не только на социалистические и коммунистические силы; а значит, вчерашние идейные союзники уже не чувствовали своего особого места во внешнеполитической деятельности Советского Союза. Провозглашаемый отказ от идеологии без возможности влиять на мир

другими средствами неизбежно оставлял СССР без союзников – и без старых, и без новых.

Насколько именно позиция, изложенная в книге Горбачева, привела западных политиков к пониманию того, что СССР отказывался от роли глобального полюса силы или они увидели это в конкретных политических шагах, предпринимаемых Горбачевым и его командой, сказать сложно. Но в условиях внутренних и внешних вызовов, с которыми сталкивался Советский Союз, предложение о партнерстве могло восприниматься лишь как готовность быть младшим партнером.

Как и следовало ожидать, делая уступки в отношении недавних противников, СССР так и не дождался ответных шагов. Шаги навстречу не стали взаимными. Предложенный Горбачевым проект деидеологизированной глобализации, его представления о «едином, взаимозависимом мире», смещение акцентов в сторону так называемых «общечеловеческих ценностей» и задач, совместное участие в решении международных вопросов — все это при относительной экономической слабости СССР ставило его в неравное положение.

Горбачев, очевидно, рассчитывал, что его масштабная программа «Новое мышление» позволит ему стать архитектором нового мирового порядка. В своей речи в ООН 7 декабря 1988 г. Горбачев заявил: «Дальнейший мировой прогресс возможен теперь лишь через поиск общечеловеческого консенсуса в движении к новому мировому порядку»⁶. Однако реальность показала, что Новое мышление хотя и ведет к новому мировому порядку, но совсем не к тому, который был в планах Горбачева.

Достаточно быстро после выхода книги начались необратимые изменения в международных отношениях. О провале европейской политики уже было сказано выше. Еще одним шагом к новой, теперь уже однополярной системе стали события на Ближнем Востоке, связанные с присоединением Ираком территории Кувейта и последующей операцией «Буря в пустыне»,

⁶ С текстом речи М.С. Горбачева в ООН можно ознакомиться по ссылке: https://www.gorby.ru/userfiles/file/vystuplenie_v_oon.pdf (дата обращения: 01.12.2025).

в результате которой иракские войска потерпели чувствительное поражение. СССР в этой ситуации, по сути, встал на сторону своих недавних противников, мало что сделав для своего многолетнего союзника – Ирака. СССР не принял участие в военной фазе операции, но, собственно, это не нужно было коалиции, возглавляемой США. Не получая новых друзей, Советский Союз стремительно отворачивался от старых.

Именно операция «Буря в пустыне» позволила многим констатировать появление качественно новой глобальной ситуации. Президент США Дж. Буш-старший, выступая перед Конгрессом США, заявил о формировании нового мирового порядка⁷, безусловным лидером которого он определил свою страну⁸. И хотя в своей книге Горбачев заявлял, что «мы не допустим превосходства» США над СССР [2, с. 266], к концу 1990 г. оно стало уже явью.

Одним из ключевых последствий нового мирового порядка стала потеря для большинства развивающихся стран возможности выбирать вектор внешней политики. В послевоенный период они имели возможность отстаивать свою независимость, балансируя между двумя сверхдержавами; это в определенной степени давало им гарантии безопасности. Но в 1990-е гг. уже ничто не мешало США утверждать концепции «расширения демократии», «нового интервенционизма» [6, с. 85-86, 93-94] – утверждать и реализовывать на практике. Россия не могла предложить другим странам альтернативу – она сама оказалась встроенной в гегемонистскую систему Запада. «Решение проблем развива-

⁷ С текстом речи можно ознакомиться в отцифрованных американских изданиях того периода, например в следующих.

The Dallas Morning News <https://www.dallasnews.com/opinion/commentary/2017/09/08/the-other-9-11-george-h-w-bush-s-1990-new-world-order-speech/> (дата обращения: 25.11.2025).

The Washington Post <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1990/09/12/bush-out-of-these-troubled-times-a-new-world-order/b93b5cf1-e389-4e6a-84b0-85f71bf4c946/> (дата обращения: 12.10.2025).

⁸ «Recent events have surely proven that there is no substitute for American leadership».

ющихся стран» проходило без ограничительных линий, как и предлагал Горбачев. Только Россия в этом процессе не участвовала.

В этой связи «новое мышление» предстает некоей формой теории конвергенции, возникшей в середине XX столетия. Одним из наиболее известных авторов этой теории был Дж. Гэлбрейт, а в поздний советский период ее положения (по крайней мере, некоторые) отстаивал академик А.Д. Сахаров. Теория предполагала постепенное сближение социалистической и капиталистической систем, сглаживание противоречий между ними, а в итоге формирование некоего общемирового симбиоза. Но есть нюанс. У Горбачева было четкое понимание того, чем готов пожертвовать Советский Союз ради такой глобальной гармонии. Но он не сформулировал столь же четко, каких жертв он ждет от Запада, какие уступки он хочет получить взамен. Он ни на чем не настаивал; заявляя об общемировых интересах, он почти совсем не говорил о конкретных интересах своей страны.

Как отмечает М.Ф. Полинов, «Горбачев полагал, что его мессианская идея нового политического мышления, общечеловеческих ценностей будет поддержана и другими странами, а он будет влиять на формирование нового миропорядка, который будет основываться на справедливости, демократии, всеобщем примирении и согласии». Сам Полинов характеризует подобные представления Горбачева как «недопустимые иллюзии» [5, с. 144].

Как представляется, Горбачев не учитывал (или не желал учитывать), истинную природу сложившегося противостояния. Возможно, он искренне рассчитывал, что Запад рассматривал СССР исключительно как идеологического противника и готов на равные отношения со страной, не настаивающей более на экспансии коммунизма. Видимо, им был проигнорирован исторический опыт, который свидетельствовал о неизменном отношении Запада к нашей стране, какая бы политическая форма в ней ни уществовала. Очевидно, что СССР рассматривался Западом, прежде всего, как конкурент в глобальной борьбе за гегемонию, и только во вторую – как идеологический соперник. Поэтому готовность пойти на компромисс была воспринята Западом как

признание Советским Союзом своего поражения. В этой связи ситуацию весьма четко определяют слова Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина из его недавнего выступления на заседании дискуссионного клуба «Валдай» (2 октября 2025 г.): «Я думаю, что и роспуск Советского Союза-то был связан с позицией тогдашнего руководства России избавиться от всякой идеологической конфронтации в надежде на то, что сейчас, когда всё, с коммунизмом у нас покончено, сейчас наступит «братание». Нет, ничего подобного. Здесь другие, оказывается, факторы, геополитические интересы. И оказалось, что идеологические противоречия здесь ни при чём»⁹.

Представляется, что «глобализм» Горбачева, его вера в «сближение мира», в единство цивилизационных начал России/СССР и Западной Европы были непростительным заблуждением. Успех «нового мышления» в итоге привел к поражению СССР в «холодной войне» в том числе потому, что происходило искусственное заталкивание СССР, а потом и России в единое глобальное пространство, навязывание представлений о единственности судьбы и «конце истории». С большим трудом дается сегодня осознание того, что у России своя отдельная цивилизация, своя особая духовность, свой неповторимый исторический путь и свои собственные глобальные интересы. Эти интересы не находятся в плоскости конфронтации, но никогда не должны восприниматься как что-то второстепенное.

Отказавшись от самостоятельной внешней политики, полагаясь на стремление Запада к подлинному диалогу, считая, что единственным раздражителем для западных стран является коммунистическая идеология, Горбачев фактически отказался от международных достижений страны во имя недостижимых и абстрактных общечеловеческих ценностей. Его политика привела к установлению нового мирового порядка, к растянувшейся на десятилетия гегемонии Запада и мучительному процессу возвращения России на то место в международных отношениях, которого она заслуживает.

⁹ См. официальный сайт Кремля: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/78134>

Список литературы

1. Барсенков А.С. «Новое мышление» во внешней политике СССР // Вестник Московского Университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. — 2012. — № 1. — С. 41–73.
2. Горбачев М.С. Перестройка и Новое мышление для нашей страны и для всего мира. — М.: Изд-во политической литературы, 1988. — 271 с.
3. Громыко Анат., Ломейко В. Новое мышление в ядерный век. — М.: Международные отношения, 1984. — 143 с.
4. История международных отношений. В 3-х т. / под ред. А.В. Торкунова, М.М. Наринского. — М.: Аспект-пресс, 2022.
5. Польшов М.Ф. М.С. Горбачев и новое политическое мышление: истоки, основные идеи, результаты // Новейшая история России. — 2012. — № 2. — С. 136–152.
6. Фененко А.В. Современная история международных отношений. 1991–2022: учебное пособие. — М.: Аспект-Пресс, 2023. — 500 с.

Чичулин Н.А.,

доктор политических наук,
профессор кафедры политических процессов и технологий,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

Росляков К.С.,

студент,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

ЭТНОГЕНЕЗ И ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РУССКОГО НАРОДА. ВЗГЛЯДЫ Н.Я. ДАНИЛЕВСКОГО И В.В. ЖИРИНОВСКОГО

Chichulin N.A.,

Doctor of Political Science,
Professor, Department of Political Processes and Technologies,
V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow
Nikolay.chichulin@yandex.ru

Roslyakov K.S.,

Student,
V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow
Roslyakov12.04_elis@mail.ru

ETHNOGENESIS AND CIVILIZATIONAL IDENTITY OF THE RUS- SIAN PEOPLE. THE VIEWS OF N.YA. DANILEVSKY AND V.V. ZHIRI- NOVSKY

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу взглядов Владимира Вольфовича Жириновского и Николая Яковлевича Данилевского на цивилизационную идентичность России. Рассматривается оригинальная версия русской цивилизационной идентичности, предложенная Жириновским, а также классификация культурно-исторических типов и концепция уникальности русской цивилизации, выдвинутые Данилевским. Основное внимание уделено антизападничеству обоих мыслителей, акцентированию ими роли национальных традиций и культурного наследия, идеям особой миссии России и уникальности русской цивилизации. Дополнительно анализируется роль Русской Православной Церкви, связь взгля-

дов с традициями славянофильства и почвенничества, а также их влияние на формирование современной российской идентичности и актуальность в современных дискуссиях о цивилизационной идентичности.

Ключевые слова: Цивилизационная идентичность, Российская цивилизация, Владимир Жириновский, Николай Данилевский, Национальный менталитет.

Abstract. This article is devoted to a comparative analysis of the views of Vladimir Volfovich Zhirinovskiy and Nikolai Yakovlevich Danilevskiy on Russia's civilizational identity. This article examines Zhirinovskiy's original version of Russian civilizational identity, as well as Danilevskiy's classification of cultural-historical types and concept of the uniqueness of Russian civilization. It focuses on both thinkers' anti-Western views, their emphasis on the role of national traditions and cultural heritage, their ideas of Russia's special mission, and the uniqueness of Russian civilization. It also analyzes the role of the Russian Orthodox Church, the connection between their views and the traditions of Slavophilism and pochvennichestvo, as well as their influence on the formation of modern Russian identity and their relevance to contemporary debates on civilizational identity.

Key words: Civilizational identity, Russian civilization, Vladimir Zhirinovskiy, Nikolai Danilevskiy, National mentality.

Порой задумываешься, почему судьба России настолько необычна и неповторима, почему наш народ вечно ощущает потребность искать собственный путь, отвергая соблазны следования готовым рецептам Запада? Быть может, ключ к пониманию лежит в мыслях великих сынов отечества, ставивших вопрос о нашей уникальной цивилизационной идентичности. Вспомним, например, Николая Яковлевича Данилевского — ученого, писателя, мыслителя, оставившего неизгладимый след в истории русской мысли. Он открыл нам глаза на то, что каждое общество живет собственной жизнью, обладающей особым характером, историей и культурой. Для Данилевского русская цивилизация — это феномен, глубоко укорененный в православной вере и славянской душе. Мысли Данилевского звучат удивительно созвучно нашему времени, когда приходится сталкиваться с вопросом: действительно ли возможно найти гармонию между нашим исконным духом и чужими моделями бытия?

Другим ярким представителем отечественного ума был Владимир Вольфович Жириновский — ярчайший политический де-

ятель, заставивший задуматься о месте России в мире и о том, каково наше истинное предназначение. Выступая за сильную, горделивую Россию, он говорил о необходимости утверждения самостоятельной цивилизационной линии, отказа от иллюзий догнать Запад и слепо повторять чужие рецепты. Пусть доводы Жириновского порой казались резкими и провокационными, но разве не чувствуется в них глубинная тревога о судьбе родного Отечества?

Любопытно сопоставить их взгляды. Что объединяет Данилевского и Жириновского? Прежде всего, убежденность в уникальности русской цивилизации, вера в нашу особую миссию и невозможность копировать чужой опыт. Оба мыслителя считали, что русская душа глубока, загадочна и способна творчески преобразить мир, открывая новое видение гармонии и смысла. Но, пожалуй, важнее всего — желание утвердить независимость России в глазах мира, признать ее как отдельную, самостоятельную цивилизацию, достойную восхищения и подражания.

Вместе с тем, очевидно и важное различие. Если Данилевский смотрел на вещи скорее через призму истории и науки, то Жириновский предпочитал эмоциональную окраску, яркие образы и лозунги. Впрочем, их голоса сливаются в одну мелодию тревоги и надежды: они одинаково чувствуют пульс времени, ищут выход из тупика унификации и деградации. Сегодня, оглядываясь назад, невольно задаешься вопросом: услышали ли мы их послание? Нашли ли мы свой путь, или по-прежнему теряемся в лабиринтах заимствований и сомнительных экспериментов?

В этой статье мы рассмотрим и сравним два взгляда и ответим на поставленные вопросы. Попробуем выработать уникальный, усредненный взгляд на развитие русско-российской цивилизации

В отечественной политической мысли одной из центральных фигур, посвятившей немало усилий обсуждению цивилизационной идентичности России, является Владимир Вольфович Жириновский. Его взгляды на данную проблему, озвученные в многочисленных выступлениях, интервью и литературных произведениях, отражают оригинальный подход, который выходит далеко за рамки привычного политиканства и приоб-

ретаает философский оттенок. Будучи человеком острого ума и полемического таланта, Жириновский создал собственную версию русской цивилизационной идентичности, которую можно охарактеризовать как своеобразный синтез традиции и новаторства. Уже в ранние годы своей политической деятельности он сделал ставку на идеи обособленности русской цивилизации, противопоставляя ее западным и восточным культурам. Данная позиция получила широкую известность и нашла отражение в знаменитой книге «Последний бросок на юг», вышедшей в свет в 1993 году. Основой взглядов Жириновского на цивилизационную идентичность стала концепция особой миссии России. Он считал, что Россия является уникальной страной, обладающей собственным культурным и духовным миром, отличным от западного и восточного. В его понимании, русская цивилизация отличается глубиной, широтой и благородством, способными вдохнуть надежду в сердца миллионов людей. В противовес этому, Запад представляется символом жадности, алчности и равнодушия, воплощенным в виде бездушных мегаполисов и однотипных торговых марок. Центральным моментом в трактовке цивилизационной идентичности Жириновским является апелляция к национальным традициям и культурному наследию. Он подчеркивал, что подлинная сущность русской цивилизации раскрывается в народной мудрости, фольклоре, литературе и искусстве. По мнению Жириновского, именно русский народ способен привнести нечто качественно новое в мировую цивилизацию, сделав ее гуманнее и гармоничнее. Интересным аспектом цивилизационной идентичности в версии Жириновского является его представление о роли Русской Православной Церкви. Жириновский подчеркивал ее значение как хранительницы духовных сокровищ и наставницы поколений. Он видел в Православии фундамент русской идентичности, придающий ей особые черты и отличия от западного христианства. Таким образом, православие становится отправной точкой для размышлений о назначении России в мире. Еще одним интересным направлением, в котором Жириновский интерпретировал цивилизационную идентичность, является геополитический аспект. Он выступал за укрепление позиций России в мире, подчеркивая необходи-

мость активного участия в мировых делах и противостояния диктату западных держав. В этом контексте Жириновский призывает к созданию мощных союзников и партнеров, способных поддержать Россию в осуществлении ее миссии. Интересно заметить, что взгляды Жириновского содержат в себе элементы антизападничества и антисоветизма. Он критикует Запад за империализм и насаждение своих ценностей, противопоставляя этому национальные традиции и обычаи России. В то же время, Советский Союз рассматривается как ошибочный эксперимент, лишивший страну естественных корней и предавший ее судьбу. В этом смысле взгляды Жириновского близки концепциям славянофильства и почвенничества, хотя и окрашены в цвета яркой политической риторики [1].

Одним словом, интерпретация цивилизационной идентичности русским политиком Владимиром Жириновским представляет собой яркий образец оригинальной мысли, наполненной парадоксальностью и драматизмом. Он обращается к традициям, мифам и символам русской культуры, делая акцент на необходимости обретения собственного пути, соответствующего внутренним чаяниям и мечтам русского народа. Хотя взгляды Жириновского воспринимаются не всеми однозначно, они несомненно вносят ценный вклад в современную отечественную политическую и культурную мысль, вызывая острые дискуссии и стимулируя новые направления исследований.

Николай Яковлевич Данилевский, выдающийся русский мыслитель XIX века, внес огромный вклад в развитие цивилизационной теории и философию истории. Его книга «Россия и Европа» (1869), ставшая настоящим манифестом русской самобытности, произвела настоящий фурор и оставила глубокий след в интеллектуальной жизни России и Европы. В центре учения Данилевского лежат два главных понятия: культурно-исторические типы и уникальность русской цивилизации. Философия Данилевского строится на принципиальном отказе от линейного взгляда на всемирную историю. Он решительно опровергает идеи просветителей XVIII века о существовании универсального прогресса человечества, продвигая вместо этого идею о множественности культур и цивилизаций. Согласно Данилевскому,

каждая крупная культура представляет собой самостоятельный культурно-исторический тип, живущий по собственным законам и обладающий собственными характеристиками. Данилевский вводит классификацию культурно-исторических типов, выделяя пять основных категорий: египетский, китайский, индусский, греко-римский и германо-романский. Главной особенностью русского культурно-исторического типа, по мнению Данилевского, является его мессианская миссия. Россия не просто уникальная цивилизация, она — будущий спаситель и учитель мира, призванный показать остальным народам иной путь развития, свободный от западного индивидуализма и рациональности. Важнейшим положением учения Данилевского является утверждение автономности русской культуры. Автор категорически отвергает любые попытки навязать русским людям западные ценности и институты, подчеркивая их неприменимость к русской почве. Данилевский выступает против всякого подражательства, предлагая ориентироваться на собственные традиции и народные корни. В этом контексте он выдвигает тезис о невозможности механического заимствования западных достижений, указывая на необходимость творческого синтеза и самостоятельного творчества. Один из наиболее значимых вкладов Данилевского в этнологию и антропологию — обоснование уникальности русского народа. В своих трудах он развивает идеи этнографической идентификации, рассматривая народ как живой организм, имеющий свою душу, язык и культуру. Данилевский настаивает на том, что именно народный дух определяет облик и развитие цивилизации, а не наоборот. Такой подход позволял ученому подчеркнуть самобытность русского народа, его открытость к новому опыту и талантливость [2].

Характерной чертой данилевских идей является ярко выраженный антизападнический настрой. Критикуя западные общества за чрезмерную приверженность индивидуализму, коммерциализацию и утрату духовных ориентиров, Данилевский видит спасение России в возвращении к национальным корням и традициям. Он рисует идеальный образ русской цивилизации, свободной от недостатков Запада и готовой предложить миру новые, более гуманные и мудрые формы общежития.

Но, помимо конструктивной критики Запада, Данилевский создает и собственное позитивное видение будущего. Он мечтает о новом порядке, где ведущую роль займет русская цивилизация, проповедующая братство, сострадание и бескорыстие. В этом образе видны контуры утопического общества, которое стремится преодолеть эгоизм и вражду, характерные для Западной Европы.

Таким образом, идеи Данилевского образуют стройную систему взглядов, где культурно-исторические типы выступают фундаментом, а русская цивилизация становится венцом творчества. Через призму своих трудов Данилевский призывает к поиску национальной идентичности, осознанному выбору собственного пути и освобождению от стереотипов, навязываемых извне. Его творчество не только стало мощным катализатором развития русской общественной мысли, но и предвосхитило многие проблемы и вызовы, стоящие перед Россией в дальнейшем.

Сегодня, когда мир погружен в глубокий кризис ценностей и идентичностей, идеи Данилевского обретают особую актуальность. Его размышления о цивилизационной идентичности помогают разобраться в причинах происходящих перемен и осознать глубину уникальности русской культуры. Вслед за Данилевским, современные исследователи возвращаются к теме культурно-исторических типов, пытаясь отыскать новые ключи к пониманию своего места в мире и обрести утраченное ощущение собственной миссии и предназначения.

Данилевский предложил совершенно новую концепцию цивилизационной идентичности, выделив пять основных культурно-исторических типов: египетский, китайский, индусский, греко-римский и германо-романский. Главное открытие Данилевского заключалось в том, что каждый культурно-исторический тип обладает особыми качествами и свойствами, не сводимыми к простым формулам прогресса или регресса. Русская цивилизация, по мнению Данилевского, представляла собой шестой, еще незавершенный тип, который, будучи изначально связан с византийским наследием, становился началом новой страницы в истории человечества. Такое видение русской цивилизации имело огромное значение для последующего развития

русской мысли. Оно освобождало Россию от комплексов младшинства и давало основание говорить о самобытности русской культуры и русского народа. Данилевский убедительно доказывал, что Россия — это не просто отсталый регион Европы, а отдельная цивилизация, наделенная особым назначением и ответственностью перед будущим.

Другой важный аспект учений Данилевского — его критика западноевропейской цивилизации и неприятие попыток России присоединиться к западным стандартам. Данилевский предупреждал о губительности заимствования чуждых ценностей и призывал сосредоточиться на создании оригинального цивилизационного проекта, соответствующего национальным традициям и особенностям русского народа. Его взгляды получили широкое распространение в среде славянофилов и почвенников, которые видели в них аргумент в пользу отказа от прозападнической ориентации и возвращения к национальным корням. Эти идеи оказали значительное влияние на последующую литературу и искусство, вызвав к жизни целую серию произведений, воспевающих красоту и самобытность русской деревни, природы и быта [3].

В конце XX века, когда страна переживала тяжелый кризис, возник новый голос, прозвучавший громко и уверенно. Речь идет о Владимире Вольфовиче Жириновском, известном политическом деятеле и писателе, который продолжал линию Данилевского, акцентируя внимание на важности национальной идентичности и сохранения русской цивилизации. Жириновский прекрасно понимал, что вопросы этничности и национальной идентичности не только волновали ученых и писателей, но и находили живой отклик в сердце простого народа. В своих выступлениях и книгах он провозглашал идеи защиты русской культуры, возрождения семейных ценностей и сохранения русского языка. Его пламенные речи становились мощным оружием в борьбе за души сограждан, желающих видеть Россию сильной, независимой и уверенной в себе. Особенно интересно звучит призыв Жириновского к установлению цивилизационной идентичности России. Подобно Данилевскому, он признавал особую миссию России, ее уникальность и неспособность существовать в

тени западных моделей. Обращаясь к аудитории, Жириновский подчеркнул необходимость вернуть утраченные смыслы и традиции, воссоздав настоящую русскую цивилизацию, полную достоинства и гордости [4].

Сегодня, когда мир переживает глубокий кризис идентичности, когда национальные чувства обостряются, а старые ценности подвергаются испытаниям, идеи Данилевского и Жириновского приобретают особую актуальность. Старая советская идеология, построенная на интернационализме и атеизме, уходит в прошлое, оставляя пространство для поиска новых смыслов и ориентиров. Современная Россия нуждается в четком определении своей цивилизационной идентичности, в восстановлении связей с народными традициями и культуре. Ярким примером такой тенденции становится активность общественных движений, популяризирующих старинные ремесла, фольклор и музыку. Люди начинают осознавать ценность родных корней, обращаются к языку и образу жизни предков, испытывая удовлетворение от ощущения сопричастности к большому делу. Подобные перемены не обходятся без трудностей и вызовов. В частности, приходится преодолевать сопротивление и нападки со стороны противников русского возрождения, пытающихся навязать свои представления о России как периферийной зоне Запада. Однако уже очевидны положительные сдвиги, свидетельствующие о возврате к аутентичным формам жизни и творчества. Таким образом, идеи Данилевского и Жириновского находят отклик в современной России, придавая дополнительный импульс процессу восстановления национального самосознания и укрепления цивилизационной идентичности. Их учения подсказывают дорогу, по которой страна сможет пройти достойно и уверенно, освободившись от груза прошлых заблуждений и претензий.

Список литературы

1. *Панченко Ю.М.* Концепция русской нации в современном гуманитарном знании // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 2020. — № 4. — С. 56–73.

2. *Павлова Д.И.* Российское цивилизационное наследие: поиски и перспективы // Полис. Политические исследования. — 2022. — № 3. — С. 137–154.
3. *Киселева Н.Н.* Проблемы изучения русской национальной идентичности // Общественные науки и современность. — 2023. — № 1. — С. 87–102.
4. *Зубарев Д.Ю.* Образ России в цивилизационном сознании: историко-культурологический анализ // Мир психологии. — 2021. — № 2. — С. 121–135.

Семочкина Е.В.,
Москва

ОПЫТ ОБЪЕДИНЕНИЯ ПРАВОСЛАВНЫХ ВЕРУЮЩИХ. ЦЕРКОВНЫЕ ТРАДИЦИИ И ПРИМЕРЫ СОВРЕМЕННОКОВ

Semochkina E.V.,
Moscow
Semochkina.elena@yandex.ru

THE EXPERIENCE OF UNITING ORTHODOX BELIEVERS. CHURCH TRADITIONS AND EXAMPLES OF CONTEMPORARIES

Аннотация. Во время осложненной мировой обстановки особенно необходимо объединять усилия различных слоев населения. В статье обсуждается консолидация православных приходов, общин и братств для оказания социально-значимой помощи.

Благодаря социологическому исследованию современных общин и братств, проведенному в источнике [9], источникам [3; 4] можно обсуждать согласование усилий приходов, духовных союзов и социально ориентированных учреждений для сбора средств на строительство храмов, помощи малообеспеченным семьям, мероприятий во время бедствий, в том числе по линии Красного Креста и волонтерства, духовной и материальной помощи воинам на СВО и раненым...

Для усиления духовной помощи православными верующими строят новые храмы, восстанавливают разрушенные. Источники [1; 2; 8], свидетельствуют о древней традиции построения храмов в благодарность Богу, память о победах и погибших воинах.

Эта традиция активно продолжается в наши дни. Уже действуют Патриарший Собор Воскресения Христова в подмосковной Кубинке, храм Всех святых на Мамаевом кургане и Князь-Владимирский собор в подмосковной Балашихе, храм преподобного Сергея Радонежского в Военной академии связи им. С.М. Буденного, храм благоверного Великого князя Дмитрия Донского возведен на базе столичного ОМОНа, церковь Державной иконы Божией Матери при ГУ МВД, храм Смоленской иконы Божией Матери в районе Фили-Давыдково, собор Святого Феодора Ушакова в Саранске.

Ключевые слова: православные приходы, духовные союзы, социально ориентированные учреждения, консолидация.

Abstract. In the context of the hybrid confrontation between a number of Western countries and Russia, it is necessary to combine the efforts of various segments of the population. The article discusses the consolidating Orthodox parishes, communities, and fraternities.

Thanks to the sociological study of modern communities and fraternities conducted in the source [9], sources [3; 4], it is possible to discuss the coordination of efforts of parishes, spiritual unions and socially oriented institutions to raise funds for the construction of churches, assistance to low-income families, activities during disasters, including through the Red Cross and volunteering, spiritual and material assistance to soldiers in their service and the wounded...

To strengthen the spiritual assistance of Orthodox believers, additional churches are being built and destroyed ones are being restored, especially during social upheavals. Sources [1; 2; 8], They testify to the ancient tradition of building temples in memory of victories and fallen soldiers.

The tradition of spiritual strengthening of society and warriors, gratitude to God's forces through the construction of temples is actively continuing today.

The article may be useful for people interested in Orthodoxy and the traditions of building religious buildings to strengthen Faith and courage.

Key words: Orthodox parishes, spiritual unions, socially oriented institutions, consolidation.

В условиях гибридного противостояния ряда стран Запада и России (противодействия многочисленных санкций против нашей страны и вооруженного конфликта) особенно важно единство общества. Господь Иисус Христос сказал: «Если царство разделится само в себе, не может устоять царство то; и если дом разделится сам в себе, не может устоять дом тот [7]...»

Важный опыт объединения людей православные верующие получают в приходах, братствах и общинах. С 1864 года, когда были приняты «Основные правила для учреждения православных братств», до 1914 года в России появилось множество православных братств: более семисот [3]. В XX веке происходили колоссальные изменения общественно-политического строя, сказавшиеся негативно на существовании православных общин и братств.

Возрождение РПЦ, которое наблюдается последние три десятилетия, вызвало появление обсуждаемых форм объединения

людей снова. Светлана Лукашова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела восточного славянства Института славяноведения считает, что «обычный среднестатистический» христианин испытывает потребность выразить и реализовать себя за пределами нормы [3] и в братстве или общине он реализует свое желание.

Православные братства в наши дни. В источнике [9] тщательно проанализировано состояние современных неприходских православных братств и выявлены 3 типа братств: духовные союзы, социально ориентированные религиозные организации, политизированные фундаменталистские организации. К духовным союзам относится Преображенское братство, которое состоит из нескольких десятков малых православных братств, живущих в Москве, Петербурге, Твери и других городах России. Оно несет многие церковные служения: «собрание в единстве духа и в союзе мира со Христом и во Христе Народа Божьего, просвещение, катехизация, богослужебные переводы и многое другое» [4].

Церковность социально ориентированных учреждений определяется канонической церковностью их учредителей — епархий и приходов РПЦ и фактом того, что вся эта система возглавляется Синодальным отделом РПЦ [9]. В их число входит Московское братство во имя Всемилоственного Спаса, объединяющее Свято-Димитровское сестричество, сестричество прмц. вел. кн. Елизаветы Федоровны, братство свт. Митрофана Воронежского, общество «Ревнителей православной культуры», медикопросветительский центр «Жизнь», две гимназии, товарищество по организации летних лагерей, богадельню, Фонд христианского просвещения и благотворительности [9] и др.

К фундаменталистским организациям относятся «Союз православных граждан, братство «Радонеж», Опричное братство Андрея Щедрина, Всероссийскую Православную патриотическую организацию «Черная Сотня», Царскую Православную Церковь (Братство Царя Искупителя), Изборский клуб, мото-клуб «Ночные волки» и ряд других. Основными СМИ, объединяющими православные политические сообщества, являются газета «Русь православная» и «Русь Державная», газета «Завтра»,

журнал «Православный набат», медиакомпания Русской национальной линии, радио «Радонеж», телепередача «Русский дом». Популярны в этих кругах епископы и священники, которые поддерживают эти сообщества, позволяют придавать этим братствам внешне церковный вид и формируют приходы из сторонников этой идеологии» [9].

В источнике [9] приводится сравнительная таблица организационной структуры неприходского братства и прихода на примере Преображенского братства. Отмечается, что духовный союз создается общим решением добровольно созданного объединения верующих людей, среди которых был священник РПЦ и миряне, и не входит в административноуправленческую систему РПЦ. Каждый член братства участвует в возрождении РПЦ на основе евангельских норм.

Усилия приходов, духовных союзов и социально ориентированных учреждений можно объединять для решения общецерковных задач, например сбора средств для строительства храмов, помощи во время бедствий, волонтерства, духовной и материальной помощи воинам на СВО и раненым, др. Широкий отклик получают мероприятия по линии Красного Креста и помощи малообеспеченным семьям. Как отмечается в статье [9], фундаменталистские организации противостоят деятельности Церкви (внешне напоминая сторонников ее), вследствие своей политической направленности, — и не способны к консолидации.

Традиции строительства храмов. В качестве духовной помощи православными верующими возносятся прошения о нуждающихся в поддержке людях во время церковных служб, совершаются молебны в храмах и домашние молитвы. Для усиления этого вида деятельности строят дополнительные храмы, восстанавливают разрушенные, особенно во время общественных потрясений. Например, в 1712 году по указу царя Петра I на месте впадения реки Ижора в Неву была построена деревянная часовня святого Александра Невского. Сначала она носила название Монастырь Живоначальной Троицы и Святого благоверного великого Александра Невского. Позже, «в 1798–1799 годах на средства жителей Усть-Ижоры и кирпичных заводов» была

выстроена каменная церковь [8]. «Авторами проекта предположительно являются В.И. и П.В. Нееловы. Для храма был отлит колокол весом 4,4 тонны» [8]. Каменный храм освящен в честь благоверного князя Александра Невского.

Интересна история и другого храма, связанная с Великим Самодержцем. «По преданию, Петр I, проезжая по Большой улице, увидел затопленную половодьем церковь, к которой подплывали на лодках. На вопрос: «Во имя кого эта церковь?», он услышал: «Иоанна Воинственника» и воскликнул: «Это наш патрон. Скажите священнику, что я бы желал видеть храм каменный и на возвышении у самой Большой улицы, дам вкладу и пришлю план [1]». Так началось возрождение церкви Ивана Воина, расположенной на улице Б. Якиманка. (Впервые деревянный храм вместе с кладбищем упоминался в Патриарших книгах в 1625 году [1].)

В обзоре [2] приводятся исторические факты о храмах, выстроенных в Москве в честь великих побед.

- О колокольне Ивана Великого — памяти о мирной победе над карательной экспедицией Хана Узбека.
- О храмах Всех святых на Кулишках и Рождества Пресвятой Богородицы в Старом Симонове — благодарности за победу и памяти всех павших на Куликовом поле.
- Сретенском монастыре — благодарственным памятнике чудесного спасения Москвы от нашествия Тимура.
- О снесенной большевиками Крестовоздвиженской обители (память избавления Москвы от нашествия хана Мехмета).
- О домовом митрополичьем храме Положения ризы Пресвятой Богородицы во Влахерне — благодарности за победу над татарским царевичем, по имени Мазовша.
- Об основании придела Похвалы Пресвятой Богородицы в Успенском соборе в честь победы над войсками ногайского хана Седи-Ахмета.
- О строительстве часовни Феодора Студита у Никитских Ворот и освящении престола во имя святого Мины храма Зачатия святой Анны на Москворецкой набережной.
- О благодарственных памятниках покорения Казани — храме Покрова Пресвятой Богородицы на Рву на Красной площади и шатровом Сергиевском храме в Кремле.

— О Казанском соборе на Красной площади — радости победы над поляками в 1612 г и др.

Многочисленные примеры возведения храмов и часовен, освещения престолов в честь помощи Божьих сил в свершении важных событий свидетельствуют о важности этой традиции для людей. За более, чем 2000 лет православной жизни на Руси выстроены церкви различных архитектурных стилей [2; 6].

Приходские общины. У каждого храма, как правило, есть свой приход — верующие люди, которые участвуют в церковных службах и мероприятиях, организуемых настоятелем. Он образуется по решению епископа и входит в административную систему РПЦ [9]. Цель создания прихода: «Реализация гражданами права на совместное исповедание и распространение православной веры» [9].

Большое количество церквей и монастырей говорит о том, что значительная часть общества принадлежала православной конфессии и участвовала в мероприятиях, проводимых церковью.

В последние три десятилетия православие переживает возрождение, которое проходит через серьезные испытания пандемией Covid-19 и проведения СВО.

Современное храмовое строительство. Продолжая традиции, в Российском государстве возводятся воинские храмы. Самый крупный из них — главный храм Вооруженных Сил Российской Федерации в Военно-патриотическом парке культуры и отдыха «Патриот» в подмосковной Кубинке (рис. 1). Патриарший собор в честь Воскресения Христова построен в память о ратных подвигах нашего народа во всех войнах [5].

Перечень продолжают храм Всех святых на Мамаевом кургане и Князь-Владимирский собор в подмосковной Балашихе (главный храм Росгвардии).

Практически каждый род войск имеет своего небесного покровителя и ему стремятся возвести церковь. Главный храм войск связи освящен во имя Преподобного Сергея Радонежского и расположен в Военной академии связи им. С.М. Буденного. Храм благоверного Великого князя Дмитрия Донского возведен

на базе столичного ОМОНа. Церковь Державной иконы Божией Матери построена на территории ГУ МВД по ЦФО. Главный храм для сотрудников МЧС России освящен в честь Смоленской иконы Божией Матери и расположен в районе Фили-Давыдково. Собор Святого Феодора Ушакова, покровителя моряков, выстроен в Саранске. Активно восстанавливается старейший храм Рождества Пресвятой Богородицы на Куликовом поле. Перечислена только часть имеющихся сведений о духовном укреплении общества и воинских сил в наши дни.

Рис. 1. Главный храм Вооруженных Сил Российской Федерации
Источник <https://75.mephi.ru/content/public/images/gallery/1595406166/777.png>

Такое масштабное строительство проводится в значительной степени при поддержке государства, хотя активные граждане оказывают посильную финансовую помощь.

Влияние условий выпадающих испытаний на образование коллектива. Совместные действия объединяют людей. В 1990-е — 2000-е годы были очень популярны, так называемые, «веревочные тренинги». Их цель была научить людей создавать команду, способную решать вопросы сообща. Принцип обучения: ставя тренируемых в сложные условия, самой обстановкой принудить их ладить друг с другом.

Один из журналистов, коллега автора статьи, в свободное время решил пройти такой «веревочный тренинг». После чего, он с большим юмором написал статью об учебном курсе, с которым ему пришлось столкнуться, для редакции, в которой работал. Обучаемых привезли на автобусе в заснеженное поле и высадили там, оставив продукты, дрова и спички. Автобус уехал на несколько часов. Звонившим по мобильным телефонам ученикам, которые ничего сначала не поняли, отвечали, что все происходившее прекрасно и ничего не объясняли.

Незнакомые люди стали пытаться развести огонь. Быстро проявилась женщина с лидерскими качествами — она руководила процессом. Когда люди, наконец-то вскипятили воду, они выпили чай, используя заварку в пакетиках. Бутерброды и печенье из мешочка, оставленного водителем автобуса, показались на морозе слаще пирожных. Настроение улучшилось. Вскоре в поле показался знакомый автобус. Он увез команду перезнакомившихся людей обратно в Москву. Организаторы заранее все продумали: время пребывания на холоде в неведении было не очень большим. Никто в итоге не среагировал отрицательно, люди вспоминали происшедшее со смехом.

Стремление «подлить масло в огонь» в сложной обстановке — плохая услуга. Это не нужно ни во время «веревочного тренинга», ни при прохождении общественных потрясений. Можно только пожелать присутствия духа, сноровки, сил и надежных друзей рядом. Не конфликтность, спокойствие и терпимость — отличные качества, полезные для выживания в сложной обстановке.

Российский менталитет возник при многократных испытаниях. Все традиции указывают на возможность сплоченно преодолевать тяжелое время. Недаром возникла казацкая поговорка: «Гуртом и батьку легче бить».

Выводы. Культурные традиции, в том числе православные, которые были выработаны веками русским народом, живы и развиваются. Возродились приходские общины, духовные союзы и социально-культурные религиозные организации. Дальнейшему росту приходских общин способствует строительство новых храмов.

Следование традициям и объединение усилий людей составляют резерв развития государства. Практические шаги сообществ на базе материально-технических возможностей способствует поступательному продвижению к успеху. Во время военного вторжения ВСУ в курскую область и на Донбасс многие верующие собирали средства для помощи, часть ездила волонтерами в горячие точки. Все это люди продолжают делать.

Статья может пригодиться лицам, интересующимся православием и традициями возведения культовых сооружений для укрепления Веры и мужества.

Список литературы

1. *Галашевич А.А.* Храм святого мученика Иоанна Воина, что на Якиманке в Москве. — М.: Изд-во «Северный паломник», 2011. — 332 с
2. *Лебедева Е.* Храмы воинской славы // Православие.Ru. — 1999–2025 гг. — URL: <https://pravoslavie.ru/35033.html> (дата обращения: 26.04.2025).
3. *Макеева Д.* Братства: традиционное и новое [электронный ресурс] // Сетевое издание psmb.ru (Свидетельство о регистрации в Роскомнадзор Эл № ФС77-80114 от 4 февраля 2021 года) — 2021–2025 гг. — URL: <https://psmb.ru/a/bratstva-traditsionnoie-i-novoie.html/> (дата обращения: 26.04.2025).
4. Община и братство // OGKOCHETKOV.RU. — сайт пресс-службы братства «Сретение» — 2006–2025 гг. — URL: <https://www.ogkochetkov.ru/obshchina-i-bratstvo/> (дата обращения: 27.04.2025).
5. *Павлюткина И.* Святыня на все времена // ФГБУ «Редакционно-издательский центр “Красная Звезда”» Министерства обороны Российской Федерации — 1999–2025 гг. — URL: <https://ric.mil.ru/Novosti/item/256805/> (дата обращения: 26.04.2025).
6. *Стародубцев О.* Церковная архитектура и искусство: от Петра I до Ни-

- колая II. Часть 1. Конец XVII — первая половина XVIII века // Православие.Ru. — 1999–2025 гг. — URL: <https://pravoslavie.ru/102963.html> (дата обращения: 26.04.2025).
7. Толкования на Евангелие от Марка 3:26 // Православный портал «Азбука.ру». — 2005–2025 гг. — URL: <https://azbyka.ru/biblio/in/?Mk.3:26&ru> (дата обращения: 5 апреля 2025 г.).
8. Храм на месте Невской битвы // VK.COM. — 1997–2025 гг. — URL: https://vk.com/wall-154437105_1852 (дата обращения: 29.04.2025).
9. *Шилкина М.В.* Православные братства Русской православной церкви: религиозный и социальный проекты // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. — 2018. — № 2. — С. 217–234. — DOI: 10.14515/monitoring.2018.2.13.

Семочкина Е.В.,
Москва

ДУХОВНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ПРАВОСЛАВНЫХ ВЕРУЮЩИХ В ГОД 80-ЛЕТИЯ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Semochkina E.V.,
Moscow
Semochkina.elena@yandex.ru

SPIRITUAL PREFERENCES OF ORTHODOX BELIEVERS IN THE GREAT VICTORY JUBILEE YEAR

Аннотация. Анализируются духовные предпочтения православных верующих в год 80-летия со Дня Победы в Великой Отечественной Войне на примере просмотров страниц сайтов «Святые иконописцы» (URL: <http://devotion.1gb.ru>), «Жизнь во Христе» (URL: <http://feat.1gb.ru>) и «Святые синайского полуострова» (URL: <http://sinaitic.sobor.1gb.ru>). (Обсуждаемым сайтам по 10 лет)

Обнаруживается корреляция с периодом подготовки к упомянутому великому празднику, а также с периодами постов у православных христиан.

Представлены кривые просмотров страниц обсуждаемых сайтов, построенные с помощью счетчика <https://www.liveinternet.ru>.

На основе зафиксированных информационных предпочтений можно сказать, что посетители сайтов активно просматривали страницы связанные с понятием Рай, иконой Божией Матери «Одигитрия», «Старец Захария — архимандрит Свято-Троице-Сергиевой Лавры», «Принесение святых мощей и икон», «*Молитвы на новолетие*». Просмотры остальных многочисленных страниц были менее значительны¹⁰.

Добавление материалов на интересующие темы может повысить число просматриваемых страниц и привлечь новых посетителей, знакомых с постоянными читателями. Например, размещение нового потенциально интересного материала «Понятия рай и ад» 15 сентября 2025 года оказалось результативным. На кривой, построенной с помощью счетчика <https://www.liveinternet.ru>, зафиксирован пик просмотров (рис. 12).

Появление пика просмотров страницы «Молитвы на новолетие» (135 единиц 14 сентября 2025 года) показывает, что русская традиция этого праздника возрождается.

Исследование может быть полезно администраторам сайтов, социологам (в качестве социального наблюдения), студентам соответствующих направлений образования.

Ключевые слова: традиции, духовный поиск, идентичность.

Abstract. The spiritual preferences of Orthodox believers are analyzed in the Great Victory jubilee year using page views of the websites: «Holy Icon Painters» (URL: <http://devotion.1gb.ru>), «Life in Christ» (URL: <http://feat.1gb.ru>) and «Saints of the Sinai Peninsula» (URL: <http://sinaitic.sobor.1gb.ru>).

A correlation is found with the period of preparation for the aforementioned great feast, as well as with the periods of fasting among Orthodox Christians.

The curves of page views of the sites under discussion, built using a counter, are presented. <https://www.liveinternet.ru>.

It can be said that sites visitors actively viewed pages related to the concept of Paradise, the icon of the «Mother of God «Odigitria», «Elder Zachariah», «Archimandrite of the Holy Trinity-Sergius Lavra», «Offering of Holy Relics and icons», «New Year Prayers». The other numerous pages were viewed differently on different days without significant peaks on the charts.

The publication of a new potentially interesting material «The concepts of heaven and hell» on September 15, 2025 proved to be effective: the peak of views was recorded (Fig. 12).

Observing the peak of views of the «New Year Prayers» page of 135 units on September 14 shows that the Russian tradition of this holiday is being revived.

Key words: traditions, spiritual search, identity.

Духовный поиск русского человека — тема многих знаменитых трудов (И. Киреевский «Духовные основы русской жизни», Н. Бердяев «Русская идея», И. Ильина «Путь духовного обновления» и др.).

В поле зрения данной небольшой работы попали духовные предпочтения православных современников как ответная реакция на православный образ жизни и крупные общественные события.

Духовное развитие верующих в соответствии с наставлениями Церкви, юбилей Победы в Великой отечественной Войне,

а также изменение международной обстановки во время «гибридной войны» против российской цивилизации (увеличивается число предстоящих пред Господом, не достигая старости) приводят к изменению предпочтений посетителей православных сайтов: они чаще просматривают богословские темы, чем раньше, в дополнение к молитвам, иконам и житийным материалам.

Исследование. Выбор тем при поиске православной литературы анализируется на сайтах «Святые иконописцы» (URL:<http://devotion.lgb.ru>), «Жизнь во Христе» (URL:<http://feat.lgb.ru>), «Святые синайского полуострова» (URL:<http://sinaitic.sobor.lgb.ru>). Им — по 10 лет. Регистрировать посетителей и просмотры страниц сайта [6] позволяет счетчик <https://www.liveinternet.ru>. Данные представляются в виде графиков на диаграммах. В самой CMS «Joomla», на которой сделаны указанные сайты, тоже есть встроенный счетчик просмотров. Он показывает общий суммарный результат.

Факторы, которые могут влиять на поведение посетителей: посты, темы сайтов, юбилей Дня Победы в Великой Отечественной Войне. Подготовительные недели Великого поста в 2025 году: 9 февраля — неделя о мытаре и фарисее, 16 февраля — неделя о блудном сыне, 2 марта — прощенное воскресенье. Великий пост в 2025 г: с 3 марта по 19 апреля. Петров пост: с 16 июня по 11 июля. Успенский пост: 14 августа – 27 августа.

В 2025 году отмечается 80-летие со Дня Победы в Великой Отечественной Войне. С февраля по май — дни самой активной подготовки. Все помнят о павших воинах. С месяца, в котором отмечают День Армии и Флота, по 9 мая настроение особенно строгое.

Люди еще больше задумываются о вечных ценностях в Великий пост и в связи с юбилеем Дня Победы в Великой Отечественной войне.

Согласно рис. 1 с февраля 2023 г по август 2025 г. более всего просматривалась главная страница. На втором месте раздел «Обретение икон». *Перечень молитв святым иконописцам* ощути-мо просматривался с июня 2024 г. Страница «Молитвы святому апостолу Анании» просматривалась во весь период то мало, то заметно.

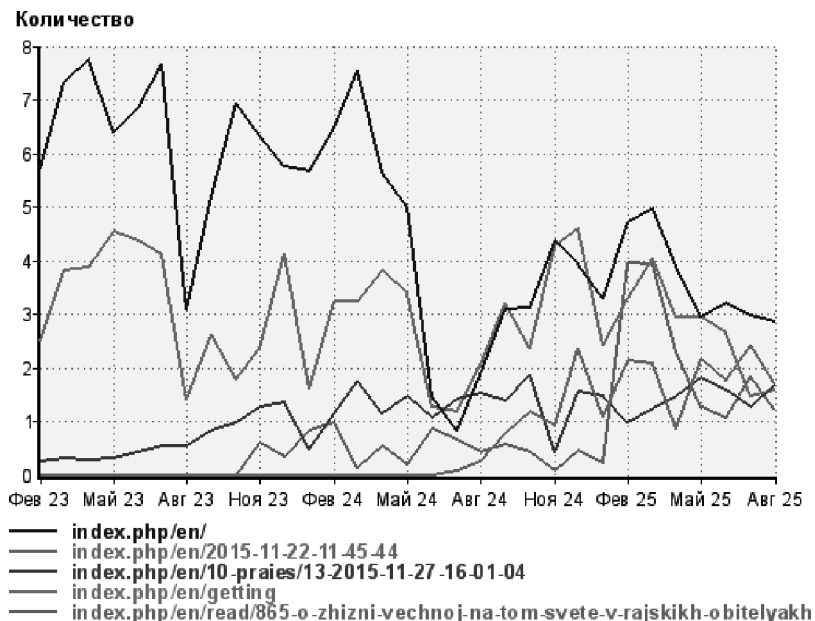

Рис. 1. Усредненные за месяц просмотры страниц сайта «Святые иконописцы» с февраля 2023 г по август 2025 г.

Страница **«О жизни вечной на том свете в райских обителях»** [11] привлекала внимание то мало, то значительно. Большой интерес наблюдался с февраля по апрель 2025 г. В два раза меньше — в июле 2025 г. Материал составлен из дюжины описаний (на основе откровений) святыми отцами блаженства праведников. Это самая наглядная и доступная форма для восприятия понятия Рая.

На обсуждаемых сайтах опубликован десяток тем, связанных с понятием рай. Получить представление об их популярности можно на основе данных табл. 1.

Данные об активности читателей показывают (табл.1): наибольший интерес у аудитории сайта **«Святые иконописцы»**, поменьше — у посетителей сайта **«Жизнь во Христе»**, потихоньку просматриваются страницы сайта **«Святые синайского полу-**

острова», посвященные обсуждаемой теме. В итоге можно сказать, что, информация о райской жизни привлекает православных людей.

Таблица 1

Просмотры страниц, связанных по теме с понятием рай, на сайтах «Святые иконописцы» (URL:<http://devotion.1gb.ru>), «Жизнь во Христе» (URL:<http://feat.1gb.ru>), «Святые синайского полуострова» (URL:<http://sinaitic.sobor.1gb.ru>) по данным на 16.09.2025 г

№	Тема страницы	Сайт	Дата опубликования	Просмотры	Пики просмотров на кривых
1	О жизни вечной на том свете в райских обителях [11]	Святые иконописцы	12.01.2022	1967	Фиксируются периодически
2	Райский сад [2]	Жизнь во Христе	4.05. 2021	1241	Не зарегистрированы
3	Врата рая [7]	Жизнь во Христе	4.05. 2021	783	Не зарегистрированы
4	В доме Отца Моего обителей много [17]	Святые синайского полуострова	5.05. 2021	55	Не зарегистрированы
5	Куда все-таки попал Лазарь [15]	Жизнь во Христе	15.02.2021	355	Не зарегистрированы
6	Лоно Авраамово [8]	Святые синайского полуострова	10.02.2021	54	Не зарегистрированы

№	Тема страницы	Сайт	Дата опубликования	Промотры	Пики просмотров на кривых
7	Тайна перво- зданного рая [5]	Жизнь во Христе	11.01.2022	397	Не зарегистрированы
8	Рай ныне и в будущем [4]	Святые иконопис- цы	11.01.2022	883	Не зарегистрированы
9	Восходили ли Енох и Илия на небо [9]	Святые иконопис- цы	5.05. 2022	832	Не зарегистрированы
10	Понятия рай и ад [10]	Жизнь во Христе	15.09. 2025	17	Зарегистри- рован

Страница «**Понятия рай и ад**» [10] объясняет, какие есть значения у данных слов. На той же странице размещена статья «**Разбираем одно частое заблуждение**» [15], в которой показываются с помощью нескольких тезисов различия понятий рай и Царствие Небесное. Данные материалы вывешены на сайте «Жизнь во Христе» недавно — 15 сентября 2025 г. для того, чтобы помочь посетителям увидеть здесь *потенциально интересную информацию*.

В других, приведенных в таблице 1 статьях, раскрываются на примерах житий конкретных святых особенности понятия Лоно Авраамово [4; 5; 8; 9; 15; 17] указывается на служение святых в раю делу спасения жителей земли, на особенности покоя и созерцания при нахождении ТАМ и др. важные моменты. Статья «**Врата рая**» [7] объясняет, что для верующего человека храм становится реальными вратами рая, поскольку это место встречи Богом.

Тема соприкосновения человека с Горним Миром развита в другом популярном материале. 3 января 2022 г на сайте «Жизнь во Христе» размещена статья «**Почему Литургию иногда называют ангельским служением?**». Она набрала 721 про-

смотр согласно данным от 17 сентября 2025 года. Литургия совершается в храме по несколько дней в неделю. Известно, что «ангелы всегда присутствуют за Евхаристией и помогают священнослужителям ее совершать [1]». В статье рассказывается о видениях 9 святых отцов во время их службы [1]. Текст сопровождается фотографией, которая запечатлела сошествие Святого Духа на потир [1]. Святая чаша видна в огненном свечении.

На страничке с названием «**Райский сад**» [2] размещается реклама книги сказок замечательного христианского писателя Ганса Христиана Андерсена, выпущенной издательством Средненского монастыря в 2018 г. Книга в легкодоступной форме доносит до детей смысл Благой Вести Евангелия.

На сайте «**Святые иконописцы**» 8.05.22 размещена страница «**Икона Преподобного Евфросина Палестинского**». По данным на 18 сентября 2025 года эта удивительная история набрала 998 просмотров. Верующие еще знают упоминаемого святого как Евфросина-повара. Как написано в источнике [12]: «Один из монастырских пресвитеров в молитве просил Бога показать ему блага, уготованные праведникам в будущем веке. Священник увидел во сне, что находится в раю и созерцает со страхом и радостью его неизреченную красоту. Там же он увидел и инок своей обители повара Евфросина. Удивившись этой встрече, пресвитер спросил Евфросина, как он здесь оказался. Святой ответил ему, что находится в раю по великой милости Божией. Тот вновь спросил, имеет ли Евфросин власть дать ему что-нибудь из окружающих их красот. Преподобный Евфросин предложил священнику выбрать, что ему хочется, и тот показал на прекрасные яблоки, росшие в райском саду. Преподобный сорвал три яблока, завернул их в платок и подал собеседнику. Проснувшись до начала утрени, священник принял видение за обыкновенный сон, но вдруг заметил около себя платок с завернутыми в нем райскими плодами, издававшими дивное благоухание. Священник, найдя в церкви преподобного Евфросина, спросил его под клятвой, где он был ночью. Святой ответил, что находился там, где был и священник.» Плоды были разрезаны на дольки и их давали больным в течение некоторого времени (т.е. было много свидетелей происшедшего).

Согласно данным табл. 1 и рис. 1 страница «О жизни вечной на том свете в райских обителях» вывешена на сайте «Святые иконописцы» 12.01.2022 и была изредка посещаемой до января 2025 года, т.е. 3 года. В юбилейный год Победы в Великой Отечественной Войне, начиная с февраля — по апрель она была активно посещаемой. Память о павших героях сыграла свою роль. Смерть за други своя признается в Православии подвигом...

Полезно в будущем размещать дополнительные статьи, освещающие тему райской жизни в аспектах, которых на данных сайтах не было, поскольку посетители проявляют к этому интерес.

Продолжим анализ «духовно привлекательных тем». Счетчик <https://www.liveinternet.ru> регистрирует, что периодически активно просматривают и страницу «Икона Божией Матери „Одигитрия“» (рис. 2).

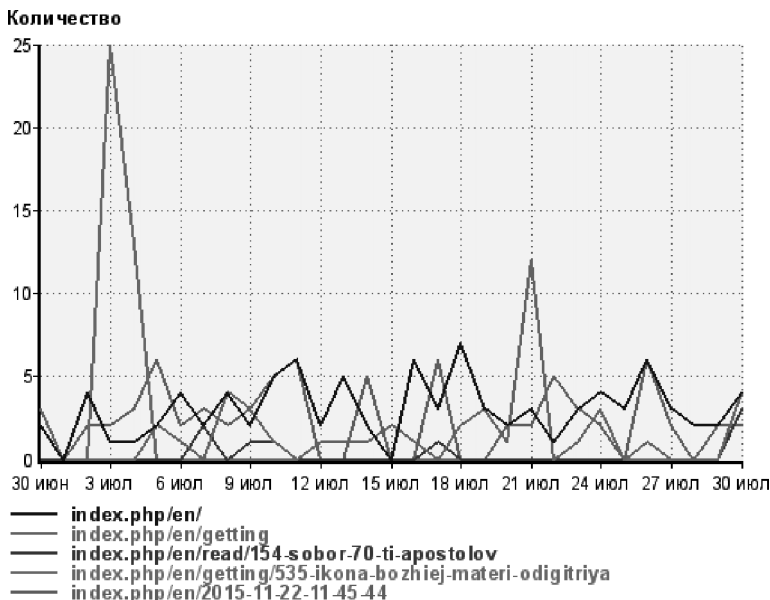

Рис. 2. Просмотры страниц сайта «Святые иконописцы» с 30 июня по 30 июля 2025 г.

Согласно рис. 2 счетчик в интервале с 30 июня по 30 июля 2025 г. выделил активное просматривание страницы «Икона Божией Матери “Одигитрия”» сайта «Святые иконописцы» — 25 раз в день (3 июля (православные верующие проходили Петров пост)).

В древности каждую икону Пресвятой Богородицы называли «Одигитрией» — путеводительницей верующих в деле спасения. Люди не одинаковы по силам, талантам и живут в разных мирских условиях. По молитвам Царицы Небесной они легче понимают и реализуют заложенные в них Богом способности к жизни по заповедям. Второе значение слова путеводительница связано с благословением путешествия в дороге. Таким образом обращение к данной теме характерно для людей, стремящихся к духовной жизни, включая паломничество.

Активный интерес к материалу «О жизни вечной на том свете в райских обителях» обнаруживается и вне поста (см. рис. 3 и 4).

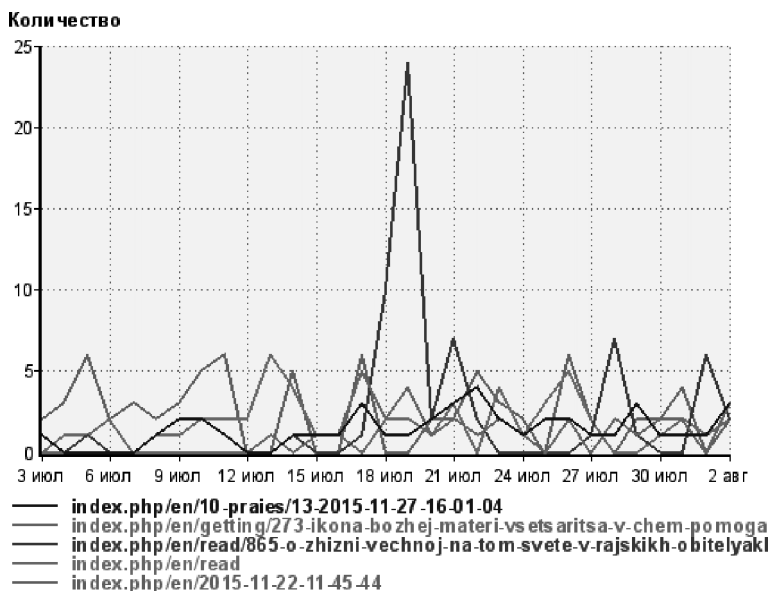

Рис. 3. Просмотры страниц сайта «Святые иконописцы» с 3 июля по 2 августа 2025 г.

На рисунке 3 максимальное значение просмотров приходится на страницу **«О жизни вечной на том свете в райских обителях»**: 24 просмотра 19 июля 2025 г. В этот день прославлялся Собор Радонежских святых и большой сонм святых, имевших отношение к монашеству, а также икона **Божией Матери «Казанская-Уфимская»**.

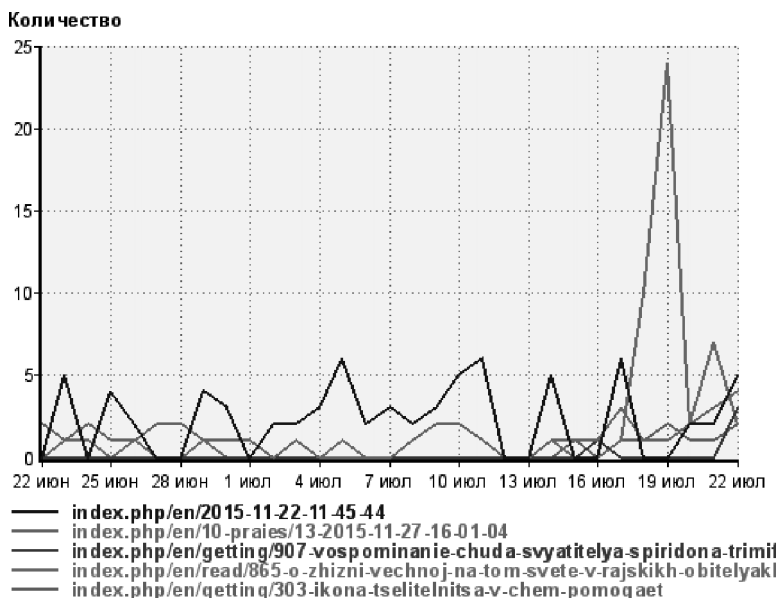

Рис. 4. Просмотры страниц сайта «Святые иконописцы» с 22 июня по 22 июля 2025 г.

На рисунке 4 пик, отвечающий за просмотры страницы **«О жизни вечной на том свете в райских обителях»** от 19 июля 2025 г., виден тоже. В интервале с 22 июня по 22 июля счетчик по умолчанию выделил другие страницы (это осуществляется автоматически в соответствии с данными, приходящимися на конкретную дату). Здесь же присутствуют кривые отвечающие за просмотры страниц **«Молитвы святому апостолу Анании»** (<http://www.devotion.lgb.ru/index.php/en/13-2015-11-27-16-01-04>) и **«Перечень святых с молитвами»** (<http://www.>

devotion.1gb.ru/index.php/en/2015-11-22-11-45-44).

Зафиксированы небольшие значения до 3 и 6 просмотров в день соответственно). Это типичная «популярность», что подтверждает рис. 5. На рис. 6 приведена другая картина.

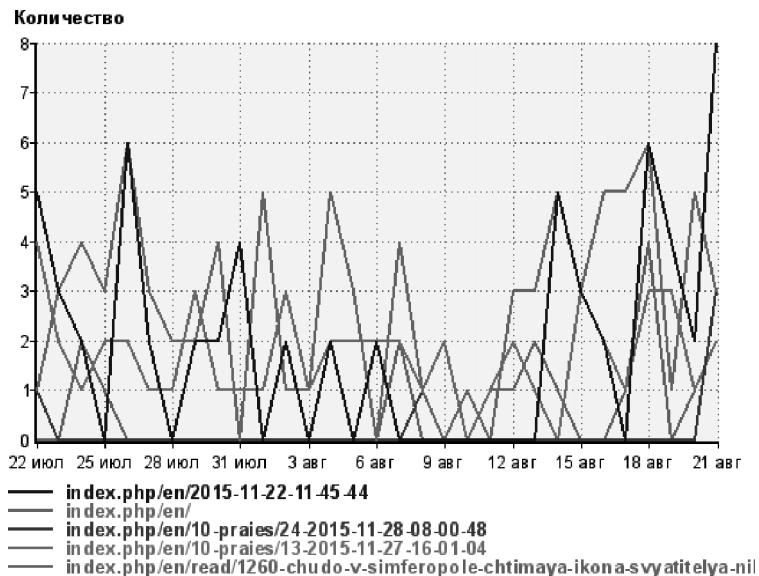

Рис. 5. Просмотры страниц сайта «Святые иконописцы» с 22 июля по 21 августа 2025 г.

Согласно рис. 5 в интервале с 22 июля по 21 августа 2025 г. «Перечень молитв святым иконописцам» был просматриваем от двух раз в день до 8. Просмотры главной страницы составляют от одного просмотра в день до 6. Это обстоятельство подчеркивает, что большинство посетителей заходило сразу на тематические страницы данного ресурса. Страница «Молитвы святому Григорию Киево-Печерскому» (<http://www.devotion.1gb.ru/index.php/en/24-2015-11-28-08-00-4>) просматривалась от 1 до 3 раз в день. Страница «Молитвы святому святому апостолу Анании» просматривалась от 1 до 4 раз в день. Страница «Чудо в Симферополе: чтимая икона Святителя Николая Чудотворца и отпечаток на стекле ее киота» просматривалась от 1 до 4 раз в день.

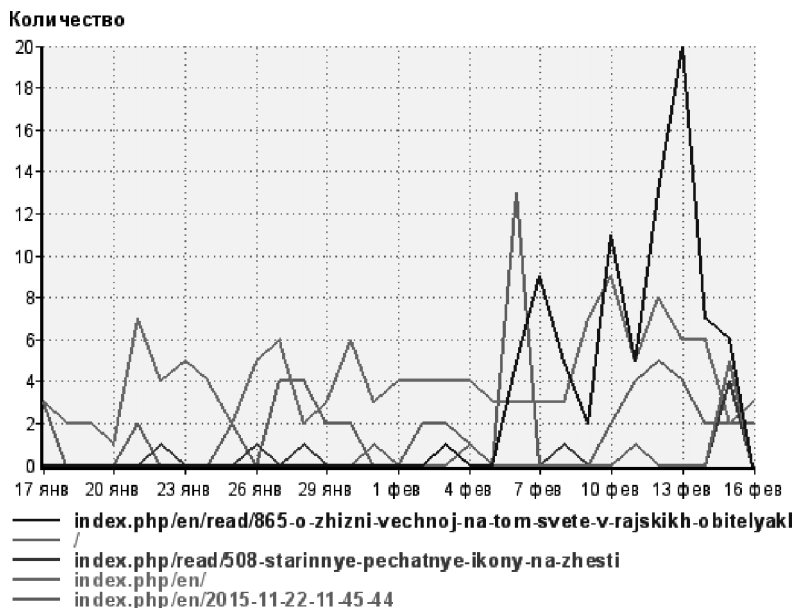

Рис. 6. Динамика просмотров страниц сайта «Святые иконописцы» с 17 января по 16 февраля 2025 г. [13]

Как видно из приведенных на рис. 6 графиков, «Перечень святых с молитвами» может просматриваться и *13 раз в день* (6 февраля 2025 г), но это все равно меньше максимального числа у страницы «О жизни вечной на том свете в райских обителях» (20 просмотров в день, 13 февраля 2013 г.) [13]. Возрастание интереса к обеим страницам наблюдается накануне и во время подготовительных недель Великого поста.

На рисунках 2 и 7 наибольшее число просмотров страниц обсуждаемого ресурса приходится на страницу «Икона Божией Матери “Одигитрия”». Значение просмотров на рис. 7 меньше чем на рис. 2 (12 в день и это наблюдается 26 августа 2025). Страницу «Икона Древо Жизни — значение, история, о чем молятся пред ней» максимально просматривали 6 раз в день, тоже 26 августа 2025 г. Число просмотров в день страницы «Православные находки археологов» не превышало 5 (значение от 14 августа). (Христиане считают **Древом Жизни**

Господа Иисуса Христа. Смысл соответствующей иконы очень духовно глубок.)

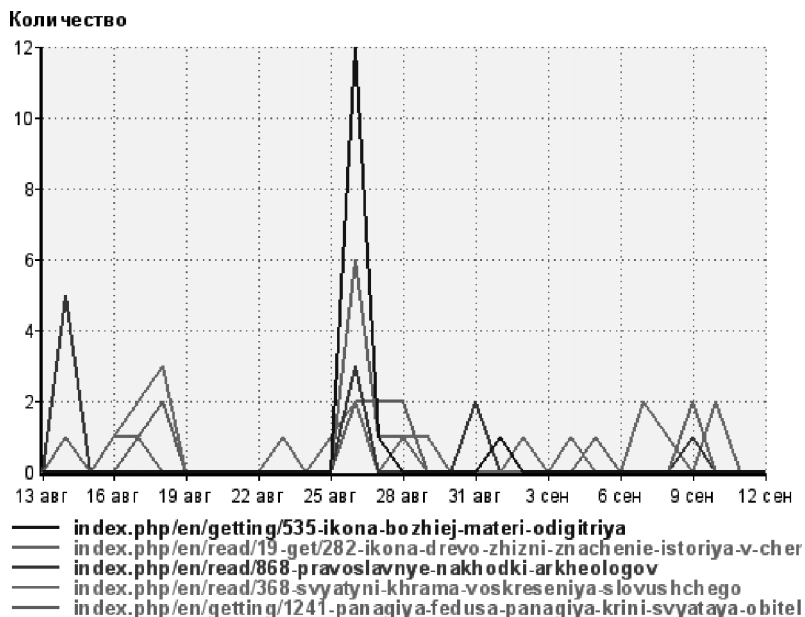

Рис. 7. Просмотры страниц сайта «Святые иконописцы» с 13 августа по 12 сентября 2025 г.

Пики, приходящиеся на 14 и 26 августа совпадают по времени с Успенским постом. (14–27 августа — время Успенского поста. Его называют уменьшенным Великим постом, потому что он тоже строгий в питании, но короткий.)

Рассмотрим духовные предпочтения посетителей другого православного сайта «Жизнь во Христе» (см. рис. 8).

На рис. 8 просмотры главной страницы сайта «Жизнь во Христе» в период с марта 2023 г по сентябрь 2025 г. преобладали над остальными. В 2023 году на втором месте были просмотры страницы «Патриотические акции», а к 2025 году — «Молитвы двенадцати целителям». С февраля по апрель 2025 года наблюдался значительный интерес к странице «Принесение святых мощей и икон». Указанный интервал охватывает подготовительный пе-

риод к Великому посту и сам пост. Обсуждаемую страницу просматривают паломники. Некоторое увеличение просмотров данной темы наблюдалось и в Успенский пост (рис. 8).

Количество

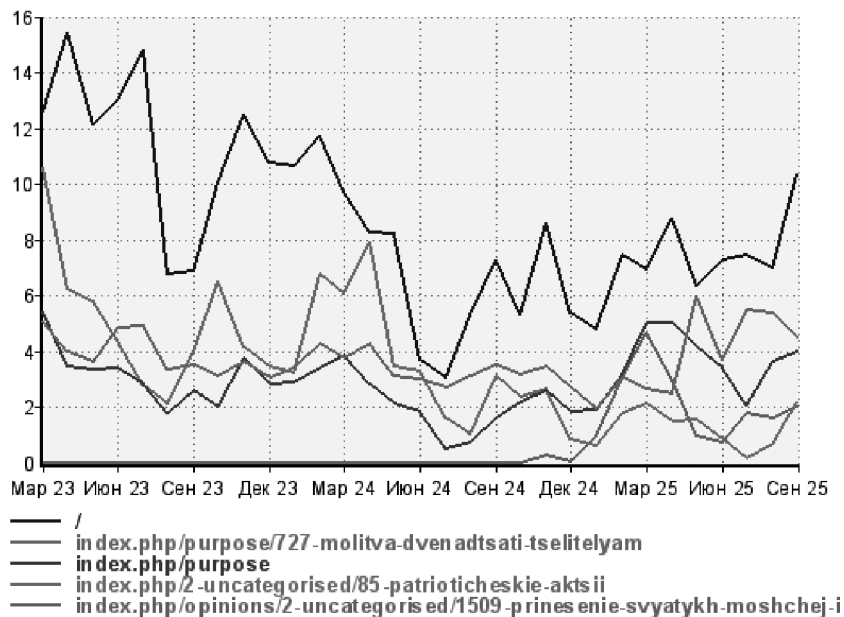

Рис. 8. Усредненные за месяц просмотры страниц сайта «Жизнь во Христе» с марта 2023 г. по сентябрь 2025 г.

Страница «**Принесение святых мощей и икон**» вывешена 21 ноября 2024 года, но стала заметно посещаемой приблизительно через 2,5 месяца. За этот период было совершено 6 принесений святынь, информация о которых была своевременно размещена. Вероятно, что анонс о теме «**Принесение святых мощей и икон**» был выгружаем роботом-поисковиком внизу списка ответов на соответствующий запрос, а 2,5 месяца потребовалось для его подъема на заметную позицию. Тогда посетители стали переходить на страницу из сети Интернет. В мае главной темой была Великая Победа над фашизмом. Число переходов на обсуж-

даемую страницу уменьшилось. Оно чуть подросло в августе. Подробности — на рис. 9.

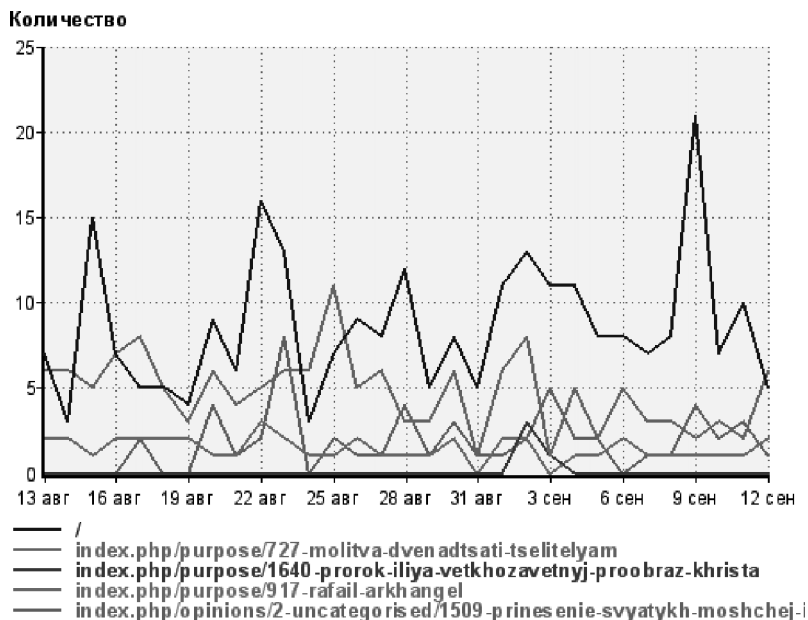

Рис. 9. Просмотры страниц сайта «Жизнь во Христе» с 13 августа по 12 сентября 2025 г.

На рисунке 9 увеличение просмотров страниц сайта «Жизнь во Христе» с 13 августа по 12 сентября 2025 г. наблюдалось многократно для главной страницы (максимально 21 просмотр в день (9 сентября)), страницы «Молитвы двенадцати целителям» (максимально 11 просмотров в день (25 августа)), страницы «Принесение святых мощей и икон» (максимально 8 просмотров в день (23 августа)). На страницы «Пророк Илия — ветхозаветный прообраз Христа» и «Рафаил Архангел» приходятся единичные просмотры.

Еще одна тема, которая значительно привлекала посетителей обсуждаемого сайта в Успенский пост — «Старец Захария — архимандрит Свято-Троице-Сергиевой Лавры» (рис. 10).

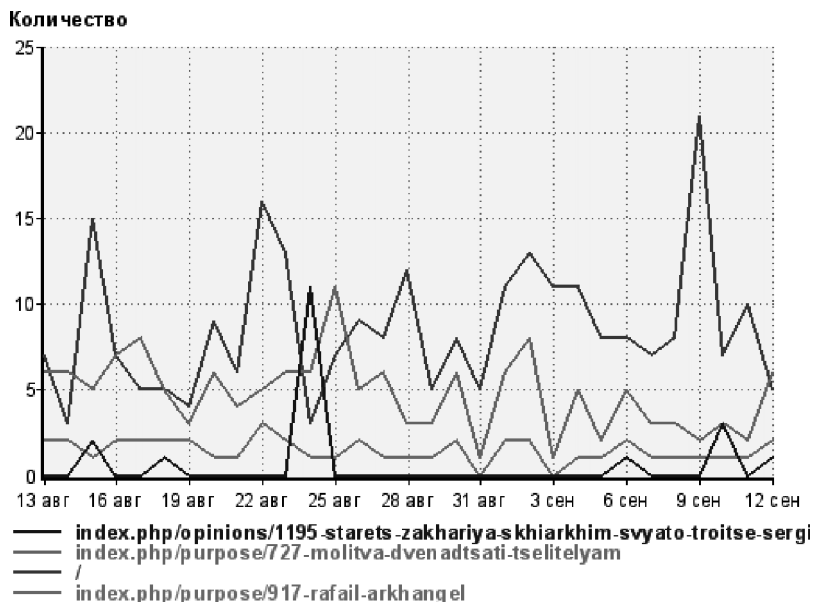

Рис. 10. Просмотры страниц сайта «Жизнь во Христе» с 13 августа по 12 сентября 202 г.

К жизнеописаниям и опыту старцев обращаются, как правило, для того, чтобы почерпнуть духовной мудрости. На ресурсе можно узнать почти о 40 старцах и старицах. Все страницы посещаемы о чем говорят просмотры, зарегистрированные внутренним счетчиком CMS, на которой сделан сайт. В указанный временной период посетителей интересовал именно старец Захария — архимандрит Свято-Троице-Сергиевой Лавры.

На рисунке 10 с помощью счетчика <https://www.liveinternet.ru> в период с 13 августа по 12 сентября 2025 г. построена диаграмма, сравнивающая кривые просмотров других страниц сайта «Жизнь во Христе». На ней имеют несколько максимумов каждая кривая и выше всех расположена линия, отвечающая за данные главной страницы. Ниже — линия, которая характеризует просмотры страницы «Молитвы двенадцати целителей». Главный ее максимум составляет 11 просмотров и приходится на 25 августа. Такой же максимум 11 просмотров от 24 августа

расположен на кривой данных страницы **«Старец Захария — архимандрит Свято-Троице-Сергиевой Лавры»**. У линии, отвечающей за просмотры страницы **«Рафаил Архангел»** значений выше 3 нет.

На рис. 8–10 присутствует кривая, отвечающая за данные просмотров страницы **«Молитвы двенадцати целителям»**. Этот материал читается часто значительной частью посетителей. Четко видно, что верующие люди считают Господа подателем благ, включая здоровье. На врача принято смотреть как на посредника, исполняющего волю Божию.

Анализируя рис. 3, 4 и 10, можно предположить, что аудитория сайта **«Жизнь во Христе»** активно просматривала статью о духовнике Троице-Сергиевой Лавры благодаря ее большой популярности у паломников, а аудитория сайта **«Святые иконописцы»**, по той же причине, интересовалась материалом **«О жизни вечной на том свете в райских обителях»** в день прославления Радонежских святых. Самый известный из них, преподобный Сергей, основал упоминаемый выше монастырь.

Конкретные предпочтения (кто из старцев, какая обитель, какие святыни более почитаемы) зависят от аудитории. При увеличении числа посетителей ресурсов может быть большее разнообразие в выбираемых темах.

Христианин и в печали, и в радости помнит о Всевышнем. Обратим внимание на то, как посетители сайта **«Жизнь во Христе»** общались с Господом на церковное новолетие — они читали молитвы, в том числе размещенные на обсуждаемом ресурсе (рис. 11).

На рисунке 11 видно, что интерес к молитвам на церковное новолетие велик. Наблюдается кратковременный и значительный пик (135 просмотров в день 14 сентября 2025 г.). Это просто другое проявление активности. Периодический интерес на протяжении длительного времени суммарно может давать большое количество просмотров. Например на сайте **«Жизнь во Христе»** общее число просмотров страницы **«Принесение святых мощей и икон»** за период с 21 ноября 2024 по 15 сентября 2025 г — 780.

В источнике [14] приводятся примеры, когда пики, подобные показанному на рис. 11 уже наблюдались на сайте **«Жизнь**

во Христе». Люди активно просматривали страницу «**Мощи чудотворца Спиридона Тримифунтского доставят в Россию из Греции**» 11 октября 2018 г (87 просмотров). Наблюдалось резкое увеличение числа переходов из поисковых систем (до 80 в день) на страницу «Купание в святом источнике, правила» во время Двенадцатого православного праздника «Крещение» в 2020 г.

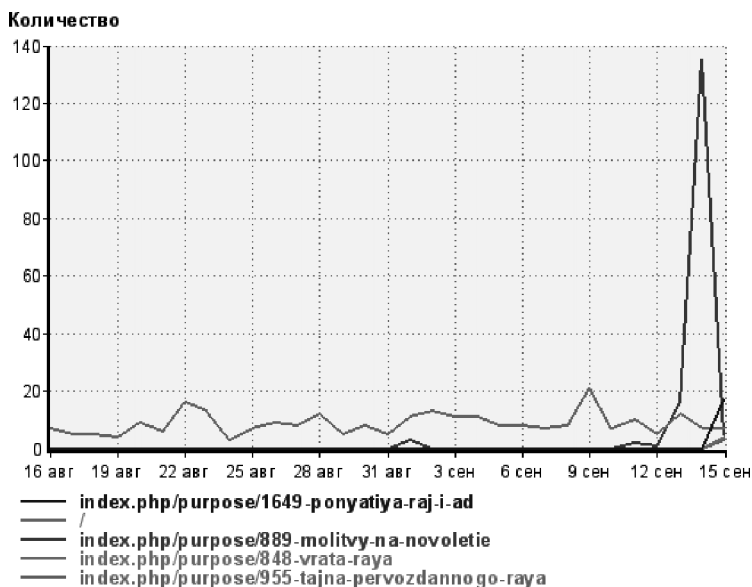

Рис. 11. Просмотры страниц сайта «Жизнь во Христе» с 16 августа по 15 сентября 2025 г

Размещение нового потенциально интересного материала «**Понятия рай и ад**» 15 сентября 2025 года оказалось результативным. На кривой, построенной с помощью счетчика <https://www.liveinternet.ru>, зафиксирован пик просмотров. См. рисунок 12.

На рис. 12 счетчик выделяет другие страницы-лидеры, поскольку 16 сентября больше просматривали иные материалы по сравнению с 15 сентября. Просмотры материала под названием «**Понятия рай и ад**» 15 сентября составили 17 единиц, 16 сентября — 21, 17 сентября — 8, а 18 сентября — уже 3. Для сайта, у которого среднестатистическая посещаемость около 20 инди-

видуальных ip-адресов в день, такое повышение показаний значительно.

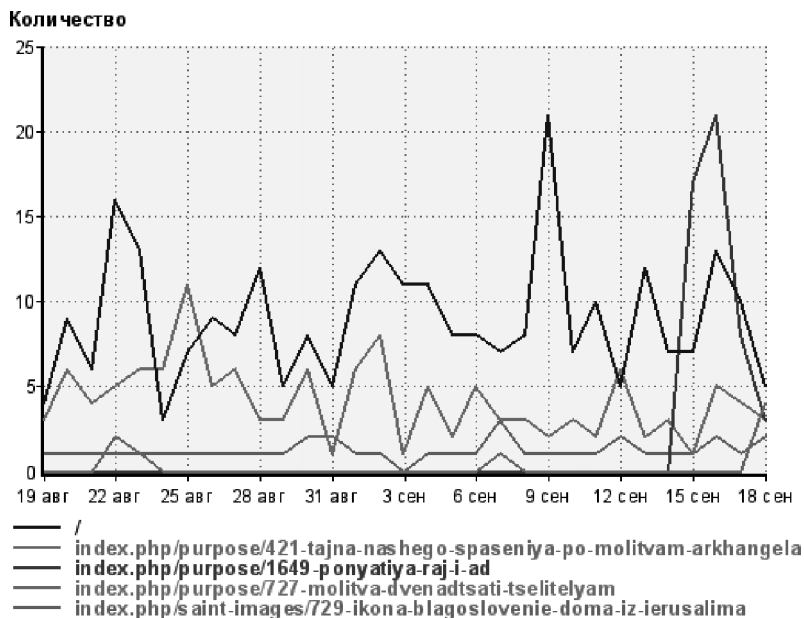

Рис. 12. Просмотры страниц сайта «Жизнь во Христе» с 19 августа по 18 сентября 2025 г.

Выводы. Часть посетителей сайта «Святые иконописцы» занимаются иконописью (на ресурсе есть темы по иконографии и технике выполнения, интересующие молодых иконописцев, и они хорошо читаются). У данной аудитории зарегистрировано больше просмотров тем, связанных с райской жизнью. Служение Богу написанием икон требует глубокого осмысления основ православия и горячих молитв.

Прихожане — посетители сайта «Жизнь во Христе» — тоже интересуются такими темами, но в меньшей степени, вдобавок этот сайт в полтора раза менее посещаем, чем первый. Однако добавление потенциально интересного материала на обсуждаемую тему вызвало ожидаемый интерес — был зафиксирован пик просмотров новой страницы (рис. 12).

Сайт «**Святые синайского полуострова**» узко специализирован. Его аудитория очень маленькая. Не удивительно, что тут наименьшие результаты. Однако, факт просмотров страниц о райской жизни там, где мало кто бывает, указывает на то, что тема действительно интересна.

Другие страницы, которые интересовали посетителей обсуждаемых сайтов: «**Икона Божией Матери «Одигитрия»**», «**Старец Захария — архимандрит Свято-Троице-Сергиевой Лавры**», «**Принесение святых мощей и икон**», «**Молитвы на новолетие**». Во время постов первые три темы просматриваются часто. Просмотр страницы «**Принесение святых мощей и икон**» актуализируется во время очередного принесения святыни. «**Молитвы на новолетие**» чисто логически — тема одного дня.

Во время прохождения СВО и в юбилейный год Великой Победы особенное внимание — к проявлению воинского подвига. Он помимо выполнения поставленной задачи сопряжен со смертельным риском. Мирные жители, оказывающиеся в зоне обстрелов, тоже имеют возможность предстать пред Господом раньше своих надежд. Возрастающий интерес к темам, связанным с понятиями Рай и Ад, закономерен.

Увеличение чтения духовных тем во время поста наблюдается часто. Конкретные темы меняются. Это зависит от конкретной аудитории сайта. При увеличении числа посетителей количество предпочтительных тем может увеличиться.

Усиление молитв на Церковное новолетие показывает, что русская традиция этого праздника возрождается.

Согласно рис. 1–12 верующие продолжают вникать в православное учение, молиться, перенимать опыт старцев и совершать паломничества.

В непростые времена еще более актуальны слова монаха Симеона Афонского: «Даже одна добрая мысль отодвигает угрозу от самого человека и от всего мира. Даже одна добрая мысль привлекает милость Божию к самому человеку и ко всему миру. Даже одна добрая мысль несокрушима никакими удручающими обстоятельствами, которые воздвигает зло пред человеком, ибо она связана с неуничтожимой вечной жизнью, которая есть Бог» [3]. Православные ресурсы продолжают аккумулировать

для верующих добрые мысли в дополнение к печатным изданиям.

Исследование может быть полезно администраторам сайтов и в качестве социального наблюдения социологам, заинтересованным в ответах православных респондентов, а также студентам направлений образования 39.00.00 «Социология», 42.03.02 «Журналистика», 48.03.01 «Теология».

Список литературы

1. 9 святых отцов рассказывают о своих видениях во время ЛИТУРГИИ // «Елицы.Ru» — 2013–2025 гг. — URL: <https://elitsy.ru/communities/110271/983255/> (дата обращения: 17.09.2025).
2. *Андерсен Г.Х.* Райский сад // Православие.ru. — 1999–2025 гг. — URL: <https://pravoslavie.ru/115886.html> (дата обращения: 16.09.2025 г.)
3. *Афонский С.* Девять слов // Святая Гора Афон, 2010.
4. *Духанин В.* Рай ныне и в будущем. Чем наполнена Райская жизнь? Часть 2 // Православие.ru. — 1999–2025 гг. — URL: <https://pravoslavie.ru/135975.html> (дата обращения: 16.09.2025 г.).
5. *Духанин В.* Тайна первозданного рая. Чем наполнена Райская жизнь? Часть 1 // Православие.ru. — 1999–2025 гг. — URL: <https://pravoslavie.ru/135962.html> (дата обращения: 16.09.2025).
6. *Катаев А.В., Катаева Т.М.* «Интернет-маркетинг»: учебное пособие. — Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2017. — 170 с.
7. *Клиценко Ю.* Врата Рая // Православие.ru» — 1999–2025 гг. — URL: <https://pravoslavie.ru/1456.html> (дата обращения: 16.09.2025 г.).
8. Лоно авраамово // Православный портал «Азбука.ру». — 2005–2025 гг. — URL: <https://azbyka.ru/lono-avraamovo> (дата обращения: 15.09.2025)
9. *Михалев П.* Восходили ли Енох и Илия на небо? // Православие.ru. — 1999–2025 гг. — URL: <https://pravoslavie.ru/55239.html>? (дата обращения: 16.09.2025 г.).
10. *Моисеенков А.* Рай и ад // Журнал Фома. — 2000–2025 гг. — URL: <https://foma.ru/raj-i-ad-2.html> (дата обращения: 15.09.2025).
11. *Пономарев А.И.* Собеседования св. Григория Великого о загробной

- жизни в их церковно-мемуарном значении. — СПб.: Изд. тип. С. Добродеева, 1886. — 223 с.
12. Преподобный Евфроси н Палестинский // Православный портал Азбука.ру. — 2005–2025 гг. — URL: <https://azbyka.ru/days/sv-evfrosin-palestinskij> (дата обращения: 18.09.2025 г.).
 13. Семочкина Е.В. Информационные предпочтения россиян на православных сайтах как проявления национальной идентичности // Материалы XV международной научно-практической конференции «Россия и мир: развитие цивилизаций. Уроки Великой Победы и новое мироустройство» (2–3 апреля 2025 года). Ч. 2. — М.: Издат. дом УМЦ, 2025 — С. 158–166.
 14. Семочкина Е.В. Методика маркетингового исследования интереса посетителей к информации WEB-сайта // Электронный журнал «Вычислительные сети. Теория и практика» (Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации Эл № 77-4740 от 10.08.2001). — URL: <http://network-journal.mpei.ac.ru> ВС/NW 2022 № 1 (38):5.1; URL: <http://network-journal.mpei.ac.ru/cgi-bin/main.pl?l=ru&n=38&pa=5&ar=1> (дата обращения: 13.02.2024).
 15. Ткаченко А. Где оказывались умершие праведники до воскресения Христа — в аду или в раю? // Журнал Фома. — 2008. — № 9(65). — 2000–2025 гг. — URL: <https://foma.ru/gde-naxoditsya-lono-avraamovo.html> (дата обращения: 15.09.2025).
 16. Цуканов И. Думаете, Царство Небесное — это куда пускают только после смерти? Разбираем одно частое заблуждение // Журнал Фома. — 2021. — № 9(221). — 2000–2025 гг. — URL: <https://foma.ru/dumaete-carstvo-nebesnoe-jeto-kuda-puskajut-tolko-posle-smerti-razbiraem-odno-chastoe-zabluzhdenie.html> (дата обращения: 15.09.2025).
 17. Шаргунов А. В доме Отца Моего обителей много // Православие.ru. — 1999–2025 гг. — URL: <https://pravoslavie.ru/3295.html> (дата обращения: 15.09.2025).

УДК 27-526.62

Семочкина Е.В.,
Москва

**СВОБОДА ТВОРЧЕСТВА ИКОНОПИСЦА
ПРИ СЛЕДОВАНИИ ЦЕРКОВНЫМ ТРАДИЦИЯМ
(ПО МНЕНИЮ СОВРЕМЕННОКОВ)**

Semochkina E.V.,
Moscow
semochkina.elena@yandex.ru

**THE FREEDOM OF THE ICON PAINTER'S CREATIVITY
IN THE DIRECTION OF FOLLOWING CHURCH TRADITIONS,
ACCORDING TO HIS CONTEMPORARIES**

Аннотация. Рассматриваются мнения современных искусствоведов и иконописцев о свободе творчества при следовании иконописным традициям. Ввиду обилия материала сделана выборка, которая помогает раскрыть суть процесса создания иконы.

Сакральное изобразительное искусство развивается с соблюдением русских традиций иконописи, но оно переживает возрождение после 70-летнего сложного периода. Искаженно традиции могут восприниматься призывом к подражанию. Вместе с тем, древние мастера и выдающиеся современники создают списки, а не копии. Речь идет о передаче состояния иконы. Это можно сделать по-разному — тут и начитается творчество. И в наше время создаются удачные росписи, в том числе списки с известных икон, что подтверждает правоту высказываний признанных мастеров.

При росписи храма перечень требуемых изображений и разметка икон должны учитывать замысел творца. По мнению иконописца Андрея Патракова, через посвящение определенному Святому лицу, просьбы заказчика и паствы действует воля Божия. Необходимо держать в уме: в честь кого освящается храм, какие люди будут служить и молиться в нем, а также их пожелания. Для таких живых образов Божиих создается дом молитвы, и росписи должны помогать этим людям совершать обращения к Богу, Пресвятой Богородице и сонму ангелов и святых.

Статья может быть полезна студентам направления образования 51.03.01 «Культурология».

Ключевые слова: искусство, иконопись, молитвы.

Abstract. The opinions of modern art critics and iconographers on the freedom of creativity based on following iconographic traditions are considered. Due to the abundance of material, a selection has been made that helps to conclude whether and how free the artist who creates icons is.

Creativity in the direction of the Russian traditions of icon painting is being successfully developed by dozens of masters, but so far it is experiencing some revival after 70 years of difficulty in the development of the activities of the Russian Orthodox Church and its art.

Ancient masters and prominent contemporaries create lists, not copies. It's about transferring the icon's state. When painting a temple, the list of required images and the marking of icons must take into account the creator's intention for this unique case. It tells you which people will serve and pray. A house of prayer is being created for these people (images of God), and the murals should help these people make appeals to God, the Most Holy Theotokos, and a host of angels and saints.

The article may be useful to students of the field of education 03.51.01 «Cultural Studies».

Key words: art, iconographic, pray appeals.

В целом ряде статей — интервью с известными искусствоведами и мастерами, а также с молодыми и талантливыми иконописцами обсуждается возможность свободы творчества в рамках иконописного канона. Данная статья представляет собой мини-обзор мнений. Цель понять, как же поступают мастера и почему?

Иконопись является сакральным искусством. Его главная отличительная черта — религиозность — сильно влияет на выбор технических приемов исполнения. Здесь и символичность цветов, образов животных и растений, это и обратная перспектива в подаче переднего и заднего планов изображения. Существует ряд требований предъявляемых к создаваемым образам и композициям. Одни люди список таких требований называют канонem, другие традицией иконописи. Перед обсуждением мнений иконописцев и искусствоведов, насколько помогает свод требований в их творчестве, определимся, как его называть.

Заведующая кафедрой истории и теории церковного искусства МДА Нина Валериевна Квливидзе [6] борется в печати со словом «канон», которое никогда не применялось по отношению к церковному искусству. Как авторитетный искусствовед и преподаватель со стажем она утверждает: «Ты должен знать примеры изобразительного искусства, и тогда все это богатство будет использовано осмысленно». Реально речь идет о традициях.

Академик живописи Е.Н. Максимов в своем интервью поясняет, что значит следовать традициям [9]: «У меня есть такая формула: современности надо идти не от Рублева, а к Рублеву. Возвращаться к нему постоянно: в мыслях, идеях, даже в приемах. Это не значит, что надо копировать — нужно постоянно сверяться с этим. Это и есть традиция.»

В этой же статье приводится интересный факт [9]. Известному иконописцу довелось работать в Греции. По словам Евгения Николаевича в этой стране с уважением относятся к нашей традиции, но у себя хотят видеть икону, созданную в соответствии с их сводом требований. «А в Греции все довольно жестко. Там каждая написанная икона поступает на рассмотрение митрополичьей комиссии. Не только предназначенная для храма, но и написанная для частного лица. Раз или два в месяц художники привозят свои работы в митрополичий дом, выставляют на аналоях. Выходит комиссия и ставит на каждую икону печать. Если печати нет — образ не считается иконой.»

Получается, что в России веками творили десятки иконописных центров разной величины, признающие традиции в иконописи, возникшие на основе понимания греческих образцов по-русски. «Греки идут от слова, а мы — от образа. У них должна быть объяснена каждая деталь. Почему глаза, нос, уши, цвет одеяния именно такие, а не иные? Все должно иметь свою символику» [9]. Греки постарались сохранить свои традиции неизменными и теперь родоначальники относятся к русским традициям как к благочестивым картинам (высококачественным художественным изображениям на церковные темы, но не признанным в качестве греческих икон).

В России старались придерживаться со строгостью на свой лад воспринятых требований к обсуждаемым произведениям са-

крального искусства. Церковь официально не признавала не традиционные работы — «краснушки» и «подокладницы», но в деревнях из-за малого достатка у бедных людей было не мало икон, изготовленных местными умельцами с отступлениями в технологии и дешево. («Краснушки» — быстро написанные иконы упрощенного письма, а «подокладницы» — иконы, написанные под размер оклада, и не прописанные под ним [5].) Творец «краснушки» создавал узнаваемые Образы. Фон мог быть изменен и опущены мелкие детали. Замена дорогостоящего красителя или уменьшение количества грунтовых слоев позволяли предоставить недорогое (и недолговечное) изделие — такие иконы быстро тускнели, затем темнели. Позже вообще было сложно увидеть, что изображено на них. Однако вклад в культуру «краснушки» и «подокладницы» внесли: они дали возможность малоимущим россиянам совершать молитвы.

Массово распространенные в среде мещан, купцов и крестьян иконы традиционного письма называют обыденными. Отличить иконы написанные с соблюдением требований от других могут священнослужители, иконописцы, реставраторы, искусствоведы. Выставка обыденных икон успешно организована в московском Музее русской иконы им. Михаила Абрамова и «ждет» посетителей.

В монастырях и храмах всегда соблюдались традиции. На рисунках 1 и 2 видны иконы, выполненные с соблюдением необходимых требований.

Состоятельные крестьяне, горожане и знать, конечно, стремились тоже заказать образ у официально признанных иконописцев. Эти иконы были выполнены не только с соблюдением требований, но с использованием дорогих красок и материалов. Сохранилось множество удивительных образцов русской иконы.

Как сегодня творят мастера? Рассмотрим этот вопрос на основе интервью, которые они давали журналистам. Преподаватель Иконописной школы А.В. Алешин считает лучшей похвалой слова: «Новое, а смотрится, как старое!» [4]. Преподаватель Иконописной школы, советник Святейшего Патриарха по вопросам архитектуры зарубежных храмов А.Н. Солдатов приветствует «художественную симфонию» русских и византийских традиций иконописи с храмовым зодчеством западных народов [4].

*Рис. 1. Снимок правой части иконостаса в часовне «Проща»
Спасо-Андроникова монастыря,
сделанный автором статьи с разрешения служителей*

Л.А. Армеева, кандидат искусствоведения, преподаватель Иконописной школы при Московской духовной академии трактует традиции в иконописи, как направление для творчества вместо восприятия их прокрустовым ложем предписаний, указаний и запретов [4].

Иконописец Михаил Шевцов раскрывает свое понимание следования традициям: «Но икона не повторяет оригинал в точности, она отражает его понимание иконописцем. Почему это допустимо? — Потому что каждый человек сам является образом и подобием Творца. Господь творит через изографа: Он участвует в написании иконы, вдохновляя мастера» [8].

Преподаватель козельской художественной школы, иконописец Марина Кашина считает, что творческий процесс в церкви имеет коллективный характер: «У нас соборное творчество, поэтому прислушиваюсь к мнению духовника игумена Филиппа.

Он иконописец, давно занимается фреской, делает мозаику. Ему я показываю свои эскизы, советуюсь, прислушиваюсь к его мнению. К тому же мне помогают советы моих коллег-иконописцев. Одна голова хорошо, а две лучше. Это же работа — поиск цвета, движения, жеста...» Такой подход к творчеству прямо противоположен строго индивидуальному видению художника, часто встречающейся в светской живописи [10].

Ирина Языкова (искусствовед, культуролог, специалист по иконописи, директор Библейско-Богословского института святого апостола Андрея Первозванного, член экспертного совета по церковному искусству, архитектуре, реставрации при Московской Патриархии) объясняет, как возникают лучшие списки с знаменитых икон: список передает какое-то внутреннее состояние оригинала, и не является просто копией [7].

*Рис. 2. Снимок левой части иконостаса в часовне «Проща»
Спасо-Андроникова монастыря,
сделанный автором статьи с разрешения служителей*

Иконописание, по мнению искусствоведов, переживает сложный период после 70 лет советской власти, когда доступ людей в храмы и развитие церковного искусства были затруднены. Эстафету поколений поддерживала школа иконописи Марии Соколовой. Нина Квливидзе оценивает достижения современного «ренессанса»: «Говорить о стиле современной иконы очень трудно, можно говорить о явлении современного иконописания, которое характеризуется разностильностью... Сейчас существует живой и реальный процесс возрождения иконописания» [11].

Е.Н. Максимов выражает мнение ряда общепризнанных мастеров: «Традиция — единственное, что может удержат неистовство всего и вся от всякого рода революционных изменений, падений и т.п.» [9].

Иконописец Дмитрий Мироненко считает, что проблему авторской иконы навязали мастерам извне. «На самом деле тем, кто работает с иконой, не до этого. Иконописец следует по широкой магистрали традиции, которую подготовили наши предшественники. Каждый идущий по этой дороге может выбрать свой путь, не задевая другого — места всем хватит» [1].

Изредка встречаются интервью, в которых иконописцы желают большего простора творчества. Автору статьи видится причина в восприятии традиций как приверженности к копированию, а мастера создают списки и советуют делать именно так. Цель передать состояние иконы. Это можно сделать по-разному — происходит переосмысление воспринимаемого и выражение осознанного с помощью приобретенных навыков.

Иконописец Андрей Патраков видит творчество и в самой разметке образов и композиций храмовой живописи. Он считает, что необходимо почувствовать замысел Творца о конкретном храме. «У каждого храма должно быть свое лицо, которое, в том числе, зависит и от прихожан, от уровня их образованности, их вкусовых предпочтений. Например, стиль XIII века уместен там, где это любят, понимают и ценят. А где-то нужен именно XVII век, потому что настоятель — не просто ценитель XVII века, но и специалист в этой области, и через его научный интерес любовью к этому периоду заражается и весь приход.

Где-то акцент делается именно на богословском звучании, а стилистические особенности оказываются не столь важны. Везде по-разному» [2]. По мнению Андрея Патракова через людей, которые являются образами Божиими, проявляется воля Господня. Учитывая их мнения, иконописец претворяет в жизнь замысел Божий о храме и росписях.

Вывод. Творчество в соответствии с русскими традициями иконописи развивается современными мастерами, переживая период возрождения после 70-лет советской власти и распространения атеизма. Искривлено традиции иконописи могут восприниматься призывом к подражанию. Вместе с тем, древние мастера и выдающиеся современники создают списки, а не копии. Речь идет о передаче состояния иконы.

Второй важный акцент связан с конкретным выбором росписей храма: составляется перечень изображений и проводится разметка икон с учетом замысла Творца о данном случае. Надо учесть, в честь кого построен и будет освящен храм, какой клир будет служить и какие прихожане — молиться перед иконами. Именно для этих людей создается дом молитвы и росписи должны помогать им совершать обращения к Богу, Пресвятой Богородице и сонму ангелов и святых.

Завершая статью, хочется привести слова иконописца Андрея Патракова: «Художнику важно понимать, что он отвечает за все, что делает, не только перед заказчиком, но и перед Творцом» [3]. Именно они показывают, на каком месте находится самовыражение в отношении иконописца к его творчеству. Оно присутствует во всей красе, но не на первом месте. Первое место у Бога, второе у заказчика, а на третьем — личные предпочтения. Иначе встает вопрос: «Для кого ты это делаешь?» и — как следствие — художнику предстоит уйти из иконописи в другую сферу деятельности. Тогда наилучшим выходом будет светская живопись. Многие великие художники создавали картины на различные темы, в том числе — религиозные. Их творения помнят и ценят. Молятся перед иконами.

Статья может быть полезна студентам направления образования 51.03.01 «Культурология».

Список литературы

1. Головки О. Проблему «авторской» иконы нам навязывают // Православие.Ru. — 1999–2025 гг. — URL: <https://pravoslavie.ru/133017.html> (дата обращения: 10.03.2025).
2. Головки О. Расписывая храм, художнику нужно понять ЗАМЫСЕЛ ТВОРЦА об этом храме // Православие.Ru. — 1999–2025 гг. — URL: <https://pravoslavie.ru/157710.html> (дата обращения: 10.02.2025).
3. Головки О. Художник отвечает не только перед заказчиком, но и перед Творцом // Православие.Ru. — 1999–2025 гг. — URL: <https://pravoslavie.ru/156870.html> (дата обращения: 23.03.2025).
4. Давыдов П. «Безмолвная проповедь» новой русской иконы» // Православие.Ru. — 1999–2024 гг. — URL: <https://pravoslavie.ru/64330.html> (дата обращения: 10.02.2024).
5. Краснушки и подкладницы // «Иконы и книги — создание и реставрация. Мастерские и галерея Ивана Иванова. — 2019–2025 гг. — URL: <https://iconandbook.ru/icon-workshop/restavration-icon/krasnushki/> (дата обращения: 13.05.2025).
6. Лаврентюк М. У церковного искусства, как и у Церкви, один вопрос: «Как спастись? // Благовест-инфо. — 2005–2024 гг. — URL: <https://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=7&id=106590> (дата обращения: 10.03.2024).
7. Мацан К. Иконопись нашего времени». Ирина Языкова // Радио Вера. (Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77-57857 от 25.04.2014) — 2014–2024 гг. — URL: <https://radiovera.ru/ikonopis-nashego-vremeni-irina-jazykova.html> (дата обращения: 10.03.2024).
8. Сергейчук А. Вдохновляясь творчеством Андрея Рублева // Благовест-инфо. — 2005–2024 гг. — URL: <https://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=7&id=104114> (дата обращения: 10.02.2024).
9. Сергейчук А. Надо идти не от Рублева, а к Рублеву // Православное деловое издательство «Русиздат». — 2004–2024 гг. — URL: <http://rusiz.ru/2019/01/21/nado-idti-ne-ot-rubleva-a-k-rublevu-beseda-s-akademikom-zhivopisi-evgeniem-nikolaevichem-maksimovym/> (дата обращения: 10.02.2024).
10. Симонова Е. Когда захожу в храмы, то даже не верится, что это — моя работа // Газета «Козельск:: Мы передаем смыслы» (Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации

ЭЛ № ФС 77-72923, дата регистрации 25.05.2018 г.) — 2018–2025 гг. — URL: <https://gazeta-kozelsk.ru/2021/10/07/kogda-zahozhu-v-hramy-to-dazhe-ne-veritsya-chto-eto-moya-rabota/> (дата обращения: 02.01.2025).

11. Уминский А. Что такое современная икона? (Телепрограмма 07.02.09) // Православная Энциклопедия. — 2001–2024. — URL: <https://sedmitza.ru/text/563564.html> (дата обращения: 28.01.2024).

Серикова А.А.,

студент,

ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», Люберцы

Дзюбан В.В.,

доктор исторических наук, кандидат педагогических работ,

профессор кафедры гуманитарных дисциплин,

ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», Люберцы

ПОМОРЫ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: УНИКАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Serikova A.A.,

Student,

GKOU HE "Russian Customs Academy", Lyubertsy

Dzyuban V.V.,

Doctor of Historical Sciences, PhD in Pedagogical Sciences,

Professor of the Department of "Humanities",

GKOU HE "Russian Customs Academy", Lyubertsy

bryanskstudzuban@mail.ru

THE POMORES AND NATIONAL IDENTITY: UNIQUE ASPECTS OF CULTURAL HERITAGE

Аннотация. В условиях глобализации и ускоренных изменений в обществе культурное наследие становится важным элементом сохранения идентичности многих коренных малочисленных народов России, а также этнографических и этнических групп. Малые этнографические группы, такие как поморы, сталкиваются с угрозой утраты своих уникальных традиций, языка и обычаев. Изучение этих культурных особенностей представляет собой не только научный интерес, но и практическую необходимость для разработки мер по их сохранению. В статье анализируются уникальные аспекты культурного наследия поморов, а также выявление их роли в формировании национальной идентичности.

Ключевые слова: культурные особенности, малая этнографическая группа, устойчивая национальная идентичность, современные вызовы.

Abstract. in the context of globalization and accelerated changes in society, cultural heritage has become an important element in preserving the identity of many indigenous

peoples of Russia, as well as ethnographic and ethnic groups. Small ethnographic groups, such as the Pomors, face the threat of losing their unique traditions, language, and customs. Studying these cultural features is not only of scientific interest, but also a practical necessity for developing measures to preserve them. This article analyzes the unique aspects of the Pomor culture, as well as identifying their role in the formation of national identity.

Key words: cultural features, small ethnographic group, stable national identity, modern challenges.

Поморы, как этническая группа, сформировались на побережье Белого моря в XI–XIII веках. Археологические находки поселений на Кольском полуострове подтверждают их присутствие в этом регионе с древних времен. Название «поморы» происходит от слов «по морю», что указывает на их географическое расположение и основной вид деятельности — морской промысел. Исторически поморы являются потомками новгородцев, которые активно осваивали северные территории, включая современные Архангельскую область и Карелию. Эти факты подчеркивают глубокую связь поморов с морской культурой и их значимую роль в освоении северных земель России. Культура поморов также включает уникальные выражения, такие как «Река девица, вода кормилица, благослови Рабе Божьей матери (имя) для Раба Божьего младенца (имя)», что свидетельствует о важности воды и рек в их жизни и традициях [2, с. 34].

Культурное богатство поморов формировалось в условиях изоляции, что способствовало сохранению уникальных традиций, таких как поморская кухня и обычаи. С другой стороны, культура поморов испытала влияние русских и финно-угорских народов, что отразилось на языке, фольклоре и ремеслах. В XVIII–XIX веках поморы активно участвовали в торговле с Норвегией, что обогатило их культурное наследие элементами скандинавской культуры.

Язык является одним из важнейших элементов культурной идентичности любого народа, и для Поморов он играет ключевую роль в сохранении их уникального наследия. Поморский язык относится к группе севернорусских диалектов, формировавшихся под влиянием различных языковых традиций,

включая финно-угорские и скандинавские. Это многообразие отражает историческое взаимодействие поморов с другими народами и их адаптацию к условиям сурового северного края. Тем не менее, в современных условиях поморский язык сталкивается с угрозой утраты своих уникальных особенностей из-за значительного влияния русского литературного языка. Для сохранения диалектов в 2010-ых годах были предприняты усилия по их документированию, включая издание словарей и сборников народных текстов. Эти меры направлены на сохранение языкового богатства поморов как важной части их исторического наследия.

Природные условия и климат сыграли ключевую роль в формировании традиций и образа жизни поморов, обитавших на побережье Белого моря. Суровый северный климат с долгими зимами и коротким летом требовал от местного населения разработки уникальных методов выживания. Это нашло отражение в архитектуре их домов, которые строились с учетом необходимости сохранения тепла в условиях низких температур, перед домами стояли кресты, связанные с мужскими обетами поморов, данными в благодарность за спасение от гибели в морской пучине. Также были разработаны специализированные рыболовные снасти, приспособленные к ловле рыбы в ледяной воде, что свидетельствует о высокой адаптивности поморов к окружающей среде. Отсутствие плодородных земель привело к тому, что основой их экономики и культурных традиций стал морской промысел, включавший ловлю трески, сельди и других видов рыб. Эти особенности не только обеспечивали выживание, но и формировали уникальный уклад жизни, который передавался из поколения в поколение [7, с. 25].

Суровые климатические условия способствовали развитию уникальных методов навигации и мореплавания. Поморы создали лодки — кочи, специально адаптированные к ледовым условиям Белого моря, что позволило им успешно заниматься морским промыслом и торговлей. Характерные природные и культурные особенности Поморья, такие как ландшафты, морские побережья, острова и реки, а также разнообразие животного мира, включая морских животных и птиц, оказывали

влияние на образ жизни и традиции этого народа. Таким образом, природные условия и климат стали важнейшими факторами, определившими образ жизни поморов [4, с. 3].

Культурное наследие сыграло немаловажную роль в формировании национальной идентичности народа, обеспечивая связь между поколениями и сохраняя уникальные черты этнической группы. Для поморов, проживающих на побережье Белого моря, традиции, язык и обычаи составляют основу их самосознания. Уникальная система мореплавания и рыболовства, разработанная Поморами, не только способствовала экономическому процветанию региона, но и сформировала особый образ жизни, тесно связанный с природой и морской стихией. Этот образ жизни нашел отражение в языке: поморский говор, являясь диалектом русского языка, включает множество слов и выражений, описывающих морскую деятельность и окружающую северную природу. Например, в Няндомском и Плесецком районах можно встретить диалектное наименование «болотина», означающее «небольшое топкое болото, болотистое место». Традиционные праздники, такие как «Морской день», служат важным механизмом объединения общины, укрепляя культурные ценности и способствуя их передаче новым поколениям. Таким образом, традиции, язык и обычаи поморов становятся неотъемлемой частью их идентичности, формируя чувство принадлежности к своему народу и уважение к его наследию [5, с. 214].

Современные вызовы, стоящие перед культурным наследием поморов, обусловлены множеством факторов, влияющих на сохранение их уникальной идентичности. Одним из ключевых аспектов является сокращение численности поморского населения, что связано с миграцией молодежи в города в поисках лучших условий жизни и работы. Это приводит к утрате традиционного образа жизни, который служит основой поморской культуры. При этом современные образовательные программы в регионах, где проживают поморы, не всегда включают изучение их языка, ремесел и обычаев, что способствует постепенному забвению этнической самобытности. Глобализация также оказывает значительное влияние, заменяя традиционные практики унифицированными формами досуга и коммуникации, что ста-

вит под угрозу сохранение элементов самобытности поморской культуры [1, с. 104].

В условиях глобализации популяризация культурного наследия становится особенно актуальной, поскольку она способствует сохранению уникальности народов и их традиций. Одним из значимых проектов в этом направлении является «Поморская деревня», созданная в 2020 году в Архангельской области. Проект направлен на сохранение и популяризацию традиционной культуры поморов через проведение различных мероприятий, включая фестивали и мастер-классы по традиционным ремеслам и кулинарии. Эти активности привлекают внимание как местных жителей, так и туристов, способствуя возрождению интереса к поморской культуре. Включение элементов поморской культуры, таких как традиции рыбной ловли и ремесла, в список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО в 2015 году стало важным шагом в популяризации. Этот статус не только привлек международное внимание к культуре Поморов, но и открыл возможности для ее изучения и сохранения на глобальном уровне. Таким образом, проекты, наряду с международным признанием, играют ключевую роль в поддержании и распространении культурного наследия Поморов [3, с. 144].

Подводя итоги, стоит отметить, что богатство культуры поморов представляет собой уникальный комплекс традиций, языка и обычаев, сформировавшийся на протяжении веков под влиянием географических, исторических и культурных факторов. Эти элементы играют ключевую роль в формировании и поддержании национальной идентичности поморов, способствуя сохранению их самобытности и культурной преемственности. Однако в условиях глобализации и изменений социального уклада существует угроза утраты этих уникальных особенностей. Для сохранения культурного наследия Поморов важно разработать и внедрить меры, направленные на популяризацию их традиций и языка. Это может включать образовательные программы, культурные мероприятия и поддержку инициатив местных сообществ. Будущие исследования могут быть сосредоточены на разработке стратегий интеграции культурного опыта поморов в контекст глобального культурного обмена. Эти меры позволят

не только сохранить уникальные черты поморской культуры, но и усилить ее роль в формировании устойчивой национальной идентичности [6, с. 48].

Список литературы

1. *Гвоздев Р.В.* Проблемы традиционной культуры коренных малочисленных народов юга Дальнего Востока России и роли государства в этих процессах (XX — начало XXI века) // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук — 2024. — № 6. — С. 103–109.
2. *Гусева Е.Р., Сидорова П.А.* Лексемы с корнем -вод- в русских говорах Карельского Поморья // Studia Humanitatis Borealis. — 2022. — № 2. — С. 32–39.
3. *Ивашкин М.В., Кузнецов В.В.* Проблемы интеграции малочисленных народов Дальнего Востока России в международное культурное пространство. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2025. — № 3 (март). — С. 141–146. — URL: <https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-3-20>.
4. *Кузнецов Д.Н.* Культурно-туристские брэнды // Карельское поморье. Беломорский и кемский районы. — 2023. — С. 1–7.
5. *Плешкова Т.Н.* Диалектная лексика природы в этнографическом аспекте // ACTA UNIVERSITATIS WRATISLAVIENSIS. — 2009. — № 3159. — С. 213–219.
6. *Сафонова В.А.* Актуализация и популяризация нематериального наследия средствами медиакультуры: образы, контексты, технологии // Педагогика искусства. — 2022. — № 1. — С. 24–25.
- ë7. *Самойлова Е.В.* Группы обетных крестов Белого моря: прогностические и темпоральные аспекты обрядовых практик в с. Шуерецкое Беломорского района Республики Карелия // Научный альманах «Традиционная культура». — 2017. — № 1. — С. 23–37.

УДК 327:316.7

Терешко П.А.,

студент,

ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», Люберцы

Дзюбан В.В.,

доктор исторических наук, кандидат педагогических работ,

профессор кафедры гуманитарных дисциплин,

ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», Люберцы

ВЛИЯНИЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ БРАКОВ НА ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Tereshko P.A.,

Student,

GKOU HE "Russian Customs Academy", Lyubertsy

Dzyuban V.V.,

Doctor of Historical Sciences, PhD in Pedagogical Sciences,

Professor of the Department of "Humanities",

GKOU HE "Russian Customs Academy", Lyubertsy

bryanskstudzuban@mail.ru

THE INFLUENCE OF INTERETHNIC MARRIAGES ON THE INTERAC- TION OF CULTURES IN MODERN INTERNATIONAL RELATIONS

Аннотация. В статье на основе социологических исследований и открытых источников проанализированы межнациональные браки в широком географическом и временном диапазоне. Рассмотрены исторические примеры (браки в колониальную эпоху) и современные кейсы (ЕС, постсоветское пространство, Америка, Юго-Восточная Азия). Анализ показывает динамику восприятия таких союзов и выявляет универсальные и культурно-специфические факторы их устойчивости.

Ключевые слова: международная культура, межнациональные браки, глобализация, семья, культура, государство.

Abstract. The article analyzes interethnic marriages in a wide geographical and temporal range based on sociological research and open sources. Historical examples (marriages

in the colonial era) and modern cases (EU, post-Soviet space, America, Southeast Asia) are considered. The analysis shows the dynamics of perception of such unions and identifies universal and culture-specific factors of their stability.

Key words: international culture, interethnic marriages, globalization, family, culture, state.

Взаимодействие культур в современных международных отношениях — это процесс взаимовлияния, обмена идеями, ценностями и практиками между различными культурами, который происходит через диалог, торговые пути, СМИ, образование и другие формы контактов. Это динамичное явление, которое может приводить как к обогащению культур, так и к их трансформации, а также является ключевым инструментом для решения глобальных проблем и построения политических связей.

Глобализация делает мир все более единым, и одним из наиболее показательных проявлений этого процесса являются браки между представителями разных национальностей. Эти союзы — не просто личные договоренности, а уникальные связующие звенья между государствами, культурными нормами и цивилизационными системами. Воздействие таких семей выходит за рамки их личного пространства, становясь значимым фактором в формировании современных международных отношений и межкультурного понимания. В настоящее время для описания подобных брачных отношений применяются термины «межнациональный», «биэтнический», «смешанный» и «межкультурный». В рамках данной работы все эти понятия будут трактоваться как равнозначные [п. 4].

В повседневной жизни супруги и их потомки вынуждены находить точки соприкосновения в таких сферах, как:

- *язык*: частое использование нескольких языков в семье способствует их естественному распространению;
- *традиции и обычаи*: совместное празднование национальных торжеств обеих стран приводит к формированию новых, гибридных семейных ритуалов;
- *система ценностей*: представления о семье, методах воспитания детей и взаимодействии с социумом подвергаются переосмыслению и интеграции.

Влияние межнациональных браков всегда имело влияние на народную культуру. Возьмем пару примеров из истории.

В течение многих веков дипломатические браки между правящими домами являлись одним из главных инструментов ведения внешней политики в Европе и по всему миру. Такие союзы использовались для достижения целого ряда целей: прекращения военных конфликтов, формирования военно-политических альянсов, объединения земель и укрепления легитимности власти:

- 1) Изабелла Кастильская и Фердинанд Арагонский (1469): этот брак привел к объединению двух крупных королевств, Кастилии и Арагона, и стал основой для формирования единого Испанского государства;
- 2) Мария Бургундская и Максимилиан Габсбург (1477): благодаря этому браку Габсбурги получили контроль над богатыми землями Бургундии и Нидерландов, значительно увеличив свою власть и влияние;
- 3) Иван III и Софья Палеолог (1472): этот брак укрепил позиции Москвы как центра православного мира, провозгласив ее преемницей Византийской империи («Третий Рим»);
- 4) «Великолепная двойная свадьба» Габсбургов и Испании (1496–1497): этот союз привел к тому, что внук, Карл V, унаследовал огромную империю, включавшую испанские, австрийские, германские и нидерландские земли;
- 5) Екатерина Арагонская и Артур Тюдор, а затем Генрих VIII (1501/1509): эти браки были заключены с целью укрепления союза между Англией и Испанией и создания противовеса Франции.

На сегодняшний день межнациональные браки приобрели массовый характер в связи с миграциями, развитием международных связей, изменением ценностей и норм в различных странах. Согласно исследованиям организации OECD и иных институтов, доля таких браков в общем количестве семей продолжает расти.

Влияние глобализации, технологический прогресс и перемещение населения приводят к тому, что представители разных культур все активнее заключают браки, открывая перспективы для взаимного обогащения культур и появления многонацио-

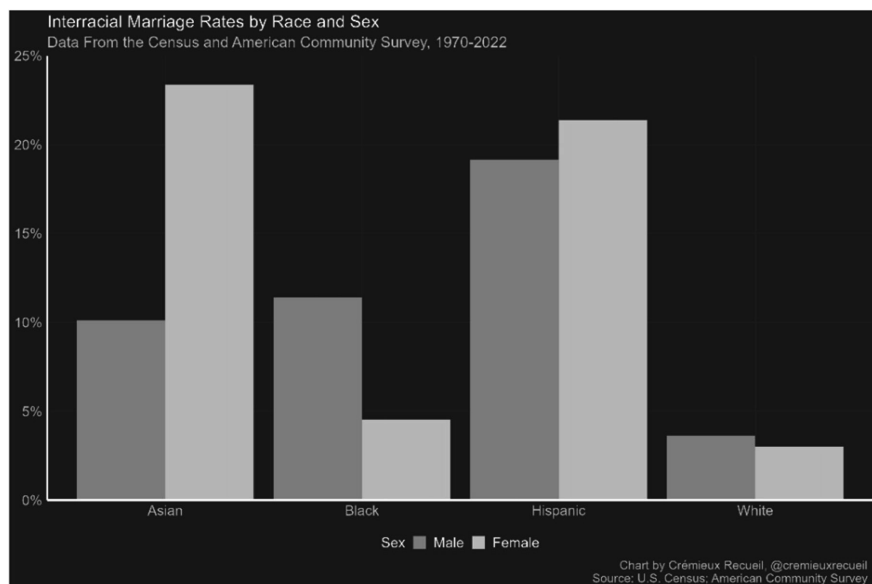
нальных сообществ. Заметной чертой становится рост числа смешанных браков в больших городах — например, в Нью-Йорке, Лондоне и Москве, где различия в этнической принадлежности и культурных особенностях становятся менее выраженными. В частности, в Москве часто встречаются пары, состоящие из русских и выходцев с Кавказа или из Центральной Азии, что положительно сказывается на укреплении согласия и адаптации разнообразных обычаев. Значимую роль в подобных союзах играет культурный обмен. Он отражается в совмещении ритуалов, вкусовых привычек, языковой среды и представлений о семье. Так, в семьях, где супруги принадлежат к разным культурам, могут соединяться российские новогодние традиции и восточные церемонии, либо вместе отмечаться исламские торжества и христианские праздники.

Наглядный случай — браки между французами и выходцами из Мали, в которых переплетаются французская культура и африканские обычаи Западной Африки. В этих семьях сохраняются традиционные малийские ритуалы, например, празднование свадьбы с использованием духов-арканов и характерной музыки, при этом соблюдается французский подход к организации быта и обучению подрастающего поколения. Другой пример — смешанные браки в Канаде, где весьма распространено объединение людей из разных уголков земного шара с канадскими резидентами. Такие союзы поддерживают формирование многонациональных идеалов и расширяют кругозор. В конечном итоге, современные международные браки демонстрируют общемировые тенденции взаимопонимания и уважения к другим народам, выступая одновременно как площадка для передачи культурных богатств, что приносит пользу всем участникам и стимулирует развитие международного общения.

Можно взять в пример статистику межрасовых браков в США / 1970–2022 год раса, пол (см. рис. 1, 2).

Азиатские женщины проявляют наибольшую активность в межрасовых отношениях (вдвое больше, чем мужчины). Подавляющее большинство — около 90% — азиатских женщин, состоящих в таких браках, выбирают партнеров европейской внешности. Среди китайцев в США почти половина замужних

китайнок имеют супругов другой национальности (для китайских мужчин этот показатель значительно ниже), а среди японок доля межнациональных браков превышает 60%. В результате значительная часть детей, рожденных азиатками, можно классифицировать как представителей европейской этнической группы. Латиноамериканки также демонстрируют высокую вовлеченность в межрасовые союзы. Заметно возросла их привлекательность для белых мужчин в последние годы, что связывают с сохранением традиционных представлений о женственности и семейных ценностях у латиноамериканских женщин по сравнению с более эмансипированными белыми женщинами. Белые женщины, напротив, предпочитают оставаться верны своей расовой группе, показывая наименьший процент межрасовых браков среди всех рассматриваемых групп населения.

*Рис. 1. Статистика межрасовых браков в США/
1970–2022 год раса, пол*

Вот еще немного истории, что касается СССР. В 60–80-е годы граждане СССР могли вступать в законные отношения только с

гражданами из социалистических стран, а браки с иностранцами из буржуазных капиталистических стран были большой редкостью, при этом буржуазное брачно-семейное законодательство в Советском Союзе постоянно подвергалось критике. Распад Советского Союза и появление на его территории независимых государств, усиление миграции населения, привело к увеличению количества интернациональных браков [п. 1].

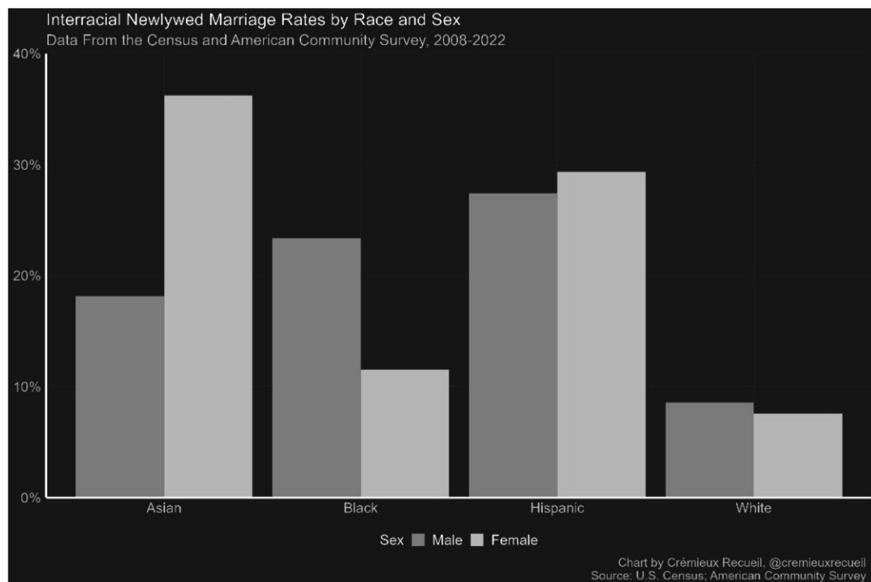

Рис. 2. Данные с 2008 по 2022 год

Интересно, что в России со времен СССР наблюдается обратная картина: русские женщины в два-три раза активнее заключают межнациональные/межрасовые браки, чем русские мужчины, хотя до революции все было наоборот. Статистика межнациональных браков с русскими для некоторых народов (данные переписи 2010 года):

- армяне: у 9,1% всех женатых армянок был русский муж VS у 25,6% женатых армянских мужчин была русская жена;

- азербайджанцы: русский муж 4,2% VS русская жена 24,5%;
- грузины: русский муж 24,5% VS русская жена 56,9%;
- казахи: русский муж 11,7% VS русская жена 15,9%;
- якуты: русский муж 4,8% VS русская жена 3,5%;
- осетины: русский муж 5,3% VS русская жена 12,5%;
- буряты: русский муж 8,1% VS русская жена 10,3%;
- узбеки: русский муж 15,9% VS русская жена 36,0%;
- таджики: русский муж 8,6% VS русская жена 39,1%;
- тувинцы: русский муж 1,3% VS русская жена 1,0%;
- цыгане: русский муж 8,9% VS русская жена 12,5%;
- корейцы: русский муж 22,6% VS русская жена 32,8%;
- киргизы: русский муж 5,3% VS русская жена 10,3%;
- алтайцы: русский муж 15,3% VS русская жена 13,4%;
- китайцы: русский муж 18,1% VS русская жена 37,7%;
- вьетнамцы: русский муж 2,9% VS русская жена 19,5%.

Российские женщины заключают международные или смешанные браки в 3–5 раз чаще, чем российские мужчины — это подтверждено статистическими данными. Примечательно, что гендерное соотношение в таких браках неблагоприятно для россиян даже при выборе партнеров из Китая, Вьетнама, Кыргызстана или Казахстана, тогда как в западных странах ситуация противоположная. Следовательно, россияне уступают конкуренцию как кавказским мужчинам, воспитанным в строгих традициях, так и более «прогрессивным» представителям Азии.

Вот основные три причины:

- 1) среди мигрантов в РФ мужчин намного больше, чем женщин. Особенно среди таджиков, азербайджанцев и армян, где более 70% мигрантов / новых граждан это молодые мужчины;
- 2) разное воспитание. В СССР традиционная/патриархальная русская семья была разрушена, русские забыли о традициях и религии своих предков, по сути став «манкуртами». В то же время все азиатские/кавказские народы сохранили традиционную/патриархальную семейную структуру;
- 3) русские женщины более мобильны. Если вы посмотрите гендерную разбивку по мигрантам из России, то прак-

тически в любой стране мира россиянок будет намного больше, чем россиян. Семейная обстановка в многонациональных семьях служит своеобразным отражением интеграционных процессов и естественного сближения культурных традиций и языковых норм, наблюдаемых в обществе. Люди, заключающие межнациональные браки, неизбежно сталкиваются с культурными несоответствиями и должны определить, насколько чужая культура будет интегрирована в их повседневную жизнь [п. 5].

Существует несколько путей решения данной проблемы. Первый — полное пренебрежение культурой партнера и попытка навязать свою во всех областях семейной жизни. Второй — частичный отказ каждого из супругов от некоторых элементов своей культуры и принятие определенных аспектов культуры другого. Третий — полная ассимиляция с культурой супруга, сопровождаемая практически полным отказом от своей. Четвертый — отказ от обеих культур, как собственной, так и культуры партнера.

Как показывает опыт, в межнациональных семьях со временем, по мере укрепления брачных отношений, конфликты на этнической почве практически исчезают, супруги полностью адаптируются к национальным обычаям и особенностям друг друга.

Как правило, брачно-семейное законодательство каждого государства тесно связано с господствующей в стране культурой, традициями, моралью, религией, основными принципами жизни, в связи с чем их применение зачастую зависит от существующего в данном государстве понятия публичного порядка [п. 3].

Семейное право каждой страны уникально, поскольку формируется под влиянием социальных и культурных факторов. Нормы, касающиеся брака и семейных уз, могут значительно отличаться в зависимости от принятых в обществе ценностей и традиций. В одних культурах особое значение придается религиозным догматам и устоям семьи, что сказывается на брачном возрасте, форме заключения брака, правах и обязанностях супругов, а также порядке расторжения брака и выплаты алиментов.

Концепция общественного порядка является ключевой для поддержания нравственности и социальной стабильности. За-

коны, регулирующие брачно-семейные отношения, должны находить компромисс между личными правами граждан и интересами общества, предотвращая недопустимые практики, такие как браки с несовершеннолетними, принудительные союзы или полигамию, если она несовместима с национальными принципами.

В итоге, специфика брачно-семейного законодательства является отражением самобытных социокультурных особенностей каждого государства и служит средством управления семейными отношениями в соответствии с общепринятыми нормами.

К примеру, шариат и его разветвление фикх разрешают мужчине-мусульманину вступать в брак не только с мусульманкой, но и христианкой или иудейкой.

Исследовав нормы семейного законодательства ряда мусульманских стран, мы пришли к выводу, что межконфессиональные браки не являются запретными — нет ни одной нормы, которая бы прямо запрещала подобные браки. Мы можем найти лишь смежные правовые нормы, кои позволяют нам сделать вывод о том, что такие браки разрешены (законодательство Ливана подразумевает, что каждое религиозное течение — внутри и вне ислама — может иметь свои нормы, связанные с личным статусом; если мужчина и женщина, желающие заключить брак, приверженцы разных исламских течений либо даже религий, то по общему правилу, если будущие супруги не оговаривают иное, применяются нормы той конфессии, к которой относится мужчина) [п. 2].

На сегодняшний день современные международные отношения зависят от многих факторов, порой бывают между странами очень шаткие отношения, достаточно любого повода, чтобы было недопонимание между странами. Я считаю, что межнациональные браки укрепляют отношения не только между людьми, семей разных порядков и устоев, но и намного масштабнее. Ведь, когда среди нас есть люди с другого континента, с другого конца планеты, мы волей-неволей обращаем внимание на их привычки, менталитет, культуру и уважаем это и просим зеркального понимания. Чем больше будет точек соприкосновения по всему миру среди иностранцев, чем больше таких союзов, тем больше будет взаимопонимания между людьми, между странами.

Каждый межнациональный союз — это объединение двух людей, а также живая связь между культурами, государствами и целыми континентами. Эта связь создается через «нити» доверия и общих интересов, которые способны удержать мир от конфликтов даже в самые напряженные времена. Таким образом, межнациональные браки — это одна из самых действенных «мягких сил» в международной дипломатии, работающая на уровне человеческих сердец.

Список литературы

1. *Волынец С.* Интернациональные браки: [статья начальника отдела записи актов гражданского состояния Барановичского горисполкома] // Юстиция Беларуси: юридический научно-практический журнал. — 2013. — № 3. — С. 70.
2. *Кулиев Д.Т.* Многоженство и межконфессиональные браки по шариату, фикху и современному законодательству мусульманских государств // Вопросы российской юстиции. — 2021. — № 11. — С. 64–71
3. *Хромова Е.Ю.* Трансграничный брак: международно-правовой аспект. — М.: Юриспруденция, 2013. — С. 3–4.
4. Межнациональные браки: психологические особенности и ролевые ожидания (теоретический аспект) // B17.ru — Сайт психологов. — URL: https://www.b17.ru/article/psychology_of_interethnic_marriages_1/
5. Паттерны межрасовых браков в США и в РФ // LiveJournal. — URL: <https://jaredfisher.livejournal.com/39598.html>.

Турьинская Х.М.,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт этнологии и антропологии РАН, Москва,
Институт Африки РАН, Москва

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В ВОСТОЧНОЙ АФРИКЕ

Turinskaya Kh.M.,

PhD in Historical Sciences, Senior Researcher,
Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow,
Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow
krikri75@yandex.ru

CULTURAL INTERACTION AND REGIONAL INTEGRATION IN EAST AFRICA

Аннотация. Статья посвящена национальному вопросу в Восточной Африке, проблеме взаимодействия культур и его значения в объединительных процессах в регионе, имеющих целью создание конфедерации и в перспективе — федерации. Автор фокусирует внимание на языке и культуре суахили, которые имеют важную роль в углублении региональной интеграции. Отмечено, что в создании и функционировании одной из самых динамично развивающихся межгосударственных региональных группировок в Африке, а именно Восточноафриканского сообщества, общий язык и культура — ключевой фактор. На начальном этапе восточноафриканской интеграции язык и культура суахили объединяли прежде всего страны-первоосновательницы сообщества — Танганьiku, Кению и Уганду, а также Занзибар, а в настоящее время способствуют объединению более широкого круга государств региона. Автор предполагает, что в связи с расширением состава участников группировки станет сложнее поддерживать статус суахили как общего языка, как фактора объединения и формировать единое восточноафриканское национальное самосознание. В статье приводятся примеры аргументов в пользу углубления региональной общности, в частности, из области национального вопроса.

Ключевые слова: Восточная Африка, Восточноафриканское сообщество, язык суахили, культура суахили, региональная интеграция, национальный вопрос.

Abstract. The article examines the national question in East Africa, the problem of cultural interaction, and its significance in the region's unification processes, aimed at creating a confederation and, in the future, a federation. The author focuses on the Swahili language and culture, which play an important role in deepening regional integration. It is noted that a shared language and culture are key factors in the creation and functioning of one of the most dynamically developing interstate regional groupings in Africa, namely the East African Community. Initially, the Swahili language and culture united primarily the founding countries of the community — Tanganyika, Kenya, and Uganda, as well as Zanzibar — but currently contribute to the unification of a wider range of states in the region. The author suggests that, as the group's membership expands, maintaining status of Swahili as a common language and fostering a unified East African national identity will become more difficult. The article provides examples of arguments in favor of deepening regional unity, particularly from the sphere of the national issue.

Key words: East Africa, East African Community, Swahili language, Swahili culture, regional integration, national question.

Восточноафриканское сообщество — одна из самых динамично развивающихся межгосударственных региональных группировок в Африке, и важную роль в его создании и функционировании играет культурный фактор, главным образом фактор общности государств-участников посредством языка и культуры суахили, которые на начальном этапе восточноафриканской интеграции объединяли прежде всего страны-первоосновательницы сообщества — Танганьiku, Кению и Уганду, а также Занзибар.

Суахилийская цивилизация складывалась и развивалась в условиях тесных контактов местного населения, основу которого составляли африканцы, с представителями арабских стран, Индии и других регионов. Проникновение ислама сопровождалось заимствованиями из арабского языка, на основе арабского алфавита возникла письменность суахили [5, с. 45]; в настоящее время используется главным образом латинская графика. Суахили (кисуахили) относится к языкам банту, это — «родной язык исламизированного афроарабского населения», сформиро-

вавшегося на восточноафриканском побережье и прилегающих к нему островах (о. Занзибар/Унгуджа, о. Пемба в составе Занзибарского архипелага, о. Мафия, Коморские острова и др.) «в результате взаимопроникновения местной африканской и привнесенной арабо-мусульманской культур» [3].

Суахили является одним из официальных языков Танзании, Кении, Уганды; распространен также в других государствах восточной и центральной Африки, например, в Руанде, ДРК, Замбии, Мозамбике, Сомали, выступает на отдельных территориях в качестве языка межнационального общения, лингва франка, и вводится в образовательные системы. Это один из официальных языков (с 2021 г.) Восточноафриканского сообщества — наряду с английским и французским — и рабочий язык Африканского союза. На «Черном континенте» языком суахили пользуются десятки миллионов человек, для нескольких миллионов он является родным, в период получения африканскими странами независимости от колониального ига лидер Танганьики-Танзании Джулиус Ньерере провозгласил суахили языком национально-освободительной борьбы. Интересно, что с XIX в. киунгуджа, т.е. занзибарский вариант суахили, стал проникать в глубинные районы континента. Он стал основой так называемого стандартного суахили — разработанной в 1930-е гг. в Восточной Африке «нормированной, кодифицированной формы», причем на Коморских островах киунгуджа и стандартный суахили неизвестны. Это единственный современный литературный вариант суахили, на котором создается современная молодая литература [3].

Известен и современный восточноафриканский народ суахили, представители которого в подавляющем большинстве исповедуют ислам суннитского толка. Это народ группы банту, населяющий побережье Восточной Африки (так называемое суахилийское побережье) — юго-восток Сомали и Кении, северо-восток Мозамбика, восток Танзании, включая архипелаг Занзибар. Суахили происходили от смешения аборигенного населения побережья с переселявшимися с VII в. арабами, индийцами, персами, а также с потомками африканцев-рабов из внутренних районов Африки «в городах (Могадишо, Геди, Каоле, Манда,

Пате, Малинди, Момбаса, Ламу, Килва, Занзибар и др.), период расцвета которых приходится на XI–XV вв. на базе трансатлантической торговли со странами Азии. Традиционными занятиями суахили являются ручное подсечно-огневое земледелие, рыболовство, добыча жемчуга, судостроение и мореходство; ремесла — резьба по дереву и камню, гончарство, плетение, ткачество. Социальную иерархию суахили возглавляли потомки «арабских (ваарабу) и персидских (ваширази) переселенцев. Власть передавалась в соответствии с системой возрастных классов» [4]; кстати, деление на возрастные классы известно и у других восточноафриканских племен. До XX в. суахили делились на свободных и рабов. В суахилийской культуре сильно ближневосточное влияние, персидское на севере и арабское на юге. Городские дома суахили выстроены из кораллового песчаника, отличаются наличием плоской крыши, внутреннего двора, резных деревянных дверей, каменных скамей бараза вдоль фасада [4]; такие дома особенно сохранились в Стоун-тауне, т.е. «каменном городе», центральной части города Занзибара, включенном в список памятников ЮНЕСКО [6, с. 248].

Среди суахили широко распространена грамотность (в том числе среди женщин), развита литература; «фольклор включает обрядовые песни и танцы (нгома)» (практики нгома известны и на более широкой территории и отмечены не только у суахили), сказки (африканские сказки о животных и переложение арабских сказок), эпос и проч. С конца XIX в. под влиянием индийской и арабской музыки [4] (к слову, в Восточной Африке сохраняется и в настоящее время довольно значительное индийское и арабское население) «развивается песенный жанр тараб (таарабу)». Сохраняются домусульманские «культы предков (вазиму) и духов (пепо, джинни, шетани), практикуются мужские и женские инициации (уньяго)» [4]. Таким образом и язык суахили является продуктом смешения, и суахилийская культура представляет собой результат взаимодействия культур. Они служат объединительным фактором не только в регионе, но и внутри многонациональных государств, особенно это касается языка суахили в Танзании. Суахилийское материальное и нематериальное наследие Восточной Африки привлекает

туристов со всего мира, делая регион единым туристическим кластером [7].

Наличие в регионе общего языка суахили, как полагали африканцы еще накануне независимости, т.е. на рубеже 1950–1960-х гг., облегчало задачу создания Федерации Восточной Африки, а эта федерация могла бы стать шагом на пути к «Соединенным Штатам Африки» Идеи о необходимости ликвидировать искусственные границы, установленные империалистами в управленческих целях без учета географических и племенных факторов, а также о том, что освобожденные жители Восточной Африки должны жить как один народ, появились тогда же, когда страны региона получали суверенитет («мы все — восточно-африканцы», как говорили уже в то время). Проект региональной федерации освобождающиеся от колониальной зависимости государства широко обсуждали в середине XX в., и видную роль в этом процессе играл танганьикский лидер и panaфриканист Дж. Ньерере. В создании политической федерации он видел шаг к общеафриканскому единству — тем более, что формировались вполне объективные предпосылки образования подобной группировки в регионе. Они заключались не только в сходстве исторических судеб, в культурной и языковой близости, но и в наличии экономических и политических связей, единой денежной и банковской системы и Организации общих служб, объединявшей связь и транспорт — все это существовало еще при британской администрации, которые тоже безуспешно пытались создать в регионе федерацию.

Язык суахили как фактор объединения сыграл свою роль и в состоявшемся вскоре организационном оформлении первого Восточноафриканского сообщества в составе Кении, Танзании (т.е. объединившиеся в союзное государство Танганьика и Занзибар) и Уганды, существовавшего с 1967 по 1977 г. и прекратившего существование по ряду экономических и политических причин. Если в Кении «экономический национализм» проявился в концепции «национального социализма» в варианте так называемого кенийского африканского демократического социализма с сохранением капиталистических экономических основ и, «на выходе», с неравенством, то «экономический на-

ционализм» в Танзании реализовался в «революционно-демократической программе» танзанийской теории социализма уджамаа, опиравшейся на традиционные ценности «цивилизации суахили» [1, с. 138; 2, с. 21, 22] и на ценности эгалитаризма. Пропаганда наследия суахили рассматривалась «как важнейшая часть политики сельского развития». В партийных документах говорилось, «что следование национальным традициям необходимо (и это принципиально важно. — Х.Т.) по экономическим соображениям» [2, с. 22]. Танзанийский опыт отчетливо демонстрирует связь культуры и национального вопроса с внутренней политикой и экономикой, а значит, и с внешней политикой и с региональной интеграцией. Ньерере на государственном уровне проводил политику превращения суахили в язык межплеменного общения и в средство сплочения танзанийской нации.

В настоящее время в качестве «наследника» первого ВАС функционирует с 2000 г. второе Восточноафриканское сообщество, лидеры которого планируют сформировать если не федерацию, то хотя бы конфедерацию. К Кении, Танзании и Уганде присоединились Руанда и Бурунди, а затем и такие еще более проблемные соседи, как Южный Судан, ДРК и Сомали. Существует неочевидная перспектива вступления в состав ВАС других стран Большой Восточной Африки, в частности региональной «сверхдержавы» Эфиопии, а также Малави, Замбии и Судана. Высказывалась даже идея о «потенциальном расширении конфедерации» путем включения Анголы, ЦАР, Комор, Джибути, Конго-Браззавиля [9]. Представляется, что в связи с расширением состава участников группировки статус суахили как общего языка и как фактора объединения поддерживать станет сложнее, как сложнее станет и «выковывать» единое восточноафриканское национальное самосознание, о необходимости которого долго и упорно говорили региональные деятели. В пользу углубления региональной общности политики и публицисты выдвигают различные аргументы, в частности, идею об общей идентичности, базирующейся на территориальном принципе и на основе языка суахили, а также представления о расовом факторе и о том, что разные национальности в регионе

так или иначе схожи. Одновременно используется и риторика «единства в многообразии».

Рассматривается единство жителей Восточной Африки как кровное родство или как политическая, или гражданская, идентичность, основанная на общих представлениях об историческом прошлом и о будущем, — на настоящий момент происходит конструирование и мобилизация региональной идентичности. Утверждение о том, что колонизаторы произвольно, игнорируя исконные территории проживания культурно-языковых сообществ, провели государственные границы на африканском континенте, уже давно стало общим местом в исследованиях Африки. Однако именно эти границы африканские режимы охраняют столь ревностно, и в этих границах существуют современные государства, формируются на уровне стран национализмы и национальные идентичности. Таким образом, о какой «единой восточноафриканской нации» можно говорить, если, например, согласно опросам «Афробарометра», кенийцы хотя и «поддерживают свободное передвижение людей для работы и торговли в Восточной Африке, большинство из них (т.е. кенийцев. — Х.Т.) хотят, чтобы в их страну приезжало меньше мигрантов» [8, р. 2]?

Были надежды на то, что распространение суахили способствует развитию чувства восточноафриканскости и единства в обществе и в регионе. Понятно, что только культурного и языкового единства для политического объединения недостаточно. Важнейшими аргументами для объединения государств остаются экономический интерес и политическая воля. А культура может как объединять, так и разъединять, что показал опыт той же Восточной Африки. Между тем, недавно пришла новость о том, что в системе образования в Сомали — государства крайне нестабильного в экономическом, социальном и политическом плане — вводится преподавание языка суахили. Возможно, это показатель заинтересованности страны в дальнейшей интеграции в региональные структуры, а значит, у восточноафриканского проекта есть будущее.

Список литературы

1. *Громова О.Б.* Кенийский «демократический социализм» / Национализм в современной Африке. — М.: Изд-во «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1983. — С. 137–152.
2. *Мосейко А.Н.* Основные структурные элементы национализма / Национализм в современной Африке. — М.: Изд-во «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1983. — С. 16–27.
3. *Рябова И.С.* Суахили // Большая российская энциклопедия — электронная версия. — URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/4170555> (дата обращения: 09.11.2025).
4. *Сиим (Москвитина) А.Ю.* Суахили // Большая российская энциклопедия. — URL: <https://old.bigenc.ru/ethnology/text/5149526> (дата обращения: 09.11.2025).
5. *Шленская С.М.* Объединенная Республика Танзания. — М.: Институт Африки РАН, 2014.
6. *Шленская С.М.* Танзания // Туризм в Африке: проблемы и перспективы. — М.: Институт Африки РАН, 2020. — С. 245–253.
7. *Ichumbaki E.B., Pollard E.* The Swahili Civilization in Eastern Africa. 25 March, 2021. — Printed from Oxford Research Encyclopedias, Anthropology.
8. *Okello A.* Kenyans support cross-border mobility for East Africans, but want fewer immigrants / Afrobarometer Dispatch. — 25 February 2025. — No 950. — P. 1–12.
9. *Oweyegha-Afunaduula F.C.* East Africa: Federation or Confederation? // Muwado. — December 3, 2023. — URL: <https://muwado.com/east-africa-federation-or-confederation/?v=288404204e3d> (дата обращения: 09.11.2025).

Цветков А.А.,

студент,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

Кузнецов М.А.,

студент,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

ОТМЕНА КУЛЬТУРЫ КАК ВЫЗОВ МЕЖДУНАРОДНОМУ КУЛЬТУРНОМУ ДИАЛОГУ

Tsvetkov A.A.,

Student,

V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow

Kuznetsov M.A.,

Student,

V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow

CANCEL CULTURE AS A CHALLENGE TO INTERNATIONAL CULTURAL DIALOGUE

Аннотация. В статье анализируется феномен «культурной отмены» (cancel culture) как современный вызов международному культурному диалогу. Рассматривается эволюция данного явления от инструмента гражданского протеста в западных обществах к механизму политического давления в международных отношениях. Особое внимание уделено кейсам 2022–2024 гг., связанным с ограничением выступлений российских творческих коллективов в Европе и бойкотом украинских исполнителей в России. На основе анализа нормативных документов ЮНЕСКО, отчетов европейских и российских культурных институтов, а также публикаций отечественных и зарубежных исследователей делается вывод о том, что современная практика «культурной отмены» в международном контексте утрачивает этическую основу и превращается в инструмент мягкой силы. В заключение обсуждается возможность деколонизации культуры без разрыва межкультурных связей и предлагаются пути сохранения диалога даже в условиях геополитической напряженности.

Ключевые слова: культурная отмена, международный культурный диалог, soft power, ЮНЕСКО, культурная политика, деколонизация, Россия, Европа, Украина.

Abstract. The article examines the phenomenon of “cancel culture” as a contemporary challenge to international cultural dialogue. It traces the evolution of this practice from a tool of civic protest in Western societies to a mechanism of political pressure in international relations. Particular attention is paid to case studies from 2022–2024 concerning restrictions on Russian cultural ensembles in Europe and the boycott of Ukrainian performers in Russia. Drawing on UNESCO normative documents, reports from European and Russian cultural institutions, and publications by domestic and foreign scholars, the article argues that the current international practice of “cancel culture” has lost its ethical foundation and has become an instrument of soft power. The conclusion explores the possibility of decolonizing culture without severing intercultural ties and proposes ways to preserve dialogue even amid geopolitical tensions.

Key words: cancel culture, international cultural dialogue, soft power, UNESCO, cultural policy, decolonization, Russia, Europe, Ukraine.

Современный мир переживает глубокий кризис международного культурного диалога. Несмотря на технические возможности глобального взаимодействия, наблюдается тенденция к культурной изоляции, особенно в условиях геополитической напряженности. Одним из ключевых инструментов этой изоляции становится так называемая «культурная отмена» (*англ. *cancel culture**) — практика публичного осуждения и исключения личностей, институтов или целых народов из культурного пространства под предлогом нарушения доминирующих этических или политических норм [1].

Изначально возникнув в англоязычном дискурсе как реакция на системные несправедливости — расизм, сексизм, колониальное наследие — феномен быстро трансформировался в международном контексте. Сегодня он все чаще используется не как средство этической рефлексии, а как инструмент политического давления, особенно в отношениях между Россией и западными странами после февраля 2022 года.

Цель данной статьи — проанализировать, как практика «культурной отмены» влияет на международный культурный диалог, и определить, является ли она защитой этических норм или формой культурной санкции. Особое внимание уделено двум направлениям:

- 1) ограничению выступлений российских творческих коллективов в Европе (2022–2024 гг.);
- 2) бойкоту украинских исполнителей в России в тот же период.

Также рассматривается вопрос: возможна ли деколонизация культуры без разрыва межкультурных связей?

1. Эволюция феномена «культурной отмены»

Термин **cancel culture** получил широкое распространение в начале 2010-х годов в США и Великобритании. Его суть заключалась в том, что гражданское общество, не дожидаясь судебных решений или официальных санкций, публично осуждало деятелей культуры, политиков или бизнесменов за высказывания или действия, воспринимаемые как дискриминационные или аморальные [2]. Это был механизм горизонтального давления, направленный на изменение поведения через социальную изоляцию.

Однако уже к концу 2010-х годов феномен начал приобретать институциональные формы. Театры, фестивали, университеты и даже государственные органы начали официально отменять выступления, выставки и лекции на основе политических или этических соображений [3]. В международном контексте это привело к тому, что «отмена» стала частью стратегии мягкой силы (**soft power**), направленной на демонизацию целых государств через их культурных представителей.

Как отмечает российский культуролог И.А. Прохорова, «в условиях геополитического противостояния культура превращается из моста в баррикаду» [4]. При этом ключевая проблема заключается в стирании границы между художником и государством. Художник, даже если он не выражает поддержку официальной политике, автоматически становится «представителем режима» — и подвергается санкциям.

2. Кейсы 2022–2024 гг.:

Россия и Украина в эпицентре «культурной отмены»

2.1. Запреты на выступления российских коллективов в Европе

После начала специальной военной операции в феврале 2022 года европейские страны начали массово отменять гастроли российских творческих коллективов. Так, в марте 2022 года Лондонская королевская опера отменила выступление Мариинского театра, сославшись на «неприемлемость сотрудничества с российскими государственными институтами» [5]. Аналогичные решения были приняты в Париже, Праге, Вене и Зальцбурге.

Официальная мотивация — солидарность с Украиной и неприятие «агрессии». Однако, как подчеркивает Европейский фонд культуры в своем отчете 2023 года, такие меры «подрывают саму основу культурного диалога — возможность слышать другого, даже если он “не прав”» [6].

Важно отметить, что запреты касались не только коллективов, финансируемых государством, но и независимых артистов, выступавших за границы на частные средства. Например, в 2023 году немецкий фестиваль «Musikfest Berlin» отказался от участия российского пианиста Дениса Мацуева, несмотря на его публичные заявления о нейтралитете.

2.2. Бойкот украинских исполнителей в России

В ответ на агрессивную риторику ряда украинских деятелей культуры в России также были введены ограничения. В 2022 году Роскомнадзор рекомендовал медиаорганизациям воздержаться от трансляции музыки исполнителей, призывающих к насилию против россиян. В частности, под запрет попали такие артисты, как Jamala и Monatik [7].

Кроме того, Минюст РФ включил ряд украинских фильмов в перечень экстремистских материалов [7]. Мотивировка — «защита национальных ценностей и общественной безопасности».

Хотя эти меры носят ответный характер, они также способствуют поляризации культурного пространства. Как отмечает Министерство культуры РФ в докладе «Культура в условиях санкционного давления» (2023), «ограничения применяются из-

бирательно и только в отношении тех, кто открыто поддерживает враждебные действия» [9; 11, с. 7]. Тем не менее, общий эффект — утрата общих культурных кодов, которые десятилетиями формировались в постсоветском пространстве.

3. Этическая защита или политическое давление?

Существует два противоположных взгляда на практику «культурной отмены».

С одной стороны, сторонники бойкотов ссылаются на идею о том, что «культура не нейтральна». Как писала Сьюзен Сонтаг еще в 1967 году, «молчание в условиях насилия — форма соучастия» [10]. В этом смысле отказ от сотрудничества с представителями «недружественного государства» может восприниматься как этический жест солидарности.

Однако с другой стороны, Конвенция ЮНЕСКО 2005 года «О защите и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения» прямо утверждает, что «культурное разнообразие может быть источником взаимного обогащения и диалога» и что «культура не должна использоваться в качестве инструмента политического давления» [11].

Более того, исторический опыт показывает, что культурные обмены даже в периоды конфликтов способствовали снижению напряженности. В годы Холодной войны джазовые фестивали, выставки и гастроли театров стали редкими, но действенными каналами диалога между Востоком и Западом [12]. Сегодня же наблюдается обратная тенденция: культура становится не мостом, а оружием.

Как пишет философ Б. Гройс, «когда культура превращается в инструмент санкций, она перестает быть культурой — она становится частью пропагандистской машины» [13].

4. Деколонизация культуры без разрыва связей: возможна ли?

Современный дискурс все чаще включает понятие «деколонизации культуры» — переосмысления иерархий, доминиро-

вания и центров культурного влияния. Однако подлинная деколонизация не должна означать изоляцию или уничтожение «чужого». Напротив, она предполагает расширение канона, включение маргинализированных голосов и создание горизонтальных связей.

В этом контексте особенно показателен опыт фестиваля «Культуры мира», прошедшего в Тбилиси в 2023 году. На нем выступали артисты из России, Украины, Беларуси и стран ЕС — не для примирения, а для сохранения диалога [14]. Это пример того, как культура может функционировать даже в условиях конфликта — если отказаться от ультиматумов.

Важно подчеркнуть: деколонизация не означает замещение Пушкина Воле Шойником (нигерийским писателем). Это не борьба за вытеснение, а расширение поля. Как отмечает А. Сен, «идентичность — не тюрьма» [15]. То же можно сказать и о культуре: она не должна становиться границей. Она — мост.

В России поддержка таких инициатив осуществляется через Россотрудничество и Министерство культуры [16]. В 2023–2024 гг. были организованы культурные недели в Сербии, Индии, Китае и странах БРИКС, где акцент делался именно на диалоге, а не на политических лозунгах.

Заключение

«Культурная отмена» в ее современном международном виде — это не защита этики, а симптом кризиса диалога. Когда сложные вопросы заменяются простыми запретами, теряется главное — возможность влиять, менять, понимать.

Россия остается открытой для культурного обмена, но не на условиях ультиматумов. Мы верим, что настоящее искусство не знает границ и не подлежит «отмене». Его можно только замолчать — но молчание не решает конфликтов, оно лишь создает вакуум, который заполняется ненавистью.

Задача культурных деятелей, исследователей и политиков — не отменять, а трансформировать. Не молчать, а говорить — даже тогда, когда это больно. Потому что культура без диалога — это не культура. Это эхо.

Список литературы

1. Ng E. No Cancellation Without Representation: On the Political Limits of Cancel Culture // *Signs: Journal of Women in Culture and Society*. — 2020. — Vol. 46/ — No 1. — P. 5–28.
2. Butler J. Who's Afraid of Cancel Culture? // *Public Seminar*. — 2022. — URL: <https://publicseminar.org/>
3. European Cultural Foundation. Culture in Times of War: Solidarity and Censorship. — Amsterdam, 2023. — 45 p.
4. Прохорова И.А. Культура под санкциями: этика или политика? // *Неприкосновенный запас*. — 2022. — № 4 (146). — С. 40–48.
5. BBC News. Mariinsky Theatre cancels London performances amid Ukraine crisis. — 2022. March 3. — URL: <https://www.bbc.com/news> (дата обращения: 12.09.2025).
6. European Cultural Foundation. — Culture in Times of War: Solidarity and Censorship. — Amsterdam, 2023. — 18 p.
7. Роскомнадзор. Рекомендации по ограничению трансляции контента украинских исполнителей. — 2022. — URL: <https://rkn.gov.ru> (дата обращения: 15.09.2025).
8. Минюст России. Перечень экстремистских материалов. — URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7174/> (дата обращения: 15.09.2025).
9. Министерство культуры РФ. Культура в условиях санкционного давления: аналитический доклад. — М., 2023. — 32 с.
10. Sontag S. On Photography. — N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 1967. — 208 p.
11. ЮНЕСКО. Конвенция о защите и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения. — Париж, 2005. — URL: <https://unesdoc.unesco.org> (дата обращения: 16.09.2025).
12. Caute D. The Dancer Defects: The Struggle for Cultural Supremacy during the Cold War. — Oxford University Press, 2003. — 704 p.
13. Гройс Б. Интервью о культуре и войне // *Российская газета*. — 2023. — 15 марта. — С. 12.
14. Фестиваль «Культуры мира». Официальный сайт. — Тбилиси, 2023. — URL: <https://cultureofpeace.ge>.
15. Sen A. Identity and Violence: The Illusion of Destiny. — N.Y.: W.W. Norton & Company, 2006. — 208 p.
16. Россотрудничество. Годовой отчет о международных культурных мероприятиях. — М., 2024. — 56 с.

Чертов Е.Н.,

студент,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

РОССИЯ В ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ТЕОРИИ Н.Я. ДАНИЛЕВСКОГО

Chertov E.N.,

Student,

V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow

zh.chertov@yandex

RUSSIA IN THE CIVILIZATIONAL THEORY OF N.Y. DANILEVSKY

Аннотация. В статье рассмотрена теория культурно-исторических типов Николая Яковлевича Данилевского и место России в ее аспекте. Рассмотрены основные предпосылки формирования цивилизационного подхода в рамках главной работы автора «Россия и Европа». Нынешнее состояние международных отношений и ничем не прикрытая русофобская политика определенных стран актуализируют и даже конституционализируют теорию культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского на всечеловеческом уровне. Объектом статьи является труд Н.Я. Данилевского «Россия и Европа», предметом методологический потенциал идей Н.Я. Данилевского.

Ключевые слова: теория культурно-исторических типов, цивилизационный подход, эволюция, обобщение.

Abstract. The article examines the theory of cultural and historical types by Nikolai Yakovlevich Danilevsky and the place of Russia in its aspect. The main prerequisites for the formation of a civilizational approach within the framework of the author's main work "Russia and Europe" are considered. The current state of international relations and the undisguised Russophobic policies of certain countries actualize and even constitutionalize N.Ya. Danilevsky's theory of cultural and historical types on a universal level. The object of the article is the work of N.Ya. Danilevsky "Russia and Europe", the subject is the methodological potential of N.Ya. Danilevsky's ideas. Danilevsky.

Key words: theory of cultural and historical types, civilizational approach, evolution, generalization.

Актуальность труда Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» трудно переоценить. Во-первых, после катастрофического развала СССР и окончания существования ОВД, страны запада и, в частности, НАТО не прекратили движение в сторону западных границ России. Иллюзии о вхождении России в «европейский дом» или о добрососедских дружеских отношениях с западом окончательно развеялись после начала Специальной Военной Операции. Во-вторых, экономический успех Китая и Индии, Японии и многих азиатских стран начавшийся с переосмысления и самоидентификации на почвеннических началах и культурных ценностях. Следовательно, цивилизационная парадигма не только способствует внешнеполитической самореализации государства, но и позволяет развивать широкий спектр вопросов внутренней политики.

После победы России в войне с мощнейшей европейской державой в 1812 г. естественным образом в обществе возникает потребность самоидентификации. Об актуальности поиска миссии России после Отечественной войны говорит Е.Н. Моцелков: «Проникнуть в глубину таких фундаментальных вопросов как «русская идея» или «русские начала» невозможно было без философии. Поэтому закономерно, период 30–40-х гг. — это время расцвета философии в России».

Либеральное крыло России в XIX в. было настолько ярким и представительным, что на рубеже 30–40-х гг. XIX в. привело к образованию двух идейно противоборствующих групп — славянофилов и западников. Либеральное течение базировалось на стремлении многих просвещенных людей смягчить или отменить крепостное право, изменить социально-политический строй и создать конституционную монархию. Опасаясь революции, представители либерального крыла предложили провести широкие демократические реформы. Однако, несмотря на наличие общих интересов, противоречия в либеральном лагере были более чем существенными, поскольку не было сформировано сколько-нибудь целостное представление ни о национальной истории, ни о конечных целях социально-политических преобразований.

Сторонники западнического направления политической мысли считали, что России необходимо развиваться параллель-

но европейской цивилизации. Противопоставление России и Запада полностью отвергалось, а отличительной чертой, по мнению западников, являлось закономерное историческое отставание России, что обусловлено заимствованием достижения подлинной, т. е. европейской цивилизации. Западники выступали за всеобщее просвещение народа и только в этом видели возможность модернизации социально-политического строя страны. Представители западнического крыла политической мысли отвергали крепостнические порядки. Идеология Просвещения влияла на определение смысла культуры, позволяла воспринимать отношения между Россией и Европой в новом ракурсе — видеть общечеловеческие и национальные начала в жизни.

Славянофилы пытались определить и обосновать особый исторический путь развития России. Особое внимание уделялось при этом национальной самобытности. Представители славянофильского крыла либеральной мысли считали Европейский капитализм порочной системой, несущей развращение нравов и обнищание народа. Славянофилы предлагали вернуться к практике земских соборов, которые представляли власти общественное мнение. К тому же развитие промышленности и экономики считалось необходимым условием для достижения успеха. Славянофилы уделяли огромную роль Православию, считая каноническую христианскую веру глубоко нравственной религией. По мнению славянофилов, коллективистский дух русского народа основная психологическая черта, разделяющая Россию от Запада, восхваляющего индивидуалистические ценности.

На фоне идейной борьбы славянофилов и западников в свет выходит труд Н.Я. Данилевского «Россия и Европа». Впервые книга «Россия и Европа» была издана в журнальном варианте — на протяжении всего 1869 г. в журнале «Заря» В. Кашпирева публиковались главы труда.

Лейтмотивом концепции Н.Я. Данилевского является утверждение, что мировое развитие определяется не национальными государствами, не историческими фактами, а культурно-историческими типами народностей, или цивилизациями. Под цивилизацией он понимает «раскрытие начал, лежащих в особенностях духовной природы народов, составляющих куль-

турно-исторический тип, под влиянием своеобразных высших условий, которыми они подтверждаются в течение своей жизни» [1, с. 370]. То есть, он имеет в виду менталитет народа, его традиции, историю, культуру, самобытность.

Исследование «России и Европы» Н.Я. Данилевского в хронологическом порядке позволяет выявить предпосылки, оказавшие влияние на появление теории культурно-исторических типов. Первая глава обращает внимание читателя на два исторических события, произошедших в 1864 и 1854 гг. В 1864 г. Пруссия и Австрия нападают на Данию и завоевывают две области с двумя пятыми ее подданных, несмотря на то, что не прошло и тридцати лет после закрепления данных земель за Данией Лондонским конгрессом. К тому же следует отметить, что Дания являлась одной из самых маленьких европейских стран, которая представляла собой либеральное, гуманное в высшей степени государство и, что самое главное, не воинственное. Австрия же с Пруссией представляли собой мощные европейские державы с сильными армиями. Явственно просматривается ситуация, в которой сильный, нарушая международные порядки, отнимает земли у слабого. В данном вопросе, учитывая установления «системы европейских государств» следовало бы ожидать, что могущественные европейские державы вмешаются и урегулируют ситуацию в рамках сложившихся соглашений Лондонской конференции. Однако никакого вмешательства со стороны третьих государств не происходит, и дерзновенная выходка Австрии и Пруссии остается «незамеченной».

Вторая дата, приведенная автором, — 1854 г. Россия, защищая единоверцев в Турции, по праву, данному восемьдесят лет назад Кючук-Кайнарджинским мирным договором, вступает в конфликт с Турцией. Следует учесть, что Россия в то время была включена в политическую систему европейских государств, в отличие от Турции, к тому же великие державы Европы участвовали при подписании мирного договора упомянутого выше. Однако, несмотря на законность и справедливость требований, Англия и Франция объявляют войну России, в коалицию вовлекается Сардиния, а Австрия занимает угрожающую позицию. Таким образом, две приведенные даты позволяют уви-

деть то, что ныне называется политикой «двойных стандартов», а по словам Н.Я. Данилевского: «меряние разными мерами и вешание разными весами» со стороны сплоченной Европы по отношению к России».

Названием второй главы становится вопрос, Европа ли Россия? Н.Я. Данилевский отвергает географическое деление цивилизаций по частям света, доказывая искусственность такого деления. Вместо этого предлагается более универсальный принцип, а именно культурологический. Народы, по его мнению, подразделяются на 3 группы: 1) народы, развивающие начала, заключавшееся в особенностях его духовной природы, в особенностях высших условий жизни, т.е. положительные деятели в истории человечества; 2) временно появляющиеся, совершающие разрушительный «подвиг» — отрицательные деятели человечества (например, гунны) и 3) народы, которым не суждена ни положительная, ни отрицательная роль — этнографический материал. Данилевский перечисляет культурно-исторические типы, самобытные цивилизации в хронологическом порядке: 1) египетский, 2) китайский, 3) ассирийско-вавилоно-финикийский, халдейский или древнесемитский, 4) индийский, 5) иранский, 6) еврейский, 7) греческий, 8) римский, 9) ново-семитский и 10) германо-романский, или европейский.

Данилевский указывает на культурное различие России и Европы с помощью исторических примеров. По его мнению, Россия «не питалась ни одним из тех корней, которыми всасывала Европа как благотворные, так и вредоносные соки непосредственно из почвы ею же разрушенного Древнего мира, — не питалась и теми корнями, которые почерпали пищу из глубины германского духа. Не составляла она части возобновленной Римской империи Карла Великого, которая составляет как бы общий ствол, через разделение которого образовалось все многоветвистое европейское дерево, не входила в состав той теократической федерации, которая заменила Карлову монархию, — не связывалась в одно общее тело феодально-аристократической сетью, которая (как во время Карла, так и во время своего рыцарского цвета) не имела в себе почти ничего национального, а представляла собой учреждение обще-европейское, в полном смысле это-

го слова. Затем, когда настал новый век и зачался новый порядок вещей, Россия также не участвовала в борьбе с феодальным насилием, которое привело к обеспечениям той формы гражданской свободы, которую выработала эта борьба; не боролась и с гнетом ложной формы христианства (продуктом лжи, гордости и невежества, величающим себя католичеством) и не имеет нужды в той форме религиозной свободы, которая называется протестантством. Таким образом, Н.Я. Данилевский доказывает, что Россия — не Европа, поскольку они представляют собой две отдельные политические единицы, появившиеся не на тождественной основе и, соответственно, являющиеся двумя «обособленными» цивилизациями.

Для того чтобы продемонстрировать симбиоз политики и культуры, государственного и цивилизационного развития, Н.Я. Данилевский большую часть исследования посвящает отношениям России и Европы. И это представляется вполне закономерным не только потому, что в течение всей истории российской государственности существовали самые тесные контакты между Россией и европейскими странами, но и в силу огромных заимствований, как институциональных при формировании государственных структур, так и культурно-языковых, экономических и социальных. Своеобразен и взгляд Н.Я. Данилевского на само понятие «Европа». В географическом плане — Европа является западным полуостровом обширного материка, который искусственно Уральским хребтом разделен на две части. Смысл понятия «Европа» не географический, а культурно-исторический, это поприще германо-романской цивилизации. Данилевский ставит во главу угла принципиальные отличия в генезисе Европейской и Русской цивилизаций, которое было предрешиено религиозными противоречиями и, что не менее важно, скрытыми факторами, связанными с различиями культурно-исторических типов и, соответственно, цивилизационных потенциалов России и Европы, что отразилось и в политической сфере, предопределив контрпродуктивное противостояние континента с Россией.

Проследивая судьбу каждой из цивилизаций, Данилевский формирует 5 законов исторического развития: 1) общность язы-

ка или группы языков, близких между собой; 2) политическая независимость народов культурно-исторического типа; 3) непередаваемость цивилизации одного культурно-исторического типа другому, хотя возможно и влияние предшествующих и современных цивилизаций; 4) цивилизации достигают полноты, разнообразия и богатства, когда этнографические элементы ее составляющие пользуются независимостью, составляют федерацию или политическую систему; 5) закон краткости периодов существования цивилизаций.

В свете ранее сказанного обращает на себя внимание закон о непередаваемости цивилизаций. На примерах истории Н.Я. Данилевский утверждает, что «начала, лежащие в народе одного культурно-исторического типа (которые при самобытном развитии должны принести самые богатые плоды), могут быть искажены, уничтожены, но не могут быть заменены другими началами, составляющими принадлежность другого культурно-исторического типа, — иначе как с уничтожением самого народа, т.е. обращением его из самостоятельного деятеля в этнографический материал» [1, с. 154]. Но воздействие одного вида цивилизации на другой возможно (колонизация, прививка и, главное, свободное отношение народов одного типа к результатам деятельности другого) при сохранении политической независимости и самобытности.

Перед Россией, по мнению Н.Я. Данилевского, стоит альтернатива: или вместе с другими славянскими народами образовать самостоятельный культурно-исторический тип — всеславянский союз или превратиться в этнографический материал, лишиться своего культурно-исторического значения. Россия должна занять достойное себе и славянства место в истории, стать главой особой самостоятельной политической системы государства и служить противовесом Европе.

Глубокое знание и понимание истории — и общей, и отечественной, а также исследовательская интуиция, основанная на выверенной методологии, помогают Данилевскому обнаружить причинно-следственные связи в явлениях, на первый взгляд не поддающихся объяснению. В значительной мере это стало возможным благодаря анализу «реперных точек» исто-

рии — судьбоносных событий, которые, согласно теории Данилевского, могут совпадать по времени, что иногда приводит к масштабным изменениям, способным повлиять на ход мировой истории. Это совпадение он называет историческим синхронизмом, который, по словам создателя этой теории, «всего очевиднее и поразительнее указывают на разумность проявляющегося в истории мироправления». Эта мысль явно созвучна с гегелевским тезисом о том, что все действительное разумно. При этом Данилевский очень ярко и метафорично описывает логику исторического синхронизма: «Исследуя явления природы или истории, мы постепенно восходим от фактов частных к более общим, которые и суть причины первых. Частные явления представляются нам в виде сходящихся лучей, которые все сходятся к некоторым центральным точкам, в свою очередь соединяющимся с другими центрами высшего порядка и т.д. Это отнесение частных к более общему началу и считаем мы объяснением явлений, к которому наш ум неудержимо стремится» [1, с. 261].

В качестве примера таких «поворотов и истории», которым приводит синхронизация многих исторических событий, без которой эти события сами по себе потеряли бы большую часть своего значения, Данилевский называет изобретение (открытие) книгопечатания, взятие Константинополя турками и открытие Америки. Все они произошли не одновременно, но почти одновременно и имели, по его словам, в своем совокупном влиянии «такую важность, что она была сочтена достаточной для разграничения великих отделов жизни человечества» [2].

Сравнительно с греческим и европейским культурно-историческими типами славянские народы не достигли больших успехов в науках и искусстве. Данилевский объясняет это молодостью славянской цивилизации и неблагоприятными обстоятельствами ее развития (затянувшийся период становления государства). Напряженность государственной жизни времен Московского государства сменилась Петровскими реформами, сущность которых была в основном политическо-государственной. Но это утвердило политическую самостоятельность и могущество России.

Россия, таким образом, обладает всеми условиями, чтобы возглавить славянскую цивилизацию, которая превзойдет своими успехами все существовавшие и существующие цивилизации. Россия не входит ни в западную, ни в восточные цивилизации, ей необходимо проводить самостоятельно свои внешнеполитические и внутривнутриполитические действия.

Проект Всеславянского союза, рекомендуемый Данилевским, безусловно, утопичен. Но если смотреть на этот вопрос шире, то сама мысль о возможности политической интеграции народов и государств, обладающих общностью языка, психологического склада ума и духовной близостью верна.

Предложенная Н.Я. Данилевским теория культурно-исторических типов становится универсальным инструментом анализа политики государств вплоть до наших дней. Дело в том, что именно он соединил две проблемы, каждая из которых рассматривалась прежде изолированно — генезис локальных цивилизаций, включая сюда общие закономерности, обеспечивающие эффективность и долговечность той или иной цивилизации, что, согласно Данилевскому обусловлено ее типологией, и государственным устройством. Его первыми последователями в этом отношении, которые, впрочем, не воспроизвели и даже не восприняли типологизацию Данилевского, следует назвать О. Шпенглера («Закат Европы») и А. Тойнби («Постижение истории»).

Актуальность цивилизационной проблематики в сфере политической мысли не требует излишних доказательств, хотя она с немалым трудом (особенно теория локальных цивилизаций) пробивает себе дорогу и в научно-политическом дискурсе, и в языке самой политики. Только в последние годы заговорили о том, что цивилизационный подход стал мейнстримом современности, что обусловлено рядом причин. Во-первых, роль мировых цивилизаций как стержня глобальной политической системы стала очевидной после начала медленного крушения однополярной политической системы, и жесткого разрыва в отношениях России и Западного мира. Во-вторых, страны-цивилизации, в том числе и современная Россия, занимают особую нишу в мировом пространстве во много благодаря тому, что

опираются на собственную цивилизационную специфику и декларируют это, о чем свидетельствуют изменения, внесенные в Конституцию России и целый ряд стратегических документов последнего времени. И, в-третьих, сами международные отношения выстраиваются на основе сближения цивилизационных миров, хотя чрезвычайно сильно стремление ряда ведущих акторов геополитики разыграть карту «конфликта цивилизаций» для прикрытия своих интересов. Таким образом, теория культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского задает новую парадигму исследований политических процессов в науке, перманентно актуализируясь с момента создания. Унификационная концепция глобализации, являющаяся обоснованием закрепления статус-кво в пользу «победителей», научное обоснование которой «конец истории», представляет собой вызов человечеству, ответом на который может послужить только цивилизационный подход.

Список литературы

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа / сост. и комм. Ю.А. Белова; отв. ред. О. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2008.
2. Бобылев В.Ю. Жизнеутверждающее историческое прошлое — фундамент суверенитета и национальной безопасности России // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. — 2025. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhizneutverzhdayshee-istoricheskoe-proshloe-fundament-suvereniteta-i-natsionalnoy-bezopasnosti-rossii> (дата обращения: 16.10.2025).
3. Белинский А. «Вроде как всегда»? Холодная война и геополитический кризис 2022 г.: сравнительный анализ // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. — 2025. — № 77 (93). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vrode-vse-kak-vsegda-holodnaya-voyna-i-geopoliticheskiy-krizis-2022-g-sravnitelnyy-analiz> (дата обращения: 18.10.2025).
4. Пашковский П.И., Крыжко Е.В., Крыжко Л.А. Русофобия как компонент современного геополитического противоборства: глобальное и региональное измерение // Регионология. — 2025. — № 1. — URL: <https://>

cyberleninka.ru/article/n/rusofobiya-kak-komponent-sovremennogo-geopoliticheskogo-protivoborstva-globalnoe-i-regionalnoe-izmereniya (дата обращения: 16.10.2025).

5. *Комлева Н.А.* Специфика процесса цивилизационного противоборства Запада и России на современном этапе // Российский социально-гуманитарный журнал. — 2025. — № 2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-protsesssa-tsivilizatsionnogo-protivoborstva-zapada-i-rossii-na-sovremennom-etape> (дата обращения: 17.10.2025).
6. *Жильцов С.С.* Большое евразийское партнерство: итоги, проблемы и перспективы // Постсоветские исследования. — 2025. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bolshoe-evraziyskoe-partnerstvo-itogi-problemy-i-perspektivy> (дата обращения: 18.10.2025).
7. *Малик Е.Н.* Укрепление государственного суверенитета Российской Федерации в контексте глобальных геополитических и цивилизационных вызовов // Вестник Прикамского социального института. — 2025. — № 1 (100). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ukreplenie-gosudarstvennogo-suvereniteta-rossiyskoy-federatsii-v-kontekste-globalnyh-geopoliticheskikh-i-tsivilizatsionnyh-vyzovov> (дата обращения: 18.10.2025).

Шафиков К.Р.,

студент,

ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», Люберцы

Дзюбан В.В.,

доктор исторических наук, кандидат педагогических работ,

профессор кафедры гуманитарных дисциплин,

ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», Люберцы

ТРАДИЦИИ И ОБРЯДЫ: КУЛЬТУРНЫЙ КОД, СКРЕПЛЯЮЩИЙ ПОКОЛЕНИЯ РОССИИ

Shafikov K.R.,

Student,

GKOU HE “Russian Customs Academy”, Lyubertsy

haruto1890@mail.ru

Dzyuban V.V.,

Doctor of Historical Sciences, PhD in Pedagogical Sciences,

Professor of the Department of “Humanities”,

GKOU HE “Russian Customs Academy”, Lyubertsy

bryanskstudzuban@mail.ru

TRADITIONS AND RITES: THE CULTURAL CODE THAT BONDS RUSSIA'S GENERATIONS

Аннотация. Данная исследовательская работа посвящена комплексному анализу традиций и обрядов как ключевых элементов культурного кода, обеспечивающих преемственность между поколениями. В фокусе исследования — механизмы трансляции культурной памяти через ритуальные практики и их адаптация в условиях современности.

В работе будет рассматриваться:

Сущность и функции культурного кода как системы символов и смыслов. Классификация традиций и обрядов и их роль в формировании коллективной идентичности. Социально-психологические аспекты обрядов: их влияние на личность и укрепление внутригрупповых связей. Вызовам современности: угрозам разрыва межпоколенческих связей в глобализирующемся мире и роли традиций как «якоря» стабильности.

Ключевые слова: традиции; обычаи; обряды; культура; ритуал.

Abstract. This research paper focuses on a comprehensive analysis of traditions and rituals as key elements of the cultural code that ensure continuity between generations. The study explores the mechanisms of cultural memory transmission through ritual practices and their adaptation in modern times.

The paper will examine:

The essence and functions of the cultural code as a system of symbols and meanings. The classification of traditions and rituals and their role in shaping collective identity. The socio-psychological aspects of rituals, including their impact on individuals and the strengthening of intra-group bonds. The challenges of the modern world: the threat of intergenerational disconnect in a globalizing world and the role of traditions as an anchor of stability.

Key words: traditions; customs; rituals; culture; ceremony.

Праздник выступает важнейшим механизмом сохранения национального наследия и живой народной культуры, обеспечивая их трансляцию от предков к потомкам и формируя тем самым уникальный культурный код нации. Проблема сохранения и актуализации праздничной культуры является чрезвычайно востребованной в наши дни. Это напрямую связано с наблюдаемым в обществе высоким динамизмом, который зачастую приводит к эрозии традиционных форм общения и угрозе утраты духовных связей между людьми [1].

Традиции являются культурным кодом, который отвечает на ключевые вопросы: «Кто мы?», «Чем мы отличаемся от других?». Без них размывается национальное и личное самосознание. Традиции — это живая связь с предками. Обычай знать свою родословную — это не просто формальность, а практика воспитания уважения к истории своей семьи и, как следствие, своего народа. Народные традиции представляют собой фундаментальный элемент культуры, воплощая в себе свод правил, норм поведения, обычаев и обрядов. Эти процедуры отражают уникальное сознание народа и выполняют роль маркера, позволяя проводить культурную идентификацию, разделяя людей на «своих» и «чужих» через такие проявления, как речь, одежда, мировоззрение и психология. Ярким примером служат национальные костюмы, визитная карточка каждой нации. Социаль-

ные традиции — это унаследованные от предков общественные устои, регулирующие взаимодействие между людьми. Особое место среди них занимают семейные традиции, которые в прошлом почитались всеми слоями общества, в отличие от ситуации в современном мире, где многие из этих практик утрачены. Причины этого кроются в глобализации, проникновении западных культурных элементов и трансформации морально-нравственных ориентиров. Показывая, что раньше каждая семья стремилась «знать свою родню до десятого колена», что находило отражение в составлении подробных генеалогических древ [2].

Традиции зарождаются в самой гуще народной жизни, являясь органичным порождением ее уклада. Их формирование — это естественный ответ на вызовы повседневности, глубинные верования, циклы природы и переломные моменты общей истории. Яркой иллюстрацией этому служат такие архаичные русские праздники, как Масленица и День Ивана Купалы. Возникнув в языческую эпоху, они демонстрируют удивительную жизнеспособность, сохраняя свою актуальность и эмоциональную притягательность для современных людей, которые продолжают широко и с удовольствием их отмечать. В то же время традиции могут быть не только стихийным, но и целенаправленно создаваемым инструментом. Государство, осознавая их мощный консолидирующий потенциал, часто инициирует внедрение в общественное сознание определенных моделей поведения и памятных дат. Удачным примером такой успешно прижившейся «новой старой» традиции является День народного единства 4 ноября. Несмотря на свой относительно молодой возраст — он был учрежден лишь 16 лет назад — этот праздник уже прочно вошел в культурный календарь страны, выполняя важную задачу по укреплению общенациональной идентичности и исторической памяти [3].

Элементы русской культуры активно переосмысливаются в современном искусстве, моде и медиа. Фольклорные мотивы, традиционные орнаменты и образы Древней Руси находят новое воплощение — от коллекций одежды до кинопроектов и цифрового искусства. Это не просто стилизация, а живой диалог с наследием, помогающий сохранить культурную идентичность в условиях глобализации [4].

Традиции, представляя собой комплекс устоявшихся обычаев, ритуалов и символов, выступают важнейшим социальным клеем, который связывает разрозненных индивидов в целостную культурную общность. Они функционируют как живой носитель коллективной памяти, аккумулируя и транслируя уникальный опыт предыдущих поколений. Эта передача не только обеспечивает преемственность, но и формирует у человека глубокое, эмоционально окрашенное чувство принадлежности к большой группе, ощущение сопричастности ее историческому пути, системе ценностей и уникальному миропониманию. Особенно ярко эта объединяющая сила традиций проявляется в переломные моменты истории. В периоды кризисов, внешних угроз или внутренних трансформаций именно обращение к общим ритуалам, праздникам и национальным мифам становится мощным инструментом мобилизации и духовного объединения. Как показывает исторический опыт, такие глубинные культурные коды способны пробудить в людях солидарность, направить их энергию на защиту общих интересов и восстановление социального порядка, выступая тем самым гарантом сохранения идентичности народа перед лицом любых перемен. Таким образом, традиции — это не пережиток прошлого, а динамичный механизм, который обеспечивает устойчивость общества, одновременно позволяя ему адаптироваться, не теряя своего фундаментального культурного ядра [5].

Ритуалы оказывают глубокое влияние на человеческую психику, создавая особое пространство для выражения эмоций, осмысления травматического опыта и поддержки коллективных чувств. Они помогают людям справляться с тревогой и неопределенностью, формируя общие смыслы, ценности и установки, которые объединяют общество. В периоды стресса или кризиса ритуалы становятся своего рода психологическим якорем — они возвращают ощущение устойчивости, порядка и контроля над происходящим. Кроме того, участие в ритуалах укрепляет чувство принадлежности и сопричастности, напоминая человеку, что он не один в своих переживаниях, а является частью большего целого [6].

На сегодня способы сохранения русской культуры среди граждан нашей страны — это предыдущие поколения. Именно они

объясняют важность и значимость традиций и обычаев. Точно так же, как и старшее поколение унаследовало знания и умения, которые достались им от их родителей. Также не стоит забывать про исторические музеи, которые может посетить любой желающий человек. Там происходит культурная социализация и обогащение знаниями о наших предках, их образе жизни и обычаях.

Современные писатели и режиссеры, обращаясь к историческим сюжетам, былинам и классической литературе, переосмысливают их на языке современного искусства. Это помогает новым поколениям увидеть в героях прошлого живых людей с близкими им чувствами и стремлениями, находя в истории ответы на вызовы сегодняшнего дня

Таким образом, традиции и культура России выступают прочной связующей нитью между поколениями, передавая от предков к потомкам духовные ценности, уважение к истории, любви к Родине и семье. Через обычаи, народное творчество, праздники и язык сохраняются национальная самобытность и чувство единства, которое помогает разным поколениям понимать и поддерживать друг друга. Именно культура и традиции делают Россию единой, сильной и духовно богатой страной, где прошлое, настоящее и будущее неразрывно связаны. Эта связь — не просто наследие, а живой, пульсирующий источник силы. Она проявляется в нашей повседневности: в готовности прийти на помощь ближнему, в щедрости души, в стойкости перед любыми испытаниями. Из поколения в поколение наши предки закаляли этот дух, и сегодня он служит нравственным ориентиром, не позволяя забыть, кто мы и какую цену заплатили за наше мирное небо. Беречь это наследие — значит не только чтить память, но и сознательно строить будущее, в котором наши дети и внуки будут гордиться своей страной и продолжать ее славную историю.

Список литературы

1. *Сидорова М.Е.* Значение народных традиций и их сохранение в современных календарных обрядах и праздниках / Молодой ученый — 2020. — № 23(313). — С. 682–684.

2. Биктагирова Г.Ф. Междисциплинарный анализ понятия «традиция» // *Фундаментальные исследования*. — 2013. — № 6 (часть 3). — С. 725–729 — URL: <https://moluch.ru/archive/313/71245>.
3. Национальная социологическая энциклопедия / сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. // 2003. — URL: <http://school11sp.ru/data/uploads/docs/vneclassnoe-meropriyatie/copilka/...-6-2-6.pdf>.
4. Почему связь с предками актуальна сегодня? // URL: <https://www.baby.ru/russia-budushhego/article/pocemu-sviaz-s-predkami-aktualna-segodnia>.
5. Роль традиций в развитии коллективной идентичности // URL: <https://proza.ru/2025/09/26/1837>.
6. Психология ритуалов и их влияние на сообщество // URL: <https://proza.ru/2024/10/31/1397>.

Шорохова Ю.С.,

студент,

ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», Люберцы

Дзюбан В.В.,

доктор исторических наук, кандидат педагогических работ,

профессор кафедры гуманитарных дисциплин,

ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», Люберцы

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ОСНОВА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Shorokhova Yu.S.,

Student,

GKOU HE "Russian Customs Academy", Lyubertsy

juliashoroh18@gmail.com

Dzyuban V.V.,

Doctor of Historical Sciences, PhD in Pedagogical Sciences,

Professor of the Department of "Humanities",

GKOU HE "Russian Customs Academy", Lyubertsy

bryanskstudzuban@mail.ru

CULTURAL HERITAGE AS THE BASIS OF NATIONAL IDENTITY

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли культурного наследия в формировании национальной идентичности. В условиях глобализации, когда происходит активное смешение культур, сохранение культурных ценностей становится особенно важным для укрепления уникальности нации и передачи ее традиций будущим поколениям. В работе рассматриваются влияние культурного наследия на идентичность, современные вызовы, связанные с его сохранением, а также предлагаются пути популяризации культурных ценностей среди молодежи. Данная тема актуальна в свете угрозы утраты национальных традиций и необходимости их сохранения.

Ключевые слова: культурное наследие, национальная идентичность, глобализация, сохранение традиций, популяризация культурных ценностей, молодежь.

Abstract. The article is dedicated to the study of the role of cultural heritage in the formation of national identity. In the context of globalization, where active cultural mixing occurs, the preservation of cultural values becomes particularly important for strengthening the uniqueness of a nation and passing its traditions to future generations. The work examines the influence of cultural heritage on identity, the contemporary challenges associated with its preservation, and proposes ways to promote cultural values among youth. This topic is relevant in light of the threats to the loss of national traditions and the necessity of their preservation.

Key words: cultural heritage, national identity, globalization, preservation of traditions, promotion of cultural values, youth.

Значение культурного наследия заключается в его способности укреплять культурную идентичность и способствовать развитию общества. Оно играет ключевую роль в формировании чувства принадлежности к определенной культуре и сохранении уникальности нации в условиях глобализации. Цветкова [12, с. 97] отмечает, что «изучение феномена идентичности необходимо для самосознания и реализации человека и благоприятного сосуществования гражданина и государства». Исследования ЮНЕСКО подтверждают, что сохранение культурного наследия не только укрепляет национальное самосознание, но и способствует развитию туризма. В 2019 году исторические памятники привлекли более 1,4 миллиарда международных туристов, что подчеркивает их значимость как в экономическом, так и в культурном аспектах.

Национальная идентичность представляет собой чувство принадлежности к определенной нации, которое формируется через общую культуру, язык, традиции и историю. Это чувство объединяет людей, создавая основу для их взаимодействия и взаимопонимания. Исследование Pew Research Center 2020 года показало, что 72% граждан США считают общие традиции и обычаи важными элементами национальной идентичности. Это подчеркивает значимость культурных и исторических аспектов в создании чувства единства нации. Согласно Арисланбаевой [1, с. 444], «национальная независимость, как защита национальной и духовной идентичности, должна сформироваться в сознании молодежи и населения не только как знание или воображе-

ние, но и как вера и убеждение». Это утверждение акцентирует внимание на необходимости формирования глубокой связи с национальными ценностями и идеалами, что способствует укреплению идентичности и единства нации.

Культурное наследие играет ключевую роль в формировании национальной идентичности, связывая поколения и передавая ценности. Оно служит основой для сохранения уникальных черт нации, формируя ее характер и мировоззрение. Культурная идентичность, в свою очередь, создает ощущение принадлежности к определенному этносу и типу цивилизации, что особенно важно для индивида в контексте цивилизационных и этнических процессов (Брызгалина [2, с. 481]. В России празднование Дня Победы 9 мая является важным элементом национальной идентичности, объединяющим народ через память о Великой Отечественной войне. Это событие символизирует преемственность традиций и укрепляет чувство принадлежности к стране и ее истории.

Культурное наследие играет ключевую роль в формировании национальной идентичности, представляя собой совокупность традиций, обычаев, памятников и искусства, передаваемых из поколения в поколение. Эти элементы создают уникальный облик нации и способствуют укреплению чувства принадлежности к ней. Н. Назаров отмечает, что «понимание национальной идентичности — это осознание влияния историко-культурных факторов на формирование и развитие национального менталитета» (Билалов [13, с. 45]). Согласно данным ЮНЕСКО, более 1121 объекта по всему миру включены в список Всемирного наследия, что подчеркивает их значимость для сохранения культурной идентичности народов. Примером служат Италия и Франция, где богатое культурное наследие привлекает миллионы туристов ежегодно. Это не только способствует экономическому развитию, но и усиливает национальную гордость и идентичность, укрепляя связь между историей и современностью.

Осознание культурного наследия является важным фактором в укреплении чувства принадлежности к нации. Праздники и мероприятия, такие как День народного единства в России, отмечаемый 4 ноября, напоминают гражданам о значимости обще-

го культурного наследия и способствуют национальному единству. Программы, например 'Культурные маршруты Европы', помогают людям осознавать их общее наследие, что укрепляет чувство принадлежности и гордости за свою культуру. Демкина [3, с. 455] подчеркивает, что «культурное наследие несет в себе особую ценность и значимость, и люди, которые понимают эту ценность, в первую очередь, проявляют уважение не только к тем людям, которые создавали это, но и к себе». Таким образом, осознание и популяризация культурного наследия играют ключевую роль в формировании и поддержании национальной идентичности.

Глобализация, как мощный процесс интеграции мировых экономик, культур и технологий, оказывает значительное влияние на сохранение уникальности культурного наследия. С одной стороны, она способствует унификации, что приводит к распространению доминирующих культурных моделей и вытеснению локальных традиций. Согласно данным ЮНЕСКО, более 40% языков мира находятся под угрозой исчезновения из-за перехода на более распространенные языки в условиях глобализации. При этом массовая урбанизация и развитие туризма вынуждают традиционные ремесла и искусства адаптироваться к международным стандартам, что неизбежно ведет к утрате их уникальности. В этом контексте стоит отметить, что «развитие национальных идентичностей в начале XXI в. протекает в ситуации, принципиально отличной от периода формирования наций в Западной Европе» (Екадумов [4, с. 27]). Таким образом, влияние глобализации на культурное наследие является многогранным и требует комплексного подхода к его изучению.

Глобализация открывает новые возможности для распространения и обмена культурными ценностями. Интернет и социальные сети позволяют мгновенно делиться элементами культуры, такими как музыка, фильмы и литература, что способствует их популяризации и признанию на международной арене. Международные фестивали, например, «Эдинбургский фестиваль искусств», объединяют представителей различных культур, поддерживая обмен традициями и взаимное обогащение. Процесс взаимного обогащения культур в эпоху глобализации выступает

компромиссной формой для сохранения национального самосознания и культурной идентичности. При этом, несмотря на риск утраты уникальности, глобализация создает платформу для сохранения и популяризации культурного наследия.

Утрата традиций и обычаев является одной из острых проблем современности, обусловленной множеством факторов. Глобализация, как важный элемент этого процесса, способствует унификации культуры, что негативно сказывается на значимости локальных традиций. Согласно исследованию ЮНЕСКО, около 43% языков мира находятся под угрозой исчезновения, что связано с урбанизацией и миграцией, разрушающими традиционные формы передачи знаний и культуры. В результате молодое поколение все меньше взаимодействует с культурными корнями своих предков, что ведет к постепенному угасанию уникальных культурных элементов. При этом «для большинства опрошенных (51%) основным каналом получения информации о событиях в сфере культуры их региона являются социальные сети» (Пискунова, Пупкова [11, с. 15]). Это свидетельствует о том, как современные технологии могут влиять на восприятие и понимание культурных традиций, заменяя традиционные источники информации.

Последствия утраты традиций и обычаев проявляются в сокращении культурного разнообразия, что негативно сказывается на национальной идентичности. В Европе в XX веке исчезновение некоторых ремесел привело к утрате уникальных культурных продуктов, таких как традиционные ткани и керамика, что обедняет культурное наследие и снижает осознание людьми своей принадлежности к определенной национальной культуре. В России ситуация также требует особого внимания: ежегодные утраты составляют от 150 до 200 памятников, а от 50 до 70% объектов истории и культуры находятся в неудовлетворительном состоянии (Лукашенко, Шаброва, [9, с. 596]). Таким образом, утрата традиций ставит под угрозу сохранение уникальности наций, что требует активных мер по их защите.

Государственная политика играет ключевую роль в сохранении культурного наследия, обеспечивая создание необходимых условий для его защиты и популяризации. Примером может

служить принятие в 2003 году ЮНЕСКО Конвенции о нематериальном культурном наследии, ратифицированной 180 странами, включая Россию. Это международное соглашение подчеркивает важность государственной ответственности за сохранение культурных традиций. В России также уделяется значительное внимание этому вопросу: в рамках федеральной программы «Культура России (2012–2018 годы)» было выделено более 100 миллиардов рублей на восстановление объектов культурного наследия. Эти меры демонстрируют, как поддержка на государственном уровне способствует сохранению национальной идентичности через защиту культурных ценностей.

Современные технологии открывают новые возможности для популяризации и сохранения культурного наследия. Примером этого является проект «Культура.РФ», запущенный в 2018 году в России. Этот цифровой ресурс предоставляет доступ к виртуальным экскурсиям, архивным материалам и другим образовательным ресурсам, позволяя широкой аудитории, включая молодежь, знакомиться с культурным наследием. Использование дополненной реальности в музеях, таких как Эрмитаж, позволяет посетителям погрузиться в исторический контекст, увидев архитектурные объекты в их первоначальном виде. Такие инновации не только делают культуру более доступной, но и способствуют ее сохранению для будущих поколений. Краснова [6, с. 136] подчеркивает, что «цифровое культурное наследие — явление, которое предоставляет возможность актуализировать элементы социальной памяти в условиях развития цифрового общества».

В рамках проекта «Культура» в 2020 году было реализовано более 500 мероприятий, направленных на популяризацию культурного наследия через образовательные программы. Эти инициативы, включая экскурсии, лекции, мастер-классы и интерактивные занятия, способствовали привлечению молодежи к вопросам сохранения традиций и культурных ценностей. Образование и воспитание играют ключевую роль в этом процессе, поскольку, как отмечает Пепеляева [10, с. 206], «чем больше сохраненных народных художественных промыслов, тем активнее происходит их интеграция в сферу туризма и развивается туризм

в целом». Таким образом, комплексный подход к культурному наследию охватывает как образовательные, так и туристические аспекты.

Цифровые технологии открывают новые горизонты в деле популяризации культурного наследия, предоставляя уникальные возможности для его изучения и сохранения. Виртуальные туры, такие как инициатива музея Лувра, позволяют людям из разных уголков мира ознакомиться с экспонатами, не выходя из дома, что особенно важно в условиях ограничений на передвижение. Платформа Google Arts & Culture предоставляет доступ к цифровым коллекциям множества музеев и культурных организаций, предлагая пользователям высококачественные изображения произведений искусства и возможность виртуальных экскурсий. В России проект «Артефакт» демонстрирует, как дополненная реальность может сделать посещение музеев более интерактивным и увлекательным, особенно для молодежи. Эти примеры иллюстрируют, как современные технологии могут не только сохранить культурное наследие, но и сделать его доступным и привлекательным для широкой аудитории.

Проект «Живое наследие», реализуемый в России, представляет собой успешную инициативу по сохранению нематериального культурного наследия. В рамках этого проекта проводятся образовательные программы, мастер-классы и фестивали, активно вовлекающие молодежь. Основная цель заключается в формировании уважения у молодого поколения к традициям и культурным ценностям, что способствует их сохранению и передаче следующим поколениям. Кругликова [7, с. 54] подчеркивает, что «культурное наследие является определяющим фактором в решении важнейшей задачи государственной культурной политики — возрождение национального достоинства, воспитание населения в духе уважения к собственным традициям».

Культурное наследие, представляющее собой совокупность материальных и нематериальных ценностей, играет ключевую роль в формировании и поддержании национальной идентичности. Оно является связующим звеном между поколениями, обеспечивая преемственность традиций и сохранение уникальности нации. Исследование показало, что осознание и популяризация

культурного наследия способствуют укреплению национального самосознания, формированию чувства принадлежности к своей культуре и развитию уважения к многообразию мирового культурного наследия.

В условиях глобализации сохранение культурного наследия приобретает особую значимость, так как оно способствует сохранению уникальности нации и предотвращает утрату культурной идентичности. Для обеспечения устойчивого будущего необходимо активно вовлекать молодежь в процессы изучения и популяризации культурных ценностей, используя современные технологии и образовательные программы. Это позволит не только сохранить культурное наследие, но и передать его следующим поколениям, обеспечивая продолжение культурных традиций и укрепление национальной идентичности.

Список литературы

1. *Арисланбаева З.Е.* Национальная культура в эпоху глобализации // Экономика и социум. — 2024. — № 9(124). — С. 442–445.
2. *Брызгалова Е.В.* Культурная идентичность и образование в течение жизни: социально-философские аспекты. — [б.м.]: [б.и.], [б.г.] — [б.с.] — С. 481–483.
3. *Демкина К.А.* Сохранение культурного наследия среди молодежи Тюменской области // Актуальные проблемы российского права. — 2014. — № 3. — С. 455–462.
4. *Екадумов А.И.* Культурно-национальная идентичность и процесс глобализации // Социальная философия. — [б. г.]. — С. 27–28.
5. *Краснова Е.Л.* Культурное наследие в условиях цифровой трансформации // ГНУ «Центр системного анализа и стратегических исследований Национальной академии наук Беларуси». — [б.м.]: [б.и.], [б.г.] — С. 206.
6. *Краснова Е.Л.* Сохранение и трансляция культурного наследия в цифровую эпоху: к построению модели. — [б.м.]: [б.и.], [б.г.] — [б.с.] — С. 134–140.
7. *Кругликова Г.А.* Культурное наследие в современном мире: концептуализация понятия и проблематика образовательного пространства. — [б.м.]: [б.и.], [б.г.] — С. 53–61.

8. Кузьменко М.М. Роль образования в формировании городской культурной среды. — [б.м.]: [б.и.], [б.г.] — [б. с.] — С. 109–110.
9. Лукашенко Д.О., Шаброва Н.В. К вопросу о сохранении культурного наследия. — [б.м.]: [б.и.], [б.г.] — [б. с.] — С. 592–598.
10. Пепеляева С.В. Интеграция артефактов народной художественной культуры Нижегородской области в туристические маршруты // Вестник культурологии. — 2023. — № 4(107). — С. 205–229. — DOI: 10.31249/hoc/2023.04.12.
11. Пискунова Я.С., Пупкова Ю.В. Молодежь и культурное наследие: исследование интересов и предпочтений // Общество. — 2025. — № 1(36). — С. 14–16.
12. Цветкова О.В. Национальная и гражданская идентичность: проблемы формирования в России // Гражданин. Выборы. Власть. — 2023. — № 4(30). — С. 97–98.
13. Ценности познавательных культур в концептуальных идеологиях / под ред. М.И. Билалова. — Махачкала: Издательство ДГУ, 2023. — 192 с.
14. Чижевич Т.А. Национальная культура в эпоху глобализации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2017. — № 8(82). — С. 209–211. — URL: www.gramota.net/materials/3/2017/8/60.html.

Шорохова С.П.,

кандидат философских наук, доцент
декан факультета международных отношений и геополитики,
зав. кафедрой политических процессов и технологий,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА: ТОЧКА ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗЛОМА?

Shorokhova S.P.,

PhD in Philosophy Science,
Associate Professor, Dean of the Faculty of International Relations and Geopolitics,
Head of the Department of Political Processes and Technologies,
V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow
orator3@yandex.ru

THE HUMAN BODY: A POINT OF CIVILIZATIONAL FRACTURE?

Аннотация. Тело человека стало сегодня в интеллектуальном пространстве ареной борьбы между трансгуманизмом, биополитикой и традиционным христианским гуманизмом. На современном этапе развития человек превращает свое собственное социокультурное бытие, прогресс творческих способностей, уровень и масштабы рефлексии в предмет напряженной озабоченности. Человек становится активным соучастником процесса развития цивилизации и одновременно отстраняется от традиционных ценностей, связанных с его собственной аутентичностью. Возникновение этой специфики — переломный пункт. Человечество стоит на развилке: между технократической дегуманизацией и поиском новой человечности, основанной и вечной парадигме богочеловечности.

Ключевые слова: трансгуманизм, биополитика, биохакинг.

Abstract. The human body has today become an arena of struggle in the intellectual space between transhumanism, biopolitics, and traditional Christian humanism. At the current stage of development, humanity is turning its own sociocultural existence, the progress of creative abilities, and the level and scale of reflection into an object of intense concern. Humans are becoming active participants in the process of civilization's development

while simultaneously distancing themselves from traditional values associated with their own authenticity. The emergence of this specificity is a turning point. Humanity stands at a crossroads: between technocratic dehumanization and the search for a new humanity, based on an eternal paradigm of God-humanity.

Key words: Transhumanism, Biopolitics, Biohacking.

Недавно в России и Евросоюзе практически одновременно вышли две важные работы, посвященные «телесной политике» — эссе доктора культурологии Алексея Кыласова «Политика тела: антропология, история, философия», и англоязычная книга иноагента-эмигранта Сергея Медведева о биополитике войны в контексте СВО.

Появление этих работ свидетельствует об очевидном всплеске интереса к теме телесности, причем в разных идеологических контекстах. И это не случайность, а отражение глубинного кризиса идентичности, который переживает современная цивилизация. Сегодня мы наблюдаем крайние формы того, против чего всегда предостерегал традиционный гуманизм. Современный гуманизм постулирует и отстаивает то, что можно смело назвать вседозволенностью, постулируя право человека на искажение своей собственной природы. Когда это право возводится в абсолют на уровне государства или глобальных политических сил, мы получаем те самые практики биовласти и некрополитики, где жизнь и тело становятся разменной монетой. Это закономерный результат отказа от высших духовных ориентиров.

Генезис данных процессов кроется в распространении трансгуманизма — философской концепции, отражающей необходимость использования технологий и достижений науки для совершенствования тела и разума человека. Он предлагает человечеству чрезвычайно простой способ продлить свое существование, путем искоренения в будущем таких реальных атрибутов человеческого существования как болезнь, старость и смерть. Это одна из возможных линий развития. С другой стороны, мы видим возвращение к острым вопросам хрупкости, смертности и политической обусловленности тела, что особенно ярко проявляется в условиях конфликтов.

Трансгуманизм фокусируется на преодолении биологических ограничений, но при этом создает новые формы контроля. Парадоксально, но с одной стороны, он провозглашает освобождение от биологии, полагая естественным вмешательство в геном человека ради формирования желаемых его способностей, жесткое регулирование рождаемости и других процессов размножения. Это выглядит как освобождение. Но с другой стороны, он создает неизбежно новые, еще более жесткие формы контроля. Кто будет решать, какие способности «желаемы»? Кто будет управлять доступом к «апгрейдам»? Трансгуманисты ратуют за компьютеризацию человека, слияние человеческого мозга с машиной и возможность загрузки человеческого сознания в компьютер. Но не приведет ли это к созданию нового классов: «улучшенных» и «неулучшенных» людей? Это уже не освобождение, а тотальный контроль, доведенный до технологического абсолюта.

Противоположный подход, представленный в эссе Алексея Кыласова, наследует лучшие традиции русской мысли, в том числе и русского космизма, который, наряду с идеями Фридриха Ницше о «сверхчеловеке», формируют теоретическую опору трансгуманизма. Однако в российском контексте эти идеи всегда были сопряжены с поиском духовного преображения, а не просто технического усовершенствования. В отличие от западного трансгуманизма, который часто сводит человека к машине — вспомним идеи французского гуманиста Ламетри, предложившего рассмотрение организма человека как машины — российская мысль, даже в самых смелых своих проектах, стремилась к сохранению целостности человеческой личности, неразрывности духа и тела.

Трансгуманизм предлагает утопию бессмертия, в то время как реальность ежедневно демонстрирует нам хрупкость плоти. Бессмертие является центральной темой в философии трансгуманизма, но, как писал Жан Бодрийяр, избегание смерти — это фантазм [1]. Столкновение с реальностью войны, болезней, простой человеческой смертности показывает всю наивность веры в то, что технология может просто отменить эти экзистенциальные условия. Можно приставить человеку красивые и многофункциональные конечности из «суперметалла», но вряд ли

возможно заменить его голову сверхмощным компьютером и лишить его души.

Фактически в этих сценариях отражен поиск ответа на вопрос: что же такое человек, как соотносятся его тело и душа и что первостепенно в этой связке? За длительную историю западной цивилизации ответы менялись много раз в зависимости от господствующего в конкретную эпоху философского подхода к человеческой природе.

Сценарий спасения человеческого тела ради обретения бессмертия актуален во все времена. Сегодня философский камень и прочие магические источники молодости заменили косметологические процедуры: подтяжки, инъекции, попытки напитать кожу кислотами и витаминами. На смену средневековым знахарям пришли другие магические специалисты, которые предлагают освободить организм, а иногда и энергетическое или биополе, от всего лишнего. Вместе с эстетической медициной, правильным питанием и увлечением спортом идея победы над старением и, как следствие, смертью лежит в основе популярного увлечения биохакингом. Его суть в контроле над функциями (и дисфункциями) организма с помощью привычек, препаратов, режима питания и сна и других внешних стимулов.

Один из самых ярких адептов биохакинга — молодой бизнесмен и стартапер Сергей Фаге, основатель сервиса бронирования отелей «Островок» и десятка других технологичных компаний. Он ведет онлайн-дневник и активно рассказывает о своем опыте. По собственным признаниям, Сергей потратил уже более 200 тысяч долларов на различные тесты, анализы и подбор индивидуальных лекарств. При этом он подчеркивает, что его цель — не жить вечно, а «точно управлять своей биохимией, чтобы повышать те физические и ментальные состояния, которые мне полезны» [2].

В основе биохакинга — не только желание сделать свое тело бессмертным, но и глубокая мифологическая вера в то, что особые манипуляции с телом или какие-либо объекты, интегрируемые в него, могут сделать его принципиально иным, отличным от других тел.

Некоторые биохакеры предлагают и вовсе «отменить» старение путем медицинских вмешательств в гены человека. Россий-

ский бизнесмен и общественный деятель Михаил Батин в 2008 году основал и возглавил фонд «Наука ради продления жизни». Согласно взглядам Михаила и его сторонников, победить старение можно с помощью стволовых клеток, генетических анализов и основанных на их результатах индивидуальных диет с биодобавками, а также замены органов. Концепция бессмертия, достигаемого путем отмены старения, — политический манифест лучшей, то есть справедливой и счастливой, жизни человека, в которой нет места старости.

Так или иначе, способ стать бессмертным или хотя бы сделать свое тело менее восприимчивым к старению до сих пор не изобретен. Но научные оптимисты уже сегодня завещают замораживать свои тела вместе с мозгом — либо же только мозг — с помощью технологии крионики, чтобы, когда наука шагнет вперед, их смогли оживить. Первым предположение о том, что экстремальная заморозка может сохранять организм на долгие годы, высказал Роберт Эттингер в книге «Перспективы бессмертия» (1964) [3]. Сегодня пациентами крионических клиник являются тысячи людей по всему миру.

Несмотря на упорные попытки человечества открыть секрет бессмертия, очевидно, что представления о конечности бытия позволяют конституировать социальный порядок. В рассказе аргентинского писателя Хорхе Луиса Борхеса «Бессмертный» (1970) [4] демонстрируется жизнь города бессмертных. Главный герой сталкивается на улице с давно умершим Гомером, беседует с ним и понимает, что жизнь без конечной точки есть бесконечное повторение одного и того же, лишенное уникальности и очарования. Потенциальное открытие способа жить вечно способно разрушить человеческую цивилизацию. Как будут наказывать бессмертных преступников, если перспектива провести в тюрьме несколько лет жизни перестанет пугать? Что будет с институтом семьи и брака, с налоговой системой и медициной? Как будет ставить цели человек, живущий вечно? Решит ли потенциальное бессмертие социальные проблемы человечества вроде бедности, насилия и войны?

Последний вопрос приобретает особую актуальность в контексте того, что война сегодня ведется и в информационном

поле, где ключевым становится дискурс о ценности одних жизней и их приоритете перед другими. И здесь нам на помощь приходят концепции биополитики, которые объясняют механизм, при котором человек, оказавшись в массе, в толпе начинает вести себя совершенно иначе, ибо он подвергается опасности потерять себя, сделавшись орудием. Война — это крайняя форма такого «омассовления», когда ценность человеческой жизни, созданной по образу и подобию Божьему, подменяется идеологическими ярлыками. Тело становится полем битвы потому, что противник в таком дискурсе сначала дегуманизируется, объявляется неполноценным, а значит, его жизнь и тело теряют ценность. Это прямое отрицание христианского гуманизма, который постулирует, что люди равны перед Богом. Это их равенство важнее любого другого их неравенства.

Западный дискурс, доведя до абсурда идеи современного гуманизма о праве на искажение своей собственной природы, зашел в тупик социального конструктивизма, где тело — лишь пластилин для лепки идентичности. В России же, при всех изломах, сохраняется понимание, что человек есть существо бесконечное, его нельзя исчерпать конечными определениями или ограничить его конечными формами существования. Тело — не случайный конструкт, а божественное творение, данность, несущее в себе образ Божий.

Для нынешнего всплеска интереса к биополитике также подготовила почву пандемия COVID-19. Пандемия наглядно показала, как тело становится объектом медицинского и государственного контроля, что заставило общество задуматься о пределах вмешательства в личную телесность. И он же выявил главный страх: не станет ли человек просто объектом управления, винтиком в системе, где вся человеческая природа сводится исключительно к ее материальности.

Если традиционная биополитика имела дело с «человеком биологическим», то трансгуманизм предлагает проект «человека технологического».

Это порождает дилемму тотального неравенства и контроля. Если будущее эволюционного развития человека состоит в непосредственном соединении биологической и технической состав-

ляющих, то сразу возникает вопрос: кто будет «инженером»? Это будет элита, которая получит невиданные инструменты власти. Общество якобы переходит к «новой», биолого-интеллектуальной стадии развития, но на деле это может быть стадия окончательного раскола человечества на касты: тех, кто может себе позволить «вечность», и тех, кто обречен на смерть и забвение. Это прямая угроза идее единства человечества, которое заключается в полноте личности каждого.

Мы находимся на развилке. Один путь — это путь трансгуманизма и биополитики контроля, который ведет к расколу, дегуманизации и, как ни парадоксально, к новой форме рабства. Другой возможный путь — это возвращение к христианскому гуманизму, который видит в человеке не материал для улучшений и не объект управления, а свободное, бесконечное существо, носящее в себе образ Божий. Подлинная солидарность может быть построена не на страхе и не на технологической утопии, а на осознании того, что бесконечность, свобода, личность, равенство, единство — вот то, безотносительно чего невозможно помыслить человека и человечество. И для выбора этого пути требуется определенное мужество и достаточно серьезное моральное, психическое, интеллектуальное усилие, чтобы признать, что ответ на вопрос о предназначении человека лежит не в области технологий, а в области духа.

Список литературы

1. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. — М., 2021
2. *Фаге С.* Мне 32 года, и я потратил \$200 тысяч на «биохакинг» // URL: <https://vc.ru/future/26886-personal-biohacking?ysclid=mivrqoh1c265906746>.
3. *Эттингер Р.* Перспективы бессмертия. — М., 2003.
4. *Борхес Х.Л.* Сад расходящихся тропок. Алеф. Полное собрание рассказов. — М., 2025.

Юдин Т.А.,

студент,

ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», Люберцы

Дзюбан В.В.,

доктор исторических наук, кандидат педагогических работ,

профессор кафедры гуманитарных дисциплин,

ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», Люберцы

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОНФЛИКТЫ И ИХ СМЯГЧЕНИЕ В МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОПЕРАЦИЯХ

Yudin T.A.,

Student,

GKOU HE “Russian Customs Academy”, Lyubertsy

timofejyudin06@mail.ru

Dzyuban V.V.,

Doctor of Historical Sciences, PhD in Pedagogical Sciences,

Professor of the Department of “Humanities”,

GKOU HE “Russian Customs Academy”, Lyubertsy

bryanskstudzuban@mail.ru

INTERCULTURAL CONFLICTS AND THEIR MITIGATION IN MULTINATIONAL INTERNATIONAL OPERATIONS

Аннотация. Многонациональные международные операции (миротворческие, стабилизационные, гуманитарные и военные контингенты под эгидой ООН, НАТО, ЕС и региональных объединений) неизбежно сталкиваются с межкультурными трениями — между контингентами разных стран и между персоналом миссии и местным населением. Статья рассматривает природу таких конфликтов, основные источники недопонимания, методы их смягчения и практики, показавшие эффективность в полевых условиях. Заканчивается практическими рекомендациями для командования, политиков и тренинговых учреждений.

Ключевые слова: межкультурные конфликты; многонациональные операции; легитимность миссий.

Abstract. Multinational international operations (peacekeeping, stabilization, humanitarian and military contingents under the auspices of the UN, NATO, the EU and regional

associations) inevitably face intercultural friction — between the contingents of different countries and between the mission personnel and the local population. The article examines the nature of such conflicts, the main sources of misunderstanding, methods of their mitigation and practices that have shown effectiveness in the field. Ends with practical recommendations for commanders, politicians and training institutions.

Key words: intercultural conflicts; multinational operations; legitimacy of missions.

В современном мире изучение межкультурной коммуникации стало насущной необходимостью для многих. Глобальные процессы в бизнесе, торговле и коммуникациях подчеркивают важность понимания культурных различий, так как это способствует осознанию собственной идентичности, улучшению межличностных отношений, разрешению конфликтных ситуаций, возникающих из-за недопонимания, и повышению общего уровня культуры.

В основе эффективной межкультурной коммуникации лежит межкультурная компетентность, представляющая собой совокупность навыков и знаний, необходимых для успешного взаимодействия с людьми, чьи языковые и культурные особенности отличаются от наших.

Восприятие информации — это многоступенчатый процесс, начинающийся с получения сенсорных данных, за которым следует избирательное внимание к определенным ощущениям, их структурирование и, наконец, интерпретация, включающая в себя придание смысла. Этот процесс состоит из отбора, организации и интерпретации [1, с. 77].

Культурные особенности оказывают значительное влияние на каждый из этих этапов. Отбор происходит, когда человек проявляет особый интерес к определенному стимулу, и он автоматически воспринимается. Организация — это процесс классификации объектов на основе общих признаков. Интерпретация жестов, действий и ситуаций может различаться в зависимости от культурного контекста. Интерпретация также зависит от имеющихся знаний, или схем, которые формируются благодаря культурному опыту и изучению других культур. Таким образом, культура оказывает значительное влияние на интерпретацию.

Многонациональные операции объединяют представителей различных культурных, языковых и организационных традиций. Одновременно эти операции действуют в локальных культурных средах, часто значительно отличающихся от культур стран-участниц. Межкультурные конфликты здесь проявляются на разных уровнях: повседневное взаимодействие (язык, ритуалы, представления о власти), профессиональная координация (подходы к планированию, дисциплине, риску), и взаимодействие с местными сообществами (нормы гендера, религиозные табу, обычаи собственности). Неспособность учесть эти различия повышает риск эскалации, подрывает легитимность миссии и снижает оперативную эффективность [1, с. 133].

Эффективное урегулирование конфликтов тесно связано с точным установлением их первопричин. Зачастую, в основе лежит значительное искажение национальной политики, а также многолетнее недовольство статусом нации или определенной социальной группы. Незначительный инцидент может спровоцировать ожесточенное столкновение, разрешение которого впоследствии становится крайне затруднительным. Межэтнические конфликты, как правило, обостряются на фоне экономического спада в стране. Эксперты отмечают прямую зависимость между ростом напряженности и состоянием экономики домохозяйств. Это приводит к социальной неудовлетворенности, когда одна группа населения получает преференции от правительства, в то время как другая вынуждена сталкиваться с бедностью и лишениями. Классическим примером являются африканские войны, вызванные депрессивной экономикой и нищетой.

В странах постсоветского пространства конфликты часто обусловлены искусственным формированием государств, неэффективностью системы управления, а также игнорированием проблем, способных вызвать национальные столкновения и общую напряженность [7, с. 43].

Исторический фактор — еще одна важная причина развития межгосударственных и межнациональных конфликтов. В прошлом различные этносы могли бороться за территории и господство, что приводило к ограничению прав, ущемлению национальных интересов, традиций, культуры и языка. В со-

временных условиях, когда эти этнические группы проживают совместно в пределах одной страны, исторические взаимоотношения и старые обиды не забыты, оставаясь потенциальным источником столкновений и даже полномасштабных войн.

Современные этнические конфликты многогранны и обусловлены уникальным сочетанием факторов, что делает каждую ситуацию принципиально отличной от других. Универсальные решения для урегулирования таких конфликтов, как правило, неэффективны.

На этнополитические столкновения оказывают воздействие: цивилизационная специфика (религиозные и геополитические аспекты), исторический контекст региона, интересы политических и бизнес-элит, действия конфликтующих сторон и их стратегии мобилизации поддержки, а также природа самого объекта спора. Эти факторы в совокупности формируют неповторимый рисунок каждого конфликта [6, с. 360].

Сердцевиной межнациональных раздоров выступают сложности и противоречия, возникающие при взаимодействии разных народов. В странах с разнообразным этническим составом любой вопрос, будь то экономика, политика или культура, неизбежно приобретает национальный оттенок. Возникновение и острота таких конфликтов во многом обусловлены структурой многонационального государства и его политикой в отношении национальностей.

Территориальные споры — одна из ключевых причин межэтнических столкновений. Миграции, завоевания и изменения границ государств на протяжении истории привели к тому, что этнические группы расселены на разных территориях. Это порождает претензии по поводу принадлежности определенных земель, где в качестве аргументов используются исторические утверждения об этнической принадлежности. Из-за сложности и субъективности, решение таких споров крайне затруднительно.

Политические причины конфликтов связаны с этнотерриториальными вопросами, а именно с желанием этнических групп создать свои независимые государства. Не все народы имеют собственные национально-государственные образования, и с разви-

тием их экономики, культуры и самосознания, возникают движения за независимость. Ограничение политических и личных прав по этническому признаку также является причиной конфликтов, как и деление на «коренные» и «некоренные» народы.

Экономические факторы включают борьбу за ресурсы и собственность, особенно землю и недра. Конфликтующие стороны стремятся обосновать свое право на использование этих ресурсов. Межэтнические конфликты могут быть также вызваны неравномерным экономическим развитием различных этнических групп и ощущением этнической обделенности.

Социальные причины, такие как кризисное состояние общества и социальная неоднородность в этнотерриториальном аспекте, также вызывают этнические конфликты. Проблемы безработицы и социальной незащищенности в таких условиях приобретают этническое измерение [4, с. 77].

Этнокультурные и языковые проблемы, такие как неудовлетворение культурных потребностей и языковой шовинизм, также могут стать причиной напряженности. За ними, как правило, стоят социальные интересы, например, предоставление государственного статуса только языку титульной нации, что ущемляет другие языки и обеспечивает привилегии ее представителям.

Социально-психологические факторы, такие как исторические обиды и несправедливости, массовая невротизация и поляризация отношений между «своими» и «чужими», также играют значительную роль в формировании межэтнической напряженности. Слухи, ложная информация и провокации создают дополнительную психологическую напряженность.

Межэтнические столкновения проявляются в различных формах и развиваются по собственным траекториям.

Существуют латентные (скрытые) и актуализированные (открытые) формы конфликтов. Скрытые конфликты могут существовать длительное время, перерастая в открытые при определенных социальных условиях. В скрытой форме конфликты не приводят к прямым столкновениям и легче поддаются урегулированию.

По характеру действий сторон конфликты делятся на ненасильственные и насильственные.

Ненасильственные формы включают митинги, демонстрации, пикеты, институциональные решения и акции гражданского неповиновения. В институциональных конфликтах главную роль играют властные структуры, партии и общественные движения, а в манифестирующих конфликтах — значительные массы людей, приводящие к массовым акциям.

Насильственные конфликты характеризуются открытыми столкновениями, погромами, поджогами, захватами заложников и потоками беженцев. В таких конфликтах участвуют представители разных социальных слоев, объединенные этнической принадлежностью [5, с. 5].

Для возникновения конфликта необходима конфликтная ситуация и инцидент, выступающий катализатором. После инцидента конфликт может быстро разрастись.

Динамика межэтнических конфликтов характеризуется постепенным усилением, увеличением количества проблем и углублением первичной проблемной ситуации, повышением конфликтной активности участников, нарастанием эмоциональной напряженности, формированием образа врага и интернационализацией. Примеры таких конфликтов — Карабахский, Приднестровский, грузино-абхазский, боснийский и косовский конфликты демонстрируют эти тенденции.

Разрешение конфликта становится невозможным, когда предмет спора неделим, например, при назначении на должность представителя определенной этнической группы или притязаниях на неделимый регион, в ситуации, когда обе стороны отказываются идти на компромисс.

Однако, большинство поддающихся разрешению конфликтов не достигают критической остроты. Зачастую стороны самостоятельно находят выход из ситуации на ранних стадиях, не прибегая к помощи государства или других влиятельных посредников.

Основной формой вмешательства является урегулирование конфликта. Оно включает поиск компромиссных решений и установление обязательств для сторон, таких как отказ от насилия и агрессивной пропаганды. Также, важным аспектом урегулирования является преодоление «культуры войны», особен-

но в затяжных конфликтах, когда у участников формируются специфические модели поведения. В рамках урегулирования, операторы конфликта и посредники берут на себя ответственность за восстановление инфраструктуры, реабилитацию пострадавших, разоружение и создание доверия между сторонами [3, с. 183].

Завершение конфликта часто характеризуется отложенным решением по спорным вопросам, таким как статус сепаратистских регионов или правила для иммигрантов. Государство, перенося решение, гарантирует определение статуса в будущем и создает условия для разоружения и политического урегулирования.

На практике прекращение конфликта часто смещает интересы сторон конфликта в пользу государственных приоритетов. Государство затем формирует миростроительство в соответствии со своими интересами, помогая сторонам конфликта реализовывать свои цели в рамках государственной политики.

Этот подход наиболее успешен в странах с сильной исполнительной властью, обладающей влиянием на ситуацию и стороны конфликта. В противном случае вмешательство внешних акторов может привести к милитаризации, сепаратизму и развитию теневых структур, затрудняющих разрешение конфликта.

В последнее время набирает популярность концепция трансформации конфликта, разработанная, в частности, Бергхофским исследовательским центром. Она предполагает, что конфликт является перманентным и возникает периодически в зависимости от обстоятельств. Следовательно, простого урегулирования недостаточно, поскольку отношения в регионе таковы, что конфликт может возобновиться с новыми причинами, но с теми же участниками.

Трансформация конфликта предполагает не только урегулирование и поиск взаимовыгодных решений, но и полное преобразование отношений, интересов и идентичностей в направлении мирного сосуществования с использованием управления ресурсами, политического влияния, народной дипломатии и социальной инженерии [2, с. 334].

Список литературы

1. *Лоринг Я.* Межкультурная организационная коммуникация: социальная организация взаимодействия при международных встречах // Журнал делового общения. 2011. — № 48(3). — С. 231–255.
2. *Ачкасов В.А.* Этнополитология: учебник для бакалавров. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Изд-во Юрайт, 2014. — С. 308–347. — 559 с.
3. *Тишков В.А., Шабает Ю.П.* Этнополитология: политические функции этничности: учебник для вузов. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Изд-во Московского университета, 2013. — С.179–203. — 416 с.
4. *Юри У.* Этнические конфликты: что можно сделать? // Национальная политика в Российской Федерации. — М., 1993. — С. 77.
5. *Грибанова Г. И., Сидоренко А. В.* Федерализм и разрешение этнополитических конфликтов в современном обществе. — С. 5–6. — 21 с.
6. *Тавадов Г.Т.* Этнология: учебник. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Издат.-торг. корпорация «Дашков и К», 2013. — С. 354–371. — 408 с.
7. *Сикевич З.В.* О соотношении этнического и социального // Журнал социологии и социальной антропологии. — 1999. — Т. II. — № 2. — С. 43.

Яковлев М.Д.,

аспирант,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

**РОССИЙСКАЯ МОДЕЛЬ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ
В СВЕТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА:
МЕЖДУ «КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИМИ ТИПАМИ»
ДАНИЛЕВСКОГО
И ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИЕЙ**

Yakovlev M.D.,

Postgraduate student,

V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow

max.yakovka@mail.ru

**THE RUSSIAN MODEL OF MIGRATION POLICY
IN THE LIGHT OF A CIVILIZATIONAL APPROACH:
BETWEEN DANILEVSKY'S "CULTURAL AND HISTORICAL TYPES"
AND EURASIAN INTEGRATION**

Аннотация. Статья посвящена анализу российской миграционной политики через призму цивилизационного подхода, в частности, с опорой на теорию культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского и процессы евразийской интеграции. Рассматривается влияние культурного разнообразия на формирование миграционной стратегии России, а также выявляются проблемы, связанные с интеграцией мигрантов в условиях многокультурного общества. Особое внимание уделяется роли Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в регулировании миграционных потоков и адаптации мигрантов. На основе проведенного анализа предлагаются рекомендации по оптимизации миграционной политики с учетом культурных особенностей и укрепления социальной стабильности.

Ключевые слова: миграционная политика, цивилизационный подход, культурно-исторические типы, евразийская интеграция, ЕАЭС, культурное разнообразие, интеграция мигрантов, социальная адаптация, межкультурное взаимодействие.

Abstract. The article is devoted to the analysis of Russian migration policy through the prism of a civilizational approach, in particular, based on the theory of cultural and historical

types by N.Y. Danilevsky and the processes of Eurasian integration. The influence of cultural diversity on the formation of Russia's migration strategy is considered, and the problems associated with the integration of migrants in a multicultural society are identified. Special attention is paid to the role of the Eurasian Economic Union (EAEU) in regulating migration flows and the adaptation of migrants. Based on the analysis, recommendations are proposed for optimizing migration policy, taking into account cultural characteristics and strengthening social stability.

Key words: migration policy, civilizational approach, cultural and historical types, Eurasian integration, EAEU, cultural diversity, integration of migrants, social adaptation, intercultural interaction.

Современные миграционные процессы оказывают значительное влияние на социально-экономическое и культурное развитие стран, включая Россию. В условиях глобализации, когда мир становится все более взаимосвязанным, и наблюдается рост миграционных потоков, перед российским обществом встают новые и сложные вызовы. Эти вызовы связаны с необходимостью интеграции мигрантов, которые прибывают из различных стран и культур, а также с обеспечением их гармоничного сосуществования с местным населением. В этом контексте особенно важно учитывать культурное разнообразие, присущее российскому обществу, и находить эффективные способы управления миграционными процессами, чтобы избежать конфликтов и напряженности.

Актуальность исследования российской миграционной политики через призму цивилизационного подхода обусловлена необходимостью более глубокого понимания особенностей взаимодействия различных культурно-исторических типов. Это понимание позволит выявить ключевые факторы, влияющие на успешность интеграции мигрантов, и разработать рекомендации для оптимизации миграционной стратегии, которая будет учитывать современные вызовы и требования, стоящие перед обществом. Важно отметить, что миграция не является односторонним процессом; она затрагивает как мигрантов, так и принимающее общество, что делает необходимым комплексный подход к анализу и управлению миграционными потоками.

Одна из ключевых проблем, с которыми сталкивается российская миграционная политика, заключается в недостаточной

адаптации стратегий к многообразию культурных особенностей мигрантов. Это несоответствие может приводить к социальным конфликтам и напряженности, что подчеркивает необходимость пересмотра подходов к управлению миграцией. Обзор ключевых аспектов данной темы включает в себя анализ влияния культурно-исторических типов, предложенных Н.Я. Данилевским, на формирование российской миграционной политики, а также оценку роли евразийской интеграции в этом процессе. Эти аспекты являются основой для дальнейшего исследования и разработки рекомендаций по улучшению миграционной стратегии России, что, в свою очередь, может способствовать более эффективному управлению миграционными потоками.

Целью данной статьи является анализ влияния культурно-исторических типов Данилевского на формирование российской миграционной политики и оценка роли евразийской интеграции в контексте современных миграционных вызовов. Новизна исследования заключается в применении цивилизационного подхода к анализу миграционной политики, что позволяет выявить уникальные особенности и противоречия в управлении миграционными процессами в России. Такой подход не только углубляет понимание существующих проблем, но и открывает новые горизонты для разработки более эффективных и адаптивных стратегий, способствующих интеграции мигрантов и укреплению социальной стабильности в стране. Важно, чтобы эти стратегии учитывали не только экономические аспекты, но и культурные, социальные и политические факторы, что позволит создать более гармоничное общество, в котором все его члены смогут чувствовать себя комфортно и безопасно.

Культурно-исторические типы Данилевского и их влияние на миграционную политику России

Николай Данилевский в своем значимом труде «Россия и Европа», опубликованном в 1869 году, представил оригинальную концепцию культурно-исторических типов, которая была основана на глубокой идее уникальности и самобытности различных цивилизаций. В своей работе он выделил десять таких типов,

среди которых можно отметить греко-римский, китайский, индийский и славянский. Особое внимание Данилевский уделял славянскому типу, который, по его мнению, обладал наибольшим потенциалом для дальнейшего развития России и формирования независимой цивилизации, способной противостоять внешним влияниям.

Согласно его теории, каждая цивилизация развивается по своим уникальным законам и не подчиняется культурным влияниям других цивилизаций. Данилевский утверждал, что только через признание и укрепление собственной культурной идентичности Россия сможет эффективно противостоять западному влиянию, сохраняя при этом свою уникальность и самобытность.

В этом контексте важно отметить, что, как подчеркивают исследователи Кузнецов и Салмина, «концепция Н.Я. Данилевского весьма органично вписывается в ту линию развития западноевропейской философии, которую принято называть «философией жизни» [6, с. 250]. Это подчеркивает значимость его идей в контексте более широких философских течений.

Идеи Данилевского о культурной самобытности и уникальности цивилизаций оказали значительное влияние на современную российскую миграционную политику. В ее основе лежит стремление сохранить национальную идентичность и культурные ценности, что находит отражение в регулировании притока мигрантов. Принципы культурно-исторической теории, предложенные Данилевским, используются для разработки мер по интеграции мигрантов в российское общество с учетом его культурных особенностей и традиций. Например, Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы, утвержденная Указом Президента Российской Федерации 15 октября 2025 года, включает положения о необходимости культурной адаптации мигрантов, что способствует их успешной интеграции и снижению вероятности культурных конфликтов.

Как отмечает Абдукаюмов, «в данной работе рассмотрен характер миграционной политики и миграционного законодательства Российской Федерации с целью анализа его современного

состояния, тенденций развития, эффективности, основанной на нем правовой системе» [1, с. 131]. Таким образом, теория Данилевского предоставляет теоретическую основу для формирования миграционной политики, ориентированной на сохранение и укрепление культурной идентичности России, что является важным аспектом в условиях глобализации и культурного многообразия.

Теория культурно-исторических типов, разработанная выдающимся российским мыслителем Николаем Данилевским, предлагает глубокий и многослойный анализ каждой цивилизации как уникального и самодостаточного образования, обладающего своим собственным культурным кодом, традициями и историческим развитием.

В этом контексте Россия, являясь многонациональным и многокультурным государством, представляет собой сложное и многоуровневое пространство, где пересекаются и взаимодействуют различные культурно-исторические типы. Это взаимодействие не является случайным; оно обусловлено не только историческими процессами, которые способствовали формированию государства, но и современными миграционными потоками, которые вносят новые элементы и разнообразие в культурный ландшафт страны.

Современные миграционные процессы, как подчеркивают исследователи Тугуз, Киржинова и Нахушева, оказывают значительное влияние на все сферы общественной жизни как в отдельных странах, так и в регионах в целом. Эти процессы формируют новые культурные и социальные реалии, которые, в свою очередь, накладывают отпечаток на политическую, социально-экономическую и культурно-психологическую сферы жизни общества [14, с. 140].

В результате, Россия становится ареной для динамичного взаимодействия различных культур, что создает как возможности для обогащения культурного опыта, так и вызовы, связанные с необходимостью интеграции и взаимопонимания между представителями разных этнических и культурных групп.

Таким образом, культурно-исторические типы в России не только сосуществуют, но и активно влияют друг на друга,

формируя уникальную и многогранную культурную идентичность страны. Это взаимодействие культур не только обогащает внутренний культурный контекст, но и способствует созданию новых форм искусства, литературы и общественной жизни, которые отражают многообразие и сложность современного российского общества. Важно отметить, что успешная интеграция различных культурных элементов требует от общества открытости, терпимости и готовности к диалогу, что, в свою очередь, может привести к более гармоничному сосуществованию и взаимопониманию между различными этническими группами. Таким образом, Россия, как многонациональное государство, становится не только местом сосредоточения различных культур, но и лабораторией для экспериментов с новыми формами социальной и культурной жизни, что делает ее уникальной на мировой арене.

Говоря о влиянии культурного многообразия на формирование миграционной политики, стоит сказать, что культурное многообразие представляет собой один из ключевых аспектов, который формирует основу миграционной политики Российской Федерации. На обширной территории страны проживают представители более 190 различных национальностей, что делает Россию одной из самых этнически разнообразных стран на планете. Это богатое многообразие, с одной стороны, способствует обогащению культурного ландшафта, создавая уникальные возможности для обмена традициями и опытом, а с другой стороны, ставит перед обществом и государством серьезные вызовы, связанные с интеграцией мигрантов и поддержанием социальной гармонии.

Согласно статистическим данным, на конец 2020 года, характеризующийся пиковыми значениями миграционного притока в Российской Федерации, численность мигрантов на территории страны достигала приблизительно 11,6 млн человек. Данный количественный показатель актуализирует необходимость системного учета этнокультурных особенностей в процессе формирования и имплементации миграционной политики. Эмпирическим подтверждением эффективности такого подхода служит опыт отдельных субъектов РФ с высоким уровнем этнической дивер-

сификации, в частности Республик Татарстан и Башкортостан, где реализуемые модели интеграции демонстрируют позитивную динамику [5, с. 247].

Успешные кейсы указанных регионов свидетельствуют о том, что стратегия, основанная на признании и уважении культурных различий, выступает катализатором укрепления социальной сплоченности и консолидации полиэтнического общества. Таким образом, создание условий для конструктивного взаимодействия между принимающим сообществом и мигрантскими группами способствует не только их успешной адаптации, но и мобилизации их потенциала в целях социально-экономического развития.

Культурные различия оказывают значительное влияние на процесс интеграции мигрантов в российское общество, а также на уровень социальной гармонии. Согласно исследованиям, проведенным в 2019 году, лишь 35% населения России полностью поддерживают интеграцию мигрантов, что указывает на наличие определенных сложностей в восприятии культурных различий и на необходимость работы над улучшением общественного мнения. Для смягчения этих трудностей в стране реализуются различные программы социальной адаптации, которые включают курсы русского языка, культурного просвещения и другие инициативы. Эти меры направлены на уменьшение конфликтов и создание условий для успешной интеграции мигрантов, что, в свою очередь, способствует укреплению социальной стабильности.

Регионы, активно поддерживающие культурный обмен и взаимодействие между различными этническими группами, демонстрируют более высокие показатели социальной гармонии. Это подтверждает важность учета культурного фактора в миграционной политике, а также необходимость разработки стратегий, направленных на содействие взаимопониманию и уважению между представителями разных культур. В конечном итоге, успешная интеграция мигрантов не только обогащает культурное разнообразие страны, но и способствует созданию более сплоченного и гармоничного общества [3, с. 78].

Интеграция мигрантов в социально-культурное пространство принимающего общества сохраняет статус одной из наиболее актуальных и комплексных проблем в контексте российской

миграционной политики, требующей учета культурных различий. Статистические данные, предоставленные Федеральной миграционной службой (ФМС) России (упраздненной в 2016 году с последующей передачей функций Главному управлению по вопросам миграции МВД РФ), фиксируют наличие около 11,6 млн мигрантов на территории РФ в 2021 году. Динамика последующих лет демонстрирует определенную стабилизацию показателя: на 1 января 2022 года численность составила 5,9 млн человек, а на начало 2024 года — приблизительно 6 млн человек. Указанные количественные параметры детерминируют позиционирование России в числе ключевых стран-реципиентов миграционных потоков, что генерирует дихотомию потенциальных возможностей и системных вызовов для социума. Несмотря на сохраняющийся значительный миграционный трафик, существенная часть мигрантов сталкивается с устойчивыми барьерами социально-культурной адаптации, обусловленными, в первую очередь, различиями в культурных кодах и нормативных паттернах между принимающим населением и мигрантскими сообществами [4, с. 181].

Современная статистика подтверждает, что Россия остается одним из крупнейших мировых центров притяжения мигрантов — по данным Всемирного банка на 2020 год, она занимала четвертое место в мире по их численности (около 12 миллионов человек), а к 2021 году приходилось свыше 90% миграционного потока, основными странами исхода которого по-прежнему являются государства постсоветского пространства. Действующая миграционная политика России недостаточно учитывает культурное многообразие, что может приводить к возникновению социальных и экономических конфликтов. Эти проблемы также затрагивают гендерные аспекты миграции, поскольку современные исследователи акцентируют внимание на особой уязвимости женской половины мигрантов, ведь в современных исследованиях тезис об особой уязвимости женщин-мигрантов находит развернутое подтверждение, ведь в мире наблюдается тенденция феминизации миграции, и Россия не является исключением.

Как отмечают Прюель, Липатова и Градусова, «женщины-мигранты часто сталкиваются с дополнительными барьерами

и рисками, что требует особого внимания к их потребностям и правам» [11, с. 146–147]. Таким образом, существует настоятельная необходимость в пересмотре подходов к управлению миграционными процессами в стране, чтобы обеспечить более гармоничное сосуществование различных культур и сообществ.

Для решения проблем, связанных с учетом культурных различий, необходимо разрабатывать и внедрять программы, направленные на интеграцию мигрантов в общество. Примером успешного подхода является программа адаптации мигрантов в Татарстане, где проводятся курсы по изучению русского языка и культуры, реализуемые Федеральным агентством по делам национальностей совместно с Ассамблеей народов Татарстана. Эти курсы не только помогают мигрантам овладеть языком, но и способствуют более успешной интеграции в общество, позволяя им лучше понимать местные традиции и обычаи. Центры социально-культурной адаптации, являясь пилотным проектом в рамках государственной миграционной политики, также способствуют формированию бесконфликтного взаимодействия между мигрантами и принимающим сообществом, а также защите прав детей-мигрантов через их социализацию и интеграцию в образовательную среду.

Цель исследования заключается в изучении коммуникативных трудностей, возникающих в ситуациях межкультурного общения у подростков-мигрантов первого и второго поколений, проживающих в России и Германии. Как отмечают Самохвалова и Метц, понимание этих трудностей может помочь в разработке более эффективных программ поддержки и интеграции. Эти примеры подтверждают, что учет культурных различий и активное взаимодействие культур могут значительно повысить эффективность миграционной политики, способствуя созданию более гармоничного и взаимопонимающего общества [12, с. 155].

Евразийская интеграция и перспективы оптимизации миграционной политики России

Евразийская интеграция представляет собой многогранный и сложный процесс, который имеет глубокие исторические корни, уходящие в далекое прошлое. На протяжении многих веков

евразийское пространство выполняло важную роль связующего звена между двумя великими частями света — Европой и Азией. Великий шелковый путь, который проходил через эти обширные территории, стал не только важным маршрутом для обмена товарами, но и значимым каналом для культурного и человеческого взаимодействия. Этот древний торговый путь способствовал не только экономическому процветанию, но и обмену знаниями, идеями и традициями, что в свою очередь способствовало формированию общих культурных и экономических традиций, которые продолжают оказывать влияние на современную миграцию и взаимодействие народов.

Создание евразийского интеграционного проекта, который служит альтернативой уже существующему европейскому, стало ответом на нарастающий кризис диалога между Россией и Европейским Союзом, а также Западом в целом. В условиях, когда традиционные механизмы взаимодействия начинают давать сбои, интеграция в этом контексте охватывает не только экономические аспекты, такие как торговля и инвестиции, но и культурные инициативы, направленные на укрепление связей между народами региона. Это включает в себя обмен культурными ценностями, образовательные программы, совместные научные исследования и проекты, которые способствуют взаимопониманию и сотрудничеству.

Таким образом, евразийская интеграция становится важным инструментом для создания устойчивых и взаимовыгодных отношений между странами, находящимися на этом многонациональном и многокультурном пространстве. Она не только способствует экономическому развитию, но и укрепляет социальные связи, позволяя народам лучше понимать друг друга и находить общие интересы. В условиях глобализации и быстро меняющегося мира, такая интеграция может стать ключом к стабильности и процветанию, обеспечивая платформу для совместного решения актуальных проблем и вызовов, с которыми сталкиваются страны региона. В конечном итоге, евразийская интеграция представляет собой не просто экономический проект, а целую философию сотрудничества, основанную на уважении к культурному разнообразию и стремлении к общему благу.

Взаимодействие стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в сфере миграции продолжает развиваться не только на многостороннем уровне, но и на двустороннем, что свидетельствует о стремлении государств к более тесному сотрудничеству в этой важной области. В 2019 году Россия и Казахстан подписали соглашение о сотрудничестве в области трудовой миграции, которое стало значимым шагом вперед в укреплении взаимосвязей между этими двумя государствами. Это соглашение не только создает дополнительные механизмы для упрощения процесса трудовой миграции, но и направлено на защиту прав мигрантов, что, в свою очередь, способствует развитию экономического сотрудничества и укреплению социально-культурных связей между народами стран-участниц.

Тем не менее, необходимо учитывать, что миграционные процессы могут быть сопряжены с определенными вызовами. Как отмечает исследователь Новиков, «культурные столкновения и сопротивление» могут возникать в ходе межкультурных встреч, и не всегда эти взаимодействия проходят гладко. Процесс интеграции может быть чреват напряженностью и конфликтами, что подчеркивает важность внимательного подхода к вопросам миграции и культурной адаптации [9, с. 5].

Взаимодействие в рамках ЕАЭС подчеркивает значимость интеграционных процессов для эффективного управления миграционными потоками и формирования единой миграционной политики. Это требует комплексного подхода к решению возникающих проблем, включая разработку стратегий, направленных на минимизацию конфликтов и содействие гармоничному сосуществованию различных культур. Таким образом, успешная реализация миграционной политики в рамках ЕАЭС будет способствовать не только экономическому развитию, но и социальной стабильности в регионе.

Евразийская интеграция, особенно в контексте функционирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС), оказывает значительное и многогранное влияние на формирование приоритетов российской миграционной политики. С момента создания ЕАЭС в 2015 году открылись новые горизонты для упрощения перемещения рабочей силы между странами-участниками, что

стало важным шагом в направлении более тесного сотрудничества и взаимопонимания. В частности, соглашения, принятые в рамках союза, способствуют гармонизации условий труда и социальных стандартов, что делает миграцию более привлекательной для граждан стран ЕАЭС, таких как Казахстан, Киргизия и Армения.

Евразийский экономический союз, упрощая трудовую миграцию для граждан стран-участниц, тем не менее, не является основным источником трудовых ресурсов для России, уступая по данному показателю странам Средней Азии, не входящим в ЕАЭС. Это, в свою очередь, свидетельствует о значительном влиянии интеграционных процессов на миграционные потоки в России и подчеркивает необходимость сотрудничества между государствами в сфере трудовой миграции. Более того, подписание в 2019 году соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся демонстрирует стремление к выравниванию социальных стандартов, что в значительной степени способствует укреплению интеграции и улучшению условий для мигрантов, обеспечивая им большую защиту и уверенность в будущем.

Интеграционные механизмы, разработанные в рамках ЕАЭС, играют важную роль в адаптации мигрантов и их успешной интеграции в российское общество [2, с. 98]. Например, введение в 2018 году обязательного тестирования мигрантов на знание русского языка, истории и законодательства России способствует их лучшему пониманию культурных и правовых норм принимающей страны, что является важным аспектом для их социальной адаптации. Кроме того, Государственная программа содействия добровольному переселению соотечественников, действующая с 2007 года, также направлена на поддержку мигрантов, предлагая им различные формы социальной помощи и содействие в трудоустройстве.

Начиная с 2021 года, основными странами исхода трудовых мигрантов в Россию являются Узбекистан, Таджикистан и Киргизия, на которые суммарно приходится свыше трех четвертей всего потока иностранной рабочей силы [7, с. 33].

Это подчеркивает важность интеграционных процессов, направленных на создание условий для успешной адаптации ми-

грантов, что, в свою очередь, способствует их активному участию в российском обществе и экономике. Таким образом, интеграция в рамках ЕАЭС не только облегчает миграционные процессы, но и создает предпосылки для более гармоничного сосуществования различных культур и народов, что является важным фактором для стабильности и развития региона в целом.

Одним из ключевых аспектов оптимизации миграционной политики России является учет культурных и этнических особенностей мигрантов. Россия, как многонациональная страна с богатым культурным наследием, насчитывающая более 193 национальностей, обладает уникальным опытом сосуществования различных культур и традиций. Это разнообразие создает благоприятные условия для формирования миграционной политики, которая не только учитывает культурные различия, но и способствует гармоничной интеграции мигрантов в общество.

Важным шагом в этом направлении стало принятие в 2025 году концепции государственной миграционной политики, которая акцентирует внимание на необходимости создания условий для социальной адаптации мигрантов с учетом их этнокультурных особенностей, с использованием расширенной практики использования цифровых технологий (в частности для профилирования данных и создания возможности регистрации в единой биометрической системе за пределами Российской Федерации). Эта концепция направлена на то, чтобы мигранты могли не только сохранить свою идентичность, но и вносить свой вклад в развитие российского общества. Важным аспектом является также развитие программ, которые помогают мигрантам осваивать русский язык и знакомиться с культурными нормами и традициями России, что способствует их более успешной интеграции.

Кроме того, в рамках Евразийского экономического союза были разработаны механизмы, направленные на улучшение взаимопонимания и сотрудничества между странами-участниками. Эти механизмы способствуют более эффективному учету культурных различий в процессе миграции, что, в свою очередь, помогает создать более комфортные условия для мигрантов и уменьшить возможные конфликты на этнической почве. Та-

ким образом, Россия стремится не только к оптимизации своей миграционной политики, но и к созданию общества, в котором культурное разнообразие становится источником силы и развития.

Заключение

В ходе проведенного исследования были выделены ключевые аспекты, оказывающие значительное влияние на формирование и эволюцию российской миграционной политики. К числу таких аспектов относятся как фундаментальные культурно-исторические типы, описанные известным российским мыслителем Н.Я. Данилевским, так и современные геополитические и экономические реалии, связанные с динамичными процессами евразийской интеграции в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Эти процессы становятся все более актуальными в условиях усиливающейся глобализации, когда мир становится все более взаимосвязанным, а миграция приобретает новые, зачастую транснациональные формы и беспрецедентные масштабы, требуя адекватных управленческих решений.

В процессе анализа было установлено, что последовательный учет культурного разнообразия и глубоких исторических особенностей различных регионов страны является ключевым фактором, способствующим успешной адаптации и повышению эффективности миграционной стратегии. Россия, являясь крупнейшим многонациональным государством с богатейшим культурным наследием, насчитывающим более 190 этносов, объективно требует чрезвычайно внимательного и деликатного отношения к существующим различиям в традициях, языках, вероисповеданиях и обычаях. Это уникальное разнообразие представляет собой не только мощный ресурс для культурного обогащения страны, но и накладывает на миграционную политику обязательства по обеспечению гибкости, адаптивности и точечного подхода к интеграционным процессам.

Кроме всего прочего, проведенное исследование со всей очевидностью выявило, что недостаточная или формальная адаптация существующих административных и социальных подходов

к культурным различиям может приводить к возникновению латентных и открытых конфликтов, росту социальной напряженности и ксенофобных настроений. Данное обстоятельство со всей остротой подчеркивает насущную необходимость системного пересмотра текущих стратегий с целью их ориентации на более эффективное восприятие и интеграцию многообразия культурных традиций и сложного исторического контекста. Такой стратегический пересмотр, включающий, в частности, развитие программ культурной адаптации, подобных успешным проектам в Татарстане и Москве, а также учет гендерной специфики миграции, позволит избежать негативных последствий, связанных с межкультурным недопониманием и социальной предвзятостью. Это, в свою очередь, будет способствовать формированию более гармоничного и толерантного сосуществования различных этнических групп.

Важно особо отметить, что успешная и устойчивая миграционная политика в долгосрочной перспективе должна основываться на глубоком понимании, признании и уважении к культурным особенностям всех участников этого процесса — как принимающего общества, так и мигрантов. Такой подход позволит не только минимизировать риски возникновения конфликтов, но и целенаправленно создавать благоприятные условия для конструктивного диалога и гармоничного сосуществования различных этнических групп в рамках единого гражданского общества.

Таким образом, интеграция мигрантов в российское социально-культурное пространство должна происходить не путем ассимиляции, а на основе взаимного уважения и учета их культурных корней и традиций. Это будет способствовать не только укреплению социальной стабильности и гражданского мира внутри страны, но и усилению межэтнических связей, что является важнейшим аспектом для формирования единого, устойчивого и динамично развивающегося общества в условиях глобального многообразия. Перспективы дальнейшего исследования видятся в детальном анализе эффективности конкретных региональных программ адаптации и их влияния на показатели социального самочувствия мигрантов и принимающих сообществ.

Список литературы

1. *Абдукаюмов С. Ф.* Современная миграционная политика в Российской Федерации // Антропология управления. — Уральский федеральный университет — С. 130–133.
2. *Артюхин М.И., Пушкиевич С.А.* Трудовая миграция в рамках Евразийского экономического союза: состояние и основные тренды развития // Государственное научное учреждение «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси». — Минск. — С. 97–99.
3. *Волох В.А.* Новая Россия: политика и управление миграционными процессами; монография. — Самара: Издательский Дом «Бахран-М», 2015 — 192 с.
4. *Волох В.А., Суворова В.А.* Актуальные тенденции российской политики // Власть. — 2017. — Т. 283. — № 4. — С. 179–183.
5. *Кочербаева А.А., Осадчая Г.И., Юдина Т.Н.* Новые тренды миграции в Евразии в контексте интеграционных процессов (по материалам международной научной конференции) // ДЕМИС. Демографические исследования. — 2023. — Т. 3. — № 3. — С. 241–252.
6. *Кузнецов Ю.В., Салмина И.Ю.* Философия истории Н.Я. Данилевского и западноевропейская мысль XIX–XX веков: особенности рецепции // Вестник МГТУ. — 2011. — Т. 14. — № 2. — С. 248–253.
7. *Малахов В.С., Осипов А.Г.* Динамика этнокультурной политики в России, Казахстане и Украине: отложенная «национализация»? // Мир России. — 2021. — Т. 30. — № 2. — С. 26–47.
8. *Мукомель В.В.* Российские дискурсы о миграции // Вестник общественного мнения. — 2011. — № 1 — 48 с.
9. *Новиков В.К.* Миграция и ее влияние на формирование мультикультурного общества: культурологический анализ // Международный научный журнал «ВСЕМИРНЫЙ УЧЕНЫЙ». — 2023. — № 24. — Т. 1. — 7 с.
10. *Олимзода С.Ш.* Институциональные механизмы и общественные практики укрепления национальной идентичности России на базе ислама в условиях конфессионального многообразия // Власть. — 2025. — № 4. — С. 74–75.
11. *Пруель Н.А., Липатова Л.Н., Градусова В. Н.* Миграция в современной России: масштабы, основные направления и проблемы // РЕГИОНОЛОГИЯ. — 2020. — Т. 28. — № 1. — С. 133–158.

12. *Самохвалова А.Г., Метц М.В.* Межкультурные коммуникативные трудности подростков-мигрантов первого и второго поколений: кросс-культурный аспект // Социальная психология и общество. — 2020. — Т. 11. — № 3. — С. 149—166.
13. *Скриба А.С.* Вызовы и перспективы евразийской интеграции после украинского кризиса // Вестник международных организаций. — 2014. — Т. 9. — № 3. — С. 96.
14. *Тугуз З.Ю., Киржинова С.А., Нахушева М.С.* Глобальные и региональные основания современных миграционных процессов // Вестник Майкопского государственного технологического университета. — 2023. — Т. 15. — № 2. — С. 138—145.
15. *Чакжиев Г.Г., Мурар В.И.* Ключевые проблемы миграционной политики России и опыт зарубежных стран в регулировании миграционных процессов // Интернет-журнал «Мир науки». — 2014. — Вып. 4. — URL: <http://mir-nauki.com>.
16. *Яскевич Я.С.* Интеграция в контексте вызовов глобализации // URL: www.institutemvd.by.

Янушевская Е.В.,

кандидат философских наук,

доцент кафедры цивилизационной журналистики,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

«Я И ДРУГОЙ»

В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Yanushevskaya Y.V.,

PhD in Philosophy Science,

Associate Professor of Department of civilization journalism,

V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow

yelena.yanushevskaya@gmail.com

“ME AND THE OTHER”

IN THE CONTEXT OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

Аннотация. Проблемы межкультурной коммуникации в современном мире рассматриваются сквозь призму философской проблемы «Я и Другой», вошедшей в поле дискуссий в неклассической философии. Различия в ценностном познании привносят в нее ценностные конфликты, однако в глобальном коммуникативном пространстве межкультурное взаимодействие становится неизбежным. Данная проблема, в частности, остро актуальна и для такой многонациональной и многоконфессиональной, как Россия. В качестве основы для диалога культур в статье определяется философское учение об универсальном «царстве ценностей», познанию которого в разной степени на разных исторических отрезках причастны все народы и отдельные представители человечества. В самую суть ценности приходит любовь как добровольный выбор. Коммуникация на ее основе может быть принята как условие перспективного межкультурного диалога.

Ключевые слова: коммуникация, культура, ценность, общечеловеческие ценности, диалог культур, конфликт ценностей, пирамида ценностей, аксиология, философия культуры.

Abstract. The problems of intercultural communication in the modern world are viewed through the prism of the philosophical problem of «Me and the Other,» which has become a topic of discussion in non-classical philosophy. Differences in value-based

cognition lead to value-based conflicts, but in a global communication space, intercultural interaction becomes inevitable. This issue is particularly relevant for a multi-ethnic and multi-religious country like Russia. The article defines the philosophical doctrine of the universal «kingdom of values» as the basis for a dialogue of cultures, to which all nations and individual representatives of humanity are involved to varying degrees at different historical junctures. Love comes to the essence of value as a voluntary choice. Communication based on it can be accepted as a condition for a promising intercultural dialogue.

Key words: communication, culture, value, universal values, dialogue of cultures, conflict of values, pyramid of values, axiology, philosophy of culture.

Современность и учение о пирамиде ценностей

Современный мир вновь сотрясают войны, а межкультурные и религиозные конфликты в век небывалого развития технологий по-прежнему не становятся пережитком прошлого. Устремление ко глобализации дало обратный эффект: отката к традиционализма и опоре на национальные идентичности. Складывается впечатление, что человечество утратило понимание важности для собственного выживания такой идеи, как общечеловеческие ценности. Цивилизация развивается неравномерно, и раскол внутри нее выглядит неизбежным.

Однако принятие этого факта как некой окончательной реальности означает, что человечество идет в тупик. Существуют ли теоретические инструменты, идеи и учения в области гуманитарного знания, которые могли бы стать основой для формирования эффективной межкультурной коммуникации и развития положительного диалога культур?

Учение о пирамиде ценностей, сформулированное в классической аксиологии Э. фон Гартманом, М. Шелером и Н. Гартманом, прекрасно объясняет источник возникновения мировоззренческих противоречий, на протяжении многих веков разделяющих человечество. Царство ценностей — гипотетически познаваемая полнота ценностного отношения к миру — осваивается неравномерно, в силу того что в исторической эмпирии познающий субъект (отдельная личность или коллектив, включая целые нации) детерминирован временными и относительными условиями сво-

его существования. Меняются условия — создаются предпосылки для освоения новых ценностей в рядах пирамиды ценностей, существующей феноменологически объективно (как мыслимый объект). Соответственно мы не можем повлиять на исторический опыт народов, для которых значимость и значение определенных ценностей еще не открылось. Но мы можем содействовать ценностному обмену и взаимным усилиям по освоению царства ценностей во всей полноте. Эту задачу в своем трактате «Порядок любви», в которой раскрывается смысл иерархической организации царства ценностей и сущность ценности как отношения, близкого любви, Шелер определяет как общую историческую задачу культурного человечества.

Идея соотнесенности исторического процесса с царством ценностей раскрывается Шелером в трактате «*Ordo amoris*» («Порядок любви»), он пишет: «...К сущности самого реального (*Sachlich*) царства ценностей относится и то, что царство достойного любви может быть отображено в духе (и тем самым могут быть также познаны и обусловлены вещи и события как носители достойного любви) только в безграничной полноте разнородных духовных индивидов (*Individuen von Geistern*), а в пределах человеческого духа (*Menschengeister*) — лишь различными и даже неравноценными индивидами (отдельными индивидами и союзами), семьями, народами, нациями и культурными кругами. Равным образом относится к этой сущности и форма протекания этого отображения во времени в уникальной истории самого этого. И к тому же, само собой, только дополнение к нему в форме синхронной (в сообществе) и последовательной (исторически) совместной любви к сферам ценностей, упорядоченным согласно *ordo amoris*, способно исполнить уникальное совокупное предназначение индивида, называемого “человечеством”» [1].

При чем же здесь любовь. Интуитивность и одновременно доступность логическому анализу отличают ценность от умозрительной идеи. Как выразился, определяя не современный ученый В.К. Шохин, наши ценности хранятся в тайниках сердца и потому не могут не направлять наши поступки. При этом ценности не принуждают в отличие от социокультурных норм, а призывают, подобно любви.

В неклассической философии развитие мышления в категориях ценности тесно переплетается с философской антропологией.

Посмотрим эти идеи в контексте их значимости для межкультурной коммуникации и развития диалога культур, ведь под Другим может подниматься не только самостоятельная личность и коллектив или социальная группа, нация и все человечество в целом.

Я и Другой в любви-отношении:
Платон, М. Шелер, М. Бахтин
(идеал — ценность — поступок)

Одним из самых ценных отношений Я к Другому является любовь, понятие сколь широкое, столь и окончательно неопределимое. Но, как бы мы ни определяли это понятие, очевидно, что как тип отношения Я к Другому, как социальная связь, как регулятивная идея она является важнейшим инструментом культурного антропотворчества. Поэтому неудивительно, что философский разум тесно соединяет понятия человека и любви, не только в экзистенциализме.

Структура любви как отношения отражает структуру отношения Я к Другому как таковую. Законченного учения об этой структуре в философии нет, но отдельные философы осмыслили важнейшие ее элементы. К ним относятся Платон, Макс Шелер и Михаил Бахтин. Идеал, ценность и поступок — три важнейшие концепта, сквозь призму которых мы можем понимать любовь. Также они могут быть рассмотрены как структурные элементы в любви-отношении как устойчивом типе коммуникации, а не просто спонтанной подвижной эмоции.

Рассмотрим идеал, ценность, поступок как последовательность, отражающую динамику любви-отношения.

Идеальные представления — неустранимые культурные фильтры, формирующие восприятия рационального человека. Мы соотносим реальность с идеалами, это неустранимая из процесса социализации «борода Платона». Парадоксальным образом рациональный метод Платона и его идеализм оказываются, как мы знаем, тесно связанными с проблемой любви.

Учением о любви как особом типе духовной связи — важнейшее в философии Платона. Платоническая любовь дает возможность душе окрылиться во время ее заточения в физическом теле и вернуться в мир идей, к тем истокам, которые формируют человека в соответствии с его эйдосом. Назвав влюбленность одним из видов «священного безумия», по сути Платон совершил открытие продуктивнейшего состояния головного мозга. Ведь истинная любовь по Платону — это любовь к прекрасной душе, а лучшее, что рождается от такой любви, — духовное творчество в соответствии с идеалом, то есть на основе истинного познания.

В размышлениях об отношении Я к Другому смыкается мысль Владимира Соловьева и Михаила Бахтина.

В своем эссе «Жизненная драма Платона» Соловьев описывает уровни духовной эволюции в соответствии с тем проявлением любви, на которое способен человек. Высший из них — когда человек становится Богочеловеком и преодолевает физическую смерть, подобно Христу. Его способность к любви соответственно возвышается до альтруизма.

В философии Бахтина одним из ключевых понятий является поступок, определяющий человека гораздо больше, чем отвлеченные идеи: именно в поступках проявляется то, что для человека ценно не на словах. И именно определенный образ жизни, то есть совокупность действий, по Соловьеву приводит человека к Богочеловечеству. В поступке смыкается материальное и идеальное, преодолевается онтологический раскол. Этот смысл любви имплицитно присутствует в учении о любви как предпосылке творчества у Платона. Ведь творчество — это и есть поступок, ценностью определенное действие.

Неслучайно, исследуя проблему выбора в любви в своем трактате «Порядок любви», Макс Шелер связывает ее с понятием ценности. Любить — значит выбирать, что для тебя в человеке ценно, и, хотя эта мысль у самого Шелера не сформулирована, можно продолжить. Делая подобный выбор, мы одновременно наделяем Другого ценностью и тем самым создаем его своим отношением как нечто ценное.

Связь любви и поступка была бы простым трюизмом, если бы не включение в него этого смысла. Речь, иными словами, идет

не просто о конкретных действиях, которые получают название поступков в бытовом измерении. Любовь продолжается в поступок тем, что как устойчивое состояние-трансляция, усилие-к-общности, коммуникация и утверждение Другого она его тем самым способна воссоздавать в его лучшем образе. Подобный акт возможен для Я, обращенного к идеалу и способного к ценностному познанию.

Неразрывность, инверсивность связи Я — Другой проявляется в симметрии воздействия: формируя Другого как носителя определенных ценностей, человек создает и самого себя в соответствии с этими ценностями.

Более того, не стоит забывать, что, согласно учению Шелера, в саму сущность ценности приходит любовь как добровольный выбор. Коммуникация на ее основе может быть принята как условие перспективного межкультурного диалога.

Усмотрение ценности в другом, совместное возвращение ценностного отношения к миру способно соответственно если не нивелировать неизбежные ценностные конфликты, возникающие в силу разности культурных предпосылок, то по крайней мере значительно смягчать их и создавать почву для сближения и конструктивного диалога.

Список литературы

1. Шелер М. Ordo amoris // URL: <http://www.musa.narod.ru/sheler1.htm>.

Научное издание

**ГРАНИ КУЛЬТУРЫ:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ**

*Материалы XX юбилейной всероссийской
научной конференции с международным участием
(25 октября 2025 года)*

Сборник статей

Компьютерная верстка и дизайн — *И.С. Надворский*

Подписано в печать 07.04.2026. Формат 60×90/16.
Гарнитура SchoolBookAC. Усл. печ. л. 32,75.
Тираж 500 экз. (1-й завод 50 экз.)

Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского»
119049, г. Москва, Ленинский проспект, д. 1/2, корп. 1
Тел.: +7 (499) 261-11-26
www.imc-i.ru; www.imc-ph.ru

Отпечатано в ООО «ТоМиК»
107076, Москва, ул. Стромынка, д. 18, кор. 5, этаж 5, пом. IX, комн. 25